

**ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ
1914-1917 гг.**

T. 4

ТАЛЕРГОФСКІЙ АЛЬМАНАХЪ.

ПРОПАМЯТНАЯ КНИГА

австрійскихъ жестокостей, изувѣрствъ и
насилій надъ карпато-рускими народомъ
во время всемірной войны 1914—1917 г. г.

**Выпускъ четвертый
ТАЛЕРГОФЪ**

Часть вторая.

— ЛЬВОВЪ, 1932. —

Издание „Талергофского Комитета“. ■

Свяш. И. Ф. Гудима.

ПРЕДИСЛОВИЕ КЪ IV. ВЫПУСКУ

Согласно заявлению въ предисловіи къ III-му выпуску Талергофскаго Альманаха и предложений, четвертый выпуск его — также подъ редакціей С. Ю. Бендулюка — весь отведенъ собственно Талергофу, т. е. заполненъ исключительно материаломъ, относящимъ къ страданіямъ, перенесеннымъ узниками изъ русскаго Прикарпатія въ талергофскомъ лагерѣ.

Большую первую половину выпуска занять Дневникъ о. И. Мацака, вторую же записи о. Генрихѣ Полянскаго и другихъ талергофцевъ, помѣщенный же въ концѣ книги текстъ распоряженій австро-венгерскаго военно-охранного вѣдомства отъ 9-го ноября 1914 года является документальнымъ показателемъ-источникомъ отношенія высшихъ астр. властей къ талергофскимъ узникамъ, своимъ русскимъ подданнымъ вообще и всему тому, что въ талергофскомъ лагерѣ происходило и творилось.

Обіе полученнаго и находящагося теперь въ распоряженіи материаловъ, имѣющаго непосредственное отношение собственно къ самому Талергофу, заставило редакцію перейти на шрифтъ меньшій того, которымъ были напечатаны всѣ три предыдущихъ выпуска, бояжъ убористый и емкій, изъ иллюстрацій помѣщать преимущественно портреты талергофцевъ, значить, фотографическіе снимки „визитнаго“ размѣра, отказатьсь отъ желательныхъ, быть можетъ, объяснений и ссылокъ, и вообще принять рядъ мѣръ и сокращеній, съ цѣлью уплотненія печатаемаго и помѣщенія возможно большаго манускрипта. По этимъ же соображеніямъ отступлено отъ данного въ предыд. выпускѣ общицій помѣстить полный списокъ талергофцевъ и отложенъ его печатаніе къ посѣдней части „Талергофа“, что и практиче, ибо тогда только онъ можетъ быть наиболѣе понятнымъ и точнымъ. Все же исчерпать этого материала не удалось, въ виду чего слѣдующій (пятый) выпускъ явится дальнѣйшей частью „Талергофа“.

Талергофскій Комитетъ, возглавляемый нынѣшнимъ сенаторомъ Ставрополійскаго Института, Антономъ Осиповичемъ Гулловъ, и оставшій въ своемъ прежнемъ составѣ, указанномъ нами въ предыд. выпускѣ, продолжаетъ свою дѣятельность и исполнение обязанностей и задачъ, возложенныхъ на него памятнымъ Талергофскимъ Съездомъ 31-го октября 1928 года, хотя изъ-за общаго тяжелаго экономического кризиса, неимѣнія необходимыхъ материальныхъ средствъ и сознаній др. крайне неблагопріятныхъ условій и обстоятельствъ, находятся въ чрезвычайно трудномъ положеніи по неизбѣжности ограничить свою дѣятельность къ тому, что сдѣлать въ силахъ.

Состоявшееся 1-го ноября 1929 года заседание т. зов. расширенного Талергофского Комитета, съ участіем свыше 60 лицъ, вынес рядъ постановлений и преподагъ указаний и порученій тѣснѣшему Талергофскому Комитету, какъ исполнительному органу, по заданію уѣзжаго члену памяти русскихъ героевъ-мучениковъ вообще и изданій талергофскихъ материаловъ въ частности. Этимъ же заседаніемъ единодушно вынесенъ рѣшительный протестъ противъ возвмутительной напасті со стороны перемышльскаго епископа, рялага украиномана, Іосафата Коцьковскаго, который въ своей епархии запретилъ духовенству участвовать въ поминальныхъ богослуженіяхъ по талергофскимъ и изъ талергофскихъ торжествахъ.

Въ перемышльской епархіи, по поводу этого епископскаго запрещенія, въ кругу же двухъ епархій (львовской и станичанской) по собственному решению, соизволеніи-украиноманы не разрѣшили служить въ церквиахъ панихиды по талергофцамъ (Куликъ и др.); Перемышль и др. м.), а подстремаемы ими мазепинская тома недолгоскала русскихъ къ устройству торжественныхъ шествий съ пропаганднымъ крестомъ на кладбище, насилиственно, ликимъ нападеніемъ, разстрѣлила и разбила такое шествіе, не давши возможности посвятить этотъ крестъ, а въ іѣхъкоторыхъ селахъ, уже, было, високий талергофский крестъ, ночью ли, днемъ ли, откашивала, ломала и выбрасывала (Словинчъ, у. Болочень, и др.) — словомъ — совершила „подвигъ“, перенеся и живѣмъ въ XX столѣтіе перенесенные изъ далекаго мрачнаго средневѣковья. Описаний ихъ сплошь и рядомъ встрѣчаются въ русской и чужой периодической печати.

Вообще приходится установить и записать прискорбный, трагический фактъ, что наши мазепинцы прескѣдываютъ свой житій и слѣпой ненавистью русскихъ талергофцемъ и въ могилѣ. Зводьски и страшно намѣнили и родинѣ и родному народу, самы они потому-то, точнѣѣ сказать, именно потому, не могутъ ни простили, ни забыть этимъ невиннымъ жертвамъ своего, мазепинскаго, доносительства, ихъ вѣроности родинѣ-Руси и родному народу, ихъ величія, геройства и не побѣдимости въ мученіяхъ и смерти, до конца, до посѣдѣнія задоха. Чувствъ въ нихъ себѣ очудительный приговоръ и мстить имъ за это даже въ гробомъ, требовали икъ вѣчнаго покоя, кощунственно посагаютъ на ихъ священную память.

Тѣмъ дороже эти жертвы намъ, русскимъ. Тѣмъ скорѣѣ, охотнѣѣ, ширѣ и дружнѣѣ должны мы откликаться на всѣ привычки къ обуроженію имъ всенароднаго памятника, достойнаго и икъ искуплительныхъ страданій, правдиваго герояма и праңнейной кончинѣ и нашего къ нимъ пітиюмъ.

Львовъ, ноябрь ж., 1931 г.

Дневникъ о. Іоанна Мащака

(изъ Липицы дольной, у. Рогатинъ)

Черновые записи химическимъ карандашомъ изъ 4 тетрадей № 16° л.,
карточки нумерованы».

Декабрь 1914 г.

3. дек. — Морозъ. Вечерашняя предложеніе относительно пущеныхъ выстреловъ оправдались: Бѣлградъ паль.

4. дек. — Легкий морозъ. Узнали, что прусская армія подъ Г. понесла большій уронъ. В-ръ сказалъ, что до сихъ поръ еще не было такого страшнаго погрома.

По баракамъ разносятъ и продаютъ: водку, чай, сахаръ, папиросы, иголки, нитки, бумагу и пр. Курятъ и въ баракѣ.

Говорятъ, что 14. дек. выселятъ всѣхъ изъ талергоф. бараковъ и переведутъ куда-то въ другія мѣста.

Явилась комиссія. Есть г. Вейсъ, г. Смулка, нашъ полковникъ и др. и адво-ката Ганкевичъ изъ Коломыи, какъ мужъ доблѣръ. Допрашиваются прежде всего мазепинцевъ, затѣмъ вообще стариковъ и др. Образованы разныя комиссіи по исполненію работы. Какой-то ротмистръ и др. называли Зиннгер-командитъ и офицеровъ, обратились къ намъ: „Мы къ вамъ имѣмъ дѣло — ваши люди должны помочь намъ слѣдить причи (нары) и новые бараки; мы хотимъ устроить такъ, чтобы вамъ адѣль было лучше жить и спать. Помогающіе при работѣ получать 1/4, хлѣба больше“.

Характерно, что допрашиваемому о. Юркевичу изъ Роздоля, ваявили, что онъ еще 20 лѣтъ освобожденъ и какъ же это вышло, что онъ еще до сихъ

порта здѣсь сидитъ? Изумилась комиссія и еще больше самъ о. Юркевичъ.

5. дек. — Морозъ держитъ дальше. Днесъ комиссіи нѣтъ уже за то явились аудиторы. Дождались и гостились. Въ другой серии бараковъ выдѣлена одна баракъ подъ госпиталь. Тамъ есть поль и кровати. Большій перевели туда, между прочими солдаты Литынскаго, адвоката изъ Галича Константина, помѣщика Жаровскаго и др.

Въ 4 ч. дня стоящий на посту, виѣ барака, солдатъ выстрѣливъ въ перелѣзывающаго черезъ заборъ крестьянину, но въ него не попалъ, но вѣсто этого пуля черезъ стѣну барака попада въ другого, какъ разъ тогда молчащаго крестьянину и, задѣявъ верхнюю часть легкаго, убила. Убитый называется Иванъ Попикъ изъ села Медыничъ, отецъ 7 дѣтей. Выстрѣлившій солдатъ называется Науптманъ. Стоявший напротивъ другой солдатъ крикнулъ ему: не стрѣлъ! (этъ былъ чекъ по национальности) и направилъ.

Всемъ скоро, ибо таки вечеромъ того же дня, т. е. въ 2 часа послѣ убийства, убитаго крестьянина похоронили. Оласася демонстрація, приказали, чтобы только 4 человека отнесли покойника на кладбище, но вопреки этому запрещенію, собралось на похороны очень много народа. Хоронилъ о. Владимиръ Венгриновичъ, съ хоромъ отслуживъ панихиду. Покойника перенесли

ближе къ рѣшеткѣ, о. Владимиръ прочиталъ Евангелие отъ Матея... „гонимы будете именемъ моего ради и убить вы“ и т. д. Эти слова Евангелия потрясившимъ образомъ подействовали на слушателей. На рѣшетку выпущено только 4 людей нести гробъ дальше, но хоръ продолжалъ стоять у рѣшетки и пѣть: „се святыми упокой!“

Сообщили намъ отрадное извѣстіе, а именно, что, наконецъ, пришла конграта (священническое жалованье). Миѣ признано по 31 днѣк 48812 кроны. Священники повеселѣлись, такъ какъ въ виду слуховъ, что ихъ куданѣибуль переведутъ только подъ надзоръ, надѣются, что у нихъ уже будутъ кое-какія средства къ жизни.

Съ депозитами лѣтъ недадно: отобрали деньги и не возвращаютъ ихъ, несмотря на многочисленные настоятельные письменные и иные запросы и требованія.

Кто-то изъ здѣшнихъ сдѣлалъ на комендантѣ 4-го барака, о. Сѣлецкаго, доносъ прокурору. Вотъ подлость. Даже здесь, въ тырьмѣ, и то эти мерзавцы продолжаютъ заниматься своимъ отвратительнымъ ремесломъ.

6 днѣк. — Сегодня ровно 4 мѣсяца тому, какъ меня арестовали. Морозъ лѣткій. Воскресенье.

Въ 12 ч. „дзядъю“, (о. Долининскій) сообщать, что въ часъ 30 м. онъ уѣзжаетъ въ Грацъ. Всѣхъ настъя есть вѣстъ обрадовала, а старикъ былъ взволнованъ. Въ часъ и 15 м. въ баракѣ, мы съ нимъ расстроились. Комендантъ, нотарусъ Телесинскій, прощаль его отъ имени находящихъся въ баракѣ, желая счастливаго возвращенія на родину, на закатѣ лѣтъ. Старикъ прослезился. Отъ духовенства я его прощалъ.

— Мы, младши, — сказали я между прочими — особенно болѣво были поражены 81-го августа, когда увидѣли, что между нами находится арестованый также такой глубокій старикъ и все не думѣмъ, почему онъ здѣсь, но за тѣмъ узнали, что и это по величію Божию такъ вышло на то, чтобы къ видя геройское терпѣніе и бодрый духъ старика, легче сами переносили тѣготы узилища. Понистинѣ самыи видъ Вашъ

вселяль всегда уважаніе и духовный подъемъ въ наши неразъ падающій сердца. Богъ будеъ съ Вами, а Вы помните о насъ въ молитвѣ Вашихъ.

Затѣмъ скажаль прощальное слово его старый знакомый о. Ник. Малиновъ. Отѣбѣтиль „дзядъю“ просто, сердечно, трогательно. Вѣльмъ настъя въ ежедневныхъ молитвахъ уповать на помощь Пр. Богородицы и по крайней мѣрѣ вдохнуть въ трудную минуту испытанія пріязнѣвъ: Пресвятая Богородице, спаси настъя! Пропѣть даже краткую молитву ко Пр. Богородице по итальянски, соби на досугъ сочиненную. Потомъ о. Кор. Сеникъ попрощалъ его отъ имени крестьянъ, которые привыкли всегда видѣть и слушать съ умилениемъ старичка-священника во время богослужѣній.

Послѣ привѣтствій, мощный хоръ сталъ пѣть нашимъ галицко-русскимъ напѣвомъ: Многа лѣта! Безъ команды, какъ то сами собой многи стали въ 2 ряда, вдали, которыхъ старикъ сталъ медленно идти къ воротамъ, до 2000 человѣкъ сопровождали „дзядъю“ до рѣшетки въ то время, какъ хоръ грянуло свое громовое: „во здраве, во спасеніе“. Свыше тысячи шапокъ поднялись въ воздухъ и долго еще были въ движѣніи, пока старикъ пропалъ изъ виду.

Явились 2 офицера, врачи и солдатъ, у дра Вл. Могилевскаго и разорашивали о подробностяхъ убийства солдата Попика, а затѣмъ пошли на мѣсто искать пулю, но не нашли ее.

Узналь изъ Лемковини, потѣ что: Въ арестной домѣ при окружномъ судѣ былъ заключенъпольскій ксендз изъ м. Дембовы възлѣ Ясна. Въ той же камерѣ сидѣлъ о. В. Куряло, Качмарикъ, Вл. Мохновскій днѣк. Онъ рассказалъ, что купилъ себѣ пару голубей, которыхъ ему принесли двое мальчиковъ, и вдругъ кто то сдѣлялъ доносъ, что будто это почтовые голуби. Сейчасъ жандармы арестовали его и этихъ 2 мальчиковъ, какъ заподозреныхъ въ шпионствѣ. Онъ разсказывалъ, что по прибытии русскихъ войскъ, русские офицеры въ Яслѣ вѣли себя въ полномъ смыслѣ слова по джентельменски. На

ратушѣ города сейчасъ былъ водружень русскій флагъ. За все, что получали, платили исправно, сейчасъ и сполна. Кушали въ ресторанаѣ, плати волотомъ. Впослѣдствіи явились у городского головы съ просьбой, чтобы имъ выданъ удостовѣреніе въ томъ, что ихъ поведеніе было корректно и всѣ дѣла въ порядке. Гостили также у него, ксендза, и онъ не находилъ достаточно словъ, чтобы высказать самую высокую похвалу по адресу офицеровъ такого отличного воспитанія и поведеній.

7 днѣк. — Вечеромъ привели въ баракъ польскаго ксендза, россійскаго подданиаго, иѣкоаго Винкентія Замойскаго, члена келецкаго капитула(?), какъ говорятъ.

Днесъ уходя 14 человѣкъ обоего пола и разного возраста, почти всѣ — мазепинцы.

(Примѣчаніе) Въ Славскѣ о Евстаѳій Камарскій держалъ въ церкви, передъ отъездомъ изъ своего прихода проповѣдь, съ характеристикой малорусской христіанскости. Собѣтовалъ своимъ прихожанамъ поступать такъ: приидутъ мадѣи — вы скажете, что вы украинцы, пришли москвичи — вы скажете что вы старорусы. Я самъ такъ зробивъ бы — заключилъ твердо и убѣдительно — та боюсь тѣхъ старорусскихъ селянъ, чтобы мене не здриали! Характер!

(Примѣчаніе) Въ Сосницу, у Ярославъ, 12 днѣк. пришли мадѣи и скватили къ крестьянъ за то, что они, слушавшись казаковъ, перевели имъ изъ помѣщичь资料 to English. Схваченнымъ приказали вырыть себѣ могилы и тутъ же этихъ крестьянъ повѣсили и сейчасъ же ихъ, еще теплыхъ, въ этихъ могилахъ похоронили. Имена и фамиліи этихъ несчастныхъ: Иванъ Шусточко, Илько Якимецъ, Илько Яворскъ, Николай Сигнуроўскій, Андрей Гордѣй, Иванъ Кошка.

8 днѣк. — Легкій морозъ. По баракамъ раздаютъ причи (нары). Днесъ ходили къ рапорту всѣ, кто писали Matrialsgesuch (прощенія на высочайшее имя). Полковникъ принялъ ихъ очень вѣживо и заявилъ, что прошенія не посланы командѣ потому, что много

требованій и такъ уже уложено, а тѣ, которыхъ еще не уложены, суть расположены, впрочемъ же прощенія должны идти по почтѣ, а не официальнымъ путемъ. Кто хочетъ, можетъ и теперь еще такое прошеніе послать по почтѣ. Сообщить, что тѣ, которые считаются пол-тически неблагонадежными и кото-

Свящ. о Іоаннъ Маščакъ,

настоятель прихода. Лицца довольно удачнѣ, удачнѣ Рогатинъ, въ Галичинѣ, авторъ помѣщеннаго здѣсь дневника.

Снимокъ сдѣланъ въ Талергофѣ и, подобно дневнику, вѣро свидѣтельствуетъ о тяжеломъ положеніи заключенныхъ въ Талергофѣ. Всякий, кто зналъ о. Іоанна Маščака до войны, его полный, здоровый и бодрый видъ, жизнерадостное лицо, приветливыя и скорѣе мечтательныя глаза, пораженъ неизѣмной запечатлѣнной на этомъ снимкѣ и происшедшій въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ грабежъ въ Талергофѣ.

Поднялся в 1861 г. уже задолго до войны выдающийся галицко-русский общественный деятель, народный писатель и организатор. До войны долголетний член верхней политической галицко-русской организации "Русский Народный Союз" и член правления политич. О-ва "Русская Рада" в Львове, член всех центральных гал.-рус. организаций и О-ва. Автор популярной иллюстрир. Библии, народных рассказов и поучительных и политических статей в гал.-рус. изданиях. Талантливый проповедник и оратор на богослужениях и собраниях общин (генеральных) собраний на родине - просветительного О-ва им. М. Канковского во Львове. Доблестный и неустрашимый борец за права родного народа под лозунгом австрийской владычеством.

рых, как "руссофилы" представили старость, останутся адъеи до конца войны, дабы случайно не попали на театр военных действий и не нанесли вреда своей родине, "освобожденные" же будут отпущены на свободу (не в Галицию, разумеется). Проф. д-р Николай Антонович жаловался полковнику на то, что все времена особенно вначале, обращались с нами, как с обычными преступниками и угрожали нам разстрелом. Полковник извинился, заявляя, что он был так поинформирован, и потому не виновать в строгом обращении с нами.

Примч. Михаила Дублянского изъ Майдана липовецкаго (у. Перемышльны) одинъ солдатъ укоюльѣ въ сент. въ грудь штыкомъ на поляхъ Талергофа. Онъ затѣмъ вылечился и самъ мнѣ это рассказывалъ.

Изъ Самбора, 6-го сент.,ѣхалъ транспортъ арестованныхъ въ Угорщину. Въ Лавочномъ, на станціи, вошелъ въ вагонъ фенрихъ (прапорщикъ). Въ вагонѣѣхалъ: оо. Северъ Ясининскій, Гр. Билинскій, Монастырскій, г. Гметрикъ,

Куцѣй, студ. унив. Сковронъ¹⁾, крестьяне изъ окрестностей Борыслава, напр. Лютикъ и др.

Конвокциональну ихъ въ влагу! хотѣлъ
и не хотѣлъ Фенрика впустить. Но
Фенрикъ сказалъ, что онъ хочетъ толь-
ко посмотретьъ, и какъ-то втиснулся
внутрь и, не говоря ни слова, под-
ваго о Севера Янинскаго со всего раз-
махомъ ударяется кнутомъ по головѣ.
Шлемъ съ щитникомъ слетѣлъ на землю,
Фенрикъ ударили рукои по лицу обѣ-
ихъ сторонъ. На это о Северь успѣ-
хомъ сказать: Gott wird uns richten!
(Богъ намъ судья). Эти слова привели
Фенрика въ крайнее общество, отъ еще
злобѣйшъ стать быть, крича: Was, Gott?
Gott!, Gott! и ударяя при каждомъ словѣ
въ кнутомъ. Только послѣ того, какъ
о Северь сказалъ, что самъ служилъ
нѣкогда въ арміи военно-предѣль-
щимся, и быть офицеромъ, Фенрикъ
пересталъ быть его, а бросиня втиски-
другихъ арестованныхъ. Фенрикъ оче-

видно не именем, говорил хорошо по-польски). Тогда же изъявленная арестованного продолжались и въ Марковъ Логъ Борь (въ Уграницѣ). Побѣдѣ остановились и заключенные выходили изъ вагона и подошли къ ужину и толпѣ ихъ были всѣхъ, даже женщины, гуляли Страны, жену о. Севера Ясининаго и др., поочередно. Устроили это такъ, что установили 4 солдатъ съ палками и солдаты были нечестивы, когда они проходили. Тогда о. С. Ясининъ выходитъ изъ вагона послѣдній. Солдатъ мадьяръ копнулъ (ударилъ ноготь) его сапогомъ такъ сильно, что свалилъ на землю, затѣмъ скатывалъ его за шиворотъ, вывелъ передъ находящимся въ вагонѣ публикъ и представилъ, показывая пальцемъ: пойти! пойти! ударили

1) Какъ въ сѣмь случаѣ, такъ „въ пр-
нѣкоторыи фамилии или же названиї мѣст-
ности, могутъ оказаться иеточными. Карапан-
ный почерь подлинника вѣт-гдѣ неразборчивъ,
такъ, что несмотря на всѣ старанія при ег-
емъ разборѣ и передачѣ, могутъ вкрастѣ иеточ-
ности и ошибки, обѣ исправленіе которыхъ че-
тателей просимъ.

его со всей силы въ зубы, потомъ бить его въ спину. Одинъ солдатъ бить о. Хомицкаго полѣномъ, а другой большиимъ камнемъ держимымъ за руки.

— Капитан! — дрожащим в руке.
9. дек. — Морозец. В 9 ч. утра прибыли 150 русских пыльных солдат. Приведенные своим подъофицером, выстроились перед бараком, бойко и складно спели русскую пѣсню, затѣм на команду: шиша! долой! открыли головы и спѣшились стройно и важно.
долго пѣли свою чудную пѣсни стройно и мощно, но наѣт прислушиваться съ близка уже нельзя: караульные гонять наѣт не только отъ рѣшѣтъ, но даже съ гофа (двора) въ бараки. Вотъ злоба! 10. дек. — Спать съ полукраин до утра плох. Все кручина. Аппетит пал сопѣсть.

Отче нашъ. Присутствующие австрийские офицеры и солдаты также сняли шапки. Перед звактромъ (супомъ) спѣли речитативомъ: „Отче нашъ.“ Все это производило на нашихъ крестьянъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Они глубоко тронуты, говорятъ: вѣтъ видимъ теперь, чья гвѣза твердца. Русские пѣвцы — это мастера, (столяры, плотники и др.), командированновы сюда строить новыя бараки, дѣлать „прини“ изъ бараковъ и т. п. У нихъ есть топоры, долота, пилы и др. снаряды.

Днес многите допрашивани аудитори. Нѣкоторы пишут прощени. Кое-то отпущен на свободу. Мы снова собираемся составить Meisselsgesuch. Послѣ обѣда были мы, вдвоем с о. Сенником, у судебнаго следователя Фишера. Завѣтил намъ, что привезено измѣнить отправиться въ Вѣну въ гарнизонный арестантскій домъ, и тамъ будемъ разбѣгаться... пѣхомъ, аѣромъ, автобусомъ.

рить «дело» восьмь членов «гвардии Софьи на Львовъ». Это заявление обезпокоило меня и о. Сеника. Въ то время как другіе ждут скораго освобождения, якотворы же понемногу и въ самоту хлѣбъ выходятъ (согнѣтия суда ВЛ. Костецкаго ухъялъ вчера), мы идемъ на судъ! Человѣкъ 7—8 лѣтъ поганы мы

туда отправиться. С финансами у меня крайне кротко: конгурс все еще не получить, денег нетъ. Разстанусь с Янкой (сестрой) и не знаю, гдѣ потомъ найду его.

На жалобу о. Салецкого, что поставленные гонять священников на тяжелую физический работы, капитан заявил, что этого больше не будет и что Wache (страж) получит за это выговор. Мы успокоились.

11. дек. — Всю ночь лиль дождь. Я немнго успокоился относительно моего перебаза въ Вѣну. Да будетъ воля Твоя, Господи, я ни въ чёмъ не виноватъ.

Утромъ, кромѣ уже установленного числа работниковъ, дававшихъ нашимъ баракомъ, требуютъ еще 10 работниковъ добавочно. Все это да и обращение съ этими работниками вообще — одно издѣлательство. Вотъ и видимъ, какъ помогло заявление капитана! Чегото опять бѣсится. Мы замѣтили, что съ порѣ какъ мы взяли нашъ Majestätsgef. съ обратно, съ нами обращаются хуже прежниго.

На дворѣ настала ужасная, непролазная грязь, всѣ сидимъ въ баракахъ, многіе недомагаютъ и лежать, воздухъ спертый, скуча, нуды (тошнота).

Пришелъ Іосифъ и прочиталъ письмо отъ сына Ивана: онъ въ Бѣльскъ, съ женой и ребенкомъ. Пишетъ, что Борынички разрушены, его домъ въ Ходровѣ ограбленъ, онъ безъ одѣжды, недостатокъ средствъ къ существованію и пр. под.

Въ 10 ч. тронулось похоронное шествіе поднятымъ 8 гроба: свѣцъ, Сирьса, одного инженера и одного крестьянина. Печальный видъ! Хорѣ пѣтъ, мелено двигаясь черезъ „гофъ“, марши Бетговена. Молитвенно прогатъльное настроеніе. Людей пошло немнго, ибо скякотъ. Когда шествіе проходило мимо Бѣльниковъ, всѣ они посыпали шапки, стояли смиро и чинно, почтительно, но, такъ, какъ это водится у военныхъ, на чьсть, что однажды австро-офицеръ привелъ солдатъ въ польской костель, развалился въ послѣдней скамейкѣ и все время за богослуженіемъ тे-рబилъ (щелкалъ) орѣхи. Знаменательно! (Особая замѣтка): По 11. дек. 163 успышихъ, 16 проколотыхъ, одинъ застрѣленъ.

Вечеромъ разошлась вѣсть, что въ 3-й серии бараковъ нѣкоторые заболѣли тифомъ и ихъ забрали въ госпиталь барака Навѣрно и у Василия Мартынска и Франка Горянского и др. (приложеніе о. Манніко) разинется тифъ послѣ известной и незабвенной вѣшивой бани... вотъ изѣбаются надъ людьми!

12. дек. — Грязь и топъ и лужа и скякотъ. Всѣ сидимъ въ баракахъ, въ духу спертий.

Вчера я внесъ дополненія къ моимъ показаніямъ, на руки сов. суда Фида, передать офицеру. Днесъ ожидаются явки комиссіи, освобождающей отъ дальнѣихъ заключеній, быть можетъ явится и Фіда, пойду къ нему и еще разъ съ нимъ потолкую.

Былъ у меня Антоній Б., подарилъ ему пару чулокъ. Сказавъ, что у нихъ нѣтъ, что слухи, кажется, не вѣрны, хотя, правда, послѣ купанья дѣствительно много людей заболѣло.

Днесъ допрашивалась комиссія о. Евгения Хильяка изъ Мерьича. Комиссаръ Смуля просилъ, за что арестованъ.

— Не знаю, за что, — отвѣтилъ о. Евгений.

— А какая читальня у васъ?
— Общество им. Качковскаго.
— А вы состоите ея членомъ?
— Разумѣется.
— Ну, вотъ за это и арестованъ!
— заключилъ комиссаръ рѣзко.

Всѣ священники вносятъ въ комиссію прошеніе, чтобы были допрошены всѣ вѣтѣль и члены семьи.

13. дек. — Всю ночь лиль дождь. Капало съ крыши на лица спящихъ, ихъ бергому и платье. Человѣкъ отъ этихъ холодныхъ капелей просыпается и еще болѣе чувствуетъ всю беспомощность и безнадежность своего положенія.

Слыши, что „дѣздѣ“ (о. Долининскаго) забрали въ Грацъ, въ монастырь. Тамъ старичко-праведникъ все таки будѣть, думаю, сносно и уютно и покойно. По крайней мѣрѣ отѣлѣвается отъ вѣши и спать будеть спокойно.

Нашъ Majestätsgef. подписали первыми: д-ръ Н. П. Гѣльбовицкій, о. др.

Н. Малинікъ и др. Днесъ долженъ быть отправленъ по почтѣ.

Днесъ воскресенье. Люди не захотѣли идти на работу. Вдругъ изобрѣтательный капитанъ Шимидъ вѣтѣль призвалъ всѣхъ наставъ, священниковъ, къ воротамъ и возвѣзъ наставъ повѣлѣть на варолъ, чтобы шелъ на работу. Сказали, что вы моль, многіе адѣль терпятъ невѣно, подобно первымъ християнамъ въ древнемъ Римѣ, терпите изъ ложныхъ доносовъ разныхъ „Schulf“овъ (неголуби) но потерпите еще, ибо что подѣлаетъ? и т. п. Часть людей все же уѣхала на работу.

Отправляющій адѣль свою должностъ официала полиціи называется Тымчукъ. Этотъ панъ пришелъ сюда днесъ уладить дѣло Шепелюка и выразился о заключеніяхъ: „Mistvieh“ (скотъ), худоба и т. п.

Въ Перемышль, идя чрезъ рынокъ, офицеръ вынулъ саблю и замахнулся ударить идущаго подъ конемъ о. Марка Конкониующаго жандармъ (русинъ), заявивъ, что онъ теперь въ службѣ и со словомъ „спрячьте саблю“, выткнулъ противъ офицера штыкъ.

14. дек. — Грязь ужасная. Сѣдѣть исchezъ, люди баражаютъ въ болотѣ. Въ баракахъ многіе составляютъ разныя „поданія“ (прошения) безъ малѣйшей надежды на успѣхъ. Особенно усердно секретарствуютъ о. Діонісій Киселевскій, адвокатъ д-ръ Н. П. Гѣльбовицкій. Говорятъ, что нужно бы просить обманѣрованіи во Вѣну, ибо тамъ будуть теперь квартиры и столь дешевые. Мнѣ предстоитъ подѣлѣтъ во Вѣну. Я приготовился, я не виновенъ ни въ чѣмъ. Жизнь въ гарнизонномъ арестѣ, говорятъ знатоки, въ сравненіи со вѣдомымъ теперешнею жизнью, куда лучше. А толькъ много хлопотъ и возисъ съѣмъ, какъ мнѣ достать слѣдѣмую мнѣ конную, захватить ли выплатить ее Янку замѣти. Надо таки гдѣнибудь что то занять, ибо крайняя бѣда.

Полеживаю — нездоровится. Возѣль меня лежитъ натарусъ Телесинскому. Все думаютъ о своей близкой позадѣ въ Вѣну Вернулся ли я еще въ Талергофъ? —

не знаю. А быть можетъ, тамъ, во Вѣнѣ, придется и умереть.

Пишу эти записки и передамъ ихъ натарусу Телесинскому, одну же часть передамъ Нестору Цыбуку на храненіе У Гелесинскаго есть, кроме записокъ, списки Majestätsgef. и прошеніе въ нunciaturу, телеграмма кардиналу Пиффлю (по Вѣнѣ) и пр. И также 18 картина изъ нашей талергофской жизни, составленныхъ Иоанномъ Михайловичемъ Вербицкимъ. Въ союзникъ по изданію принялъ я д-ра Николая Гѣльбовицкаго. Если бы я умеръ, а онъ могъ разобраться въ моихъ запискахъ, прошу передать сбережьтъ ихъ и перевезетъ на родину. (?) Писать въ гарнизонной тюрьмѣ не будетъ возможно. При входѣ туда отнимаютъ у человѣка все — значитъ, уぢѣтъ можетъ только то, что здѣсь я записывалъ.

Думай, что Богданъ (санъ) не прѣѣхалъ въ Галичину, но остался въ M. Boleslav. Какъ ему тамъ живется, добрались ли, наѣдрио не весело. Денегъ у него нѣтъ, бѣдствуетъ... Но Господь поможетъ ему перенести это лютое времѧ. Даль бы я не зналъ что за вѣтчина изъ Липицъ.) Что тамъ теперь происходитъ? Здорово ли и невредимы всѣ мои дражайшіе? Моя жена, предобрая, любая Антона, моя дѣти: Соня, Вѣра, Николай, Довикъ, мой дорогой, любыи и праведный вѣтъ Феодосій (адв. д-ръ О. Задѣцъ) и его дѣти? Ахъ, кабы я зналъ, что всѣ вѣ живы? Вѣсть эта укрѣпила бы моя унывающій духъ.

Надѣется выѣхать туда натарусъ Телесинскому изъ Делятина. Прошу его уѣдомить ихъ въ Липицѣ о моемъ здѣсовъ. Онь надѣется побывать въ Румыніи и по пути побывать въ Делятина. Подай ему: Господи, силь и исполни его желаніе. Онъ тоже отецъ и мужъ и подобно мнѣ болѣтъ и страждѣтъ, томясь неизвѣстностью относитъ. дѣ-
бъ.

) Судя распорядилась наше: авторъ записокъ вернулся изъ родину и наѣдрилъ жена, хотя боленъ, а д-ръ Н. П. Гѣльбовицкій умеръ въ Талергофѣ.
Прим. ред.
*) Авторъ записокъ — настоятель прако-
да Липица долгий.
Прим. ред.

тей и жены. Таких, какъ онъ и я унасъ теперь сотни, тысячи... А что и говорить о 70-80-лѣтнхъ стариахъ? Не перенести имъ нынѣшній бурь событий и тяготъ своей жизни, въ все таки имъ хочется еще жить и хотѣ бы увидѣть, что дальше наступитъ. Не дай Богъ помереть вдѣль, на чужбинѣ! Ежедневно молось: "христіанскій кончинъ живота нашего, безболѣвны, неслыханны, мирны" (а мысленно добавлю: "дома, въ кругу родныхъ") и т. д. Можетъ быть, Господа услышитъ ма грѣшного и въ добавку къ столь многимъ благодѣяніямъ, отъ Него много получимъ, не откажетъ мнѣ въ этой милости, дабы сугубо сердце мое было въ долгу предъ Нимъ, преисполненное благодаренія и любви!..

Я стала много-много набожнѣе, зажѣ, начиная съ 6-го августа 1914 г., того рокового дня. И хранила меня рука Господня до сихъ поръ и милость и благость Его почила на мнѣ. Изъ Рогатина во Львовъ конвоировали меня 2 жандармы, добрые люди, обращались со мной хорошо. И въ тюрьму во Львовѣ было мнѣ, какъ узнику, сносно. И даже въ страшный день 31-го августа, во времѧ нашго шестѣй будто бы на Голгофу, никто не ударилъ меня. Перенеса всѣ изстязанія и изѣбѣтельства, со стороны конвоирующихъ настѣнѣ солдатъ въ вагонѣ и "публики", т. е. обѣщающей черни, на станціяхъ, съ 31-го августа по 4-ое сентября, я приѣхала въ Талергофъ благополучно. Тутъ, несучь въ поясъ, подъ открытымъ небомъ, можно было неразъ простудиться. Можено было много разъ попасть подъ "кољы" (приклады ружей) солдатъ, называемы (страхи), которая съ первого же дна брали однихъ священниковъ на тяжелыя физическія работы: рубку дровъ, кнасусъ, привозъ воды и т. п. А меня все это миновало. Затѣмъ ходилъ и я, но мало, 2—3 раза вѣсно. На вскокъ шагу Божій былъ на мнѣ. Порой не имѣлъ при себѣ ни геллеря, и находились и тутъ добрые люди, которые давали мнѣ взаимы и, надѣясь, дали бы и въ будущемъ. Могу сказать, что наши русскіе люди относятся ко мнѣ съ ува-

женiemъ и этоуваженіе мнѣ всегда оказываютъ. Не думалъ даже, что такимъ почетомъ пользуюсь въ русской средѣ. Самые близкіе — это мои Schlaikamden (товарищи по нарамъ): Богданъ Богдановичъ Дѣдницкій, о. Денисъ Кислевскій, г. Феофилъ Костецкій, нотарусъ Телесинскій и др., съ одной стороны, а съ другой: оо. Каленюкъ, Гр. Процакъ, Иоаннъ Винницкій и др. Шуры же: Вик. Красицкій обращается со мной холодно, а "Инцифор" демонстративно холодно, а почему — не знаю. Даже малый Яро, славъ Красицкій, какъ будто сторонится отъ меня. До сихъ поръ не разу не заговорили мы съ мѣжду отношеніяхъ ни вообще о чёмъ бы не было, какъ если бы все было известно и говорить не о чёмъ. Охладилъ семейные чувства, братъ брату сталь чужихъ. Такое времѧ, такой міръ теперь — всякий про себя.

Замѣчу еще одно: Записки составляю по малорусски, боясь ревизий (обиска), а то если бы я писала ихъ общескимъ языкомъ!) то читая это, скавали бы: вотъ, видите, какой "русско-филь!" Слово это страшно звучитъ для немецкого уха и попадаются люди, которые въ испугѣ отрешиаются отъ всего "русскофильства", хотя это слово — одно курьезное недоразумѣніе, ибо какъ русскій человѣкъ можетъ не быть "русскофиломъ", да и вообще онъ не "русскофиль", а просто русскій, а "русскофиль" можетъ быть чѣл., пожѣлъ и т. д. Чудно все это! Но не привозятъ русской націи въ Карпатья, приходятъ въ узасъ отъ "русскофильства" ея предста вителей. И все же приходится серьезно отговаривать о "русскофильствѣ" и даже оправдываться. Будучи допрошена въ львовской тюрьмѣ, я на этотъ воп-

¹⁾ Вопреки этому постановленію въ лѣниве на дѣлѣ авторъ составилъ свою записку не по малорусски, а по русски, т. е. русскимъ языкомъ, и въ то же время съ различными отступлениями, такъ, что у него окончаніе неоконч., начин. — т. е. сконч. приводится, и т. и. т. е. съ тѣмъ же формами, которыми въ Галичинѣ, до войны, русскіе обходили запретъ австро-немецкой администраціи писать и подавать пасынки что нибудь на чистомъ русскомъ языке.

Прич. ред.

роще отгѣтиль, что у насъ не разбираются въ русской идеологии или въ этомъ самомъ — какъ кому-то называть угодно — руссофильствѣ У насъ есть — сказала я — четвертое русофильство. И такъ:

1) политическое, которое только въ самое послѣднее времѧ нашло себѣ представителей;

2) религиозное, которое вылилось въ послѣдніе 3 года въ переходѣ отъ разныхъ нашихъ селъ въ православие;

3) национальное и
4) культурное.

Два послѣдніхъ представлены у насъ издавна многочисленнѣше и съ ними ничего не подѣлаешь. Это русофильство явно выступаетъ съ 1848 г., оно было провозглашено бл. п. о. Яномъ Наумовичемъ въ 1866 г. въ львовской семье. О немъ говорятъ мы на всѣхъ собранияхъ и пишемъ во всѣхъ газетахъ и книгахъ и никто насъ не обвиняетъ, что мы іро facio питаемъ та-кое политическое и религиозное русофильство. У насъ не разбираются въ этомъ, и разъ контибуціи указали на меня, какъ русофилу, то меня считаютъ уже изъ-за этого и измѣнникомъ державы и церкви. А это не такъ. Такъ быть не должно. Суды выслушали меня внимательно и отмѣтили въ протоколѣ мою принадлежность, т. е. приверженность, "Бѣрность, национальному и культурному русофильству".

Послѣ обѣда развлекла меня не-много полученная интересная вѣсть, именно д-ръ Собину написать изъ Но-вого Тарга его меценатъ, между прочимъ, что "война клонится къ концу". Далъ бы то Господь!

Совѣщаясь я днесъ съ б. Сениковымъ, дѣло въ томъ, что мы не желали бы иметь подъ штыками. Постановили про-спѣтъ капитана, чтобы созволили сѧмъ иже появіліи на полковнику выдать распоряженіе, чтобы на насъ сопровождали безъ ружья воины-полъ-офицеры. Не знаемъ, удастся ли намъ добиться этой маленькой уступки. Попробуемъ. Тяже-лѣть. подъ штыками. Вдоволь до сихъ поръ, въ теченіи 4½ мѣсяцевъ на-смотрѣлись мы на эти штыки, опроти-

вѣло до крайности. Предполагаемъ, мы также, что съ южнаго вокзала во Вѣнѣ нужно будетъ взять автомобиль, ибо разстояніе большое, а у меня кѣть теплого пласти и могу простоять, а въ автомобилѣ приѣдемъ въ гарнизонную тюрьму быстро и замерзнуть не хватитъ времени. Тамъ, въ гарнизонѣ, буде произведенъ у насъ послѣдній клочокъ бумаги, такъ что тамъ продолжать своихъ записокъ не смогу. Беру съ собой лишь мое дорогое Св. Писаніе и моли-

Свящ. о. Игнаторь Долиницкій изъ Львова,

родился въ 1830 г., въ мѣстечкѣ За-ловиць, у. Броды, въ Галичинѣ.

Талергофскій синомокъ.

Посѣдалъ гимназію въ Бродахъ, но уже послѣ окончанія 2-го класса и на 12 г. жизни вынужденъ былъ въ Римъ и отдать на воспитаніе и образование въ тамошнюю гр.-кат. духовную семинарію (т. н. Athanasienship), послѣ окончанія которой тамъ же поступилъ на высшій богословскій факультетъ.

Рукоположенный пѣ иерен, состоялъ священникомъ - сотрудникомъ при кафедральномъ храмѣ св. Георгія во Львовѣ въ теченіе 4 лѣтъ.

Вызванный въ Римъ снова сталь въ той же гр.-кат. духовной семинаріи духовникомъ и учителемъ церковного устава и церкви пѣнїи. Послѣ 30 лѣтъ былъ снова переведенъ во Львовъ и до самаго начала войны былъ преподавателемъ церк. устава и пѣнїи въ гр.-кат. дѣм. семинарии. Какъ профессоръ считалася лауреатомъ церковного устава и пѣнїи и церквино-славянскаго языка.

Лѣтомъ 1914 г. проводилъ канону въ монастырѣ СС., Василановъ въ Словитѣ, уѣздъ Перемышльскій, где и засталъ ею война. Отступая передъ наступающими русскими войсками, австро-германскій военный власти внесли во арестовали его на полѣ какъ „шпиона“ и властелинъ его польскій капитанъ отпустилъ изъ плены и не смѣлъ разглядываться со стороны. Привезли его во Львовъ, откуда съ транспортомъ въ 800 человѣкъ, другахъ арестованыхъ русскихъ, былъ онъ вывезенъ въ Ти-гергофъ.

Послѣ 3-мѣс. заключенія былъ освобожденъ и посланъ на ишкотрое время въ Грацъ, а затѣмъ по Вѣнѣ. По окончаніи войны вернулся во Львовъ и жилъ въ духовной гр. кат. семинаріи, заѣдѣвъ совсѣмъ немощными старикомъ проблемъ послѣдніе годы въ монастырѣ СС. Василановъ во Львовѣ, где и скончался въ 1924 г., на 94-омъ году жизни.

Творчество. Быть можетъ намъ тамъ позволить читать книги изъ гарнisonной библиотеки. Надѣюсь, что пробуду тамъ 4 недѣли не болѣе и что къ процессы меня не привлекутъ, за мнѣ вѣдь никакой вины нѣтъ.

На днѣсь, къ вечеру, нашъ баракъ (VIII) заказалъ себѣ хоръ съ концертомъ. Собрали для него 4 кр. 20 гел. на чай. Вотъ прописью рядъ пѣсенъ и развеселять и ободрять настъ неможко.

Прогрессъ у настъ здѣсь. У насъ уже есть госпиталь. Да. И есть 2 сестры милосердія. И вотъ какой случай днѣсь произошелъ: Приходитъ 70-лѣтній старикъ Алекс. Полянка и разг҃ѣвшись, положилъ пальто на стулъ. Входить сестры милосердія, сбрасываютъ это пальто на землю и кричатъ: „ты хотѣлъ бы мнѣ завинить комнату?“ — Другой случай: Пришелъ о. Дроботъ, желая постѣть болѣнаго еремонака о. Козаревича. Входить сестры милосердія и кричатъ о. Дроботу (въ рѣкѣ): „марши отсюда, что ты не знаешь, когда назначено время для поѣзданія больныхъ?“ Вотъ это католическая сестры милосердія, монашеники! Къ гр.-кат. священникамъ, они обращаются не иначе какъ чрезъ „Ди“ (ты), грубо, гѣтено и вызывающе. И это западная культура! Ни что-то подобное у настъ не осмѣялся бы и пѣнїи бороды, а тутъ кто? — женщина, йѣмка, сестра милосердія, монахиня. Бѣдные тѣ больны, за которыми ухаживаетъ такая „сестра милосердія“, лучше было бы имъ безъ нея.

Группѣ въ 51 чел., прочитали свободное отсюда, именемъ однѣмъ: полное освобожденіе, а другимъ: частичное — будуть конфирмированы въ Леобенѣ, въ числѣ послѣдніхъ 3 суды: Бачинскій, Челюкъ и Дѣдницкій. Отпускаются уже кое-кого и изъ нашей партии. Объяснили свободу и о. Сенікѣну: онъ въ первый моментъ обрадовался, но затѣмъ отказался отъ этого благодащенія. Дѣло въ томъ, что его семья насчитываетъ 8 душъ и жить на собственный счетъ, не имѣя 2000 кронъ дохода невозможно, у него доходовъ нѣтъ, вѣтъ онъ и осталъся дальше въ Ти-гергофѣ и сидитъ вмѣстѣ съ неосвобожденными.

Узналъ, что о. Сенікѣнъ переговаривалъ съ поручикомъ Пецхолдомъ, прося его о томъ, чтобы настъ обоихъ конвоировали солдатъ безъ штыковъ и чтобы настъ была выплачена вся контргу.

Есть виды на то, что можно будетъ чѣ-го добиться.

Вечеромъ нашъ хоръ дѣлать намъ туды концертъ. Пѣли славно, а когда запѣли: „На чужинѣ загибаю, марно жите йде, за родиновѣ споглядно, ахъ, где же она где?“, а затѣмъ „Родимый краю, село родимѣ“, полились слезы изъ многихъ глазъ, каждый мыслами, духомъ и сердцемъ полетѣлъ далеко-далеко на родину и позабыть на мгновеніе о томъ, что находится въ баракѣ, въ Ти-гергофѣ, на истерѣвшій солдатъ. Примѣло провели мы съ настъ вечеръ, какъ будто бы тамъ, у себѣ.

16 дек. — Болото. Грязь непроходимая. На „гоффѣ“ работъ книпти. Сюда изъ грязи сгребаютъ лопатами и чѣмъ то, тельвами, связываютъ щебень и утрамбовываютъ дорожки — движение большое. Пришелъ соѣтникъ суда Фидѣа и я съ о. Сенікѣмъ были у него и результатомъ совѣтціи мы доволыны. Говорить о. Сенікѣнъ съ полковникомъ прося, чтобы конвоировать настъ подъ офицеръ. Не обѣщали еще, но изъ его заявленій выносимъ впечатлѣніе, что готовъ отнести благосклонно къ этой нашей просьбѣ. Дай Богъ, а то тяжело быть подъ штыками.

Возвратился изъ Граца, изъ разбирательства въ судѣ своего дѣла, о. Романъ Крушинскій. Сообщаетъ, что свящ. о. Баковичъ сидитъ уже долгое время въ гарнisonной тюрьмѣ въ Граце и съ испугомъ и манией прослѣдованія сошелъ съ ума. Обвиняютъ его въ томъ, что будто бы онъ во время св. исповѣди, склоняясь солдатъ, чтобы стрѣляли въ ворудъ. Вотъ до чего дошли доносчи-тельство!

Обнаружилась еще одна мерзость. Чиновникъ попатного вѣдомства въ Перемышль, іѣвѣкъ И-ичъ, состоятельный, на услугахъ полиціи проводилъ, оклеивъ здѣсь своими доносами, между прочимъ (о. Сенікѣнъ, д-ра Крушинскаго, Войтовича), соѣтника суда Литинскаго, а такъ какъ св. Литинскій боленъ и лежитъ въ нашемъ госпиталѣ, то аудиторъ былъ вынужденъ прийти къ нему для допроса и выслушать его и И-ичъ, который въ доносѣ заявилъ

свою готовность сыграть роль свидѣтеля. Но затѣмъ раздумалъ и убралъ и стала приговорять болѣнь, желая такимъ образомъ избѣгнуть судебнаго слѣдствія. Такъ допросили сов. Литинскаго, а когда приступили къ допросу И-ичъ, то онъ отказался давать показаніе подъ предлогомъ, что онъ тяжело боленъ. Привезли къ нему врача, которые установили, что онъ совершен-но здоровъ. Послѣ этого сов. Литинскаго освободили, а И-ичъ обви-нилъ въ клевете самаго аудитора. По крайней мѣрѣ эта опала „Котозѣвъ по заслугѣ“.

Получить 158 кронъ 12 гел., а въ депозитѣ въ Грацѣ осталось 300 кронъ. Купилъ себѣ щетки и другіе крайне необходимыя въ гарнisonѣ вещи. Долги плѣтилъ оставляю Янку, мнѣ нужны деньги тамъ. Записки передалъ о. А. Юркевичу, онъ ихъ вывезетъ благополучно въ Вѣну, а оттуда въ Галичину. Купилъ себѣ на память изображеніе страстей Христовыхъ подъ стекломъ, заплатилъ 1 крону, хорошая вещь, многимъ понрави-лась. Эта памятка — замѣчательный трудъ и шедевръ нашего мужика-художника.

16 дек. — Болото. Тепло. Работа въ болотѣ идеть во всю. Прояснилось. Показалось солнчишко. Привезли огромный котель для „русской бани“, которую строятъ русские военнопленные. Лошади не были въ состояніи дота-щить этотъ котель и сотни людей изо всѣхъ силъ подталкивали и помогали лошадямъ перевезти его отъ шоссе на място въ баракахъ.

Сильно болѣть меня въ поясници да и почки даютъ о себѣ знать. Купилъ себѣ баночку меду. Ахъ, нѣтъ около меня моего ангела-хранителя, моей дѣрьгой жены, моего настоящаго доктора. Тутъ же каждый болѣній и съ какой бы то было болѣзнью одинаково безпомощенъ и оставленъ на произволъ судьбы. И когда конецъ этому будетъ, Годопии?

Объявили о тифѣ, а оказалось, что 11 человѣкъ бѣдняжекъ просто за-ѣли вши.

На мѣстѣ, гдѣ были похоронены двое первыхъ мучениковъ Талергофской трагедіи, и гдѣ былъ поставленъ небольшой крестъ, теперь устроена яма на извѣстъ, а этотъ крестикъ совершенно выброшенъ. Такъ теперь и затерялось мѣсто, гдѣ похоронены эти первыя двѣ жертвы вѣдущаго нашего заточенія и ни ихъ фамилий ни принадлежности никто не знаетъ.

Изъ 18 го барака должны были отйтіи 100 Flüchtling-овъ (бѣглецовъ), проще же завтра.

Всѣ мои записки (4 пакета) передала я о. Аѳанасію Юркевичу, который уѣзжаетъ завтра. Говорятъ, что и насы русскихъ разгоянѣтъ отсюда, съ изъятіемъ меня, который перѣѣху на жительство въ гарнизонъ въ Вѣну. Ахъ, если бы Господь милосердій, рѣшилъ иначе... да будетъ Его!

Быть у портного, хочу дать ему укоротить мою блузу и ульстеръ, чтобы походили на штатское платье, ну, и надо ихъ починить, особенно блузу, такъ какъ въ гарнизонѣ неудобно будеть быть можетъ.

Если бы удалось, хотѣлъ бы въ Вѣну купить новое платье, мое старое ужасно изношено.

17. дек. — Сегодня св. великомученицы Варвары. Примѣрно. Сухо, конечно. Пощель пройтись, затѣмъ отчитайтъ правило. Вымыли отсюда наши люди днесъ въ 10 ч. (а вчера въ 9 тоже уѣхали крестьяне въ Каринтию какъ исѣкнѣты-ы), между пр. о. А. Юркевичемъ, Сегеновичемъ, ученикъ изъ Большевца, умеръ, у него были чахотка. Портной изъ Журавнико починилъ мнѣ блузу и ульстеръ, буду похожа на "цивила".

Лѣвая почка сильно меня донимаетъ, утромъ еле еле ходила. Ахъ, кабы до дома поскорѣе! Святитъ — надѣются люди. Подай, Господи, миръ всему миру!

Днесъ капитанъ Strick велѣлъ пѣтнаму подофицеру привезти всѣхъ русскихъ военнопленныхъ, подъ ворота. На команду: "руsskіе сюда къ воротамъ!" сбѣжались всѣ пѣтнники, а за ними и наши галицко-русскіе работники съ лопатами.

— А вы русскѣ? — послѣдникъ спросилъ капитанъ по чешски.

— А что же? — отвѣчали они, мы таки русины, а!

Капитанъ посмотрѣлъ на нихъ съ удивленіемъ, а затѣмъ вынулъ изъ кармана потину книжечку что-то себѣ записалъ.

18. дек. — Морозно. Поясница болитъ, лѣвая почка очень даетъ себя чувствовать, еле хожу. Комиссія приѣхала (3-ій разъ съ поры какъ назначена). Многие находятся сегодня — завтра очутиться на свободѣ. Подвозили котлы, русская баня должна быть въ 1-му янв. готова.

Мнѣ говорятъ, что меня не позовутъ въ Вѣну, но я этому не верю. Радь бы я добѣхъ хоть частичной свободы покинуть сносно.

Комиссія выслушала 185 чел. Канунъ праздника Св. Николая. Вечеромъ г. Телесніцкий вѣрхъ передъ собравшимися рѣчъ. Помнилъ родной край, гдѣ какъ разъ теперь устраивались всегда по городамъ вечеरинки для русскихъ дѣтей. Пожелалъ д-ръ Малинкѣ, д-ру Глѣбовицкому и другимъ Николаѣмъ здравья, бодрости и скораго освобождѣнія. Хоръ пропѣлъ во здравіе. Отъ имени всѣхъ Николаевъ поблагодарили за подзданія и пожеланія и пѣли д-ръ Малинкѣ, затѣмъ отслужилъ по нашей "пансій" улицѣ вечерину съ литією. Въ виду того что съ крыши капаетъ, было раскрыть занітку, надѣлано, что бы отъ воды стекло не лопнуло. Оригинальная картина, сама наращивающаяся на снимокѣ!

19. дек. — Суббота, день Св. О. Николая. Я спать хорошо, хотя переворачиваться не могу изъ-за сильной боли въ поясницѣ и днесъ лежу преимущественно. Утромъ выпилъ чорный кофе, затѣмъ Янкѣ принесъ мнѣ 1/2 л. сливокъ и я выпилъ съ вечеринкой кофе. Въ 10 ч. Малинкѣ отслужилъ литургію. Пѣль, хоръ. Привѣтствовали многою и изъ другихъ бараковъ. Ромко за мной ужаживаетъ, принесъ мнѣ 1/2 л. молока и 4 булки, а мою "менажу" (казенную пищу) возьметъ себѣ.

Русскіе пѣтнники правднютъ, заявляютъ, что, если бы ихъ и кололи, то днесъ не пойдутъ работать, а наши все таки вынуждены были пойти на работу.

Сильно распространяется тифъ. Не одного изъ насъ овладѣваетъ страхъ и рѣдъ бы вскій вырвалъсь на волю поскорѣ, пока еще не забѣрѣль. Я все думаю о гарнизонѣ и желѣзъ бы хотѣть этимъ путемъ рѣвстаться съ Талергофомъ.

Врачъ запретилъ хожденіе лицѣй къ о. Макару, чтобы не разнесли тифъ.

Говорятъ, что П. (Перемышль) паль. Отношусь сдержанно къ этому извѣстію, неразъ уже эти слухи распространялись, а не оправдывались.

Чудный человѣкъ это нашъ врачъ д-ръ Вл. Могилинцій. Способный Эскульпъ, честенъ, трудолюбивъ, самоотверженъ, щепетильенъ. Истинный самаритянинъ. Съ утра до поздней ночи занятъ Стоитъ на его работу и его выносливость и терпѣніе. А все таки и его оклеветали и хотѣли отъ насъ забрать, но это врагамъ не удалось.

Послѣ обѣда я поднялся и отслужилъ акаѳистъ Св. О. Николаю, а по-полуночи вѣчеринку, но скоро слѣгъ въ постель снова. Быть у меня д-ръ Могилинцій, установить у меня ревматизмъ мускуловъ. Вечеромъ Ромко же натеръ, принесъ одѣяло, укрыли меня на ночь хорошо, я принялъ порошокъ аспирина.

20. дек., воскресенье — Лежу, но чувствую себя немножко лучше.

Одинъ тифомъ заряженный баракъ уже приказали опорожнить, солому изъ него сожгли, а обитателей его съ вѣшими перевозяли въ другой. Но разѣтъ эта мѣра достаточна для устраненія эпидеміи? Въ баракахъ налаживаются электрическое освѣщеніе, уже въ трехъ баракахъ есть электричество.

By Kleine Zeitung днесъ написано неизвѣдно иначе чѣмъ вчера. Повторяется слухъ, что Перем. паль но я все еще не вѣрою. Отслужена у насъ общѣница. Ромку удалось достать немногую бульону и подогрѣть для меня. Я съѣѣлъ съ 2 булочками и настолько сыгъ, что отъ "менажи" отказался.

Узнали, что наши посты на войну не идутъ, а говорили все время, что вскорѣ пойдутъ. Но есть ли это предѣлъ приближающагося мира? Ахъ, человѣчество никогда такъ не умѣло понять и оѣбнить всего глубокаго смысла этого великаго слова "миръ", какъ въ настоящее время. "Слава въ выши-

Свящ. о проф. д-ръ Михаилъ Людовічъ ичъ Перемышль,

родился въ 1846 году, умеръ въ 1914 году въ Талергофѣ. Докторъ богословія, ordinarius профессоръ пастырскаго богословія въ греко-католич. духовной семинаріи и членъ епархиальнай консисторіи въ Пере-мышль, исполнитель філъ рода въ псковск. гал.-рус. священниковъ, отъзвѣчившій и дѣлательный членъ русскихъ организацій. Членъ сильной воли и твердыхъ русскихъ национальныхъ убѣжденийъ, любимецъ молодежи.

нѣхъ Богу и на земли миры" возвѣщаетъ всему миру наша Церковь съ Рождествомъ Христовымъ. "О мирѣ всего

мира". молимся на литургії, так часто, а так мало внимання обращаєм на него, так трудно нащу уяснити себѣ всю возвищеність этой молитвы.

21. дек. — Ноць ще́л дождь, днем падаєтъ снігъ, все силимъ въ баракахъ Слышишъ, что въ нась будуть впускатъ противотифозную сыворотку. Днесъ пришелъ Василь, долго не видѣлъ его. Его баракъ былъ подъ карантиномъ. Вѣсти съ поля боя не вѣщательны, ни сultaютъ скораго мира. Синій мінъ, чи будто постановлено мені въ Вѣну не переводить и чи за мені заступили нѣкій Омскій и пр. под.

Вчера въ нась генералъ на резинѣ, о Слѣдцій вручилъ ему отъ нась 21 письменную жалобу. Днесъ капитанъ Штиркъ заявілъ о Слѣдціку, чо жалобы составлены сосети.

Мінъ неможно полегчало и я всталь на івкоторое времѧ. Принялъ слабительное, со вчера Ромко всі надобдаєтъ мінъ чо сварти мінъ консервы и пішеній супъ. Я нехокто согласлюся. И удивительно, супъ оказался мінъ полезными и Ромко доложенъ. Въ виду этого успѣха синъ обѣщалъ сварти консервы, капустникъ. Увижу, чо будеть. А для бѣдныхъ нашихъ людей эти консервы рѣдка, великоцнія (пакальная) тѣа.

Пополудни дали распоряженіе производить всебою прививку въ первой серіи бараковъ. До 6 ч. вечера слѣдвали прививку всѣмъ въ 9 баракахъ, лишь т. наз. "фамильный" баракъ отложили на завтра. Я таже не пошелъ, ибо не могъ пойти. Вечеромъ Янко и сватъ подогрѣли мінъ кирпичъ и я положилъ его къ поясницѣ. Ромко принесъ мінъ супъ, но такъ какъ я не былъ голоденъ, то сѣѣлъ сватъ.

22. дек. — Тѣ, которымъ сдѣлана прививка, чувствуютъ себя всѣчески: одни жалуются на боль въ той самой руцѣ, у другихъ уже жаръ, врачи же говорятъ, чо жартъ будеть продолжатъся 3 з 6 дній, а прививка является предохранительнымъ средствомъ на 5 лѣть.

Я еще (др 11 ч. утра) не ходилъ къ прививкѣ. Еще ее днесъ не дѣлають да и говорять чо вообще больше ее

дѣлать не будуть. Увидимъ: Я ложись въ брюкахъ и башмакахъ, чтобы въ каждый моментъ быть готовымъ самому пойти къ прививкѣ. Были и такие, которые не хотѣли къ ней пойти. Въ 11 ч. утра отслужена обѣдница.

Ogłoszenie: Wszystkie skargi o obyczajach i honoru bedą oddaję sądownie sądnicze. Obrażony mają robić doniesienie, naprawiać świadków i mi przedłożyć (naturalnie w krótkich zarysach wszystkie okoliczności naprawidłowe). Ludzie które nie są do raportu przesłanezone, moja zawsze o godzinie 9-tej rano przed bramą i-szą byc' zesłownione (sic) to przez komendanta i zawsze mają być przytym z kartoteką i świadków. 22 go grudnia 1914 r.

Такъ объявленіе имѣло официальную роль. Полиційские отбираютъ у настъ всѣ заявленія: "Ни лучше ли было бы намъ иметь дѣло съ военными, чѣмъ такими Тимчуками?"

Пошли и изъ другихъ бараковъ къ прививкѣ и я съ ними. Мінъ почему то дважды, вытикли шприцъ и рука слѣдя сечій болѣтъ. Пошли также изъ "фамильного" барака (около 100 женщинъ), а тутъ какъ разъ поднялась сій жиная туча и дождь, подъ ногами грязь. Построились очень долго передъ баракомъ, въ которомъ производилась прививка, померзли, и только послѣ того, какъ заступились дѣрь Воротыкъ я к др., военный врачъ (Маетъ) позволилъ женщинамъ войти внутрь барака. Вотъ и іѣмецкая "галантность"! Заставляютъ женщинъ изъ нашей интеллигентніи ждать долго предполо, стоять на снѣгу въ грязи, хотя баракъ просторенъ и пустъ. Издѣвателство.

Вечеромъ въсѣтили электрическія лампочки, впервые стало въ баракѣ сѣлто. Ноць у меня былъ жаръ. Пояснила все еще болитъ Ромко сдѣлать мінъ массажъ, а Янко доставилъ мінъ жаркий кирпичъ.

23. дек. — Я лежу. Падаетъ мокрый снѣгъ и дождь въ перемежку. Всѣ сидятъ въ баракахъ. Говорятъ, чо на 14 дній установить на нашъ баракъ карантинъ, чо значить, чо въ теченіе 14 дній никто не выѣдеи никуда отсюда

ни вообще изъ Талергофа. Но и такъ быть можетъ, чо послѣ этихъ 2 недѣлъ продолжать карантинъ еще на недѣлю. Много нашихъ людей болѣыхъ теперь, тифомъ будто бы. А болѣніи подали отъ первого незабвенного баракска го купанья, повторяющагося впрочемъ и теперь, съ незначительными измѣненіями: съ людѣй снимаютъ платье и бѣлье для дезинфекциіи, а голые люди подолгу стоятъ на открытомъ мѣстѣ, на головѣ влажной и холодающей землѣ, и мерзнутъ и выждають, пока смилосердятся и возвратятъ имъ ихъ бѣлье и платье. И каждый разъ послѣ этого заболѣваютъ все новые и многие, а іѣмѣцкіе и умираютъ. Кромѣ того наши бараки всегда холодны и прикрыты какъ слѣдуетъ, кирши дырвы, калептъ съ нихъ наше платье и на насъ, каждому на лицо, вслѣдствіе чего ночью спать не возможно...

Я все лежу. Съ поясницѣ у меня бѣда. Чо-же, подожду. На міръ — поскольку на граніцы газеты можно пользаться — надежды мало. Ахъ, Господи, спаси и помилуй!

24. дек. — Сегодняпольская віїа. Кенінъ Зелінскій далъ свою 5 кройку въ складчину на общую вечерю. Днесъ грязь, укусина. Я лежу, сплю таи ночь отлично, какъ рѣбко случается. Вчера меня Ромко масловатъ, а святъ грѣль кирпичъ. Прививку перенесли въ настъ благоуклонно. Менія рука болѣтъ. Померло 16 чл. кажется, чи тифъ. Въ — вѣ написалъ прошленіе о выдачѣ депозита, обѣщалъ прийти и взять себѣ, но до сихъ поръ (10 ч. у.) еще его нѣтъ. Мінъ хасъ, пошелъ въ болницу, и онъ болѣнъ тифомъ, кровъ ему пускался, еще готовъ минутиться, жалѣ! Не гожу на войнѣ, такъ придется въ Талергофѣ.

Вчера пришелъ о Сенікѣ и прінесъ купонъ почтоваго денежнаго перевода, съ прип. скопо К-ва, ухахвашаго недѣлю тому назадъ въ Вѣну, чо папскій нуніцъ заявилъ, чо хлопчетъ о томъ, чо нынѣ въ пустынѣ въ Галичинѣ, лишь будо министерства войны и внутреннихъ дѣлъ дали на это свое согласие. Большое ликованіе! На обѣдъ получили мы днесъ капустникъ съ мясомъ —

невиданное диво на Талергофской лопинѣ! А какъ всѣмъ и мнѣ также быть вкусы, несмотря на то чо и въ 10-той долѣ не такъ изготовленъ, какъ въ Липинѣ готовилъ Вѣрочка. Организмъ жаждеть кислого и вѣтъ, на польскую "вилио" нынѣ сѣдили сюрпризъ. Только капусты было мало, въ побольше юшки (жижности), ну и вѣтъ заявили, чо капуста не достаточно красна. Ромку я дала носки. Ходить бѣдничка въ какихъ то трипакахъ, которыя называются чулка ми. Хлопотунъ такой, а держится бодро, висносливъ.

Пришелъ Янко и сказалъ, чо, вѣтрившись, "Фенриксъ" спрашивалъ его, вадоръ ли онъ. — Да, — отвѣтилъ Янко, — лишь немного ревматизъмъ страдаю. — Это ничего, — былъ отвѣтъ.

Янко боится, не позовутъ ли его на военную службу. Вѣтъ дѣлъ. Высили 4 мѣсяца въ Талергофѣ, а затѣмъ или на войну и переносятъ всѣ превратности военной службы и судьбы! Да хранитъ его Господь.

Менія и о Сенікѣ какъ то въ Вѣну не вызываютъ. А теперь, разъ установленъ карантинъ, и подавно, быть можетъ, не побѣхъ бы мы изъ-за санитарной предосторожности. Говорятъ, чо, вообще не побѣхъ, чо возможно, чо слѣдоватъ пришелъ къ убѣждѣнию, чо противъ менія не удастся составить обвинительного акта такъ и отступитъ заблаговременно отъ обвиненія. Дай такъ Господи! Съ другой стороны жизнь въ гарнизонѣ все таки легче нашей адѣніи. А впрочемъ, знать чи человѣкъ, чо хотѣтъ и просить, чо ему выѣхать въ пользу, чо то въ вредъ? Да будетъ воля Господи!

25. дек. — Днесъ я всталь, но обуться въ башмаки не бѣла въ состояніи, прізываю на помощь Ивана Грица (крестьянина, которому часто даю свою "менажку"). Вышелъ было, пройтись, но скоро бѣла вынужденъ вернуться и лечь снова. На дворѣ грязь, валити мокрый снѣгъ, хотя пока чо тепло. По нуждѣ всѣ сидятъ въ баракахъ. Былъ Василь и пошелъ, вѣчеромъ

заглянула Ромко и сдѣлала мнѣ массаж. Говоря о предстоящемъ нашемъ возвращении.

Въ грацкій газѣтѣ написано, что Римъ высыпаетъ особое посольство къ христіанскимъ державамъ съ протестомъ противъ злоупотреблений Россіи при введеніи православія въ Галичинѣ въ отсутствіе тамъ нашего клира. Это сообщеніе находится въ связи съ тѣмъ, о чёмъ говорилъ о. К.

Мы готовимъ проектъ по дѣлу евреевъ изъ Бродовъ Deutscher-a, обвинявшаго монополію и мерзости, давно ему слѣдовало скрутить голову за всѣмъ причинненія незнанія людемъ сгражданъ.

Вечеромъ у насъ возникла и обсуждалась мысль выслать телеграммы: въ кабинетную канцелярію, пуншатуру и министерство войны, съ просьбою обѣзвѣдженій. Ніѣ, wer helfen kann! (спасай, кто можетъ).

Если бы Господь позволилъ намъ, священникамъ, поскорѣе вернуться на родину, такъ и нашимъ дѣятельствъ съ нами ровно же, а то безъ нихъ нечего и думать о совершенніи богослужѣній.

Днесъ о трупахъ какъ-то ничего не слышно. Въ нашемъ баракѣ все дерутся хор-шо.

26. dec. — Мороза нѣть. Съ самаго утра составляются телеграммы императору, пуншу, министрамъ. Одну со ставили дѣрь О. Крушинскій, другую о. Діон. Кисляевскій и другіи ины.

Узнаемъ, что ночью сюда къ намъ привезли 19 поляковъ изъ подъ Krakaua. Говорятъ, что все пространство по Tarновъ — одно пепелище. Ходятъ слухи, что власти готовятъ 1200 чел. отпустить на свободу.

Мнѣ днесъ лучше, спаль хорошо. Былъ Василь, выпрыгнулъ мою постель. Янко купилъ мнѣ меду и булки. Аппетитъ у меня есть. Пришелъ Илько Генапль, сказалъ, что у его сына было жаръ до 40°, и занять у меня 1 крону на лимонадъ.

Жизнь въ баракѣ: Ulrich разносить по ружу, то сливовицу и продаетъ по 14—16 гел. за стаканчикъ. Народъ пьеть

ст горя. Разносить и продаютъ и дружи товары: папиросы, спички, нитки, сахаръ, пуговицы и т. п. мелочи. Еврей Thau торгуетъ галстуками, чулками и пр. Цѣлый хлѣбецъ продаётъ по 16 гел. за штуку. Кто остро голодаетъ, отправляется на работы и получаетъ двойную порцию харца и 20 гел., но, конечно, тогда быстрѣй изнашиваетъ и такъ убогое платье и рискуетъ стать голымъ, совершившено.

Кто въ баракѣ хочетъ что-то написать, просить другого поддержать наль нимъ зонтикъ, ибо иначе сверху капельть и испортить все написанное.

Говорятъ, что уже свирѣпствуешь пятнистый тифъ въ другихъ баракахъ, это грозное извѣстіе подѣйствовало на всѣхъ крайне удручающе.

Въ 2 ч. явился дѣрь Маерь съ уѣзднымъ физиокомъ изъ Граца. Были въ баракѣ у одного больного, зашли и ко мнѣ (кто-то, не дѣрь ли В. Могильницкій?) сказали имъ, что въ III баракѣ есть больной священникъ, посмотрѣли на прививку на моей руѣ и — ушли. Я успѣлъ сказать имъ только, что боленъ ревматизмомъ мускуловъ (такъ опредѣлилъ монѣ болѣзнь дѣрь Могильникій). Возможно, что переведутъ меня въ госпиталь. Тамъ несравненно лучше чѣмъ въ баракѣ.

Въ 3 ч. была у насъ отслужена вѣчерня.

Днесъ умерло человѣкъ десѧть (точное число умершихъ обычно узнать трудно).

Вечеромъ шли у насъ совѣщанія о томъ, чтобы завтра войти двоимъ или троюмъ изъ насъ къ рапорту и выскѣзать администраціи наши требования.

Вечеромъ же возвратили намъ нашъ Majestatsgesuch (прощеніе къ императору), посланное 12 с. декабря. Оно вовсе не было выслано по назначенню, но за то дернули вскрыть его и цензурировать, что на конвертѣ и отмѣчено: Zensurirt M. A. подпись ohne Anstand. Этотъ конвертъ теперь у меня. Офицеръ-почтмѣстерь указалъ, чтобы вложить прошеніе въ новый бѣлый конвертъ, ибо „при вскрытии конвертъ былъ разорванъ и теперь такъ высылать нельзя“. Зая-

вилъ даже свою гѣтовность принести только, послѣ столькихъ мытарствъ это-намъ завтра свой конвертъ. Мы, одна-му нашему прошеню, такъ и не удалось

ТАЛЕРГОФЪ.

Группа конфінированыхъ русскихъ галичанъ въ Passail рѣгіонѣ Тироля. Сидятъ слева: о. Іоаннъ Долгій, Іоаннъ Хапакъ, Мих. Неструхъ, о. Іоаннъ Долгій, Іоаннъ Алексѣвъ Гукевичъ. П. рядъ: о. Алексѣй Конст. Гукевичъ, проф. дѣрь Николай Ів. Антоновичъ, о. Панчакъ, стоятъ: о. Іоаннъ Шкіхъ, г-жа О. Ганко, Іванъ Пачакъ, дѣкѣвъ о. Вое-нешъ, г-жа Мардаровичъ и о. Илья Мардаровичъ,

ко, послѣ совѣщаній, вложили проше-дойти до императора. Очень возможно, ние въ новый, наши заадрес званій кон-что правда то, что говорятъ, что импе-вертъ и отослать на почту. И подумать раторъ ничего не знаетъ о тѣмъ, что

бы Галичинѣ арестовано такое огромное число русскихъ священниковъ, мірской интеллигенти и интеллигентнаго крестьянства и мѣщанства и что военные круги это предъ нами скрываютъ.

27. дек. — Болото хотѣ утопись. Я спаль хорошо и мѣй значительно лучше. Утромъ былъ Василь. Я самъ, бѣзъ посторонней помощи, смогъ у себя привести все въ порядокъ. Намъ заявили, что почта въ течениѣ 14 дней не будетъ намъ ничего выдавать ини чего отъ насъ принимать, изъ-за карантину, видите-ли. Безголовые и мещаничиство!

На письма наложили карантинъ! А изъ каждого барака ежедневно люди ходятъ на работу и тамъ склоняется съ людьми изъ другихъ бараковъ, но это ничего, ибо тутъ дѣло въ томъ, чтобы даромъ, въ холодъ и головой работали. Даже нѣть распоряженій, чтобы по крайней мѣрѣ люди одной серии(10) бараковъ не склонялись съ людьми другой серии. А развѣ этимъ господамъ вѣдь наша жизнь, наше здоровье? Развѣ они не дали досроч и не даютъ и днесъ словами распоряженіями, заявленіями и дѣйствіями, сотни примѣровъ и доказательствъ, на то, что они были бы доволены, еслибы мы всеѣдѣ до одного погибѣ? Вѣдь же скучность и антисанитаріи бараковъ, тѣснота, холода, грызъ и пустота внутри бараковъ, отсутствіе врачебной опеки и лѣкарствъ, невозможная пища и ек渎ость, отсутствіе самыѣхъ необходимыхъ вещей въ помѣщеніяхъ, где содержатся сотни и тысячи человѣческихъ существъ въ заключеніи, — явно показываютъ, что всеѣ это расчитано на скорѣшнѣе истребленіе всѣхъ насы. Вѣдь же въ баракахъ нарочно не изолируются больныхъ отъ здоровыхъ. Всѣ это прямъ бѣть въ глаза. И мы совершиенно безнomoны и беззащитны. Впрочемъ куда и къ кому аппелировать? Мы вѣдѣ перешли вѣдѣ собственно подъ власть намѣстничества въ Грацѣ, а тутъ идетъ все по военному мошенничество и безголовье!

Здѣшнимъ русскимъ пѣтнискамъ австрійскіе офицеры раздаютъ по мазепински напечатаннымъ: брошюры „Царі, попи і люди. Женева. Українська друкарня,

1903“. Брошюры эти соціалистического содержанія, запальчиво выступаютъ противъ русскихъ царей и поповъ за то, что они до сихъ поръ ничего не сделали для народа, и взымаютъ пролетариатъ къ организаций и бунту.

Только что пошелъ „сватъ“ за горячимъ супомъ, упаль, какъ-то спотыкались, опарила себѣ обѣ руки и тепериче терпить. Столъко всякой бѣды — этого еще недоставало!

Мѣй лучше, но я лежу, чтобы не ухудшилось. Пощелъ бы въ больницу, если бы взяли. Тамъ лучше, говорятъ.

Аже теперіе мѣй уже въ Вѣнѣ и геринъ не страшны. Хотѣль бы даже попасть туда, чтобы только вырваться изъ проклятаго Талергофа, изъ этой зараженной эпидеміей долины. Въ каждый моментъ можно заранѣе и погибнуть, а такъ хотѣлось бы еще жить, увидѣть свою семью. Все хду момента, когда отправляю мене въ дорогу.

Пишутъ изъ Вѣнѣ (о. П.), что, моль, „мы на днѣхъ єдемъ въ Галичину“. Кто это мы? Священники въ Вѣнѣ или же и вѣсъ мы здѣсь?

Говорятъ онятъ о мірѣ, что будто говорятъ о немъ во Вѣнѣ и — улови-но вступаетъ въ душу наши. А туть приблизились наши празники Рождество Христова и не одинъ надѣялся, что на „святы“ побѣдѣтъ домой и радуется впередъ такъ, что вразъ ли кто изъ нихъ такъ рѣдовалъ, когда былъ мальчикомъ-школьникомъ и собирались побѣдѣтъ домой на „святы“. Такъ вчера, вѣтъ, выслали мы нинѣ телеграмму тому содержаніи, что, вѣтъ, идущіи наши Рождественскѣе праздники и потому, если есть милость отпустить насы, то подоходящимъ было бы особенно и непримѣрно передъ праздниками и т. п. А туть, смотри, карантинъ — и телеграммы не выслали. Ахъ какъ жестоко, безчеловѣчно терзать и мучить насы способами этихъ шабашъ А мы, наивные, всегда ихъ ставили въ пріѣздъ, хвалили ихъ точность, корректность, добросовѣстность, порядочность величали ихъ культурой!. Днесъ только и то здѣсь открылись намъ очи и мы, увидѣли ихъ настоящую физіономію.

— 19 —

Вернувшись ходившіе къ рапорту легаты. Полковникъ принялъ ихъ вѣжливо и заявилъ, что рѣшеніе многихъ нашихъ требованій будетъ зависѣть отъ санитарнай Комиссіи изъ Вѣнѣ, которая должна на-днѣхъ сюда прѣѣхать. Карантинъ еще нѣть и почта еще дѣйствуетъ.

Что же касается Majestatsgesuch-a, выяснилъ, что це-изурировала это наше прошеніе на высочайшее имя — офиціалъ Тимчукъ! Этотъ почти неграмотный и злостный „шипиль“ является цензоромъ прошений къ императору и отъ него зависитъ! дѣйдутъ ли они къ императору или нѣтъ? Впрочемъ офицеры смызяли, что въ всякомъ случаѣ таї Majestatsgesuch въ руки императора не попадетъ, насы може дѣлать разѣ въ до кабинетной канцелярии. Поэтому боятся эти предрѣжащіе, что императоръ не узнаетъ ничего о насы ни о томъ, что творится въ Талергофѣ.

(Особ. прик.) Ходимъ въ кантину, гдѣ помѣщается ресторанъ. Тамъ за деньги можно получить чѣо что съѣсть, но никогда тамъ нашего человека не вспятьнутъ внутрь а только позволятъ ему на дворѣ, безъ стола, стоя, съѣсть полученное. За свои деньги приходится наивать людямъ переносить и это униженѣ. На каждомъ шагу, во всемъ и всегда оскорблія.

По просьбѣ о. Вл. Венгриновича Телесинскаго стать уговоривающимъ, чтобы складчины что-то собрать для нашихъ больныхъ крестьянъ. Поддержалъ этиотъ прѣѣзжъ какъ разъ подошедшій дѣръ В. Могильницкій. Собрано между наими 105 кронъ и передано имъ въ руки дѣръ Могильницкаго для больныхъ крестьянъ

28. дек. Болото. Я здоровъ. Боль въ поясници ослабла. Слава Богу, я поднялся, ходилъ днѣсь по всѣмъ бара-камъ и осматривалъ тѣ изъ нихъ, которыѣ було бъ для насы назначено. Ходить насы перевѣсти въ баракъ № 22, а первую серію (наши) бараковъ отдать работникамъ. Во всѣхъ тѣхъ баракахъ находятся двойнѣи нары и въ однѣмъ баракѣ помѣститься около 400 человѣкъ.

Послѣ обѣда полковникъ привезъ тѣхъ, которые подписали Majestatsgesuch (о. Д. Киселевскаго, о. Сѣлецкаго, д-ра Н. П. Глѣбовицкаго, о. Гайдукевича д-ра О. Крушинскаго) для обѣлженій.

— Какъ вы могли писать къ императору — заявилъ онъ, — что вѣсъ 7000 человѣкъ невинны? Вѣдъ же тѣ немногіе, которые (свобождены отъ рассмотрѣнія дѣла въ военному суду, все таки предстанутъ передъ гражданскими судами. Прѣѣдѣ содержатся и должны здѣсь оставаться по политическимъ соображеніямъ и мотивамъ. Или же какъ вы могли написать, что солома, вышнанія ваны, не перемѣнилась уже 4 мѣсяца, — это не правда. Хорошо, я пошлю телеграмму, что это не отѣчѣствъ истинѣ.

Изъ этого можно бы заключать, что наши бъ телеграммахъ пошли или пойдутъ Повидимому, полковникъ недоволенъ тѣмъ, что мы посыпаемъ телеграммы, и вѣроятно будутъ противъ насы примѣнены разны обостренія. Противъ насы интригаютъ фельдфебель Пиллеръ и офиціалъ полиціи Тимчукъ. Сдѣлать наѣмъ полковника выговоръ также за то, что мы будутъ бы подговариваемъ народа, что бы не ходить на работу. Все это ложь.

Ожидаютъ теперь прибытія изъ Вѣнѣ сюда санитарнай комиссіи, о которой скказалъ намъ вчера полковникъ. Мы должны и ей представить наши требованія, ибо переносить все дальше, какъ теперіе есть, нѣть ни силъ ни возможнѣстіи.

Я днесъ почувствовалъ желаніе закурить и, встрѣтивъ Ромка, взялъ у него табакъ, свернулъ папироску и закурилъ. Днесъ изъ болѣтъ и трака такая хандра находится на человѣка, что можно и расплѣтись. И я пью водку изѣрѣка, хотя не пилъ до сихъ поръ. Ни пиши сно-сной нѣть здѣсь, ни овощей, фруктовъ такъ долго не видѣть, ни ничего кисло-го никогда не достанешь, берешъ чѣнѣбуль поежевать, покуритъ... Пощелъ и купилъ себѣ табаку за 32 гел.

(Особ. прик.) Свѧт. о. Драчинскаго арестовали жандармы и когда шелъ съ нимъ мимо ц. к. старосты (узданаго начальства) въ Вышнинѣ, о. Драчинскій скказалъ: „Поступимъ въ староство на минуту, староста меня хорошо знаетъ и можетъ меня освободить“. Но жан-

дарь на это отвѣтилъ: „Старость тѣперь никакого дѣла ко мнѣ быть не можетъ, и ничего мнѣ не можетъ прикасывать!“ Повидимому жандармъ пра-дѣстѣленъ высшую власть чѣмъ начальственныемъ надъ ними старостамъ.

Карантинъ официально еще не установленъ. Что то крутятъ. Говорятъ, что строющиця бараки должны быть готовы къ 1-му января 1915 года, но въ виду того, что времени осталось очень мало и не спрашиваютъ, то придумали поднять шумъ изъ-за карантинъ и оправдываться тѣмъ, что, молъ, работниковъ не возможно было брать на работу и дѣло затянулось. А то, вотъ, вечеромъ изѣляютъ людямъ прививку, а на другой за тѣмъ день утромъ гонять тѣхъ же людей на работу, совершенно не обращая вниманія на то, что ихъ очень болѣтъ рука и они работать не въ силахъ.

(Особ. зѣмч.) Въ Ланцутѣ судебный официалъ Стефанъ Скочинская разсказывалъ, что его жена родила. Присутствовавшій врачъ установилъ, что роды тяжелы и что предстоитъ операция. Варугъ входить жандармъ и его (С. Скочинская) арестуетъ. Арестуемый просить пощадить его и оставить, указываютъ на свое и жены тяжелое положеніе, врачъ также заступается, но все это напрасно. Жандармъ съ арестованными ушелъ, жена скочинская и на квартире остались ѿ двоихъ дѣтей-сиротокъ, лишившися разомъ и отца и матери.

29 дек. — Однажды большой этой ночью вырвался и пошелъ къ воротамъ. Постовой трижды „глазотвѣтъ“ его, но видѣлъ, что идущій не обращаетъ на это вниманіе, выстрѣлилъ въ него и ранілъ его. Раненый попросилъ къ себѣ о. Вл. Венгриновича, чтобы исповѣдывалъ его.

Дождь. Грязь. Я чувствую себя совершенно здоровымъ.

Въ 10 ч. зашелъ къ намъ капитанъ Штрикъ по слѣдующему дѣлу: Онъ желаетъ узнать, что нужно православнымъ священникамъ для совершения ихъ богослуженій. Они ему сказали, что иль запрещено служить на томъ же престолѣ и даже въ той же церкви, что и католикамъ. Въ отвѣтъ на это капитанъ за-

явилъ, что можетъ быть одинъ престолъ (собственнъ только скрипки) для греко-католиковъ, а другой для греко-православныхъ (православныхъ). Относительно того, что нужно нашему клиру, коечто у него въ тетрадкѣ уже было отмѣчено, навѣрно въ другихъ баракахъ ему уже сказали.

Вотъ и дождемся здѣсь наконецъ церкви и престола и возможности слушать богослуженія, какъ полагается, исполнять наши душпаштырскыя обязанности въ заключеніи. А наши церкви тамъ, въ родномъ kraю, спустились. А наши престолы въ нихъ долго ждутъ нашего возвращенія, и сердце каждого изъ насъ жаждетъ и ждетъ太极ко此刻的 времена, когда мы сможемъ тамъ, въ своей церкви и передъ своимъ престоломъ, слухъ литургію, вознести руки и души горѣ.

Днѣсь посѣтилъ я о. Сеника. Онъ лежитъ, страдая болью зубовъ и головы. Мы заговорили о предстоящей намъ позѣдѣкѣ и оба согласились въ томъ, что въ настоящий моментъ считали бы ее истинными благодѣяніями, ибо наши пластицы здѣсь могутъ и дальше мучить наше всіячески, приѣмѣнія самыя строгія мѣры карантину (закрытѣ канцінъ прекращеніе почтовыхъ и телеграфныхъ сошеній, запрещеніе взаимныхъ посѣщеній обитателей отдѣльныхъ бараковъ и т. п.). Но вопросъ только выдалъ ли насть, когда насть потребуютъ во Вѣну? Не отѣлѣются ли и въ этомъ случаѣ укваниемъ на карантинъ?

Ночью постовой проколотъ одного крестьянина.

30 дек. — Сверху солнце, внизу грязь. Д-ръ Могильницкій заявилъ, что крестьяне переносятъ брюшной тифъ въ общемъ легко, а птичій же не. Хвалитъ Господа! Всѣмъ намъ полечатъ, когда это узнали, и бодрость вселится опять въ сердца наши.

Нѣкоторыя семьи переходятъ въ 80-й баракъ и хотѣтъ туда перейти съ Янкомъ и сватомъ. Ходилъ къ Коломыцѣ, но его не застали, просятъ брата, неудалось бы и намъ получить одну каюту, но это кажется, не удастся. При-

дется ждать завершенія постройки другого барака. Въ Вѣну не высыпаютъ.

Въ первой серии (дѣстъ бараковъ) состоялся врачебный осмотръ (ревизія). Побелокоено и насть. Всѣ вышли передъ баракомъ и стали четвергами. Бесь этотъ осмотръ производится, повинуясь, чтобы подорвать и подавать въ людяхъ всякое чувство стыда. У нѣкоторыхъ субъектовъ взаимно отрублены нравы. Повелѣніе нѣкоторыхъ (обоего пола) таково, что при ихъ вѣдѣ невольно спрашивашъ, не интерно-

при обыкновѣ у него было найдено много чужихъ вещей, денегъ и пр. Арестованы также и его сообщники или, какъ онъ самъ называлъ ихъ, „волоты канарейки“. Спасибо и признательность за это о. Гумецкому, который собралъ весь обвиняющій Deutscher матеріалъ и свидѣтелей и въ старательно и вѣско обоснованной жалобѣ предложилъ его прежде всего капитану Штрику, стѣмъ, чтобы, съ нимъ ознакомившись, передать его полковнику, а, если бы это сдѣлать ему было непріятно, возвратить его ему

Internierten-Lager Thalerhof.

№ 1182

Name des Internierten:

Химинская Надежда

Baracke № (XXX) XIV

ТАЛЕРГОФЪ.

Легитимація интернированныхъ въ Талергофѣ.

ваны ли они здѣсь съ той цѣлью, чтобы вносить разложение и деморализацию среди заключенныхъ, подобно какъ съ другой цѣлью доносики и „шишки“. Къ этому повидимому, ведутъ и на это расчѣты и постоянныяunjженія и оскорблѣнія, которымъ подвергаются узники, и ругательства, и тѣсноты и скучнѣсть въ баракахъ и разрывы семействъ, и общія отхожія мѣста для мужчинъ и женщинъ и мн. др.

31 дек. — Полковникъ приказалъ Deutscher-a замкнуть послѣ того, какъ

(о. Ю. Гумецкому). Но жалоба затѣмъ пошла правильнымъ путемъ и въ результатѣ Deutscher, настоящій падачъ и изъѣзжатель невинныхъ людей, попался. Его „канарейки“, въ ихъ числѣ студенты-мазепинцы, были комендантами преимущественно въ III серии бараковъ и прѣстѣлѣвали и прѣстѣлѣвали безнаказанно много невинныхъ людей долгомъ гремя и только теперь вмѣстѣ съ его по-ражениемъ, споткнулись.

Говорятъ, что императоръ распо-дили абсолюту, т. е. прекращеніе уг-

ловного преследования интроверниных, но не знаешь, вѣрою ли это. Если бы это было вѣрно, я не побѣжал бы въ Вѣну.

Тифозная эпидемія ослабѣваетъ, покойниковъ бываетъ ежедневно по 3—5 человѣкъ, болѣваютъ простыя люди и интеллигенты, но случаевъ смерти среди послѣднихъ бываетъ меньше.

Составилъ днесъ телеграмму въ Младый Болеславъ на адрессъ фирмы слѣд. содержанія: *Drahtel wo und ob gesund Bohdan. Maszczak (Телеграфуйте, гдѣ и здоровъ ли Богданъ). Отвѣтъ уплатить. Телеграмма пойдетъ автрамъ. Очень хотѣть бы узнать, что съ Богданомъ.*

Мошенничество Deutscher-a (румынскаго еврея): По ходѣ изъ гангла Витошинскаго, какъ *Zimmer*-командентъ, занялъ его место Deutscher и сразу же начались его злоупытія. Занялъ у о. Евгения Хильяка бронѣ и взялся за операциіи съ тютономъ. Покупалъ табакъ и продавалъ его находящимся подъ его нальзоромъ людямъ по 1 крона. При выдачѣ пищи бывшіе шедрьмы по отношенію тѣхъ, которые дали ему взятку и обижали остальныхъ. При получении заключенныхъ отѣжды, больше чѣмъ другое получали тѣ, кто у Deutscher-a окапуливались. Они получали для раздаиія краине нуждающимся одѣлъ и коши, но имъ ихъ не передавали, а продавали. Составлять и представлять администраціи ложные списки нуждающихся. Непокорныхъ, протестующихъ и жалующихъ на эти злоупотребленія и притѣсненія, бились безъ милосердія. Послушныи помощники ками у него были также палочники, которые по его жесту бросали на человѣкія избивали до полусмерти. Бывали случаи, что эти его палочники поздней ночью кидались какъ зебры на спящаго узника и били и душили (давили) его. Не одинъ изъ заключенныхъ отъ этихъ побѣ вскорѣ и умеръ. Приводили брудницъ, насаждавшихъ деморализацию, особенно невозможно было поведение одной румынки. Съ таковой одной она самъ разгриничала на глазахъ окружающей среды, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что съ одной стороны тутъ

же лежаль и умиралъ больной, а съ другой также сблизка смотрѣли два мальчика (А. и К.). Если полковникъ давалъ заключеннымъ нѣкоторыя льготы, Deutscher опаздывалъ съ объявленіемъ обѣтъ. Такъ когда полковникъ позволилъ всѣмъ кто хочетъ, курить, то Deutscher объявлялъ обѣтъ этого въ гангарѣ только недѣлю спустя, а за это время усиленно торговалъ. Впрочемъ не перечислить всѣ его продѣлки иѣть никакой возможности, ибо тѣ, кто находились подъ его властью, сообщають все новая и новая.

Январь 1915 г.

1. янв 1915 г. — Быль ночью морозъ и мы имъ доволны — можемъ разнѣ наконъ по-суху пройтись. Въ гранцихъ газетахъ тѣхъ бодръ, хотя замѣтно что слово „Friede“ (миръ) подпадаетъ все чаще.

Вчера приходилъ Иванъ Федиковъ и просилъ его днесъ исповѣдать. Очень осунулся старикъ и кажется, что сложитъ свои кости въ Талергофъ. Я попросилъ о. Вл. Венгриновича принять его исповѣдь что онъ сегодня и сдѣлалъ. Узнать я, что Василий заболѣлъ. Я попросилъ дѣра Могилѣнскаго ухаживать за нимъ и самъ уплаку. Настроение у всѣхъ насъ все болѣе и болѣе дарованное приближается сочельникъ и каждый изъ насъ чувствуетъ, что онъ долженъ бы быть отпразднованъ нами не аѣдѣ, а въ родномъ kraю и въ своей семье.

Днесъ узналъ я, что третьяго дня умѣлъ 14-лѣтній мальчикъ сынъ о. Юлиана Барановскаго изъ Скоморохъ новыѣ. Онъ бѣднаго попалъ въ гангарѣ и поздно перешелъ въ послѣдніе бараки. Лихшій теплой одѣлѣи и денежной поддержки — погибъ. Вотъ еще одна жертва своею нашей жандарміи. Оторвали мальчика отъ родителей, лишили всякой опеки и убили. За что? — извѣто, по дикой прихоти. Даже ни разу никогда его не допрашивали, не навели никакихъ на немъ справокъ, не скажали ему, недозрѣваютъ ли его и въ чѣмъ.

2. января. — Легкій приморозъ, потомъ оттепель, а вечеромъ дождь. Вечеромъ о. Крушинскій, комендантъ VI барака, огласилъ фамилии 46 лицъ, выпущенныхъ на свободу.

Померь Иванъ Федиковъ. Надѣялся покойникомъ о. Венгриновичъ и я отслужили панихиду (онъ лежалъ еще на постели). Петро К. прислуживалъ дѣякомъ Возвращаясь со панихиды, я поспѣшилъ въ 17-й баракъ, къ Василию Мартынову — онъ боленъ, весь въ жару. Я прописалъ дѣра Могилѣнскаго присматривать за нимъ. Посѣтилъ его вчера и днесъ, хотя днесъ жаръ, кажется, чуточку ниже, но болѣй горитъ, весь покервѣлъ. Сказали ему, что буду у него и завтра, принесу лимонъ на лимонадъ.

3. янв. Всю ночь лиль дождь. До обѣда опять прошли 58 фамилий освобожденія крестынъ.

Посѣдъ обѣда купилъ 4 лимона и сахаръ и отправился въ 17-й баракъ. По пути встрѣтился съ дѣромъ Могилѣнскимъ. Онъ сказалъ, что Василий особенно тѣжко страдаетъ, ибо у него кромѣ тифознаго жара и неврэгіи одной половины лица. Около большого Василия находятся Франко Горянка, Павелъ Людкевичъ, Михаилъ Лотоцкій, Юрий Токарь и Илья Гоняль. Я постѣли у его постели иѣкоторое время, угѣшталъ какъ могъ и, поручивъ его спѣкѣ окружющихъ ушѣ.

Писалъ о. Юркевичъ, что быль въ испанскомъ посольствѣ, передалъ наше письмо и просилъ чрезъ русское правительство уѣздомъ наши семьи въ Галичинѣ о нашемъ мѣстопребываніи и здоровье. Даѣтъ бы то милостивый Господь, чтобы всѣ наши тамъ скоро узнали о наѣсѣ, а то они убиваются и скрываютъ, ничего не зная о нашей судьбѣ уже такъ долго.

Телеграмма въ Младый Болеславъ къ Лавр. и Клементу можетъ быть вывѣдена уѣздомъ въ Галичинѣ. Тогда удастся выслать, спрашивай въ ней, живъ ли и гдѣ Богданъ; отвѣтъ упала.

Вечеромъ прибылъ новый транспортъ узниковъ отъ Горлицъ на Лемковщинѣ. Говорятъ, что вся Лемковщина занята русскими войсками, что около

Граба 25.000 австр. солдатъ попало въ пленъ, а что и какъ есть на дѣлѣ, точно узнать невозможно.

4. янв. — И въ эту ночь лиль дождь.

Днесъ въ 12 ч. внезапно скончался на удара сердца о. Сѣлецкій. Пощель емѣтъ съ Гисовскимъ въ кантику долѣсть вина, такъ какъ вѣрчъ позволилъ ему и прописалъ пить вино. Кантинерка не хотѣла ему продать и набросилась на него съ бранью, что „такимъ измѣнникамъ, которые посылаютъ жалобы, вино не продаѣтъ“. Слыши это, о. Сѣлецкій, виналь въ такомъ волненіе, что покачнулся и падъ на землю мертвымъ. Впрочемъ, его уже вчера вечеромъ страшно потрясла роскошная вѣсть, сообщенная новоприбывшими людьми съ транспортомъ отъ Горлицъ, что его приходъ до тѣа разорены и сожгены. Нсю ночь не спалъ и былъ крайне разстроенъ. Мы бѣли обѣдъ, когда о. Олимпий Полянскій пришелъ и извѣстилъ обѣтъ зятя покойного, о. Ст. Гайду. Вѣсть эта всѣхъ насъ болѣно поразила, ибо покойного всѣ уважали и любили. Вотъ и жизнь человѣческая!.. Покой его доброй душѣ! Вѣчна ему память!

Вечеромъ изловали VI баракъ, такъ какъ тамъ одинъ заболѣлъ тифомъ. Опять всѣ мы въ унынї. Продлится карантинъ, прекратится почтовый обѣгъ и движеніе, а гдѣ, которымъ уже объявлено освобожденіе и даже выданы легитимаціи, будутъ вынуждены адѣль дальше оставаться и ждать, ждать безъ конца.

Читалъ я свѣжія газеты (между прочими Zeit), узнаемъ, что въ Угорицѣ хлѣба (житъ и пшеница) очень мало. Похоже на то, что воюющая противная сторона пригласить на помощь Японию. И какѣ же тутъ виды на близкій конецъ войны?

5. янв. — Мороза нѣтъ. Болото, тяжко перейти. Просимъ Бога о хорошей погодѣ, тогда вѣроятно и болѣзни прекратились бы.

На похоронахъ о. Сѣлецкаго пошли мы и хоръ. Сынчила полковникъ распорядилъ, чтобы похоронахъ о. Сѣлецкаго состоялись, какъ всякаго другого заключенного,

то значить без участія посторонних, а только в присутствій ближайших родственников и еще кое-кого. Но в дѣло вмѣшился капитанъ Strick, который очень любилъ покойного, и по настоянію капитана, полковникъ разрѣшилъ участіе хора и другихъ заключенныхъ.

Общий карантинъ. "Вахи" (стражу) отъ насъ забираютъ, кантинъ сносятъ и предпринять цѣлый рядъ другихъ мѣръ на подобіи тѣхъ, которыя предпринимаются во время холеры. Вотъ каковы намъ будуть праздники Рождества Христова!

Но кажется, что карантинъ долго длиться не сможетъ. Дѣло въ томъ, что изъ него и офицерами нельзя отсюда выѣздить въ Грацу и они будутъ весьма заинтересованы въ томъ, чтобы эта изоляція была отмѣнена.

Номеръ могилы о. Сѣльскаго 264.

Изъ нашего барака освобождены три священника, о. Черкасскій, В. Гургула и Коростенскій, съ отмѣткой на нихъ легитимаціяхъ, что они должны находиться далеко отъ прифронтовой линии.

6. янв. — Навечеріе Рождества Христова — нашъ Святы Вечеръ!

Морозъ. Ясно. И такъ, мы всѣ наѣхались, что на Рождественские праздники, мы не будемъ въ Талергофѣ, а вернемся въ Галичину. Ходили слухи, что насъ, священниковъ, отправятъ на родину, но все это — обманъ. Горько, жалко и тяжело на душѣ. Каждый думаетъ о домѣ, о родныхъ, каждый душой и сердцемъ въ той родной мѣстности, изъ которой вырыванъ внезапно и насилиственно. Каждый чувствуетъ и знаетъ, что тамъ у его родныхъ, и близкихъ, также днесъ — печаль, скорбь и горечь. Тамъ, теперь наши жены и дочери готовятъ, вѣято, кое-что на вѣчеро и — заливаются слезами, а другія, быть можетъ, и не въ своей хатѣ, а гдѣ-то у чужихъ слоняются и онѣ тоже плачутъ, оплакиваючиъ свою горькую судьбу, вспоминая лучшее, счастливѣшее прошлое, когда такъ уютно, тихо и покойно жилось въ своей семье и такъ свѣтло и весело праздновался

Святы Вечеръ... Га, что же подѣлаешь? такъ, видно, Богу угодно было!

Что же, мы убиваемъ и терзаемъ, а наши сыновья на поляхъ сражений гибнутъ отъ пули, ранъ, мороза и голода. Кто все это увидитъ, прочувствуетъ, мысленно обѣзмѣляетъ, разберетъ? А когда туда полетишь мыслями, и вообразишь себѣ, что находишься на ихъ мѣстѣ, купно съ ними страждешь, переносишь всѣ тягости, опасности и переживания, падаешь мгновенно подкошеннымъ и въ невыносимыхъ страшныхъ мученіяхъ кончаешь свою жизнь въ такой како тамъ обстановкѣ, то вздохнешь и скажешь: всѣ таки мѣръ здесь лучше!

Съ утра я ходилъ. Около 9 ч. Янко пошелъ въ кантину и принесъ селедку (за 30 гел.), и булку за 44 гел. — вотъ и все на наши праздники. Вчера я купилъ швейцарскаго сыра на 1 крону. Погодился съ Янкомъ. Ни яблокъ, ни ничего другого крайни необходимаго, не доставили намъ наши кантиниры. Можетъ быть, всemu помѣшилъ карантинъ.

Въ 11 ч. отслужили мы царскіе часы. Объявлено о выпускѣ 100 человѣкъ на свободу (теперь ежедневно объявляютъ), завтра они получатъ легитимацію.

На обѣдъ получили мы густые ма-кароны, помазанные, конечно, не масломъ, а чѣмъ-то инымъ, кунероломъ, что ли.

К вечеру Телесницкій обратился ко собраннію со словомъ слѣд. содержаній: Судба рѣшила, что мы должны провести праздники Рождества Христова здѣсь, въ тюрьмѣ. Но вѣрность и служеніе великимъ идеямъ требуютъ и великихъ жертвъ. Со скорбью въ сердца будемъ линеъ однѣ (священники) служить, другіе (мѣряне) слушать великое повечеріе съ литиємъ, послѣ которыхъ каждый изъ насъ получить частичу поблагословленнаго хлѣба и пшеницы, и вкушавъ ихъ, вспомнить наши Рождественскіе праздники на родинѣ. Грустно здѣсь намъ и тамъ нашимъ роднымъ, оплакивающимъ, быть можетъ, насъ и считающимъ насъ погибшими. Въ нынѣшніхъ здѣшніхъ условіяхъ и обстоятельствахъ не могу сказать вамъ по обычая, что желаю вамъ веселыхъ

праздниковъ, но я вамъ желаю здоровья, сильнаго и мужества перенести побѣдно всѣ выпавши намъ испытанія и удары и дождаться скораго освобождѣнія и возвращенія на родину.

Слова эти многихъ тронули до слезъ.

Купилъ за 70 гел. „струдель“ (родъ пирожного) — вотъ теперь и будетъ больше по праздничному!

А вѣсти получаются невеселыя. Вы-пущеній на свободу и проживающій

Рахмиструкъ (каеедральный лѣкарь изъ Черновцовъ) лишился днесъ и синевы и рома и паль духомъ совсѣмъ. Да и другимъ невеселъ. Чайо удалось намъ раздобыть да и то маленечко. Въ 4 ч. подали чай.

Въ 5 ч. 30 м. въ баракѣ поставили столецъ (низкий столикъ), положили на него немножко соломы (вместо сѣна), прикрыли обрускомъ, поставили пару сѣочекъ, съ хлѣбцемъ, миску сваренной пшеницы, чашку вина и баночку олиры и

ТАЛЕРГОФЪ. Дѣтскій баракъ.

теперь во Вѣнѣ о. Круликовскій пишетъ, что ему не выплатили всей конгрю за прошлые мѣсяцы, а выдали ему только иѣкоторый зачетъ, такъ что жить, все равно, не начнѣтъ. Вотъ тѣ перспективы! Могутъ такъ же и намъ не выплачивать конгрю и чѣмъ же намъ, если бы мы и были отсюда освобождены и только конфионированы, жить тогда? Мѣръ свою малость денегъ нужно беречь, чтобы на всякий случай имѣть при себѣ по крайней мѣрѣ на желѣзнодорожный билетъ

передъ всѣмъ этимъ отслужены были великое повечеріе и літія. Послѣдовало „мирование“ (елепомазаніе), совершенное о. Гелитовичемъ, при общей трапезѣ. По очереди каждый со своею ложкой, проходя около столика покушалъ пшеницы и вина и мирился. Хлѣбцы, съ печатками на верху, были мелко покрошены и разданы всѣмъ въ баракѣ по кусочку. Все это, въ крайней обстановкѣ, было весьма трогательно и умилительно.

Потомъ пошли взаимнія благопожеланія. Другъ другу обнимали и цѣловали, а изъ устъ слалися одинъ и тѣ же пожеланія: Даи вѣнчъ намъ, Господи, скоро выйти на свободу и уничтожить родину змію!

Затѣмъ гошель якъ Янкю—онъ въ III Zug-ѣ (изводѣ) — на геч рю. Янко по-забылъ: капусты, сырь, „москаля“—сельдку, меду и булку (Milchbrot), яблоки поставили на столчикъ. Я принесъ свой „струделъ“ съ яблочками. Такъ кушали мы и попили молока. Посидѣли мы, по-говорили о ролинѣ и близкихъ, неразъздражалъ головъ въ горлѣ, но каждый старался владѣть собой, чтобы не раз-стравливать другого. Въ 8 ч 30 м. я возвратился во свояси. Сталъ колядовать, а такъ какъ колядники (книжки съ ко-лядками) нѣтъ, то такъ, по памяти, скажи съ колядами по 1 — 2 строфы.

(Отъ братя лосица получить я теплый коць, который стѣло себѣ на солому, отчего мякъ и теплѣй спать).

Вчера газета Volksblatt принесла председицу п. а. Die Stellung des Rates in dem Weltkriege (отношеніе папы къ всемирной войнѣ), въ которой говорится, что папа Бенедикт XV прилагаетъ старанія и усилия къ заключенію мира. Тронуло настъ это. Мы бѣ дѣ проплыли: „Слава во вышнихъ Богу и на землѣ миръ, во члѣвѣбѣ благословеніе“ — и маленькая надежда на миръ, какъ съять вѣ-еріи звѣздочки засыла въ сердцахъ нашихъ.

7. янв.—Рождество Господа нашего Іисуса Христа. Морозъ. Всѣ ходятъ сугрѣ. И въ первыхъ ви-дѣніи много людей, высказывающихъ благопожеланія и лобызывающихъ другъ друга. Наши въ телеграммѣ, которыхъ отправить администрація не хотѣла и возвращала и изъ которыхъ полковникъ еще злился, что въ нихъ ложь подана—днесъ отрапливали. Солдатъ — чиновникъ самъ заявилъ намъ, что телеграммы днесъ могутъ отойти. Мы обрадовались. Въ телеграммѣ мы просимъ, чтобы насъ пустили на свободу. Въ телеграммѣ къ императору заключается просьба, чтобы издать аболи-шию для тѣхъ, которые обвинены. Слава

Тѣбѣ, Господи, день Рождества Христова для настъ по-истинѣ радостенъ!

Еще одно: Днесъ по телефону спрашивалъ генераль Курьловичъ изъ Вѣны нашу команду, здоровъ ли здесь его братъ Никифоръ. Самъ полковникъ Штадлер приѣхалъ въ 30-й баракъ къ Никифору посмотретьъ, здоровъ ли онъ. Знаменательно въ этомъ случаѣ то, что генералъ до сихъ порѣ не желѣлъ признаваться къ родству и не помогъ Никифору, несмотря на его постоянные мольбы, вырваться изъ Талергофра. Ажъ днесъ все таки вспомнилъ.

Отслужили обѣдніцу. Хоръ пѣлъ. Пост旣 обѣда купили я—3 булки (Milchbrot) и апельсины и пошли въ 17-й баракъ, занести заключеннымъ тамъ моимъ прихожанамъ, „Благодатъ“. Уѣмъ тамъ караульный солдатъ встрѣтилъ мене своимъ громкимъ рѣзкимъ: чи гѣскѣ (назадъ), ибо баракъ попалъ въ число изолированныхъ. Я булки принесъ и отнесъ 2 изъ нихъ Янку, одну же самъ сѣвъ съ кофе.

Дѣръ Могилевицкий сказълъ мнѣ, что Василь въ жару — быть можетъ у него тѣфъ.

Вечеромъ опять огласили фамилии около 60 освобожденныхъ, преимущественно крестьянъ.

8. янв.—Соборъ Пресв. Богородицы, св. Іосифа. Вчера вечеромъ высказали мы благожеланія нашимъ товарищамъ Іосифамъ. Днесъ утромъ, послѣ морозовъ, я высказывалъ пожеланія брату. Быть легкимъ морозомъ, около полуночи настала оттепель и грязь будетъ до вечера. Отслужили обѣдніцу до полуночи.

Говорятъ будто Владимира Курьловича пустили на свободу въ Вѣнѣ и что, быть можетъ, это обстоятельство вселило храбрость въ брата генерала спросить вчера по телефону о здоровье Никифора. Если же Владимира освободили, то предполагаютъ, что мене не будуть выывать въ Вѣнѣ, вѣдъ же опять тоже былъ въ Собѣтѣ. Дай это, Господи! Вѣнѣ синъ Господи и диви суть дѣла Твоя и ни единъ же слово довольно есть къ похваленію чудесъ Твоихъ.

Вечеромъ раздали о. Преличъ одежду. Вѣтъ записавшися получили — ни-о-

му не отказано. Вышли и куревы, такъ какъ часто изъ кирпича получали штаны большими размѣровъ, въ высокомъ, малыхъ.

9. янв.—Морозъ. Холодно. Вѣтъ на-шемъ баракѣ строить печь изъ кирпича. Качалѣ объяснили, что слѣдствіе противъ него по Anzeig-у (допису) простирано, но интерпритированіемъ все таки остается. Люди страдаютъ все больше и большеревматизмомъ. Мой ссыль Феодор Костецкій стонетъ. Принимать отъ времена до времени аспиринъ, который ему временно помогаетъ. Выпилъ утромъ стаканъ сливокъ (20 гел.).

Днесъ помѣстили въ наши гангры бъ аэропланы для ремонта и издано распоряженіе, чтобы мы, во время ихъ полета, не выходили, а сидѣли въ баракахъ. Вечеромъ сыграли я партію преферанса.

10. янв.—Морозъ нѣтъ, грязно. Отслужили обѣдніцу. Померло 13 че-ловѣкъ. Испугъ спать писчъ по баракамъ. Ульные овѣлья есть, тѣмъ болѣе на дворѣ грязь — непрѣятель. На театрѣ военныхъ дѣйствій безъ пе-ремѣнъ.

11. янв.—Морозъ, день ясный и прѣятель. Отъ днесъ начинаетъ дѣйствовать наша баня. Днесъ должны идти купаться изъ VII барака, а завтра мы, лишь бы не приступиться!

Уже до полуночи было свыше де-сятка покойниковъ. Ужасъ. Вымѣрѣлъ здѣсь, на чужбинѣ, русской народъ весы, если Господь надѣлъ имъ не смилосердіе. Нечего думать о легитимаціи и объ освобожденіи.

Съ полуночи настала оттепель, грязь и холодъ. Всѣкій обѣжъ въ баракѣ, а здѣсь тепло и мило, ибо здѣсь ставить печь изъ кирпичей. Замѣчательный способъ сооруженія печи безъ „Лін-овъ“ (одуванчика), но у каждой печки труба. Въ печкѣ имѣется вставленный Blatt (плита), такъ что можно варить или пріговаривать пищу. Постъ обѣда народъ спитъ по баракамъ. Я сплю въ брю-хѣ и теплѣй жилѣтъ, опасаясь почной простуды и дѣйствія ревматизма.

Въ Грацѣ снова состоялось будто бы вѣче, на которомъ потребовали снесе-ния талергофскаго лагеря.

12. янв.—Дѣръ Н. Глѣбовицкій составилъ днесъ телеграммы депутатамъ Гормузаки и Крамаржу съ просьбой, чтобы они холатѣйствовали по дѣлу на-шихъ телеграммъ, высланныхъ 7-го ян-варя императору, министру и четыремъ ми-нистрамъ. Ненавѣстно, будутъ ли эти наши телеграммы приняты?

До полуночи умерло 6 человекъ, однѣмъ ребенокъ. Штукартизацию печи днесъ завершаютъ. Купанье вѣтъ хва-лятъ. Съ нетерпѣніемъ выждаешь оче-реди.

До вечера умерли еще 5 чел. Телеграммы къ Крамаржу и бар-Гормузаки не приняты, но вѣтъ же време-лемъ телеграммыпольскаго кенцда В. За-мойского приняты!

Въ газетахъ пишутъ, что будто Русское Слово писало недавнѣ, что Россія, Франція и Сербія могли бы уже заключить миръ, такъ какъ Англіяѣз-дѣть на Россіи, какъ ѳаѣдокъ на скако-вой лошади.

13. янв.—Морозъ. Утро хароешее, но холодное. Я всталъ въ полов. 7 ч.

Администраціей получена телеграм-ма изъ Вѣны, что съ д. рв. Масицюхъ на-значено настоятелемъ прихода въ Талергофскомъ лагерѣ. Догадались нако нечай сдѣлать это послѣ того, какъ на талергофскомъ кладбищѣ усыпаниемъ уже 320 могиль наѣхъ глиняными останками тѣхъ нашихъ людей, которыхъ умерли безъ исповѣди, такъ какъ не дано на-шимъ священникамъ разрѣшенія на это. Кто же отвѣтитъ предъ Богомъ за ду-ши 320 покойниковъ, умершихъ безъ покаянія? А вѣдъ же въ свое время, еще въ начальѣ октября, обращалась дѣръ с. Малинѣкъ къ грацкому архиепископу съ просьбой, чтобы дать намъ, священникамъ, диспенсъ исповѣдывать и совер-шать надѣль болѣніемъ таинство елеосвѧ-щенія. Но безъ результата. никто изъ высшей духовной іерархіи не поклялся посвѣтить насъ здѣсь, высушивать наши прости-ду, понтересоваться нашимъ по-ложениемъ. Никто! Вотъ какъ Римъ вѣ-

деть себя въ такихъ случаяхъ! Одно у него на словахъ, а совершенно другое на дѣлѣ! Испытали мы это на самихъ себѣ здѣсь, въ Талергрофѣ.

Ежедневно наль нашими бараками лятаютъ аэропланы.

Вчера передаѣть я брату Іосифу на карточкѣ фамилии въ лицѣ, желающихъ получить въ новомъ баракѣ для себя отдельную кабину. Записаны тамъ: Я, Іосифъ, о. Іоанній Киселевскій, о. Потерейко, судьи Феофиль Костецкій (— дна фамилия нечетка).

Днесь заканчивается Стары Годъ Постъ обѣда служится вечерня.

Вчера надъ больнымъ о. Іосифомъ Черкасскимъ, священникомъ (оо. Процкъ, Плещевичъ, Ст. Крушельницкій) совершили елеосвященіе. Онъ — 75-лѣтний старикъ.

Померло 20 чел.!

14 янв.—Новы Годъ. Пошли по жаланію: здоровы, освобождены и мира. Морозъ и сухо, но и стужа порядочна.

Берхтолдъ вышелъ въ отставку. Такъ какъ его считаютъ газеты сторонникомъ и виновникомъ войны то съ его уходомъ надежды на миръ больше. Его мѣсто занялъ Бурантъ.

Вечеромъ скончался о. Іосифъ Черкасский. Панихида отслужилъ о. Малинський.

15 янв.—Морозъ Воздухъ пріятный. Собралось настъ 15 чел., сложили по 50 гел. и удалось намъ пойти въ бани, но дожидаясь, когда придетъ очередь на нашъ баракъ. Купанье всмѣхъ было пріятно: вымылись порядочно и стали и почувствовали себя болѣе здоровыми.

Покойниковъ было 7 чл.

16 янв.—Морозъ. Послѣ купанья спалъ отлично. Ходятъ слухи, что будто черезъ 2—3 недѣли настъ освободятъ. Одинъ священникъ получилъ письмо изъ Вѣны, въ которомъ сообщается, что всѣ священники въ преклонномъ возрастѣ будутъ освобождены.

Говорили мы съ покойникомъ объ устройствѣ водосвятія въ день Бог. явленія. Полковникъ отказалъ вѣживо въ разрѣшении, ссылаясь на то, что теперь въ баракахъ эпидемія.

17 янв.—Морозъ. Чудный день, ясный съ самого утра. Я гуляю съ утра и пользуюсь свѣжимъ воздухомъ. Писалъ кто то изъ Вѣны, что о. Филиппъ поѣхалъ въ Римъ будто бы въ нашемъ дѣлѣ. Вить и обманываемъ самихъ себя всѣкими слухами, всѣстями взятыми — какъ о. Евгений Хилькъ говорить — aus der Zeitung (глупости) — Zeitung, редакціей которой въ VI баракѣ, а отѣственными редакторомъ о. Крушинскій.

Покойниковъ 14 чл. Скоропостижно померла жена о. Лесеты отъ разрыва сердца. Вить и еще одна наша матушка почтѣ въ талергофскомъ кладбищѣ. Отслуженъ акаинистъ къ Покрову Пресв. Богородицы.

Говорять, что въ теченій 14 дней всѣхъ настъ распустятъ. Однихъ пустятъ на волю, часть же будетъ конфинирована, именно въ Грацѣ тѣ, у которыхъ уже будетъ обвинительный актъ, а всѣ проче интернированные будуть переведены въ иную мѣстность, куда-то 3—4 мили отъ Граца. Такую вѣсть получить судья Гисовскій отъ офицера. Вѣрили это? Ахъ, сколько уже подобныхъ слуховъ было!

18 янв.—Спалъ хорошо. Холодно. Всталъ рано. Канунъ Богоявленія. Въ 10 ч. отслужили царскіе часы, а за тѣмъ о. Гелитовичъ, въ сослуженіи оо. Іоанна Мацака и Сенишина, водосвятіе. Вода была въ 3 сосудахъ. Наші люди сдѣлали изъ дерева 3 трикірия, въ которые водружены были свѣчки, какъ удалось достать. Водосвятіе совершиено по требнику. Торжественно — мно-
гозначительно раздавались произносимыя священномѣстствующими слова: «Вѣлій еси Господи и чудни суть дѣла Твоя и ни единю же слово, доволено есть къ воскваленію чудесъ Твоихъ». Да, «чудная дѣла», это видимъ теперь!

По водосвятію о. Гелитовичъ окрошилъ баракъ и наши логовища подавая каждому къ лобзанію крестикъ.

Вечеромъ отслужилъ катихинъ гимназіи въ Перемышль. о. Савчинъ, повѣрея великое съ літиею. Положены были просфоры (б., но меньшій чѣмъ на Рождество), вареная пишеница, вино и елей. Затѣмъ состоялось «мированіе».

Покрошенія просфора была раздана всѣмъ въ баракѣ. Никакого скромнаго подобія вечери устроено не было. Къ вечеру получили, какъ обыкновенно,

кофе. Чеснокъ дорогъ — головка по 20 гел., правда, довольно крупная, но уже пускающая побѣги. Я вѣнъ его охотно и ежедневно: пытаясь здѣсь постоянно одними и тѣми же кушаньями, организмъ требуетъ отъ времени до времени чего-
бы.

Д-ръ Полякъ объявилъ, что завтра підъѣмъ купаться и перейдемъ здѣсь въ баракѣ № 2 (тамъ на нарахъ свѣжая солома). Баракъ Іосифъ выхолопатилъ то, что онъ, я, Янко и старый Потерейко, перейдемъ въ баракѣ № 30, на мѣсто семьи Гроскурніцкихъ, которая здѣсь тоже должна перейти, выкупавшись, въ новый баракъ и здѣсь выйти тамъ въ карантинъ, выйти на свободу.

ТАЛЕРГОФЪ.

Санитарные офицеры-врачи въ Талергофскомъ лагерь.

то болѣе острого, да и какъ дезинфицирующее средство чеснокъ годится.

Покойниковъ было человѣкъ 15.

Состоялось у насъ совѣщеніе о томъ, какъ намъ добиваться все таки измѣненія телерешенія напега нестерпимаго положенія. Рѣшили, чтобы Гисовскій и о. В. Красицкій поговорили съ капитаномъ Шмидтомъ, Erlöser-омъ и зенитально вручили ему письмо къ президенту министровъ съ просьбой, чтобы разъ уже наконецъ всѣхъ настъ разогнали изъ Талергофа.

Ничего не выйтѣть на завтра. Узнали, что въ бани что-то испортилось и завтра купаться «нельзя» будетъ.

19 янв.—Богоявленіе Господне. Выпалъ снѣжокъ и примерзъ. Воздухъ чистъ. Капитанъ Шмидтъ убралъ утромъ рано (такъ дѣло съ нашей депутацией не наладилось).

Узнаемъ, что вчера вечеромъ арестовали изъ русскихъ всеніспільныхъ одного вольноопредѣляющагося, весьма симпатичнаго юношу (имъцы говорятъ)

и нашего фельдфебеля, подозвавшая ихъ въ шпионаѣ.

Въ 11 ч. служить обѣднику о. Ульянскому затѣмъ водосвятіе, какъ вчера.

Состоялось совѣщаніе у настѣ о томъ, чтобы пойти къ полковнику по дѣлу нашего положенія, участвовавшему въ совѣщаній: оо. Дилядовичъ, Сапронъ, Киселевскъ И. Просыль.

Покойниковъ — 22 чел. Изъ нихъ на тифъ умерли немногие, громадное большинство ихъ умерло на воспаленіе легкихъ. Въ нашемъ баракѣ болѣе уже иѣскою линѣ о. Ст. Крушельницкій. Боямся, чтобы др. Поллякъ не замкнулъ нашего барака. Бани будеи приведены въ порядокъ черезъ 4 днія.

20 янв. — Моръ изъ на 5^й Ц. Воздухъ пріятный. Я гуляю по иѣльямъ дамамъ. Коломенецъ сказалъ мнѣ, что я навѣрно пойду въ баракъ № 30. Выяснилось, что о. Ст. Крушельницкій болѣетъ пятнистымъ тифомъ и что днесъ будетъ перевезенъ въ госпиталь. Еще 3 заболѣли. Баракъ № 4 замкнутъ на 3 недѣли.

Днесъ покойниковъ — 26 человѣкъ!

Вчера др. Поллякъ сдѣлалъ предложеніе нашимъ вѣраемъ (ихъ есть бѣлье: Могилинцій, Галеревичъ, Войтовичъ, Должа, Гизанская (?) и Доринка), чтобы они принялись за службу здѣсь. Они поставили слѣдующіе условія: суточная 30 кронъ, столъ офицерскій, въ случаѣ смерти, пенсія жены, какъ чиновника 8-го ранга.

Двое врачей: Гиллеревичъ и Войтовичъ изъ № 1 барака выпущены на свободу (хотя баракъ замкнутъ еще на 8 дней).

Курьезъ: Въ то время, какъ люди помираютъ десятками, у насъ нашихъ врачей держать взамѣти въ баракахъ Д-ра Могилинція толеруютъ (терпятъ), онъ все время какъ воль работаетъ днемъ и ночью, но его предложеніе не уважаютъ и не принимаютъ какъ сбѣдѣй. Большой не получаетъ ни бульона ни вина и пр., пока лежитъ въ баракѣ, а лежать, т. е. оставаться въ немъ вынужденъ ибо въ госпиталь неѣть. Такъ и въ нашемъ баракѣ лежать больные оо. Ст. Крушельницкій и

Горчинскій и не переводятся въ госпиталь, ибо тамъ неѣть мѣста. Лежать и значить распространять эпидемію.

21. янв. — Появился днесъ у настѣ др. Поллякъ, весь наушненный, съ тростью, но не вошелъ въ баракъ, а остановился на порогѣ въ вѣльѣ приемѣ къ себѣ большого о. Горчинскаго, чтобы увидѣть пятна на его тѣлѣ и такимъ образомъ установить болѣніе ли онъ пятнистымъ тифомъ. Въ то время были и окна отчищены въ баракѣ. Больной, конечно, не всталъ и не пошелъ, а врачъ — пошелъ себѣ дальше.

Способныхъ людей къ работѣ согнали днесъ изъ № 1 барака передъ бани. Тутъ держали ихъ на морозѣ (это было въ 8 ч. утра) долго партийцы купали, а затѣмъ отводили въ новый баракъ Утромъ же объявленъ быть приказанъ чтобы всѣ за исключеніемъ духовныхъ, судей и адвокатовъ выступили, и ихъ взяли на работы, а потому посыпать ихъ со стороны баракѣ какъ работникъ.

До сихъ поръ еще не догадались, что взятые изъ однихъ бараковъ работники, будучи въ общемъ съ другими работниками изъ другихъ бараковъ, распространяютъ эпидемію по всѣмъ баракамъ. Если бы всѣ работники находились въ одномъ отдѣльномъ баракѣ, этого бы не было.

Вечеромъ забрали изъ барака больныхъ о. Ст. Крушельницкаго, о. Горчинскаго и двухъ мѣщанъ.

Покойниковъ — 24 чел.!

Былъ у о. Коломенія о. Ст. Маркъ и видѣлъ у него ту книгу упомянутую, которую ведетъ вѣра др. Поллякъ. Противъ фамиліи каждого умершаго тамъ отмѣчены только двоякаго рода причины смерти: одна — это *paroxysmus senilis* (престарѣлость), другая — *Herzfeber* (болѣзнь серца). И онъ оно го случаѣ *Flecktyphus* (пятнистого тифа)! А изъ дѣлъ громадное большинство за клоченными гибнѣть отъ простуды и воспаленія легкихъ.

Вѣдь же мы — т. е. огромное настѣ большинство, почти всѣ — проводимъ зиму только въ лѣтнѣмъ пятнѣ, т. е. въ томъ самомъ, въ которомъ настѣ внезапно и неожиданно арестовали жан-

дармы въ первыхъ дніяхъ августа. Крайне мало у кого есть зимнее пальто, а только у иѣскоюльскихъ — на 7000 человѣкъ! — есть шубы! Какъ же не простились въ такомъ положеніи въ теченіе уже почти полутора!

Но „пандемія“ — это звучитъ иначе! Немедленно вводится карантинъ. Мы, изолированные совершенно не докучаемъ начальству депешами, депутатами и прособрами. Тогда нѣть и частной корреспонденціи, мы отрѣзаны отъ своего свѣта и даже олии баракъ отъ другихъ. Всій баракъ отдельно влечь тяжелую жизнь изодня на денъ.

Есть, однако и другая сторона медали: М-гожъ уже отпустили на свободу. Уйдутъ, такъ скроются дохолы, штаты... А эпидемія, карантинъ — такъ всѣ они сидятъ здѣсь и счетъ идетъ полный, по прежнему.. Ахъ, придется имъ отѣчьтъ предъ Господомъ за жизнь столькихъ тысячъ людей!

Другие дѣлаются интересны поставить сна, овса, хлѣба, одежду и т. д., а здѣсь устраиваютъ свои дѣлышки за счетъ жизни человѣческой!

22. янв. — Ночью выпалъ снѣжокъ. Купалось настѣ днесъ 16 чел., но, вѣчно не дезинфекцированы. Залѣта надѣлись перейти въ баракъ № 30.

Переведены сюда изъ гарнизона въ Градъ о. Дуркотъ изъ Добрушина, съ 2 сыновьями. Онъ разсказывалъ, что власти арестуютъ ительянцевъ и уже ихъ 20 ч. заключили въ гарнизонъ. Описывалъ какъ грубо съ ними обращаются, бываютъ прикладами и т. д. и вообще третируютъ ихъ почти такъ само, какъ настѣ русскихъ галичанъ. Говорятъ, что будто Италия усиленно готовится къ войнѣ съ Австро-Венгрией. А мы — такъ выжидаемъ скораго мира! Образумьтъ, Господи, всѣхъ воюющихъ и приведи къ примиренію.

Покойниковъ — 24 чл.

23. янв. — Вчера упала снѣжокъ. Днесъ мягко и приятно.

Мы съ утра стали переселяться въ баракъ № 30, а освобождены изъ него Свистунъ, Кор.. (разобрать окна, фимилии не возможно) и др. и должны были послѣ купанья перенестись въ новые ба-

раки, т. з. *Freiheitsbaracken*. Но вотъ, когда удали были готовы купаться и раздѣльные выжидали своей очереди входа въ удобный моментъ въ бани, имъ было заявлено вдругъ, что они купаться не будутъ, ибо бараки для нихъ еще не готовы. Такъ они возвратились въ свой баракъ № 30, а мы (я, Янко, старый Потерѣнко, вмѣстѣ съ другими) были вынуждены уже со своими уздами вернуться во свояя. Явные извѣзвательство! Придется, повидимому, еще подождать 2—3 днія.

Въ газетахъ значится постоянно одно и тоже: *Die Lage unverandert* (положеніе быть перемѣнѣ).

Франку Горянскому даль 2 кроны, а Василию Мартынку 2 кроны, а Николаю Колтевымъ изъ Рыкова (онъ реконвалесцентъ въ 16 баракѣ).

Покойниковъ 21 чл.

24. янв. — Оттепель. Вчерашия Тадеушъ звучитъ мирно: народы оживились, упование вступило въ настѣ. На чальство соѣдѣтъ брить бороды и усы, но не приказываетъ баракъ № 5 предполагаютъ замкнуть, а б-ой открыть. Покойниковъ 19 чл.

Въ баракѣ № 15 одинъ крестьянинъ, стосъ и подѣлся.

25. янв. — Мяко. Снѣгъ падаетъ все времена. Днесъ получить настѣ гал. рус. аптекарь Котлярвъзъ лекарства, которыя дожидались пополнѣть 10 дней!

Давали намъ днесъ капустяникъ, естѣбы были очень вкусны и были вѣжливы уши тряслись. Ахъ и довоенныхъ были наши крестьяне! „Дали собѣ духа“.

Покойниковъ было (зачеркнутое по-чертежу цифры 24,30) всѣхъ 35 человѣкъ Ужасъ!

26. янв. — Оттепель. Снѣгъ упало довоально много. Прелупредили настѣ, что днесъ должны мы перейти въ 30-ый баракъ, вдругъ же утромъ говорятъ, что нѣть, нечѣмъ толпить и отрѣзать бани, ибо нѣть угля. Теперь 9 ч., но еще не купаются. Вѣтъ бѣгловъ!

У настѣ заболѣлъ Неполъ тифомъ. Ночью онъ все время суетился, чрезъ сонъ брюзжалъ, меня разстраивъ и я спал плохо. И вѣтъ и умѣтъ все время болѣзнь, боязнь передъ нею. Не даѣтъ Го-

споди (молюс Богу ежедневно) тутъ умирали!

Въ 11 ч. переселился въ баракъ № 30. Янко со своямъ отцомъ остался еще въ баракѣ 8-окт., потому что отецъ пойдетъ въ баню, где его вещи и часть моихъ будуть дезинфицированы. Братья Госифы есть тоже. Въ комнатѣ № 18 встрѣтилъ о. Д. Кисѣльского, моего Schlaikamerad-a, и Дробота. Радуюсь, что перешелъ сюда. Есть здѣсь и нары съ спинникомъ и помостомъ и столикомъ, да и тепло. Есть и кувшинъ и умывальникъ и балда. Другая жиана. Настоящее Эльдорадо, въ сопоставленіи съ тѣмъ, что до сихъ порь было. Не вижу уже больше истерпъ соломы, не чувствую, чтобы кололо въ почкахъ, возможно, что здѣсь и ревматизмъ меня оставитъ. Есть дадутъ здѣсь лучше, чѣмъ тамъ давали. Совсемъ другая обстановка! Перешли семья Гнатышаковъ, Каичмарниковъ, Венгриновичъ, Гелитовичъ, Глѣбовицкіе (отецъ и сынъ) и другие.

По полудни забрали больного д-ра Могильницкаго изъ госпиталя № 11. Вѣчеромъ отслужили мы молебенъ ко Пресв. Богородицѣ о дарованіи здравія нашему больному, котораго искренне всѣ жаждемъ. Онъ человѣкъ идеинъ, павшій жертвой своего званія. Ни дни ни ночи не было у него свободныхъ, его друзья — это болѣвые.

Мы постигли нашу новую постель, и уложились такимъ образомъ: отъ стѣнъ Госифы, здѣсь я, Дроботъ, Кисѣльский, Янко, старый Потерейко. Пристяное чувство. Стало очевиднымъ, какъ я послѣ 5-мѣсячнаго лежанія въ прохладѣ берлогѣ, отвѣкъ отъ обстановки домашнаго устройства.

Я получилъ насморкъ. Тутъ слишкомъ тепло. Спалось хорошо, лишь алектрическія лампочки свѣтятъ надѣй нашѣ кабиной.

Покойниковъ 6 чел.

27. янв. — Спаль хорошо, какъ если бы послѣ долгаго путешествія. Чувствую, однако, какъ будто со мною ногъ испаряется сырость, какъ будто высыхаютъ онѣ теперъ, набравъ въ себя за время 5 мѣсяцевъ такъ много влаги.

Проснулся бодрѣть (вчера былъ я очень утомленъ) — замѣтили это мои товарищи.

На обѣдъ дали намъ капусту и салатъ килькъ. Всеобщее ликованіе по этому поводу. Капустяникъ и — сравнительное мнѣніе много мяса. Здѣсь даютъ лучше и больше чѣмъ въ другихъ баракахъ.

Изъ серьезнаго источника о. Ст. Яворскій принесъ намъ вѣсть, что полковника Штадлеръ устранили, а замѣтили его пока что капитанъ Strick. Вотъ прішла наконецъ и ему крицка. Господь благъ и милостивъ и не хотѣлъ большихъ нашимъ скборѣй, мытарствѣ и страданій, а убралъ отъ насъ человѣка, который отнюдь ничѣмъ не заслужилъ себѣ на нашу благодарность. Съ его именемъ связана у насъ самая тѣжелая воспоминанія. Мы на забудемъ его по нашему адресу часто выкликавшему ругательства: verrâterische Hunde, Gesindel и разныя др. подъ.

Къ вечеру настала сиѣговница. Въ баракѣ гамъ и гулъ, люди колятъ дрова, женщины въ коридорѣ говорятъ громко, а все это здѣсь отражается сильнымъ эхомъ, не то что въ другихъ баракахъ. Надо къ этому привыкнуть.

Собѣцались мы, т. е. ст. оо. Венгриновичъ, Ст. Яворскій, Кисѣльскій, какъ бы намъ поговорить съ капитаномъ, но удались ли-бы какими-то способами и средствами отвернуть отъ нашего народа бѣдствіе, нужду и землемѣю. Постановлено отправить хѣ не ми оо. В. Красницкаго, Гуменскаго и гна Госіевскаго.

Со скучи, вечеромъ мы (я, Янко, Госифы) играли въ преферансъ.

Покойниковъ было 21 чel.

28. янв. — Сиѣгъ падаѣтъ всю ночь. Мягко. Я спалъ лучше.

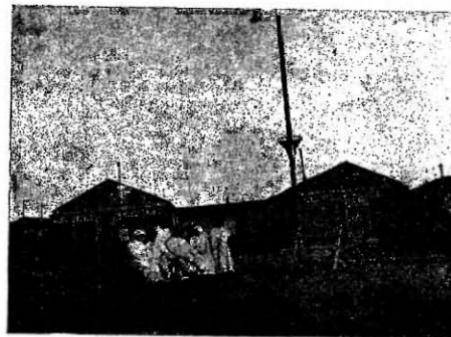
Сколько человѣкъ ежедневно умираетъ, теперь прообрѣть миѣ трудно, но говорятъ, что все же больше чѣмъ бывало по 20 ч. Люди слоняются какъ сонные мары (привидѣнія), отъ безсилы падаютъ въ сиѣгъ. Никакой помощи, никакихъ лекарствъ, ни одежды, ни поддержки, а еще солдаты гоняютъ на работу уже совсѣмъ изнемогающими.

Вчера гнали солдатъ полунарого крестянинъ, чтобы несъ гроѣь съ по копѣйникамъ на кладбище. Крестянинъ отказывалъся плачущимъ голосомъ, что ему распухли ноги и болѣнъ, но безъ усадьбы.

Отчаянное положеніе: Талергофъ превращается въ одно сплошное кладбище. Уже есть свыше 500 могилъ!

Нашъ комендантъ о. Ковакъ собралъ днесъ отъ каждого изъ насъ по 20 гел. на издергку для повара и прислуги. Такой сборъ производится еженощельно.

Вѣсть о смерти бл. п. Каменъ очень поразила меня и Янка. Ахъ, Господи, помоги выдержать это испытаніе и живѣмъ вернуться на родину!

ТАЛЕРГОФЪ. Санитарныя сестры у бараковъ.

Старый Потерейко сушитъ хлѣбъ, чтобы сократить его на худшія времена. Пищутъ газеты о предстоящемъ голодаѣ, а у насъ вѣсъ хлѣба — о качествѣ его лучше не говорить — довольно много и народъ не хочетъ есть. Много хлѣба испортилось и было сожжено. Народъ такъ склонъ, что теперь и не хочетъ.

Покойниковъ 20 чel. (въ томъ чи-
слѣ 3 на тифѣ).

Пошли мы всѣ трое: я, Янко и Госифы, въ баракѣ-землянку. По пути слышили, кто-то умоляющимъ голосомъ про-

29. и 30 янв. — Крѣпкій морозъ. Людей по баракамъ просятъ огнь очень чувствительно. Намъ живется сравнительно хорошо. Новостей никакихъ.

Вечеромъ отслужена въ коридорѣ. Др. Р. П. Глѣбовицкій столь преподавать русскій литературный языкъ и исторію русской литературы въ нашей кабинѣ.

Покойниковъ днесъ 20 чel.

31. янв. — Днесъ морозъ еще крѣпче вчерашняго. Люди трясутся и звоночками отъ стужи. Въ баракѣ бы-

до всего + 4° С. Недостаток топлива. В 1-омъ карантинномъ баракѣ новые заболѣвшіе. Карантин для освобожденныхъ установленъ на 21 день.

На обѣдъ капустникъ, чрезвычайно вкусный.

Покойниковъ 24 чел.

Февраль 1915 г.

1. февраля. — И днѣсь крѣпкій морозъ. Я пошелъ къ Красицкому и предложилъ ему переселиться въ баракъ № 30. О томъ же переговорилъ съ Телесинскимъ и часа спустя онъ перешелъ къ намъ къ общему нашему удовольствію.

Покойниковъ 22 чел.

Съ 30-го января служимъ ежедневно въ баракѣ акафисты и молебны въ 6 ч. вечера.

Телесинскій переселился къ намъ и принесъ съ собой $\frac{1}{2}$ літра вина. Пили мы чай съ виномъ. Играли въ преферанс (ежедневно здѣсь играемъ).

Покойниковъ 19 чел.

2. февр. — Слабый морозъ. Комендант Коломейцевъ переведенъ въ карантинный баракъ, а его мѣсто занялъ Ник. Красицкий.

Конфирмованы: о. Глѣбовицкій и его сынъ Николай Павловичъ.

Покойниковъ 16 чел.

Помѣръ нашъ гол.-рус. молодой врача, дѣлъ Дориковъ. Событие это сильно вѣкѣ насъ поразило.

3. февр. — Самый сильный морозъ изъ всѣхъ, досѣль бывшихъ, кажется онъ 20° С., только, спустя нѣкоторое время, туманъ ослабляетъ его остроту.

Хотѣлъ бы добиться переведенія сюда Качалы, говорить обѣ этомъ съ Красицкимъ, онъ обѣцца приложить усилий къ этому.

Топливо вышло совсѣмъ и не откуда достать его. У насъ еще топливо въ печи благодаря тому, что наши послуги украла материала, но въ другихъ баракахъ, где болѣй народъ особенно въ теплѣ нуждается, не топлено, а морозъ въ 20° С. Вѣтъ порядки!

Въ баракѣ № 29 этой ночью замерло 6 чел.

Очень холодно. Я вѣсЬ завернувшись въ коѣ, сижу на стулѣ и мерзну. На постели сидѣть, скрючившись, со сѣифъ. Кричимъ, чтобы топили въ печи. Узнаемъ, что умеръ днѣсь ревизоръ кассъ г-на Павловскаго изъ Галича. Жаль его — дѣльный русский человѣкъ.

Днесъ бѣ людей замерзли.

До 9 ч. веч. было покойниковъ 21 чел.

Вечеромъ о. Діонисій принесъ намъ вѣстъ, что будто Италия и Румынія послали Австро-Венгрии и Германіи ultimatumъ со срокомъ до 1-го марта с. г. чтобы заключили миръ, иначе объявить имъ войну также. Говорятъ обѣ этомъ и солдаты. Господи, умилосердись надѣйнаго народомъ!

4. февр. — Мягкій морозъ, ночью вѣстъ усиливается стужа. Пошелъ утромъ къ Ник. Красицкому. Явился къ нему и Пиллеръ, послѣдний говорилъ, что войнѣ не долго быть.

5. февр. — Легкій морозъ. Днѣсь годовщина моего рожденія. Утромъ, еще въ постели, спасибо вѣзти менѣ Телесинскій поклонъ мнѣ руки, и не желаѣтъ другимъ нашимъ синицамъ товарищемъ, тихонько выскакывалъ мнѣ благожеланія многіхъ и благахъ лѣтъ.

Добряко Іосифъ ушелъ въ кантику и принесъ мнѣ оттуда въ подарокъ "emmentaler" (т. е. эментальскій сыръ) и сигары. Первый былъ весьма кстати, такъ какъ я въ пятницу неѣмъ мяса.

У насъ тутъ иногда устраиваютъ спиритистические сеансы. Вчера состоялся также въ кабинѣ Каимара. Появился будто бы іѣгѣk Eразм Kuszniczk, умерший въ 1913 г. Предполагалъ, что послѣ Пасхи уѣдетъ въ Галицию свободную, московскую, гдѣ благо намъ будетъ, что фортъ Перемышля разбиты, осталася лишь "Ring" со городомъ, и недолго уже крѣпость продержится, что половина наѣсъ вымѣрѣтъ и намъ предстоитъ еще многоя страданій.

Нѣкто Касіянъ Жарковскій, погибший за сѣверъ въ сантъ-гантарь въ гангарѣ, отъ штыка австрійскаго солдата, явился будто бы тоже, прося помолиться обѣ упокоеніи души его. Уходить къ своей матери, которая печалится о немъ (конечно-

но, она не знаетъ о его смерти). И днѣсь устроить такой сеансъ. Вчера Кулиничъ былъ медумомъ.

Собираются списки для выдачи намъ крайне необходимаго пластика. Я записался для получения ботинокъ, штановъ и куртки. Дадутъ ли увидимъ.

Былъ вчера Красицкій и сообщилъ, что выхолопатилъ у врача карточку для Качалы, чтобы могъ переселиться въ нашъ баракъ № 30.

Днѣсь вечеромъ былъ Ник. Красицкій и сообщилъ, что въ новомъ реестрѣ есть 366 фамилій тѣхъ, которые въ по-недѣльнікъ должны идти купаться (т. е. такіхъ, комъ будуть конгрюированы — прим. ред.). Между ними есть много такихъ, на которыхъ есть Алеїг-ы (т. е. обви-кевы). Между ними есть и о. Корн. Сеникъ. А меня нѣтъ — и это меня вѣсъ-да удивляетъ, такъ какъ дѣло его — также все, дѣло наѣсъ обиохъ, одно и тоже. Чѣмъ это значить? Быть можетъ, меня вычеркнули (исключили) и мнѣ не представитъ никакого процесса во Вѣнѣ. Слава Богу, — скажу я — но вѣтъ ли, о чёмъ прощу, будеть ли это мнѣ въ пользу? Всѣ лучше, что посылаетъ намъ всемилостивый Господь.

Днѣсь по случаю годовщины моего рожденія мы (я, Іосифъ, Никола, Телесинскій) выпили $\frac{1}{2}$ літра вина. Никола посыпалъ со Славкомъ и въ 10 ч. 30 м. ушелъ.

Мимо наѣса барака перейдуть въ новыѣ бараки, т. и. инквизиты, т. е. тѣ, у которыхъ есть Алеїг-ы (обвиненіе). Люди беспокоятся.

Говорятъ, что также узники изъ Тѣresienstadtia (Тerezина), передѣдутъ сюда, а именно токъ тѣ, у которыхъ есть Алеїг-ы.

Покойниковъ 21 чел.

6. февр. — Мягкій морозецъ. Вчера Мартынукъ пишетъ изъ барака № 25, что у него забрали платья совсѣмъ и онъ остался только въ сорочкѣ и подштанникахъ. Просить дать ему взамѣнъ 10 кронъ. Такъ я дамъ ему 5 кронъ, а другихъ 5 кронъ дамъ Янко.

Днѣсь забрали въ госпиталь о. Вл. Венгриновича. Врачъ констатировалъ у него пятнистый тифъ. Господи, заступи,

спаси и помилуй! Заразился, ходя по баракамъ и исповѣдывая многихъ больныхъ тифомъ. На-дняхъ, именно 4-го февраля, онъ принялъ исповѣдь около 50 чел. больныхъ въ разныхъ баракахъ и заразился. Фактъ его внезапнаго заболѣнія вѣѣхъ настъ глубоко опечалилъ. Его нечаянныи уходъ отъ наѣсъ въ госпиталь повергъ въ искренній всеобщій жаль всѣ бараки, ибо всѣ знали и видѣли всегда, что онъ — ревностный и безстрашный труженикъ Христовъ.

Въ общемъ хорошо было бы намъ жить въ баракѣ № 30, лишь бы эта ужасная эпидемія прекратилась. А то все еще ежедневно бываетъ по 20 чел. покойниковъ. Страшно подумать, что съ нами будетъ, если это пойдетъ такъ дальше.

Покойниковъ 13 чел.

7. февр. — Воскресенье. Легкій морозъ. На обѣдъ вкусный капустникъ. Въ нашемъ баракѣ его не хватило (иѣ-которые захватили двойной поршю), потому Zimmertempelendant o. Козакъ сдѣлалъ всѣмъ намъ выговоръ.

Вечеромъ пришелъ Красицкій съ вѣстью, что имѣется другой реестръ съ 21 фамиліями.

Днесъ я отслужилъ параклисъ.

Покойниковъ 12 чел.

(На этомъ обрываются записи второї тетрадки, а въ 3-й начинаютъ 10-тыс. фебр. 1915 г. — Ред.)

10. февр. 1915 г. — Несмотря на то, что болѣтъ, вынужденъ самъ себя обслуживать. Вообще на счетъ взаимнаго обслуживания пошли горячіе споры, въ результатѣ которыхъ поочередно стали ходить за "менажей", по воду и т. д. Есть глубокіи и совсѣмъ немощные старики, которымъ даже такое обслуживание самаго себя не подъ силу, также болѣные, но не взятые въ госпиталь, находятся въ такомъ же положеніи. Можетъ быть, всѣ эти распри улягаются какъ нѣбудъ.

Былъ Ник. Красицкій и сообщилъ, что онъ со Славкомъ находится въ реестрѣ конфиремованныхъ (въ Моравіи), въ виду чего посовѣтовать намъ подумать обѣ избранныи подходящаго замѣстителя.

Такъ какъ эпидемія не прекращается, то должно быть будто бы постановлено, что вперед никого не пустить изъ Талергофъ (и даже тѣхъ, которые подъ карантиномъ), пока эпидемія совсѣмъ не исчезнетъ. Такими образомъ могутъ здѣсь оставаться всѣ, даже конфинованные и освобожденные, долго, возможно, даже до окончанія войны! Господи, подаждь крѣпость людемъ своимъ!

Днѣсъ покойниковъ 18 чел. Померъ совсѣмъ суда изъ отставки изъ Станиславова Корнилий Проскуринскій, который здесь интернированъ вмѣстѣ со своею семьею. У него были артерио-склерозъ, а умеръ отъ воспаленія легкихъ, схваченного непосредственно послѣ купанія въ банѣ.

Такъ въ одинъ день у насъ умерло 3 людѣ изъ нашей гал.-ру. интelleгентіи. Тяжелый дѣнь!

11. февр. — Мокро, оителевъ морозъ не было. Воздухъ скверный, дымъ. Всѣ сидѣть въ баракахъ.

Утромъ отбылся визитъ врача, въ развѣтвленіи такимъ образомъ, что всѣкъ нему вызванный долженъ быть подойти и показать языкъ. Говорятъ, что это — дѣло д-ра Добѣй, въ отместку за Криницкую, по адресу Шорца, который передалъ вчера врачу, что Криницкая больна.

Въ 3 ч. пошли мы въ часовню на похоронѣ бл. п. Корнилия Проскуринскаго. Бѣдняга, послѣ купанія простились, получить воспаленіе легкихъ и въ госпиталь померъ, въ то время какъ, его жена и дѣти остались въ карантинномъ баракѣ. На панихиду по неѣ разѣщено явиться. Пѣль наша хорѣ. Но никто не сопровождалъ покойника дѣль воротъ бараковъ Нельзя, запрещено.

Выяснилось, что по днѣсъ умерло 856 чел.!

Днѣсъ было покойниковъ 17 чл.

12. февр.—Праздникъ Трехъ Святителей и день моего тезоименія. Моя сожительница поздравляла меня съ днѣмъ моего ангела. Всѣ и праздники въ тюрьмѣ!

Утромъ я пошелъ въ кантинъ, купилъ лимоновъ, апельсиновъ, сахара и тютюну. Скверный воздухъ, туманно и

блѣдо такъ, что будто сейчасъ дождь пойдетъ. Весь грязь. Всѣ сидѣть въ баракахъ.

Въ баракѣ напротивъ нашего съ ночи лежитъ четверо покойниковъ, а первыя (третьяго дна) было ихъ 9 чл.! Люди живутъ на двойныхъ нарахъ (около 30 шт.) и эти двойныя нары и являются наибольшей причиной болѣзней. Шавызы же теперь въ этомъ факѣтѣ убѣдились и взялись эти двойныя нары перетѣзывать въ одиночныя. Сотни русскихъ людей заплатили своей жизнью за этотъ примитивный опытъ шавызовъ! У насъ любой „сокирникъ“ сразу скажетъ бы, что такія нары ни къ чему, а тутъ строятъ ихъ специалисты, одобряютъ и принимаютъ работу генералы, а въ результатѣ вѣтъ что!

Днѣсъ за ночь покойниковъ 13 чл. Сновѣ сидѣть ихъ на носилкахъ, такъ какъ снѣгъ растаивъ и вести гробы на санкахъ невозможно.

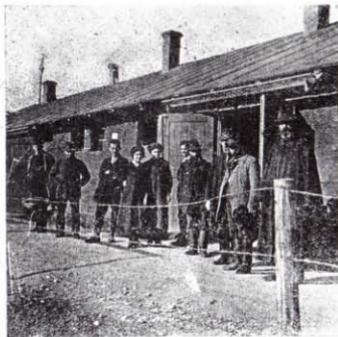
Аэропланы не летаютъ уже иѣсколько ко днѣ, улетѣли наѣврѣ на театръ военныхъ дѣйствій.

Вчера въ газѣтѣ *Tagespost* сообщилось, что собралась Государственная Дума и въ ней произнесли рѣчи: Горемыкинъ, Сазоновъ, Родзянко, Милюковъ и др. Всѣ чрезвычайно довольны успѣхами арміи, заявили ей свою признательность. Сазоновъ особо отметилъ и подчеркнулъ патріотическое пѣсеніе полковъ и др. „родине“. Дальше сообщалось, что въ Японии собрались 2 дивизіи охотниковъ желающихъ отправиться на помощь русской арміи. Я думаю, что японцы желали бы присмотрѣться технїкѣ европейскихъ армій и чему-то научиться. Практически образованній народъ!

Причинъ Трехъ Святителей принесъ намъ радостную вѣстъ: Приходитъ д-ръ Осипъ Крушинскій и сообщаетъ, что будто въ сегодняшней газѣтѣ есть дѣло о томъ что Угоршица выдастъ галицкихъ пѣтнавиковъ и узниковъ Австро-ѣхъ экономическое О-во въ Краковѣ, просило министра иностраннѣй дѣль объ оказаніи экономической поддержки. Ми нѣстъ совсѣмъ вѣстъ интернизованныхъ шѣкеніевъ-амъ подавать прошени ю русскому правительству чрезъ министер-

ство иностраннѣй дѣль о разрешеніи на высылку всѣхъ ихъ чрезъ Румынію въ Россію и въ Галичину. Извѣстіе это, хотя еще неопубликовано, вызвало у всѣхъ неописуемую радость. Всѣ какъ будто вновь ожили. Въ совсѣмъ было плачія и отчаявшіяся души вновь вселилось твердое упованіе, почти убѣреніе въ близкомъ концѣ всѣхъ мѣ-

сто. Изъ нашего барака пмеръ въ госпиталь молодой о. Несторъ Олимп Полянскій. Вѣдѣ эта новынь удрученіемъ явилась для всѣхъ насъ. Больныхъ же въ баракѣ есть иѣсколько лицъ. Днѣсъ забѣгали въ госпиталь Коломыцкую (матушку), студента университета Шушкевича и молодого Гнатышака.

ТАЛЕРГОФЪ.

Группа заключенныхъ у барака — лѣва на право: 1. Петъръ Сушкинъ, 2. Владимиръ Ал. Гелитовичъ, 3. Ярославъ Ал. Гелитовичъ, 4. Иоаннъ Фед. Дуркотъ, 5. Мелады Гимѣръ, 6. Д-ръ Емиланъ Мих. Вальницъ, 7. о. Пантелеимонъ Скобровичъ, 8. о. Романъ Крушинскій, 9. о. Максиміліанъ Дуркотъ, 10. о. Іоаннъ Христостомъ Дуркотъ.

тарствъ и страданій. Изъ тысячи сердцевъ вознеслись ко Господу вздохи облегченія и горячія моленія, чтобы скоро эти вѣсти и наши чаянія существоились.

Вечеромъ былъ у насъ Ник. Красинскій и передалъ, что полученъ новый списокъ освобожденныхъ (около 70 чл.), въ ихъ числѣ значится также Качала. Мы угостили его кофеемъ и хлѣбомъ съ масломъ и апельсиномъ.

14. февр. — Іосифъ пошелъ подписывать свою легитимацію, черезъ иѣсколько дней пойдетъ подъ карантинъ. На днѣсъ былъ прыморозокъ. Коломыцъ тоже заболѣлъ тифомъ.

Д-ръ Бойотовъ константировалъ у о. Дробота брошной тифъ. Коломыцъ изъ подъ карантину перешелъ въ госпиталь. У него наѣврѣ тоже тифъ (очень высокая температура). Взяли въ

госпиталь д-цу Кучий. У насъ забольваютъ часто. Первый былъ д-ръ Мозгильский, второй о. Вл. Венгринович.

Вечеромъ ходили мы съ оба съ Янкомъ къ Красицкому. У него уютно, покойно, и все это припоминаетъ обстановку домашней жизни.

Ходить молва, будто изъ Угорщины присыпаютъ сюда 9000 интерниванныхъ галичанъ и потому вѣдь спѣшиться постройкой новыхъ бараковъ. Если это правда, то у насъ есть виды на освобожденіе, такъ какъ придется имъ, насъ выпускать, прорѣбратъ мѣста для новыхъ обитателей.

Красицкій со Славкомъ и... (нечт.) левичемъ переводится въ мѣстность Мига въ Стириѣ. Такожъ мѣстностей для размѣщенія насъ назначено много.

15. февр. — Съѣтніе Господне. Всю ночь лилъ дождь, а днемъ до вѣлько приятно, даже какъ будто уже весной пахнетъ. Я утромъ прошелъ вдоль барака, затѣмъ прочелъ Правило. Началась посты. Мы просимъ чрезъ Красицкаго, чтобы насы дали обѣзъ безъ мяса. Приходилъ поваръ и совѣтовался, что долженъ готовить. Стало на токъ, что будть супъ картофельный съ фасолью, но быть можетъ еще перемѣнить. Я хочу воздержаться днесь и отъ набѣла (молочного). На завтракъ подали намъ мясо вместо супа.

Одна цыбуля стоить 20 гел. Поваръ говоритъ, что у нихъ нѣтъ чай, ни картошки, и вообще съѣстные припасы скучны.

Хлѣбъ выдаютъ намъ уже двѣ недѣли такъ, что одинъ день выдаютъ половину, а другой четвертину бохонжки (хлѣбъ), а положеніе таково что можното предполагать, что будетъ еще хуже.

Газеты писали вчера, будто бы, что австрійскія войска заняли большую часть Буковины и Коломыю (Косовъ, Куты, Делитигъ), что Румыніяклонится на сторону Австро-Венгрии, что отступленіе русскихъ можно боязнистъ себѣ такимъ образомъ, что они не хотѣли бы потерять связи съ русской арміей въ Бессарабіи. Ой, не будетъ скораго мира, не будетъ!

Покойниковъ 15 чѣл.

Приказано вентилюировать бараки и одежду.

16. февр. — Сio ночь Янко спалъ плохо и принималъ слабительное. Утромъ встать, налился чего-то и скоро опять ложился. Очень боясь, чтобы это не было началомъ тифа, который у всѣхъ начинается медленно и развивается имено такимъ образомъ.

Власти привыкаютъ желѣзодорожниковъ — видно въ нихъ очень нуждаются.

Газеты приносятъ извѣстія, что будто русскія войска отступили съ Карпат и оставили даже г. Коломыю на Покуть. Догадываются, что это только маневръ военной тактики, произведеній съ целью сохраненія связи съ южнымъ крыломъ русской арміи въ Бессарабіи, о чьемъ я уже упоминалъ вчера. Кобы лишь изъ-за этого "маглесеванія" (балансированія) военного фронта не пострадала отъ огня и меча наша Восточная Галичина.

Купили 2 коробочки чаю и надѣю достать также немногого рому, что до сихъ поръ было вѣтъ сферы возможноти.

Посѣтила насъ комиссія, въ составъ которой, кромѣ капитана Strick-а и нашихъ алзінщиковъ военнымъ врачамъ, входили какіе-то наимъ неизвѣстными и неподѣльными людьми. Между ними находится, какъ говорятъ, одинъ Oberstabsarzt (старший врачъ генер. штаба) и другіе врачи штаба. Были въ нашемъ баракѣ, осматривали его поверхности и спѣшили (какъ обыкновенно), были и около отхожихъ мѣстъ и уши, не говоря ни съ кѣмъ изъ насы ни словечка.

Днесъ кончается срокъ карантинъ наѣзъ заключенными въ одномъ баракѣ тѣми, которые должны выйти на волю, но говорятъ, что этотъ карантинъ продлится еще на 7 дней! Чехарда! Слѣдовательно все такъ складывается, что нельзя будетъ вырваться изъ этихъ бараковъ, ибо можетъ быть и такъ, что въ промежутокъ этихъ 7 дней кто-нибудь заболѣть и умрѣть и по этому поводу срокъ карантинъ еще будетъ продолженъ.

Согласно сообщеніямъ Extrablatt-a австрійскія войска вытѣснили русскую армію изъ Буковины, дошли до Надворной и Коломыи.. Увидимъ, правда ли это.

Видѣлъ я днесь такую сцену: передъ дверьми барака стоять какъ мумія врачи, съ простынею въ рукахъ, напротивъ него въ отстояніи 3 метровъ нашъ крестыанинъ и показываетъ ему языкъ, а затѣмъ открываетъ грудь, чтобы видѣть было, иѣть ли на ней тифозныхъ пятенъ. Такимъ образомъ дѣлается врачебный осмотръ въ баракахъ.

Забрали въ госпиталь д-ра Добно и Криницкую.

Покойниковъ 11 чѣл.

17. февр. — Приморозокъ, затѣмъ опеть Янку лучше. На ночь дѣлать себѣ компрессъ. Утромъ встали и дѣлались въ баракѣ порядокъ, генеральную чистку. Вынесъ всѣ сѣни и даль на постель соломы. Поразмышиливъ простили на заборъ. "Хату" замѣл старый Петерко. Собираемся пойти завтра въ бино.

Денъ прекрасный, вполнѣ теплый, можно сказать. Всѣ повыходили изъ бараковъ и гуднили по двору, мало кто остался въ баракѣ. Мы прекратили на шу игру въ фреферансъ, продолжимъ ее вѣчоромъ. Прибыла сюда врачъ изъ Галича д-ръ Цинцѣ (еврей) и взялъ немножко энергичнѣя и прилежнѣя ухаживать за больными. Всѣ имъ довольны. Опѣрнѣй казѣль дѣлать больнымъ холодные комѣ прессы, давать пить чорный кофе и пр... всего этого до сихъ поръ не дѣлались. При болѣе старательномъ уходѣ больные сами выздоравливаютъ въ большинствѣ случаевъ, тѣ именно, кто уже по природѣ крѣпче и выносливѣ.

Смертность понизилась. За послѣднюю ночь было всего 5 случаевъ смерти, въ вчера въ 6 чел.

Согласно сообщеніямъ Extrablatt-a австрійскія войска вытѣснили русскую армію изъ Буковины, дошли до Надворной и Коломыи.. Увидимъ, правда ли это.

Ваяли въ госпиталѣ о. д-ра Мади-нека.

18. февр. — Денъ уже далеко не такой какъ вчера, — мрачно и холодно.

До сихъ поръ есть еще такіе бараки, обитатели которыхъ еще ни разу не купались.

Узнаемъ, что когда Generalstabsarzt Dr. Palmerich, посыпавъ ихъ комендантами, иѣть ли въ нихъ вѣщей, то позади него стоящіе врачи и др. военные киевкомъ головы давали указанія, чтобы спрошенніе давали отрицательный отвѣтъ, т. е. что иѣть. Справившій стоялъ на той точкѣ зѣрна, что вѣши являются распространителями эпидеміи и что слѣдовательно, ихъ нужно прежде всего истреблять, послѣ чего эпидемія прекратится.

Почему до сихъ поръ не вѣтъ людѣи купались, остается загадкой, но, конечно это также покъзываѣтъ ярко, каково отношеніе властей къ заключеннымъ.

Хотѣли мы днесь пойти въ банию, но не удалось.

Въ понедѣльникъ и среду первой седмицы поста не бѣла мяса (лишь съ наѣбломъ). Въ пятницу желали бы поститься совершенно. Увы все постно такожъ весьма дорого. Селедка стоятъ 8 гел. плодится по 30 гел. Ужасно обираютъ бѣлый народъ. Совсѣмъ маленькая головка чеснока стоить 20 гел. (прежде по крайней мѣрѣ это были большія головки, а теперь мелочь). Никола приносъ рому.

19. февр. — Приморозокъ, но затѣмъ днень хороший.

По средамъ и пятницамъ очень многѣ и здѣсь посѣтятся.

Узналь, что сюда доставили вчера двухъ мѣднѣцъ изъ Боломицъ. Любопытно узнать, на какомъ положеніи они, интернированныхъ, вѣроятнѣ. Постаралась узнать, въ чемъ дѣло.

О моей побѣдѣ ничего неслышно и неизвѣстно.

Говорятъ, что 23 с. февраля непремѣнно уѣдѣтъ тѣ, кто теперь подъ карантиномъ.

У Коломыї днесь жаръ 41-6° С., горить и бредить Бѣднякъ Йосифъ пригортъ.

Газета приснесла извѣстіе, что австр. войска заняли уже Коломыю и Черновцы, но замѣчаетъ, что недалеко отъ Коломыї находятся большая русская армія. Отъ такого нового перемѣщенія фронта бѣдное населеніе опять страш-

но пострадает, там навѣрно.. голодъ, эпидемія и пр. — окончательный послѣдствіе всякой войны.

Днесь день хороший, около полуночи мы прогуливаемся въ легкихъ плащахъ. Я гулялъ довольно долго.

Д-ръ о. Малинъ умеръ. Продолжительныя, пузырныя страданія осложнились у него острымъ воспаленіемъ легкихъ, которое быстро докончало его. Онъ оставилъ завѣщаніе въ рукахъ о. Феодосія Дуркота.

Мы ходили въ банию. Вечеромъ отслужили парадась обѣ упокойеніи душъ о. д-ра Малинъ.

20. февр. — Въ 7 ч. состоялись похороны о. д-ра Малинъ. Пѣль хоръ. Перевезли гробъ съ тѣломъ изъ барака № 11 въ часовину и тамъ оставили до вечера. Покойный завѣщаніемъ оставилъ имущество на 50.000 кронъ и библиотеку. Все это завѣщалъ имѣющій основатель общинъ, цѣлью которой было бы содѣйствовать достиженію соединенія Церквей. Пока такая община возникнетъ, все это имущество передастъ во временнное управление о. О-ва Св. Иоанна Златоуста. Экзекуторами (исполнителями) завѣщанія назначены о. Дуркотъ (Феодосій и Христостомъ) и о. Гна тышакъ.

Возврашайся съ похоронъ, я зашелъ къ Красицкому, послѣ предварительного заявленія ему, что зайду къ нему вечеромъ поговорить съ нимъ по своимъ личнымъ дѣламъ. До сихъ поръ не было подхолзшаго мѣста для этого въ прежнихъ баракахъ.

Находящагося все еще подъ карантиномъ Никифора Куряловича, согласно слухамъ, еще придется задержать. Говорятъ что будто еще имѣютъ придержать его въ связи съ предстоящимъ процессомъ во Вѣнѣ или же изъ-за полученного навѣго доноса мазепинцевъ.

Ходить слухъ (Шорштѣ мнѣ передалъ это), что будто судебное слѣдствіе противъ о. Сеника приставлено. Если бы это было вѣрно, такъ въ такомъ случаѣ и мое дѣло было бы приставлено. Даѣтъ бы это милосердій Господь! Благодаренъ Всевышнему и за эту радостную вѣсточку. А впрочемъ —

могутъ ли я быть увѣренъ, что то, о чёмъ прошу, выйдетъ мнѣ въ пользу? Потому и молосъ только: да будетъ воля Твоя святая, Господи! Лишь Ты, Господи, вѣсъ, что мнѣ во благо, и вся же вѣщаешь мнѣ, приму съ благодарностью и смиреніемъ!..

Laiss сообщаетъ, что д-ръ Поллякъ померъ.

Изъ депозита получилъ Янко 80 кронъ. Хорошо, что получилъ, а то монеты совсѣмъ выходятъ. Сейчасъ отправили мы старого Потерѣка въ кантину, купили 2 копченыхъ селедки, сливъ, сахару и голубку чесноку. Старый озабоченъ на кантину всякий разъ, потому что все дорого, за головку чеснока заплатилъ 20 гел.

Вышло какъ то такъ, что при похоронахъ бл. о. д-ра Малинъ очредными ирромъ оказалась цифра ровно 1000.

Былъ у Николы, где встрѣтилъ судью Гуллу. Онъ принесъ изъ барака № 30 прирожки съ мясомъ. Николѣ даль гулаши. Повеселяли мы и выпили 2 бутылки пива, котораго никто изъ насы не пробовалъ уже 7 мѣсяцевъ, спѣшительно, было великолѣпное пиршество, вполнѣ заслуживающее быть отмѣченнымъ въ запискахъ. Затѣмъ пришелъ и Янко и тоже выпилъ пива. Посидѣли и поговорили.

Вотъ еще одна изъ трагедій, имѣ же у настѣ нѣсть числа: Въ Комарѣ арестовали мужика Григорія Прухницкаго, который за избѣглое мѣсяцемъ до этого времени (въ матѣ) овдовѣлъ и остался (толькъ) съ одниной сынишкой, 8 лѣтнимъ мальчикомъ Михаѣлемъ. Когда жандармъ послѣ отца, мальчикъ не хотѣлъ съ нимъ разстаться, а всѣ времена, рѣдкоѣ бѣжалъ съ нимъ рядомъ 8 км., и жандармъ никакъ не смогъ отогнать его. Озаболѣніемъ этимъ жандармъ арестовалъ наконецъ и мальчика и такимъ образомъ отецъ и сынъ очутились вмѣстѣ въ Талергофѣ. Здѣсь одноко, на днѣхъ (15. февр. с. г.) померь отецъ Григорій, а мальчикъ остался круглымъ сиротою. Взяла его здѣсь, поэтому, на свое попеченіе и съ собою въ госпиталь г-жа Кунинская, именно въ

баракъ № 12, а днесь (20. февр.) заболь и этотъ мальчикъ!

21. февр. — День съ утра облачный. После завтрака я пошелъ къ Ни колѣ, взялъ себѣ у него зонтикъ (за 5 кронъ 48 гел. — Gelegenheitskauf, т. е.

Крушинскій выскакиваетъ о немъ похвально. Увидимъ. Вечеромъ былъ у насъ Никола. Играли, какъ ежедневно, въ преферансъ.

22. февр. — Приморозокъ и хорошая погода. На одномъ только нашемъ

ТАЛЕРГОФЪ.

Православная часовня въ лагерь. Въ алтарѣ стоять иконы винтируемыи ванными православными священниками. Діонісій Кіїлевский.

случайнѣя купля и обсудить иѣкоторыя дѣла.

Говорятъ, что капитанъ Strick уходитъ. Онъ будто бы обігналъ тѣмъ, что не произведенъ въ маюры. Добрый человѣкъ — дай Богъ, чтобы здѣсь остался и дальше. Сюда приходитъ комендантомъ будто бы полковникъ Steichen. Служившій подъ нимъ въ свое время д-ръ

„гофѣ“ за ночь уже есть 3 покойниковъ! Ахъ, Господи, помилуй наше и сохрани!

Газеты пишутъ, что будто австрийцы русскихъ побили и выбѣрили къ Станиславову но это не превѣщаєтъ близкаго конца.

Янко получилъ днесь письмо изъ Вѣнѣ отъ Кунды, въ которомъ сообщается, что единственный сынъ Скин-

скаго убить подъ Варшавой, а жена Скишинского живеть во Внѣ.

Капитан извѣстил имѣющихъ изъ карантинныхъ бараковъ выйти на свою болу, что при ихъ выходѣ у нихъ буде привезено строжайшій обыскъ. Имъ запрещено брать отъ кого бы ни было изъ здѣсь остающихся какія либо частныя письма или просьбы, жалобы и т. п., съ угрозой, что за это останутся на 8 дней подъ арестомъ.

(Особое прим.). На „гофѣ“ въ 1 отъвлѣніи Стадлеръ, взорвавъ позорный столбъ съ желѣзнымъ кольцомъ. Къ этому столбу привыкали, подвѣшивая, виновныхъ, т. е. производили анбіндъ. Случилось, что кухарка вѣла одному мужику собрату у кухни картофельные отбросы и вынесла. Онъ это сдѣлалъ, но, роясь въ нихъ, нашелъ 4 кроны и спряталъ себѣ въ карманъ, караульные, однако, замѣтили это и донесли Стадлеру. Онъ приказалъ сейчасъ мужику подѣтъ на этомъ столѣ.

Случайно проходилъ въ то время русскій военномѣдіній, вольноопредѣляющейся, хорошаго вида и красивыи юноша, и обратилъ внимание капитана Шмидта на страшныя страданія подвѣшенного на столбѣ крестьянинна и не скрывалъ своего возмущенія.

— Но вѣдь же и у васъ въ Россїи привыкли къ виновныхъ строгія наказанія, — сказывалъ капитанъ.

— Да, — отвѣтилъ солдатъ, — но не такъ; ужъ лучше бы оно сразу же пулю въ лобъ, чѣмъ такой поズоръ. Что за варварство!

Слово это возмѣздало свое дѣйствіе — этотъ столбъ вскорѣ потомъ убрали.

Былъ вечеромъ у Николы — поговорили.

Покойниковъ 14 чел.

23 февр. — Всю ночь падали то дождь то снѣгъ, а настало болото.

Смутныя вѣсти доходить изъ Галичины. Говорятъ, что рускіи войска собираются отступить къ Гродну, Ковно и Брестъ-Литовску, а въ такомъ случаѣ, конечно, оставить и Галичину.. А почему, непонятно. Впрочемъ, что и какъ тутъ знать?

Померь о. Гмыртыкъ — молодой священникъ, находящійся здѣсь съ женою. Это событие очень опечалило насть. Въсѧ и наши вдовы по священникѣ.

Вечеромъ посыпалъ у Николы, по-говорили о будущемъ.

Покойниковъ 9 чел.

24. февр. — Похороны о. Гмыртыка въ 3 ч. пополудни. На мѣсто Николы придетъ Шоршикъ изъ нашего барака.

Съ Коломыцемъ въ госпиталь гло-хоз. Бѣднікъ Иосифъ беспокоятся, чтобы не померъ. Очень боленъ и дѣлъ Добиа. Днесъ мощный и морозный сѣверный вѣтеръ.

Вчера возвратился въ баракъ нашъ возлюбленный дѣлъ Р. Могильницкій. Привѣтствовалъ его здѣсь Зимпекомандантъ Козакъ, за что дѣлъ Могильницкій поблагодарила сердечно. Онъ еще слабъ и повидимому долженъ еще въ баракѣ влекливаться иѣкоторое времѧ, чтобы вполнѣ оправиться и только послѣ этого сможетъ снова взяться за работу — лечеѣ нашихъ больныхъ.

Говорятъ, что во Внѣ муха ужъ считается Luxusartikel-емъ. Сверно!

Вчера уѣхало много изъ подъ карантинныхъ и конфинированыхъ, но Куровычъ почему то осталъся, его задержали, потому что будто противъ него выдвинуто какое то обви-неніе.

(Особое прим.). По госпиталямъ, въ которыхъ лежать наши больные крестьяне, показывается врачъ врядъ-ли разъ въ недѣлью, да и то дѣлаетъ осмотръ только ро. Готта, почтъ ингриѣ, ни ни минутъ, не останавливаясь, больныхъ не оматриваетъ и никакихъ лекарствъ не прописываетъ. Больные лежать, оставленные совершенно на попеченій Зимпекомандантъ. Если они чѣмъ-нибудь получаютъ, то покупаютъ на это для большого молока, булокъ и т. п., если же нѣть, больной таѣ и погибаетъ безъ всякой помощи. Единственное удобство развѣ въ томъ только, что съ большого снимаютъ вѣшивое платье и одѣваютъ въ чистое бѣлье. Есть много такиx людей, которые и по днесъ еще ни разу не купались. Отъ долговремен-

ной грязи все тѣло какъ будто дегтемъ смазано, ажъ черно.

Въ 3 ч. отслужили надъ тѣломъ пок. о. Гмыртыка панихиду. Пѣль хоръ. Но „культурный“ нѣмцы и въ этомъ случаѣ показали себя: во время панихиды на собранную около покойника молящуюся толпу нашей интеллигентией, нѣхъль большой тѣжело нагруженный возъ съ запряженными къ нему воловами, заставляя присутствующихъ на богослужѣніи разстѣлывать съ стороны, а затѣмъ капитана еще зѣлья на нихъ за то, что богослужѣніе по его мѣрѣ, совершилось слишкомъ долго и мѣшало своимъ тѣлѣгамъ строительного материала и вообще работѣ.

Въ газетахъ съ фронта нѣть никакихъ извѣстий — это также показательно.

25. февр. — Приморозокъ. Съ са-маго утра постоянно гудятъ надъ нами билланы. Съ ночи болитъ меня днесъ горло.

Автомобилемъ приѣхалъ сюда 23. февраля дѣлъ Кормошъ и забралъ Мельникуковъ и о. Ольшанскаго. Вчера же (24. февраля) приѣхалъ извозчикомъ о. С. Мікарта и привезъ отъ „украин-скаго“ комитета какую то „запомогу“ (вспомоществование), которую и раздѣлъ помежу иѣкоторымъ. Говорилъ, что будто дѣлъ Ганкевичъ и др. ходили къ намѣстнику въ Грайвѣ съ предложеніемъ, чтобы отсюда освободилиъ всю интеллигентію. Кобы дать это Господь и вѣнчалось все это успѣхомъ!

(Особ. счетъ, зам.):
Депозитъ — Конигра 686 86
488-12 306 86
380'00
Дня 16/12 1914 — 158'12
" 25/2 1915 — 20—
за январь и февраль

228 74	Дня 10/3 вѣд.	128'74
+686 86		306'86

Laiszъ сказали, что съ Коломы-цемъ очень плохо. Бѣднікъ Иосифъ опе-ченъ. Въ каждый моментъ можетъ на-ступить кончина.

Вчера собрали мы въ баракѣ для крестьянинна Залужнаго почти 10 кронъ.

Онъ составляетъ хороший эпосъ о на-шемъ тѣжеломъ пребываніи въ Талер-гофѣ. Особенно ярко вышли описания казни въ Бригидкахъ крестьянина, а затѣмъ бл. п. о. Максима Сандовича. Вый-деть хорошая книга, если Господь поз-волитъ вернуться на родину.

Вчера забрали въ госпиталь дѣ-вшую Левицкую, суженую студента унiv. Пирога. И съ о. Корниліемъ Литвино-вичемъ, взятымъ изъ нашего (№ 30) ба-рака, тоже плохо.

Замѣстителемъ Н. Красицкаго, наз-начень старшій учитель изъ Буковины Шоршикъ, человѣкъ русскіи убѣдженій (но его сынъ мавленецъ). Семья его живеть съ ноября въ Внѣ, но его здѣсь держать. Онъ читаетъ газеты, а намъ лишь передаетъ ихъ содержаніе.

По днесъ померло вѣсъ 1074 чел.! Послѣ кофе пошель я къ Николу. Онь вышелъ мнѣ наставу съ радо-стными лицами и привѣтствовалъ меня словами: Servus, коллега, поздравляю!

— Ну, что же нового? — удивился я.
— Сіо минуту узналъ, что и ты конфинированъ.

Я обнялъ его и Славка и расцѣло

вать. Вѣсть эта первая прерадостная изъ вѣхъ радостныхъ въ Талергофѣ, силь-но подвѣствовала на меня. Я такъ обрадовался, какъ никогда прежде въ жизни, кажется, быть въ особенности припод-нятому расположенному духу и не могъ никакъ скрыть этого своего неожидан-наго счастья. Даже окружавшіе меня, которымъ я не выѣдалъ этой тайнѣ, за-мѣтили у меня чрезвычайно оживленіе и юморъ и присыпывали это тому об-стоятельству, что у меня любная боль прекратилась.

Чтѣмъ слышно, однако, съ Янкомъ и его отцомъ, еще не сообщилъ П., такъ я заглагораздулся пока что скрывать предъ ними о сообщенной мнѣ и менѣ ка-сающейся вѣсти, пока не узнаю и о нихъ. но надѣюсь на Господа что и они бу-дуть конфинированы.

Какъ благъ Господь, нѣть предъ-ловъ милосердію и милостью Его! Труд-но передать хоть приблизительно мои теперешніи мысли о благости Божіей.

Весь же мое дѣло сложилось, было, совсѣмъ скверно: прежде всего по волѣ Божией, первая моя жалоба пропала въ Рогатинѣ затѣмъ вышло другое бѣство — протоколъ со мною согѣтника Фида. День 11/12. 1914 г. былъ тѣжелъ для меня, тогда мнѣ и о. Сеніку сообщилъ сов. Фида, что приказано насыбонить отправить во Вѣну. Но Господь благъ и многомилостивъ и Пречистая Дѣва Марія выслушала мольбы мои... Я послала 11/12 1914 г. добающее заявление въ Landwehrgerichtъ во Вѣну и тамъ наѣвѣ слѣдователь заблагорасудилъ прекратить противъ меня слѣдствіе. До самаго вчерашняго дня ждалъ я все время, что, вогть, мольбъ не сегодня — такъ завтра, позовутъ меня поль карантинъ, а затѣмъ отправятъ во Вѣну, и вругъ — нечаянная радость: я буду конфинанованъ!

Милостивый Господи, сколько разъ въ жизни своей испытывалъ я на себѣ обиды благодати Твоей! Милость и блажость Твои всегда были и на мнѣ и семье моей. Я крѣпко уповаю, я увѣренъ, что коли я захочу живеть, то и семья моя тамъ живеть. Можетъ Господь вѣхъ настъ помилуетъ и дозволитъ вновь сойтись и имѣтъ до конца живота благодарить Его за всѣ безконечныя благодати Его. Недостойнъ я этого, я грѣшный рабъ Твой, я помилуй и пощади Господи.

Днесъ такъ весело мнѣ на душѣ... Вступила въ нее новая надежда, что, можетъ, вырвусь изъ этой недоли безпредѣльного человѣческаго горя и слезъ.

Узналъ я вчера, что и Николай Басъ померъ, а очень болѣвы Павель Людкевичъ и Ник. Быкъ.

26. февр. — Морозъ. День хороши. Я спаль, однако, не такъ хорошо, какъ бывало до сихъ поръ. Былъ взволнованъ, просыпался и не могъ уснуть.

Дѣръ Дѣльба померъ днесъ. Съ о. Коломыцемъ, какъ будто немножко лучше.

Узналъ я днесъ, что Янко и его отецъ свободны отъ всякаго обвиненія, и слѣдовательно, можно надѣяться, будуть или освобождены совершенно или же конфинанованы. Слава Богу! лишь бы

рѣшеніе властей скорѣе послѣдовало, чтобы не пришлось по нѣсколько времени откладывать очереди, когда позовутъ подъ карантинъ.

27. февр. — Померъ о. Корнилъ Литвиновичъ, т. е. очередной уже 12-ї священникъ, а первый изъ Станиславовской епархии. У него, говорятъ, была, кроме тифа, также болѣзнь почекъ.

Днесъ я сообщилъ Янку то, что узналъ.

Laissъ сказалъ, что съ о. Коломыцемъ очень плохо, если доживеть до завтра, то можно надѣяться, что будетъ живъ. Іосифъ крайнѣ уединенъ, но подготовленъ ко всему.

Я прошу его спросить Laiss-а католично моего конфинаванья. Недовѣрию, вѣрна ли вѣсть, переданная мнѣ Красицкимъ. Боюсь, не обмануло ли онѣносительное лицо Красицкаго.

Бѣзъ похоронъ о. Литвиновича, идемъ отслужить панихиду въ часовнѣ. Я чувствую се я бодръ, есть аппетит и сонъ было хорошъ.

Очередной н-ръ гроба о. Литвино-вича 1105.

Вечеромъ былъ отслуженъ у насъ пастасть по покойникамъ о. Литвиновичъ и дѣръ Дѣльба (онъ померъ вчера).

Захоронъ острой похоронки о цѣ Дионисий Кисѣлевскій. Призываю дра Войтовича, это ничего не нашель, днесъ совѣтовался д-ра Могильницкаго, самъ дѣлалъ себѣ натирания, примочки, мѣрилъ температуру тула, наблюдалъ удареніе пульса и пр. Видъ у него такое разстройство, д-ръ Могильницкій посовѣтовалъ ему перейти въ обсервационный баракъ. Тамъ пробудетъ 1 — 2 дни. Бѣдный человѣкъ. Передаю мнѣ ключи отъ своего чемодана и деньги.

28. февр. — Морозъ. Я дѣлалъ се бѣзъ компрессы на горло — помогло мало. По заявлению врачъ днесъ критический день для о. Коломыцемъ. Іосифъ встревоженъ.

Въ баракѣ № 25 помѣщены реконвалесценты ихъ тамъ находятся теперь 380 чл.! Како таихъ воздухъ! И каково тамъ вообще положеніе этихъ выздораивающихъ! Многие тамъ вновь заболѣваютъ. Тамъ и Василь находится.

Днесъ передаѣтъ мнѣ о. Кисѣлевскій изъ своего барака, что у него bronchitis? и просятъ передать ему йѣкотомъ вещи.

Теперь о. Сенікъ предлагаетъ составить еще разъ полный списокъ священниковъ, не получившихъ конгрюи, и послать его въ Балу, где теперь находится львовское намѣстничество. За составленіе такого списка съ отн. заявле-

Узнать я, что Ант. Курка находитъ ся въ Балѣ, куда звѣнтуально отпра-виться намѣрѣнъ и Іосифъ. Я передаю ему письмо съ тѣмъ, чтобы Іосифъ отыскалъ Курку и похлопотать о моемъ и Янка освобожденіи и о выплатѣ конгрюза за I четверть 1915 года. Господь вѣѣтъ, удалутся ли эти планы, но че-ловѣкъ, прилагаетъ всѣ старанія и уси-лия, чтобы добиться освобожденія. Ахъ,

ТАЛЕРГОФЪ. Группа талергофцевъ изъ Знесенія вовлѣ Львова.

Съ лѣва на право: 1. Омара Семенъ. 2. Северинъ Балинкевичъ. 3. о. Вас. Лочинна. 4. Емилія Балин-кевичъ. 5. о. Сав. А. Балинкевичъ. 6. Іануш Тарнавскій. 7. Вѣс. Наорлевичъ. 8. Григорій Кошун-скій. 9. Іан. Вадцкъ. 10. Лука Старницкій. (Умершій въ 1916 г. талергофъ изъ Знесенія Іанъ Пе-трушанъ былъ перенесенъ въ эту гробницу 14. април 1929 г.).

немъ вымылась бы съ каждого свя-щеника отдельно плата по 1 кронѣ. Говорятъ, что это слишкомъ дорого.

На обѣдѣ подали днесъ капустникъ, мяса было довольно много.

Въ бѣзъ скончался о. Вл. Коломы-ецъ. Я приготовилъ къ этой печальной вѣсти Іосифа. Онъ завтра идетъ подъ карантинъ. Бѣдняга очень прибѣтъ горемъ. Пошелъ узнатъ, что съ его веща-ми (золотые часы и деньги).

золотая свобода! Никогда я не зналь цѣны тебѣ, ахъ теперъ!

Былъ я днесъ еще у Красицкаго. Онъ долженъ завтра, вѣмѣтъ съ сыномъ, явиться у бани и перейти въ карантин-ный баракъ. Хочу еще завтра утромъ — если Господь допоможетъ — поспѣтъ и проститься съ ними обоми.

Смерть бл. п. Влада стоятъ на-родъ объяснять, какъ изказаніе Божіе за его плохое обращеніе съ людьми!

Мартъ 1915 г.

1 марта. — Тяжелый день! Стационар Потерейко что-то недомогает. С утра Иосиф ушел заказывать гробъ, а Янко крестъ на Лаврыши (онъ изгото- вляет кресты для всѣхъ, а оксикитный Богословиѣ въ Черновцахъ, Гаврилъ Васильевичъ, выѣзжаетъ на надписи). Гробъ хотѣть купить ему Иосифъ за 150 кронъ, но заявили, что въ нынѣшнихъ услови- яхъ нельзя получить металлическаго гроба за такую сумму. Бехольдъ прика- залъ по-бронѣ покойника въ особой могилѣ — это привилегия, всѣхъ вѣль хоронить здесь вмѣстѣ въ одномъ глу- бокомъ рву.

Утромъ заявилъ намъ д-ръ Вл. Могилянскій, что у о. Кисѣлевскаго тифъ. Всѣхъ насть поравняла эта вѣсть. Мы ни- когда этого не предполагали, но, быть можетъ, она ошибается. Днесъ заѣдьтъ къ нему д-ръ Могилянскій и еще разъ пр-вѣрить. Для нашего барака № 18 (это душу и сердце леденящая вѣсть. Далось же намъ днесъ это 1-ое марта! Далось всѣмъ намъ, т. е. нашему кружку: я, Янко, отецъ, Иосифъ и Телесинскій).

Знаво уже положительно, что Антонъ Куркі въ Блої. Поручи Иосифу, чтобы непремѣнно сошелся съ нимъ и предпринялъ шаги и мѣры для нашего освобожденія. Я уверѣнъ, что онъ, добрякъ, все что только въ его силахъ, сдѣлаетъ. Лишь наусти и укрѣпіи его Господи, и заступися за насть Мать Пречистая!

Въ 3 ч. отслужилъ о. Гелитовичъ панихиду. Пѣль хоры. Нѣкоторые, однако, демонстративно отказались и не участвовали въ хорѣ (о. Михаилъ — басъ, Гелитовичъ). Присутствовалъ Бехольдъ и пр. изъ канцелярии. Гробъ ме- таллическій, бѣлый, стоялъ 360 кронъ.

Красинскій рано утромъ пошелъ поль карантинъ. Его мѣсто называло Шорши, но помощникъ ему и Йейскому уѣхалъ.

Эпидемія, повидимому, падаетъ, смертность уменьшается.

2 марта. — Иосифъ раненько по- шелъ въ бани, а затѣмъ подъ каранти- нъ. Я далъ ему порученія къ Куркі.

Передъ самымъ его уходомъ Laiss принялъ ему отъ сына Ивана посыпку, предназначеннную для пок. Владика, коньякъ и вино. На прощаніе мы вытили побутылки Mielag-и. Янко уложилъ его вещи и мы оба съ Янкомъ сопровождали его до бани. По пути Иосифъ забралъ еще оставшіеся по пок. Владикъ вещи, чтобы ихъдать дезинфицировать. Разставясь съ нами, добрякъ Иосифъ подѣрился на память мѣръ перочинного ножичка, а Янко скопечекъ на деньги.

Возвращаясь затѣмъ, мы спросили въ баракѣ № 17, какъ чувствуетъ себя о. Діонисій Кисѣлевскій. У него днесъ жаръ въ 39° С. Иосифъ оставилъ мѣръ 2 открыты изъ Karlstein.

Окончательно выяснилось, что у о. Діонісія таки тифъ. Можно быть почтѣ уѣзвѣнными, что онъ набрасъя его въ госпиталь, куда поспѣла якобы подъ обсервацио, а его дали въ тифозный. Все это насть, обитающихъ подъ № 18 всѣмъ обеспокоило.

Ночью нѣкоторые въ нашемъ баракѣ попились коньякомъ и виномъ, оставившимися по только что ушедшими. Своимъ пьянствомъ крикомъ С. разбудилъ всѣхъ насть. Къ счастію „постъ“ ничего не слышалъ, иначе ворвался бы въ баракъ и вышло бы бѣдствіе, скандалъ.

Сильный холодный вѣтеръ дуль весь день и всю ночь. Въ баракѣ ужасно coldino. Мы такъ и зимой, кажется, не мерзли, какъ теперь.

3 марта. — И днесъ дуетъ вѣтеръ. Студено. Въ баракѣ сносило захваченіе доски и бревна и топтии ими въ печахъ.

Явился нашъ врачъ. Огласили намъ списокъ освобожденныхъ и конфинированыхъ. Врачъ осмотрѣлъ всѣхъ ихъ, до отправки ихъ въ бани. Въ списокѣ значится преимущественно крестьяне.

Чрезъ нѣкоторо Ивана Комичку въ Вѣнѣ (III, Lerchenfeldstr. 14/1) о. Ко-котайло получилъ письмо, извѣщающее его о благополучіи его семьи.

4 марта. — Мрачно. На дождь со- бирается.

Врачъ осматривалъ гѣзы, которые завтра идутъ подъ карантинъ. Я поѣхалъ Иосифа и Николу. Узналъ, что

между нашими людьми возникла мысль устроить сборъ пожертвованій на покупку подарка д-ру Вл. Могилянскому, но многие сторонники этой мысли полагаютъ, что лучше и цѣлесообразнѣе было бы устроить это по возвращеніи на родину.

5 марта. — Съ утра переносилъ я вещи въ кабину № 10, а позже въ № 13, куда помѣщены только настъ четверо: я, Янко, отецъ и Телесинскій. Мы кабиной довольны.

Узнали молодого поэта, гимназиста Нестерака, составившаго вдѣль, въ Талергофѣ, хорошій стихотвореній. Я поощрялъ его продолжать эту трудъ, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ у него замѣ- чательный талантъ.

Передчера (третьяго дня) передалъ я народному поэту, крестьянину Задумскому, собранный на насъ для него 10 кронъ. Онъ бѣднякъ совсѣмъ безъ средствъ, а лишился хороший эпостъ о страдальческой жизни узниковъ въ Талергофѣ.

6 марта. — Днесъ уже 7 мѣсяцевъ какъ меня арестовали! Печальная голова-шина. Но самъ по себѣ день, можно сказать, даже радостный: отъ вчера 8 ч. вечера до 8 ч. утра днесъ было всего только одинъ случай смерти, а въ тек- чение 2 послѣдніхъ дней не было ни од- ного забоѣванія! Велия милость Твоя, Господи! Но съ о. Діонисіемъ, по мѣрѣ д-ра Могилянскаго, не хорошо.

Чудный весенний день. Тепло, осо- бенно до полудня. Всѣ высыпалы изъ бараковъ и грызлись на солнцѣ. Неужели весна?

(Особое прим.). Въ гангіарѣ: солдатъ нарочно бросилъ на-земль бохонъ хлѣбъ. Максимъ Шумицкій изъ Исаѣ (Турка) жадно бросился и поднялъ брошенный хлѣбъ. За это тутъ же другой солдатъ проколотъ его въ ребра штыкомъ. Л. чилъ съ недѣли.

7 марта. — День по истинѣ прѣкрасный. Настоящая весна. Крестопо- клонное воскресеніе.

Съ о. Діонисіемъ плохо. Ахъ, какъ онъ боится болѣзни, прямо чутъ ли съ ума не сохнитъ. Всѣмъ намъ дорогой человѣкъ. Можетъ, Господь помилуетъ и спасетъ его. Впрыскивали ему морфій,

съ языккомъ у него плохо, говорятъ, что лицомъ сильно измѣнился.

Нестеракъ былъ вчера у меня и оставилъ свои стихотворенія — надо ихъ списать.

Сѣбѣтніе притасъ ужасно дорож-и. Сушенькъ сливъ 1 кгп. стоить 1 кронъ 60 гр., яблочки такъ же, 1 кгп краковской колбасы 6 кр., апельсинъ шт. 14 гел., маленькая черная булочка 4 гел., селедка копченая — 40 гел.

8 марта. — Падаетъ мокрый, на лету таинскій снѣгъ. Грязь ужасная.

Днесъ раздавали намъ одежду: кур-тки, брюки и ботинки — все самаго дриничаго качества. Для меня не подошли ни одни брюки, ни одна куртка, взять только одни ботинки и Янко тоже. Дѣлается такъ все это нарочно, чтобы доделать намъ.

На-дняхъ о. Ле въ Кордасевичъ получилъ письмо отъ дочери изъ Ляжовичъ, сданное на почту еще 14-го января с. г. въ Браиловъ. Дочь сообщаетъ, что здорова. Тѣмъ же путемъ о. Кордасевичъ напрѣмъ отправилъ письмо и ей, но по тому что теперь карантинъ, письмо отъ нее не принимаютъ къ отправкѣ, а только передаютъ намъ полученнымъ. Письмо помѣчено почтовымъ штемпелемъ 4-го с. марта, значитъ очень долго шло оно въ Браиловъ. Въ виду того, что изъ-за карантинъ переписываться не можемъ, о. Кордасевичъ побробуетъ выслать телеграмму, чѣмъ я съ Янкомъ хотимъ воспользоваться и сообщить о себѣ. Нада соѣдѣстовать съ Кордасевичъ, такъ какъ ей бы навѣстили, а она должна бы уже отъ себя сообщить въ Липницу обо мнѣ.

Съ о. Діонисіемъ плохо, но не безнадежно. Да хранитъ егъ Господь и под-ниметъ съ одра болѣзни!

По Талергофу расклеены плакаты съ надписью: Gott strafe England!

9 марта. — Три трупа. Съ о. Діонисіемъ лучше, слава Тебѣ Господи! На днесъ быть приморозокъ. Хожу въ ботинкахъ, а куртку взялъ есъ таки, чтобы ее передать къ-м-то изъ нашихъ людей, Генаплью или Василю, брюки же совсѣмъ малы и тѣсны. Пріобрѣлъ ½ литра сли-виовицы за 2 кр. 30 гел.

Въ 2 ч. похороны кафедрального дьяка иез. Черновець Рахмиструка.

Предожда м сла, какъ Lixussassia, запещена И въ Телергесѣ (сель) иѣтъ больше масла.

10. марта. — Морозный вѣтеръ. Ужасная стужа. Топить въ печахъ на сколько хватаетъ материала. Ночью особенно чувствительно пронимаетъ морозный вѣтеръ.

Что будетъ съ о. Денисіемъ, все еще сказать трудно.

Днесъ возвратились изъ карантинаго барака Кригичъ и молодой Стиранка. Такъ какъ сестра Кригича заболѣла, ее взяли въ госпиталь. Стиранка считается женихомъ д-ца Кригича.

Днесъ выплачиваютъ конгрю. Мнѣ признано за январь и февраль 22874 кр., а выплачено только 12874 кр., а оставшее задержано въ депозитѣ. Имѣя 100 кронъ въ банкнотѣ, можно въ Талергофѣ умереть отъ голода, такъ какъ здѣсь даже 10 кронъ не легко размѣнить. Я возвратилъ о. Яворскому занятые 10 кронъ и о. Каичмарчуку оставшіе 7 кронъ.

12. марта. — Хорошая погода. Ясно, тепло, — хожу съ утра. Днесъ пятница. „Свѣтъ“ купилъ 2 литра молока и эмзетальского сыра. Въ карантинномъ баракѣ заболѣлъ о. Чиренчакевичъ.

Laiss принялъ телеграмму въ Ляховичи віа Brailov, — ахъ, Господи, не можь удастся хотя этимъ далечѣніемъ путемъ уведомить моихъ, что я живъ еще.

13. марта. — Суть подаютъ съ какъ-дѣнь разно. Я и „старый“ встаемъ первые. Слишко хорошо. День гохойки.

14. марта. — Воскресенье. День хороши. Ничего особенного. Постыдилъ судью Ф. Костецкаго, возвратилъ ему 20 кронъ;

(Цитата по полеки): J o k a j : „Po obiedzie, ogólnie biorac, každy jest w nim człowiekiem, niż przed obiadem. Stoi nakryty równe ludzi, pozycye wieki, góbięce party!“

Dette: Źem za małego do kochania,
Mówią mi czasami,
Lecz pytkości tego zdania
Nie pojmuja sami.
Odpucyl o tem wszakże wiele,
Ze i woda latwo przecie
W malym wre garnuszku,

Wlęc plech w podziw was n'e
wprawia,
że siłośc latwo zjawia
W maleńkiem serdušku.“

15. марта. — День ясный, хороший. Въ газетѣ статья п. а. Kostmangel (недостатокъ пищи) и о мѣрѣ предосторожности.

Читано повѣсть Іокая въпольскомъ перевѣдѣ: „Poniszyny z posad ziemi“. Такъ тепло, что весь народъ высыпалъ изъ бараковъ, люди гуляютъ въ лѣтнемъ пляже.

„Plus valet favor in iudice quam lex in codice“ (больше значить хорошее расположение судьи чѣмъ законъ [статья] въ уложеніи).

(Следуетъ длишнее цитата напольскомъ языке изъ соч. Іокая обѣ отишенихъ между концомъ и человѣкомъ, значений рижскаго сущес. (конь), осес. Мартинъ и Георгий, изображаемыхъ на конѣ и т. п.).

16. марта. — День не холодный, но пасмурный. Я и Яно ходили навѣстить Іосифа. Прекрасный русскій крестикъ, чтобы я отнесъ г. Андрею Лакустѣ, чтобы выѣзжалъ на немъ подъходящимъ написи. Крестикъ сдѣлялъ мівъ о. Ст. Яворскій. Въ Орестѣ Колпинскому, появился я художнику-вятелю. Сдѣлялъ чудный ларчикъ д-ру Войтовичу и много другихъ вещей, настоящій художникъ.

Вчера Несторъ привезъ своего товарища Бандровскаго (оба — гимназисты VIII кл. новосандинской гимназіи). Бандровскій — живописецъ, обѣщалъ принести намъ днесъ кое-что. Все, что доселе порѣ сдѣлялъ, розадѣ.

(Особое прим.:) Полякъ Іосифъ Заславский изъ Нового Тарга былъ еще въ декабрѣ 1914 г. освобожденъ (freigesessen), но не зналъ ничего объ этомъ, сдѣлялъ по днесъ. По приглашенію Уѣскаго, пришелъ къ канцелярию помочь ему привести въ порядокъ списокъ усопшихъ и вдругъ, къ своему изумленію, попалъ въ нечто на статью, въ которой значится, что онъ, Іосифъ Заславский, умеръ! Также образцы блюоргратического безголовья!

17. марта. — Опять у насть, въ 30-омъ баракѣ, заболѣли двое: Куцѣй и о. Сынгалевичъ. Врачъ заявилъ, что, если къ

субботѣ не будетъ новыхъ заболѣваній, въ нашемъ баракѣ будетъ произведена дезинфиція и что если окажется нужнымъ, вѣхъ насть переведутъ въ другой баракъ.

Аварктерно, что въ нашемъ баракѣ не погасъ тифъ. Это уже 21-ыи случай. Но въ общемъ эпидемія падаетъ, больныхъ переносятъ въ другие бараки. Случаевъ же смерти бываетъ по 3—5 въ сутки. Въ сравненіи съ прошлымъ, это очень мало.

Читано повѣсть Іокая въпольскомъ перевѣдѣ: „Poniszyny z posad ziemi“. Хорошая повѣсть и потому бросилъ играть въ преферансъ. Все впрочемъ надѣялись. А видовъ на скорое окончаніе войны никакихъ.

Письма молодой Телесницкій отцу, — днесъ письмо получено — что тамъ у него говорятъ, — онъ гдѣ то въ Чехии окончилъ офицерскую школу — что пойдуть на войну только въ маѣ. Вотъ-то хорошие виды!

Днесъ караульные сообщили намъ, будто Альбіянявляла войну Франции. Мало вѣроятное извѣстїе. А тѣ, кто читали газету, говорятъ, что ничего обѣ этомъ тамъ не сказано. Видно, это только одинъ изъ тысячи разныхъ слуховъ, какъ какимъ мы уже вѣдѣ привыкли вѣрить.

Пойду завтра къ Іосифу попросить, чтобы онъ, пріѣхавъ въ Brailov, написать чрезъ броу Тенгѣфа у Бухарестъ письмо въ Липницу и сообщить имъ, что я и Яно здѣсь живы и здоровы. Ахъ, какъ я радовалась, если бы это удалось, и мон дражайшѣ на землѣ узнали обо мнѣ! А можетъ быть, и телеграмма въ Brailov пойдетъ до Ляховичъ и этимъ путемъ они все таки скорѣе узнаютъ обо мнѣ?

Меня уже нѣсколько дней подрядъ очень сильно донимаетъ зубная боль, особенно и постоянно вечеромъ, иногда иночно, не сплю...

Померъ о. Ал. Полянский. Вечеромъ опять принесли вѣсть пе-
чальну, — пришла будто бы телег-
рамма — что будто Румынъ объявила
войну Россіи. Такъ тогда война зати-
нется надолго, повидимому, — намъ

такъ хотѣлось бы вернуться на родину, посмотретьъ на нее хотя бы и разрушенну. Вѣдъ же она родная насть, искони русская, своя дорогая земля! Да будетъ воля Твоя Господи!

По баракамъ, тамъ, гдѣ у кого то изъ нашихъ людей есть на рукахъ „Изборникъ“, служатъ днѣсъ „Поклоны“. У насть же прочитали акаѳистъ къ страсти Христовѣ.

18. марта. — День приятный. Врачъ заявилъ, что мы перейдемъ въ другой баракъ, какетъ въ 23-и, а насть будетъ подвернутъ дезинфиціи. Днѣсъ забрали и судью Криницкаго въ госпи-
таль.

Вчерашній вѣстѣ оказались ложными, какъ первая, переданная караульнымъ, такъ и вторая. За распространение ложныхъ вѣстей, караульное бюро получило здѣсь название „бюро Гіса“ (Гісовскаго).

На обѣдъ дали намъ постный „чиръ“ и говорить, что лишь дважды въ не-
дѣлю будешь получать мясо. Начнется головодка. Бѣдники крестьяне давно уже головодятъ, просятъ насть о пода-
чѣ имъ хлѣба и пищи вообще, а у насть нѣтъ. Прежде у насть все таки оставалось еще немножко хлѣба, такъ что мы могли имъ кое-что изъ него удѣлять, именно у насть было много больныхъ и оставшіяся несъѣдѣнными ихъ порѣ получали здоровье. Теперь эпидемія па-
даетъ, больныхъ становиться все мень-
ше, а выздравливавшіе, очень сильно хотятъ есть и єдятъ жадно. Послѣ ти-
фа всегда выздоровѣвшіе єдятъ много.

Съ самаго утра ужасно болитъ у менѣ зубъ. По упоконившимъ оо. Александрѣ Пасмурскому и его сынѣ Несторѣ отслу-
женъ парастасъ.

19. марта. — Пятница. Пасмурно. Сутра забѣхали съ насосами и выка-
чивали изъ отхожихъ мѣстъ нечисто-
ты и отравляютъ воздухъ зловоніемъ.

Собираюсь вѣйти къ Іосифу и по-
просить его, чтобы дать портному сдѣ-
лать для менѣ чорные брюки и при-
слать сюда. Ужасно я обносилю, хожу
объзвѣнными. Было время, когда я вы-
нужденъ былъ неразъ ложиться спать, не

раздѣвася, и это также ускорило про-
цесс распадения моего тяжѣя, но благо-
даря этому обстоятельству быть можетъ,
все таки не разбрѣться ревматизомъ.

Съ 18 с. марта команду надъ на-
ми принялъ полковникъ Станиш.

Никто въ нашей кабинѣ не єсть
по птицамъ мяса. Поэтому утромъ бе-
ремъ обыкновенно фасолеваго супа два
котелка болѣе, подогрѣваемъ его и
приправляемъ, посплю это возможно, и
особенно старъ Петергофъ дѣлаетъ се-
бѣ изъ этого „обѣданіе“. Но днесъ вы-
шло вѣть что: старый купилъ, 2 литра
сладкаго молока, еще не снятаго, а когда
попробовали у насъ скисить его, оно виномъ створожилось. И удиви-
тельно, получилось изъ него много сы-
ра, такъ Янко вѣзъ это молоко въ супъ и
мы сѣли и нашли даже, что получич-
ное кушанье оказалось довольно вку-
снымъ.

Лосиѳъ и Красицкій уѣзжаютъ
завтра послѣ обѣда.

Весна, весна! Здѣсь въ Талергофѣ
копаютъ, пашутъ и сѣютъ, хотѣ круг-
омъ на горахъ еще вѣзуть снѣга.

Уплатилъ днесъ 20 кронъ о. Гизо-
вицу. Такимъ образомъ мои счета вы-
ровнены.

(Обс. землѣ.) Крестьянинъ изъ Гле-
со-Богданъ, уѣзда Рагово, Василий Рет-
тиникъ, въ жару всегда пѣтъ: „Иисусъ,
Сыне Божій, помилуй мя“ и бѣснова-
лся. Визалъ его вереками. Позвали на-
конецъ караулъныхъ и они наложили
на него кандалы. Утромъ пришелъ въ
этотъ баракъ испытывать о. Вл. Вен-
гриновичъ и крестьянинъ, увидѣвъ его
идущаго съ крестомъ въ рукахъ, подо-
шелъ въ кандалахъ къ нему, еще разъ
воскликнулъ: „Иисусъ, Сыне Божій, по-
милуй мя“ и подковалъ крестъ.

Сыщеникъ покропилъ его священномъ во-
дой прочиталъ надъ нимъ молитву и
крестьянинъ немножко успокоился. За-
тѣмъ твердо заснула и когда затѣмъ
проснулся, оказалось, что стала совер-
шенно здоровымъ и здоровъ и по днесъ.

Вечеромъ узнали мы отъ д-ра Валь-
нишаго, что Янко освобожденъ. Писалъ
объ этомъ Вл. Юркевичъ еще въ ян-
варь г-жѣ Кунинской, но это письмо

только днесъ ей доставили! Вотъ какѣ
порядки! Но затѣмъ еще находятся лю-
ди, освобожденые еще 3 мѣсяца тому
назадъ, и все еще ждутъ фактическаго
освобожденій, иѣкоторые же изъ такихъ
освобожденныхъ уже затѣмъ умерли.

20. марта. — Встала рано. Днесъ
уходить изъ подъ карантинъ Красицкій
и Качала (они освобождены). Утромъ
поданъ супъ неопределеннаго вкуса,
пахнетъ тминомъ. Многие не кушали.
Возвращаются прежніе, еще впрочемъ
недавнія времена нашей головыны въ
Талергофѣ, лишь съ той разницей, что
теперь питаніе наскъсъ супомъ опро-
вѣдывается скудостью съѣстныхъ при-
пасовъ и приближающимися голодаю.

Наша случай поговорить съ Ка-
чалой. Поручилъ ему познакомиться съ
Мильеромъ и попросить его о ходатай-
ствѣ у барона Камеральца, чтобы насы-
скорѣ освободили. Обѣщаю онь это
сдѣлать, такъ какъ намѣренъ задержать-
са нѣсколько дней въ Грацѣ.

Янко же не оставилъ своего отца

здесь, а жалѣетъ дожидаясь и его освое-
женій.

Что-то непонятно вортится въ Талергофѣ. Кому-то какъ будто вѣ-
томъ, чтобы мы вѣдь оставались уз-
никами возможно наивольше. Вотъ и
днесъ узнали мы, что о. Каленюкъ (онъ
тоже днесъ уѣзжалъ) получить письмо
еще съ января с. г., изъ котораго уна-
чали, что его братъ Романъ, военный
капелланъ, попалъ въ пѣль. Вообще
только вчера врученъ много писемъ ли-
шамъ, днесъ уѣзжающимъ. Письма къ
намъ начинъ почиваются въ канцелярии
нашей Bewachungskompanie и лишь уѣ-
зающими передаются. Въ этой тактикѣ
тоже что-то подозрительное.

Такъ какъ Мильер лично Качалы

знаетъ, то я хочу предъупредить
Мильера телеграммой, что Качала у не-
явитѣя.

Лосиѳъ поручилъ я обязатель-
но отыскать Курку, посовѣтываться съ нимъ
и выслать его въ Грацъ по нашему лѣ-
бу. Издережки путешествія возвратимъ.
Быть можетъ пойдѣть и братаничъ Ян-
ко съ Куркою, а Курка мочь бы похло-
потать у д-ра Ганкевича. Увидимъ, дасть

ли все это какоинибудь результатъ, но
тако что можемъ надѣяться на лучшее.

А тифъ все таки еще не погасъ.
На днѣхъ вѣпъ въ рецидивъ (возвратъ)
Дробить и съ нимъ теперь очень
шко.

Построили теперь здѣсь новые го-
спитали и перевели уже туда больныхъ
изъ барака № 14. Тамъ комнаты съ по-
домъ, опрятны, съ большими окнами,
чистое бѣлье и пр. Нельзя и-
чно большаго и лучшаго ожидать и
требовать въ Талергофѣ.

Въ часъ дня 105 чел., выхощающіе
отправились съ узлами. Каждому выда-
валася легитимація, которую читаетъ полу-
чивший на сторонѣ, слѣдя за тѣмъ, не
значится ли тамъ: sich fernhalten von dem
Operationsfeldern (находясь подальше отъ
территоріи военныхъ дѣйствій), конфи-
нированный не поставлена такая замѣтка.
Такъ съ трудомъ дѣнились они къ
станции Puffingau, отдаленной 1 килом.,
а мы, оставшіеся, долго смотрѣли вслѣдъ
за ушедшими и неодинъ изъ насъ спра-
шивалъ про себя со вздохомъ: когда
уже разъ придется тогъ день, въ кото-
рый и мы доведемся такъ уйти съ это-
го мѣста столь многихъ мученикъ, лица
и болѣзней, тревоги — словомъ — ада.

Окідаешь оглашеніе слѣдующаго
новаго списка выѣзжающихъ, а я и Ян-
ко вѣстѣ около четверга изъ Граца отъ
Качала и др.

21. марта — Воскресенье.

22. марта. — Крѣпкій морозъ.

(Обс. землѣ.) Рѣзакъ сказываетъ о. Гич-

ко изъ Шандровицъ: Послѣ арестованія
о. Гичка мѣсяцы помѣщались еврей
Ааронъ К., посовоѣвавши съвой
торъ солдатами-полченцами, согналъ
въ воскресенье послѣ обѣда все село
на лавы для уборки съ нихъ хлѣбъ
ему, помѣщику еврею. Играя при этомъ
роли австрійскаго патріота, вѣль себя
въ виду крестьянъ дерзко и вызывающе.
Но нѣсколько дней спустя явилъ

сѣдѣ уже русскіе казаки. Помѣщицъ
арендухитъ подвести и ихъ, пригласи-
вши къ себѣ и угостили великолѣ-
пно, нагрузивъ столы лучшими ку-
шаньями и водкой. Казаки узнали, од-
нако, отъ крестьянъ о недавнемъ подви-

гѣ хищера, наѣвшись и попивъ вдоволь,
вѣмъ того, чтобы поблагодарить хо-
зина, растянули его на томъ же столѣ
и всыпали ему 15 палокъ на то, — какъ
сказали — чтобы на всю жизнь попом-
нилъ побѣгу и правосудие казаковъ въ
Шандровицѣ.

Съ утра гамъ и шумъ:² молодой
кошѣ, передразниваетъ евреевъ, досаж-
даетъ обитателемъ въ женской ка-
бинѣ напротивъ (тамъ вдовы г-жи Г. и
дѣвушка Л.). Онъ ѿбъ поютъ пѣсни,
особенно по вечерамъ (у нихъ хороший
голосъ), но это мѣрѣ мнѣшаетъ уснуть.
Такъ я подумалъ о своей родинѣ, по-
мечено немножко чѣмъ и засыпалъ.
Въ баракѣ нѣкоторыхъ овладѣваетъ, ни
сего ни съ тѣхъ поръ, порой неестествен-
ный ребяческій юморъ, порой же чор-
нѣйшая безнадѣжность, медленколя и
подавленность до слезъ, до отчаянія.
Все это объясняется нашимъ общимъ
безотраднымъ и тѣжелымъ положеніемъ.
Слѣдомъ ужъ долго сидимъ мы здѣсь.
Тоска и скуча овладѣваютъ всѣхъ насы.

Говорить (д-ръ Могильницкій), что
здѣшніе санитары постановили подавить
эпидемію и отмѣнить карантинъ въ тек-
ніе 10 дней. Понимаемъ, что имъ хо-
тѣлось бы побѣжать въ Грацъ (или вѣ-
мѣстѣ со офицерами) на праздникъ Пасхи.
Но на бѣду, какъ разъ треть资料 for a day in the d-ръ было нѣсколько новыхъ случа-
евъ забоѣваній.

Газ. Tagespost отъ 20 с. марта при-
несла замѣчательную передовую такого
содержанія: Несмотря на то, что Гин-
денбургъ — знаменитый полководецъ и
одержалъ дѣлъ величайшій побѣды, не-
смотря на то, что войска дергутъ храб-
рь, высадятъ непрѣдѣлы изъ занятыхъ
нами днѣς позиций мы считаемъ невоз-
можными и немыслимыми, а мечтать о
взятии Варшавы было бы смѣшно. Въ
статьѣ бросаются въ глаза тонкій и
изящный по формѣ стиля и остроумная
игра словъ.

Одна швейцарская газета помѣсти-
ла извѣстіе, что между Францией и Рос-
сіей заключенъ договоръ, по которому
Франція поможетъ Россіи взять Кон-
стантинополь и Дарданеллы, а зато Рос-

ся отобьет у нѣмцевъ Элвасъ-Лотарингію для Франціи. Стало быть, нечего и думать о заключеніи мира до паденія Константина-Пола. А мы все дѣльемъ надежду на то, что все это въ теченье 5 недѣль закончится, что мы къ концу мая вернемся на родину.

Есть еще видѣть много такихъ людей, которые такъ и по днѣсу ходятъ безъ рубашекъ. Была вѣдь одна только у нихъ и та распласталась, просто сгинула тѣльца отъ пота, грязи и вшей.

На-дняхъ (19. с. и.) получила госпожа Кунинская письмо, помѣченное 28. янв. с. г., отъ Вл. Юркевича, который сообщаетъ, что о. И. Потерейко освобожденъ еще въ ноябрѣ. Такихъ освобожденныхъ видѣло много, но они обѣ этомъ ничего не знаютъ и сидятъ видѣть дальше безконечно долго.

Если бы его и его отца выпустили на свободу, а меня конфирмовали съ определеніемъ мѣста моего пребыванія, обѣ они ршились бы жить вмѣстѣ со мною.

Жду получения окольо субботы извѣстій отъ брата Іосифа или же отъ Янка, его сына, какъ удастся ему его миссии въ Грацъ.

Вчера дали намъ на обѣдь капустникъ, но безъ мяса. Капуста же недоварена и жестка.

Согласно газетнымъ извѣстіямъ во Вѣнѣ выдаются карточки и на молоко, а не только на хлѣбъ и муку. Свыше 200 фирмъ, торгующихъ мукою, закрыто изъ недостатка муки. Булки изъ пшеничной муки на дрожжахъ дозволено печь только дважды въ недѣлю, да и то изъ чорной муки.

Масло до сихъ поръ удается намъ въ кантинѣ доставлять, но предчувствую, что вскорѣ его лишимся. Молока все меньше и меньше. Темперь продранъ кислое по 32 гел. за литръ и народъ покупаетъ, но не мы.

Купилъ открытку изъ Талергофа за 70 гел. отъ о. Сенника. Говорятъ, что онъ купилъ 100 открытокъ по 40 гел. и въ мірь распродалъ ихъ. Такъ люди торгууютъ, чѣмъ только могутъ. Гисковскій сидитъ въ трактирѣ и продаетъ табакъ. Изъ-за этой торговли и др. нев-

згодъ нашего адѣшнаго положенія выходить иногда непрѣтнныи и некрасивыи исторіи. У нѣкоторыхъ этика пошатнулась и пала. Кое-кому вѣроятно послаѣтъ освобожденіе будеть даже стыдно возвращаться на родину.

Трудно, конечно, выяснить и установить, что именно сильнѣе и въ какой степени расщатало нравственныи устои нѣкоторыхъ лицъ: одно ли только прѣмынѣи здѣсь, или же, помимо него, вызванное войною общее паденіе нравовъ, а только фактъ на лицо — нѣкоторые люди этой нынѣшней огненной пробы не вынесли и пали. Они не боятся ни Бога, ни смерти. Не боятся теперь и здѣсь, когда всякий долженъ быть готовъ и ожидать, что, слѣдя за господствомъ постель, больше съ ней не покинется, внезапно переселится въ вѣчность. Видно ко всему человѣку постепенно привыкаетъ даже къ леденящему сердце и душу приближу многихъ новыхъ гробовъ — а бывало ихъ иногда и по 40 штуки въ день — и ничего уже отъ него не греѣтъ, такъ какъ и со всѣмъ этимъ освоился уже и окаменѣлъ. Подобно какъ и на полѣ браны привыкаютъ къ виду ужасныхъ ранений, увѣтѣй, рѣзанъ, убоя, отчаянныхъ стечаній, волзъя гибнущихъ и множества разлагающихся труповъ уже погибшихъ.

Барракъ служитъ ежедневно молебенъ или акаѳистъ, чѣмъ огорчены молодые К-ки и Г-ки (поповицъ), особенно К-ки ведутъ себѣ грубо и подрываютъ религиозныи чувства у другихъ. Вотъ, одна часть — правда, изъ счастью ничтожная, — нашей молодежи, такой до сихъ поръ всегда благовоспитанной, дисциплинированной, благородной, патріотичной. На такихъ, уже наложенныхъ, не дѣйствовать уже увѣщательное слово о патріотизме, даю о православіе, потому что они извѣстились во всемъ и отравлены ядомъ безвѣрия. А такъ какъ вообще плохо воспитаны, скорѣже вовсе не воспитаны, то не желаютъ да и не умѣютъ показать себя культурными людьми, ни отнести съ уваженіемъ къ религиознымъ чувствамъ другихъ, ни даже оставить похожъ молящихъ. Видъ молящаго ихъ озло-

но за то есть цѣлый рядъ священниковъ, которые именно здѣсь, въ это время и въ этихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, проявляютъ чрезвычайное

I. ТАЛЕРГОФСКИЕ ТИПЫ.

Рисунки, сдѣланыя тамъ же и тогда же карикатуристомъ Г. Ярославловичемъ, въ постѣ выведенныя тушью живоп. Ст. Томасевичемъ.

Увы, сильно здѣсь опустились и нѣкоторые священники: не заглядываютъ въ молитвословъ, не исполняютъ своихъ священническихъ обязанностей во крайней мѣрѣ про себя и для себя.

и отличаются въ числѣ многихъ оо. Пантелеймонъ Скоморовичъ, Ст. Яворскій, Гелитовичъ, Дуркотъ, Гр. Процькъ, Чекалюкъ, Ф. Ковальскій, Крушинскій и др.

Благодаря стараниямъ Шорса будемъ отъ днѣсъ получать ежедневно „Neue Freie Presse“ въ полную нашу собственность, за что будемъ платить по 30 кронъ въ мѣсяцъ. У насъ это большой прогрессъ. Доставляющій субъектъ зарабатываетъ въ мѣсяцъ 60 кронъ.

Вечеромъ погибъ о. Дроботъ.

Піцца Держка замкнули въ одиночное заключеніе на 6 часовъ и заковали его въ т. наз. перекрестныхъ кандалы (Spannen).

(Обозр., зам.) Даты отправленія на ми личныхъ и общихъ писемъ разнымы высокопоставленными лицами:

Apostolischer Nuntius, Wien, 21/X, 1914.
Cardinal Piffi, 30/XI, 1914.
Nuntius, 1/XII, 1914.
Cardinal Piffi, 12/XII, 1914.

23. марта. — Крѣпкій приморозокъ. Ночью болѣты у меня зудъ. Нестеракъ принесъ стихотвореніе, посвященное о. Венгриновичу. Хорошо оно написано — будетъ оно на память Бандровскому сдѣлать къ нему виньетку.

Утромъ Ш. принесъ извѣстіе, что П. (греком.) падъ. Говорятъ, что это вѣсть вѣрна, такъ какъ и въ газетахъ приведена.

Всѣмъ обитателямъ нашего барака приказано вынести всѣ вещи во дворъ и въ баракѣ проинвѣнции, опрыскивали всю посуду, посты, одежду, обувь, столы, пѣчъ и т. д. такъ обильно, что даже отъ этого грязъ подъ ногами сдѣлывалась. Къ счастью, послѣ утреннаго приморозка, днѣы день хороший и теплый. Говорятъ, что пополудни всѣ пойдемъ въ бани.

Къ 1-му апрѣля будеть — говорятъ — карантинъ отмѣненъ. Быть можетъ, всѣ врачи и офицеры страшно желаютъ, на Пасху выѣхать въ Грацы.

Когда мы возвратились изъ бани, увидѣли, что во всѣмъ баракѣ ужасная грязь, сбаники же наши до того мокры, что не знаешь даже, какъ на нихъ наѣмъ

спать придется, лучше ужъ отстать, а завтра выѣщить.

Наша Postwache (караульная страж) днѣсъ забавлялась и весела. Они говорятъ, что падение П. (греком.) знаменуетъ, согласно ихъ пониманію и сердечному желанію, близкое окончаніе войны. И имъ, наконецъ, соскучилось и прѣльлось. Они — старые (полченцы), дома оставили свои семьи и сильно тоскуютъ. Вотъ, предвчера (третьго дня) одинъ изъ нихъ получилъ изъ дому письмо съ изыѣченіемъ, что его жена и дѣти погибли съ голода, и затѣмъ пустилъ себѣ пулью въ лобъ.

Въ 3 ч. состоялась панихида по пок. православному священнику о. Дроботѣ въ часовнѣ, служили оо. Макеевичъ и Тофанъ, пѣль нашъ хоръ. Всѣ жалѣютъ о покойнике.

Спали мы на мокрыхъ сбаникахъ.
24. марта. — Морозъ. Сбаники и днѣсъ еще сушумъ.

Нашъ крестьянинъ-поэтъ принесъ собѣ по написаніе стихотвореніе, посвященное также о. Венгриновичу. Это — краснѣлое стихотвореніе, написанное по галицкой русскѣ.

(На этомъ записки Дневника въ III перѣдѣлъ обрывочны, оставшіиъ. 8 карточекъ, т. е. 16 страницъ, заполнены списками оцифрованныхъ стихотвореній Нестерака и др. непознаваемыхъ лицъ, — есть на рукахъ листъ языка)

(Чемпіоналъ театр.) 24 марта. — Днесъ началась наша трехнедѣльная карантинъ. Говорятъ, что по истечении этого срока наѣмъ разгонятъ.

Дѣрь Могильницкий говорить, что въ настоящее время есть всѣхъ больныхъ 1.030 чел., въ этомъ числѣ 90 чел. болѣнныхъ тифомъ, прочие же считаются выздоравливающими или страдающими иными разными болѣзнями. Быть нечего говорить дѣрь Могильницкий — и рекомендуютъ принести вѣтроѣмъ умереть съ голова. Теперь уже нѣть даже ячной каши ни „грисика“, а только еще немножко риса.

Съ вчерашняго днѣа намъ подаютъ утромъ кофей вмѣсто супа, крестьянинъ же подаютъ подобѣ супа, т. е. въ сущности воду помойного вида.

Въ 3 ч. состоялись похороны о.

изъ Перемышльской епархіи. Пѣль хоръ.

Зубъ пересталь меня болѣть —

спасла Господи, — и я спать хорошо.

Вечеромъ у меня сильно разболѣлся зубъ и донималъ всю ночь — мало спаль я.

25. марта. — Ходилъ въ амбулаторію, но никако тамъ не засталъ. Днесъ латинскій правдникъ (Zwistostwienie — Благовѣщеніе) и быть можетъ, по той причинѣ врачи отсутствуютъ.

Вчера читали мы въ рѣ. „Neue Freie Presse“, съ описаніемъ съ сдѣлѣ Перемышля. Тамъ стоили корѣль каѣтошки 60 кронъ, одно яйцо 1'60 кр., головка капусты въ 2 кронъ. Идѣтъожесточенный бой на Ужокскомъ перевалѣ, исхода еженочно ожидать днѣи или завтра.

(Особъ запись): Постѣ арестованій о. Кокотайла и его жены въ Турицѣ, жандармы произвели очень тщательный обыскъ въ его дому и на вышкѣ нашли маску чорта, которую употребляли, устраивая любительскіе спектакли во время Рождественскихъ праздниковъ любители-актеры. Маска была громадныхъ размѣръ — цѣлъ голова съ рогами. Жандармънаткнулъ эту маску на штыкъ и какъ соргъ deficiit представилъ старость въ Жолквѣ. Попутился такой спектакль: жандармъ везъ на телѣ въ городъ закованнъхъ въ кандалы нѣсколькихъ русскихъ крестьянъ-жеманіковъ и сидѣлъ между ними съ высокой поднятой маской чорта на штыкъ. Когда такъ пробѣжалъ улицами Жолквы, высывавшія на улицу толпа не могла вдоволь нарадоваться этимъ зрѣлищемъ, она бѣжала за телѣй и кричала: „смотри, смотри, нашли россійскаго чорту у священника въ Турицѣ!“ Даже театральная маска стала поводомъ и улики для арестованія русскихъ галичанъ.

Днесъ двое крестьянъ при извѣстії о паденіи Перемышля обнаружилъ въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ свою радость по этому поводу, какой то подлецъ сейчасъ на нихъ сдѣлалъ донозъ и вскорѣ обѣихъ несчастныхъ скватили и сдѣлали имъ Anbinden, т. е. подѣсили ихъ на столѣ.

Въ 3 ч. состоялись похороны о. изъ Перемышльской епархіи. Пѣль хоръ.

Зубъ пересталь меня болѣть — спасла Господи, — и я спать хорошо.

26. марта. — Пасмурно и вѣтreno. Ожидаю вѣсти отъ Йосифа или его сына Янка, если побѣхъ въ Грацы.

Говорятъ, что уже третій день лежитъ въ госпиталѣ сынъ гимназистъ дѣра Могильницкаго. Онъ всегда ходилъ безъ шляпы чтобы этимъ „закалить“ себя, и возможно, что простилился.

Днесъ возвратились изъ госпитала г. Сандовичъ и его сынъ Оба здоровы.

Нѣкоторые изъ оставшихъ здѣсь въ заключеніи дальше, воспользовавшись слухомъ, передали всѣ таки чистыя письма выѣхавшимъ на свободу для отправки по адресамъ. Выѣхавшіе же были столь неосторожны, что сдали ихъ на почту на ближайшей станціи Путнитамъ, а почта вмѣсто того чтобы отправить ихъ по адрессу, передала ихъ въ Zeitling-Thalerhofъ. Теперь выши на насъ здѣсь изъ-за этого большая непрятность. Допрашиваютъ тѣхъ, кто писалъ эти письма. Дѣло въ томъ, что у насъ эпидемія, а эти письма не были дезинфицированы.

Днесъ (пятница) подали намъ только кукурузный „чиръ“ (похлебку). Слышишь также, что во Вѣнѣ пекутъ теперь лишь кукурузный хлѣбъ, но и таій будто очень дорогъ.

(Слѣдуетъ на II, стр. текстъ сочиненіемъ поэтическимъ къльма изъ заключенія патріотической плены, начинавшейся: „Русь Червонная...“ а на слѣд. стр. ноты къ первой ея отработѣ).

Ходятъ слухи, что будто во Вѣнѣ вспыхнули бунты изъ-за недостатка хлѣба. Власти привели себѣ на помощь войско, которое будто бы стрѣляло въ толпу.

Мясо живого вѣса 1'80 во Вѣнѣ.

Намъ подаются супъ почти безъ ма- са, а крестьяне и вовсе его не видятъ.

27. марта. — Суббота. Узнавъ, что въ Прагѣ и Вѣнѣ вспыхнули волненія и голодныхъ массъ и что ожидаются такие же волненія и въ Будапештѣ, куда уже отправлены для ихъ подавленія, 6'00 солдатъ изъ гарнизона въ Грацы. Пополудни получили я письмо отъ моего сына Богдана изъ Младого Болеслава. Я весь дрожалъ отъ волненій, когда читалъ адресъ, написанный его

почеркомъ. Письмо помѣщено 24 мѣр. с. марта 1915 г., писано чужою рукою (не знаю почему), лишь подпись его Voindan. Онъ сообщаетъ, что 26-го сент. быть взятъ въ армію, 26-го окт. прибѣль уже къ своему 35-му полку и быть даже разъ уже „im Feldzirk“, но забыть катаромъ кончить лѣвой по ловинѣ легкихъ и ему дали отпускъ по 15-ое апрѣля 1915. Отъ директора своей фабрики узналъ, что я (кажется въ янвѣрѣ) спрашивалъ телеграммой, что съ нимъ случилось, и онъ тамъ узналъ о моемъ мѣстопребываніи и немедленно написалъ. Сообщаетъ, что живеть „у однѣ хорошенъ семѣ“. На какія средства?

Письмо это доставило мнѣ много радости. Я же неразъ думалъ, что онъ, быть можетъ, и не живеть. Но благъ и милостивъ Господь. Молюсь я за себѣ и семью мою, молятся наѣстро и другіе за нее, и Господь внемлетъ нашимъ молитвамъ, и не хватаетъ словесъ и силъ достойно возблагодарить Его за всѣ оказываемыя намъ Его благодати.

Богданъ долженъ 16 апр. явиться въ свою полку, расквартированной теперь въ мѣстечкѣ Voitsberg ad Graz. Онъ опять пойдетъ на войну, но я вѣрю и уповаю, что, если такъ съ нимъ будетъ ему по волѣ Твоей, Господи, не приключится ничего худого, и что онъ живъ останется.

28-го марта. — Цѣвтоносная пѣдѣлѧ. Ни одна вай гигдѣ не замѣтна въ Талергофѣ, а только каждый мысленно и душевно пребываетъ между своимъ тѣмъ, на родинѣ, и чувствуетъ, что и имъ тѣмъ тяжело празновать сегодняшній день, не вида насы въ своей средѣ.

Никто, ни Качала, ни Іосифъ, не пишутъ мнѣ! Всѣ и доволены, что сами на свободѣ, и позабыли о насъ.

Я рѣшился завтра выслать Богдану по телеграфу 50 кронъ и сознѣти, что я здоровъ. Онъ бѣдножка спрашиваетъ про мамашу и сестеръ, но я самъ ничего не знаю, но предполагаю, въ сильнохъ упомянаніяхъ на милость Божію, что всѣ опять здоровы.

Наличныхъ денегъ у меня нѣть, есть только депозитъ въ 350 кронъ, по-

тому мнѣ придется занять у о. Вл. Венгриновича.

Мы (четверо сожителей) выписали себѣ медъ (— 5 (клер?) жестянка). Стоятъ 10 кронъ, а здѣсь, въ розничной продажѣ стоятъ 1 клагр. 6 кронъ.

Говорятъ, что 4-го апр. прекратится карантинъ и что многихъ выпустятъ или на свободу совсѣмъ или на конфіненцію, хотя и эта „вола“ теперь даже не особенно заманчива въ виду ужасной дороговизны и голода. Здѣсь мы — рассуждаемъ нѣкоторые — все таки получаемъ какую-то пищу, хотя и скверную и въ скучномъ количествѣ, а „на свободѣ“ можемъ, даже имѣя деньги въ карманѣ, голодать.

Когда Господь умилосердится надъ людьми, отвернеть свою карающую руку и поластъ миръ и покой страждущему человѣчеству?

Дѣр Собинъ и Ярославъ Гелитовичъ попали въ Einzel-ки (одинокое заключеніе) на сутки за то, что передали письма чрезъ выходившихъ на свободу. Карабульные очень обѣсятся, не знаютъ, изъ-за паденія ли Перемышля или же по какому-то другому, наѣмъ еще неизвѣстнаго поводу. Вообще усилились злоупотребленія и досажденія... Собинъ является офицеромъ и заявляетъ это професу, въ отвѣтъ получить: das macht nichts! (это ничего!) и повѣтъ ихъ обѣихъ въ одинокое заключеніе.

(Особая запись:) По сообщеніямъ и записямъ, составленнымъ участниками (обвиненнымъ) въ процессѣ передъ военно-полевымъ судомъ въ Новомъ Санчѣ, 26-го сентябрья 1914 г.

Обвиненные въ государственной измѣнѣ:

1. Владимиръ Феофиловичъ Качмарчикъ, студентъ юридического факультета, род. 5-го июля 1892 г. въ Бѣлзѣвѣ;

2. Свящ. о. Петръ Васильевичъ Сандовичъ, настоятель прихода въ Бруннвѣрхъ выжныхъ, деканъ (благочинный) Мушинскій;

3. Антонъ Петровичъ Сандовичъ, студентъ философскаго факультета;

4. Свящ. о. Влад. Осип. Мухницкий, завѣдующий приходомъ въ Чирной, род. 20-го марта 1870 г.;

Овинительный актъ гласилъ:

II ТАЛЕРГОФСКІЕ ТИПЫ И СЦЕНЫ.

Рисунки карикатюръ д-ра Я. Гелитовича, рапр. тушью Ст. Томасевича
(см. выше рис. I.)

5. Свящ. о. Феофилъ Єомичъ Качмарчикъ, настоятель прихода въ Бѣлзѣвѣ; род. 23-го окт. 1848 г.;

6. Свящ. о. Василий Степ. Курильо, настоятель прихода въ Флоринѣ, род. 11-го авг. 1861 г.;

Es stehen hier die Angeklagten, lauter Russophilen, die Genossen dieser verratherrischen Partei, durch welche hunderde und tausende von unserer Mannschaft in Ost-Galizien zugrunde gegangen sind. Wie die Genossen dieser Angeklagten durch

die Agitation unter der ruthenischen Bevölkerung in Ost-Galizien Grund und Boden für den Überfall der Russen vorbereitet haben, so haben die Angeklagten dasselbe in west-galizischen Bezirken getan. Auf Grund dessen stelle ich den Antrag, diese Kreaturen standrechtlich zu behandeln... и т. д. (Всегда): Представляли здесь обвиненные, исключительно одни русофилы, члены той изманической партии изъ-за которой сотни и тысячи на-ших воинов в восточной Галичинѣ по-гибали. Какъ товарищи этихъ обвиненныхъ, своей агитацией среди малорусского на-селенія въ восточной Галичинѣ, подгото-вили почву для россійскаго нападенія, такъ эти обвиненные сдѣлали то же въ западно-галицкіхъ уѣздахъ. На осно-ваний этого ставлю предложение о осуж-дении этихъ креатура военно-полевые судомъ...)

Свидѣтели:

1. Свящ. о. Василий Смоликовский, на-стоятель прихода въ Ростокахъ вел.;

2 Свящ. о. Иоанн Гринчукъ, на-стоятель прихода въ Матевої;

3. Гуцулякъ, нар. учитель изъ Избы;

4. Евгений Димитчукъ, изъ Избы, родственница Гуцуляка;

5. Вознякевичъ, изъ Избы, родст-венница Гуцуляка;

6 Байстелъ, изъ Избы;

7. Свящ. о. Михаил Дорощкій, изъ Злоцькаго;

8. Михаилъ Михальскій, изъ Ты-личевъ;

9. Антонъ Гусакъ, учитель изъ Мок-начки;

10. Антонъ Юрчакъ, бурмистр изъ Мушины;

11. Фома Фуртакъ, инспекторъ по-лиции изъ Родланда возлѣ Тарнобжега;

12. Францъ Баусъ, экс-жандармъ изъ Тылицы;

13. Яковъ Харина, изъ Матевої;

14. Димитрій Суличъ, изъ Склады-стоаго;

15. Апполинарій Нестеракъ, изъ Тылицы;

16. Stein, изъ Сибѣтницы;

17. Григорій Башъ, вице-вахмистр жандармеріи;

18. Гольдштейнъ, шинкарь изъ Пе-рунки.

Показанія свидѣтелей

Свящ. о. Василий Смоликовский за-являетъ, что знаетъ обвиненныхъ: свя-щенникъ лично, а мѣрзъ по слухамъ. Всѣ онъ присущаются къ русофильской партии. Сыновья о. Качмарчика принимали дѣятельное участіе въ открытии чигалъ и въ такомъ же торжествѣ въ Росто-кахъ вел. Онимая деканальний чинъ, о. Сандовичъ заявлялъ въ своемъ окружномъ посланіи къ деканальному духовенству, что какимъ быто до сихъ поръ, та-кимъ останется и въ будущемъ, и что буд-детъ трудиться въ пользу российского на-рода...

Аудиторъ: Почему вы такъ гово-рите?

Св. о. Смоликовский: Ибо въ этомъ посланіи о. Сандовичъ написалъ, что будеть труиться въ пользу русскаго народа, а слово „русскаго“ написано тамъ чрезъ двойное („с“), значить,rossiiskago.

Тутъ о. Сандовичъ заявляетъ, что не помнитъ, написано ли тамъ слово „русскій“ чрезъ одно „с“ или двойное.

Для доказательства сказанного тутъ о. Смоликовский представляетъ списокъ этого посланія.

Гуцулякъ: Всѣ обвиненные причи-сяются къ русофильской партии. Два священника, о. Качмарчикъ и о. Куриль-ко, созывали въ Сибѣтково собраніе, но сами въ немъ не присутствовали, а сдѣли въ крестьянскій хатѣ и тамъ аги-тировали между крестьянами и такъ ихъ подстѣрнули, что крестьяне угрожаю ѿ, что меня убьютъ камнями, и потому я изъ собранія удралъ, за что я и поста-новилъ отомстить имъ обомъ, или са-модично или же чрезъ моихъ конфиден-товъ. Мы сдѣлили все врема за что къ рус-софильской дѣятельности, чтобы видѣть, какъ они будутъ отплачивать на-шей монархіи, за хлѣбъ отъ нея полу-чаемый. Итакъ узналь я, что о. Ка-чмарчикъ публично, въ церкви, приводилъ

народъ къ присягѣ на то, чтобы не стрѣ-льть въ „москалей“, а объ этомъ скажа-зъ мнѣ Юліанъ Ванько изъ Избы, спышавшъ отъ людей изъ Бѣщаревої. А о. Курилько подговаривалъ людей во время се, исповѣди и также ихъ „за-присягать“ публично, въ церкви, чтобы въ „москалей“ не стрѣляли. Объ этомъ говорили мнѣ крестьяне изъ Флоринки, везше мене.

Гольдштейнъ, шинкарь, обвинять о. Монахнаго въ томъ, что есть рос-сийскій агитаторъ, что собираетъ ихъ прихожанъ деньги и посыпаетъ ихъ въ Россію на военные цѣли и т. п.

Былъ вчера и другой примѣръ же-стокости: За какіе-то мелкие проступки вызывалъ професъ бѣженцевъ и заявлялъ имъ по очереди, что привозитъ ихъ къ Einzelzettel-y (одиночному заключе-нию), первую изъ нихъ на одинъ сутки, вторую на двое сутокъ и т. д., а пятую на 5 сутокъ. Услыхавъ такой странный приговоръ, последняя, т. е. пятая, узы-нулась. За это она еще особо и до-бавочно наказала ее подѣбѣщенiemъ (ап-binden). Что за безчеловѣчность наказы-вать слабую женщину такой пыткой, ко-торую примижуютъ рѣдко даже къ сол-датамъ въ армии.

Еще одна новая перемѣна и къ худ-шему: Наши кап. S, котораго мы, было, считали при режимѣ Ш. всѣ таки человѣкомъ, теперь, повидимому, подражаетъ ему. Новый подковникъ, видно, на-шихъ дѣлами и занимается, а оставилъ все кап. S. Говорить, что старикъ — любезный человѣкъ.

29. марта. — Страстной понедѣльникъ. Снѣговая туча. Я не спалъ почти всю ночь, зубъ меня больъ. Послѣ обѣда (вѣтъ конечно мясо, ибо нечего ѻѣть) выпилъ телеграмму и 50 кроинъ въ гдану.

(Особа зѣнѣсъ — черновикъ телег-раммы: 29 — III. — Вѣтъ Junghausen Bohdan Maszczak Rybnicznagasse 237. — Ich gesund von Hause (auch, der Fa-milie) keine Nachricht telegraphisch 50 Kroien schreibe ab kissee dich — Johann.)

Получилъ письмо отъ Янка Маца-ка. Пишетъ, что по нашему дѣлу былъ

во Вѣнѣ у о. Филиса и, взявъ у него письмо, побѣжалъ въ Грацъ къ дѣлу Ган-цика. Сообщаетъ адрессъ Кури, онъ въ Плѣткѣ, она съ дѣтьми во Вѣнѣ, была навѣтно у неї, такъ какъ сообща-етъ, что она обѣщала дать письмо къ мужу. Увидимъ, поможетъ ли все это

хотъ кое что.

Слышишь, что карантинъ будто еще будетъ продолженъ по 14-го апѣреля. Цѣлое несчастье! Невозможно никуда ничего писать. Изъ Галичинѣ получа-ютъ письма, на конвертахъ которыхъ уже значится русская почтовая станица мѣстности отправленія и таковыя сю-да доходятъ. На-дняхъ получилъ отъ Левъ Кордасевичъ такое письмо изъ Львова. Лишь мы одни сидимъ и сидимъ, совер-шенно не зная, извѣстить ли кто на-шихъ о мѣстѣ нашего генерального пре-быванія, или нѣтъ и живы ли они. Вотъ вопросъ для насъ самъ животрепещу-щий. Недумываю, какъ такъ они до сихъ поръ не могли намъ ничего напи-сать. Предполагаю, что Дозою во Львовѣ, а вѣль же тамъ онъ могъ найти путь, который удалось бы отправить имъ письмо. Разъ мы будемъ на сво-бо-ѣ, — если Господь позволитъ — такъ будемъ писать чрезъ международное бюро въ Румыніи или въ Конгенатенѣ.

Зѣдъ съ о. Фелодісъ Дуркотъ устро-илъ чтеніе сочиненія Св. Иоанна Злато-уста „О сиянінѣ“. До и послѣ обѣ-да собирается въ его кабинѣ нѣсколько священниковъ, чтобы это чтеніе послу-шать.

Стоящій у барака № 30 „постъ“ (караульній) получилъ письмо отъ женѣ, которая сообщаетъ ему, что она съ дѣтьми погибаетъ отъ голода. Запла-кала бѣдницъ какъ ребенокъ. Мы имъ заинтересовались и одинъ (Шорши) по-шелъ по бараку и собралъ для него 20 кроинъ. Получивъ эти подарки, „постъ“ — онъ чѣкъ, поблагодарилъ сер-дечно и еще сильнѣе расплакался.

30. марта. — Спалъ хорошо. Зубъ не болѣлъ благодаря лекарству, кото-рое мѣсъ Странка доставилъ.

Чистка бараковъ №№ 27, 28 и 29. Послѣ чистки эти бараки будуть лизи-ровать, а людей изъ нихъ отправятъ

въ баню. Бѣднякамъ приходится плохо. Днесъ очень ходило и люди мерзнуть, стоя и дрожа весь день на дворѣ. Замѣтить долженъ, что эти люди еще не были въ банѣ (я былъ уже 5 разъ).

Эпидемія повидимому гаснетъ. Бываютъ уже дни, въ которые нѣтъ ни одного мертвѣца.

(Особ. запись — черновикъ телеграммы: 30/III — Joseph Johann Massak — Kamitz bei Bielitz — Hotel Werner — Danken herzlich für (зачеркн. günstige) Nachricht vergessen unsrer nicht beschleunigen wir gesund fröhliche Ostern — Johann senior et junior, t. e. addressъ и: благопріятное извѣстіе, не забывайте настъ, посыпите, мы зазоры, веселой Пасхи!)

Днесъ прочли мы въ "Gratzer Tagblatt", что властѣ съ величайшей съѣмностью будутъ строить еще много новыхъ бараковъ въ Талергофѣ и эта вѣсть толкуется теперь нами на всѣ лады.

Днесъ занялъ я у о. Вл. Венгриновича 50 кронъ. Заявленіе подписано мною и Янко. Быть можетъ еще до отѣзда Богдана въ полкъ, я смогу еще ему кое-что послать. Ахъ, Господи, кобы онъ избавился отъ этого и не уѣхалъ! А впрочемъ, воля Божия...

Получилъ открытию отъ Н. Красинского изъ Tittbach bei Predlitz, Obersteier, изъ которой видно, что тоскуюсь по родинѣ (Heimweh), платить по 70 кронъ въ мѣсяцъ и пр.

Laiss чрезъ о. Единакаго указалъ о. Ст. Янъ (чрезъ о. Единакаго), на путь, какъ можно бы сообщить родинѣ о нашемъ задѣсь пребываніи. Довольный о. Ст. отправился за инструкціей къ о. Единакому, хочетъ воспользоваться и написать. Дай Богъ, чтобы это увидалось успѣхомъ.

31 марта. — Великая среда. Ходило.

Синѣй надѣтъ.

Помѣръ о. Сѣнгальевичъ, молодой человѣкъ, жившій въ нашемъ баракѣ.

Жалуются, что теперь никто не ухаживаетъ за больными, стыдомъ дра Zins-a все ухудшилось. Больнымъ не подаютъ лекарствъ. Плохо.

Днесъ выслали мы оба съ о. Ст. Яворскимъ письмо на родину чрезъ бю-

ро Петеръ Тененгофъ въ Бухарестѣ. Чѣро. о. Стефанъ спросилъ Лайса и онъ указалъ путь. Хороший человѣкъ. Въ вѣтъ гонорара, а также на издерки получить въ особомъ денежномъ конвертѣ 10 кронъ. Радуясь, въ предложеніи, что письмо дойдетъ и что получу отвѣтъ. Какой радостный день это будетъ для меня!

Мяса днесъ не єдимъ. Старый П. купилъ для насъ троихъ 2 л. молока и бохонекъ кукурузного хлѣба за 44 гел., такъ и есть чѣмъ прокормиться. Медъ намъ вскуснъ и минуетъ быстро.

(Добавл. запись набр. письма): Wir wohnen mit Janko und seinem Vater in viere mit Notar Telesnicki zusammen im Internierten Lager im Thalerhof bei Graz und sind alle gesund. Wir (зачеркн. leben) bekommen Militärfest, außerdem Konigau-Gehalt. Bohdan. (зачеркн. bei Militärfest) gesund in Jungbunzlau. Ich habe ihm 50 Kronen geschickt. Bruder Joseph, Kacala und Nikolaus sind auch gesund. Benachrichtige Nadia soll sie (зачеркн. vom Inhalt dieses Briefes) an Janko schreiben. Antworte mir (зачеркн. Kurt deutsch...) mit Nadia und schreibe was zu Hause unter dem... *нарвалъ*, geschieht... *нарвалъ...* bez. legt eigenhändig eure Vornamen. Wasyl ist auch gesund. Ist Dosio noch in Lipica? Wer vertritt mich in der Pfarre? Antworte unter der Adresse: Peter Tenhof Spediteur Bucharest Strada Smardan (не разобр.) 15 — Ich küss Dich, Sonia, Wiera, Dosio und alle übrigen in den besten Hoffnung Euch gesund zu schen. 31/III. 1915, pисьмо въ Липицу.

Съ Великаго понѣдѣльника устраиваетъ о. Феодосий Дуркотъ въ своей каѳабигѣ чтеніе творений Св. о. Иоанна Златоуста. Въ теченіе 2 дней, читалъ о. Феодосий "О священствѣ", а теперь читаетъ "О покаяніи". Участвуетъ и мірская интеллигентія.

Въ 8 ч. пришелъ Тимчикъ съ "солдатомъ" и забралъ адвоката д-ра О. Крушинскаго въ Einzelkafest, не сказавъ ни слова о причинѣ арестованія. Это вызвало изумление и догадки вскаго рода. Быть можетъ завтрашній день разъяснитъ намъ всю эту таинственность. Говорятъ, что Тимъ, казалъ будто бы д-ръ K.: wegen (зачеркн. polit...) russophilen Po-

panganda! Говорять, что В. Б. слышалъ въ канцелярии, какъ Т. телефонировалъ въ Грацъ и услыхалъ, что проинсценена была фамилия адвоката.

Въ 3 ч. отслужена была панихида по пок. о. Сѣнгальевичъ.

Апрѣль 1915 г.

1 апр. — Страстный четвергъ. Слава Богу, зубъ пересталъ болѣть. Спаль хорошо. На дворѣ холодно пласти снѣга на крышахъ.

III ТАЛЕРГОФСКАЯ СЦЕНА:

Покъ угрозами и побоями галицко-русскій уѣзжакъ (гр.-кат.) священникъ о. Г. П. Жевеста на тачѣ саренъ въ ерейскій Судный день (зачеркн. саренъ изъ тачѣ его). Въ судѣ пыталъ царствъ его архитектурнаго и "плостоличнаго" величества Францъ ІІІ., жестоко избивавъ подъ галицко-русскими сияющими, хотя и уѣзжакъ, догматически признаваемыми католиками, только за то и потому, что они русскіи совершенно не считались и не сглаживали ихъ духовныиъ самонъ, а скорѣе напоказъ, тѣмъ паче, влобѣѣ, грубѣ и бечевлѣвѣ.

Изъ Галичининъ газетнаго вѣстника, что австрійская армія выѣздила русской войскѣ, ажъ за Новоселци, а въ Карпатахъ держится стойко и крѣпко, и вообще австро-іѣменскій войска бодры. Но возмутительно поведеніе персидскаго Румыніи! Австрія — какъ было сообщено въ "Gratzer Tagblatt" отъ 30/III — купила въ Румыніи 200 вагоновъ кукурузы, но "нейтральнага" Румыніи потребовала по 3.000 франковъ отъ вагона

люди сѣтовали на Тимчака.

Днесъ получить письмо Express отъ Йосифа. Оно пространно. Онъ доволенъ, что наконецъ вырвался и находится въ средѣ своихъ дѣтей и играетъ со внукомъ Стефаномъ. Желаетъ намъ тоже скораго и благополучнаго освобожденія. Вчера были заключены въ Einzelkafestу въ крестьянъ по чѣмъ-то доносу, что они пѣли русскіи пѣсни. Это что-то не такъ. Вѣдь же здѣсь можно пѣть и по-

ЮТЬ ПІСНІ НІМЕЦЬКІ, ИТАЛІАНСЬКІ, ПОЛЬШСЬКІ, ЧЕССЬКІ й др. Ідею в'їдно не въ томъ, на какомъ языке пісні п'ялись, а въ томъ, какъ и что въ доносѣ было сказано о нихъ содержаний, а что было относительно этого что-то сказано, это видно.

(Особая записка — черновик телеграммы, I/IV 1915. — Herrschaft Kirka, Wien VI. Marchettif(?) gasse 1 a, Tdr 51. — Erwarten günstige Nachricht und wünschen fröhliche Ostern. — Maszczak Rotterek).

Франку Горинському датъ взаймы 5 кріпн. (вмѣстъ съ прежніми 10 кріпн.)
Днесъ єли мы рисовый супъ, а мы съ отдали голодающимъ людямъ. Трудно здѣсь голодющимъ изнурять себѣ ешь постомъ.

Намъ заявлено, что завтра у насъ ожидается визитъ какой-то комиссии. Потомъ приказано помыть полъ коридоръ, кабіни и пр. Говорять, что отъ этой комиссии зависить, будеть ли отмѣненъ карантинъ караульныхъ солдатъ и будеть ли разрѣшено нашей т. наз. Bewachungskommando в'їхатъ (конечно, не въсмъ) къ родинамъ на Паску. В'їдь же у нихъ есть также сем'и и оні, б'янки, синяки, сидятъ здѣсь, оторванные отъ міра, усе съхни. з'яснюють.

На дворѣ прояснилось, стало свѣтить и даже пригребать солнчишко — отраднѣ и на душѣ не одному изъ насъ.

Вечеромъ, въ 7 ч., отслужили мы „Стратії“. Дв'янадцять священиковъ по старшинству прочитали Евангеліе. Начальникъ О. Іоаннъ Могильницкий, я чи таль п'ятое Евангеліе, а закончилось бо-
гослуженіемъ въ 8 ч. 30 м.

2 апр. — Великднѧ пятница. Ожидаемаго визита комиссії не было.

Въ 10 ч. отслужили мы Царськіе часы. На обѣдъ получили кукурузный чиръ, смазанный цесаремъ съ събулоемъ. Мы ничего не єли до обѣда всѣ въ кабінѣ (а кажется, что и нѣкоторые въ баракѣ). Въ 4 ч. отслужили вечерне. Предложили мігъ отслужить, но у менѣ сильна хрипота.

Старый подѣльалъ въ кантинѣ „святочную“ (пасхальнью) покупки: масло

свѣжій сыръ, бахонецъ кукурузной палачинки (за 44 гел.) и еще кое что.

Захорвали вчера о. Феодосій Дуркоттъ. Родъ болѣзни еще не опредѣленъ — кажется, воспаленіе легкихъ.

Вечеромъ ходилъ я съ другими посмотретьъ „Божій грбъ“ въ земляныхъ 1-мѣр и 2-омѣ баракахъ. Видъ этихъ „грбовъ“ весьма красивъ и производитъ на зрителя милые впечатленія. Удивительно, какъ въ такой тяжелой обстановкѣ и крайне тягостныхъ условіяхъ все таки наши б'янки крестьяне, по сколько только способны, имъ изобрѣтательность и фантазія, ухитриваются, что только возможно, сдѣлать, чтобы дать достойное выраженіе своему религиозному чувству и подобающимъ образомъ почтить память страстей Христа Бога. Омали мѣста зеленою елкою, поставляли много крестиковъ собственнаго издѣлія, позажигали много лампочекъ съ селевъ и пр. Въ этихъ баракахъ священники отслужили вечерно и устроили что-то въ двери плащаницы, т. е. за нѣймениемъ ехъ, положили на ехъ мѣсто просто крестьяни-къ-б'янамъ.

Сильная вѣра нашего народа и здѣсь проявляется весьмъ ярко и дивнотрагично. Здѣсь наши крестьяне поднѣдѣлали искусно изъ дерева много крестиковъ то для себя, то для другихъ на память! Многе у нихъ эти крестики покупаютъ, особенно священники, и такимъ образомъ также даютъ имъ возможность приобрѣти деньги за свой трудъ. Другой народъ въ такомъ положеніи, какъ мы здѣсь теперь, заманился бы в'їдьмакъ всіхъ иныхъ вещицъ и какихъ нибудь безздушищъ, но русской умѣть терпѣливо нести кресты и дѣлать кресты. Нѣкоторые носятъ таѣ самодѣльные крестики на груди.

Дръ Крушинскій все еще сидитъ въ Einzelarrestѣ. Вчера былъ при разпорѣ у полковника. Можно надѣяться, что это не будетъ безъ результату — увидимъ.

3 апр. — Великднѧ суббота. Крѣпкій приморозокъ и ясно.

Говорятъ, что отъ неї вчера — и таѣ оно есть — карантинъ надѣялся гарнизономъ и старшіе карауль-

ные солдаты уѣхали на родину на Пасху, а ихъ мѣсто заняли молоденцы рекрутъ, 18-лтніе парни.

Разошлась вѣсть, что будто Н. Красицкого вызвали изъ Туррахъ въ Грайцъ. Б'яній Николушка! навѣрно кто-то оклеветалъ его. Есть здѣсь такіе, которые получаютъ жалованье изъ краковской полиції. За что имъ платятъ? Если бы это была правда, такъ Славко остался бы одинъ въ Туррахъ. Господи, доколѣ же наль терпѣть, страдать? Призи на ны и помыслить!

На нашечь дворѣ, старшими отца Венгриновича, устроены „бары“ для гимнастическихъ упражнений. Подъ его руководствомъ ежедневно нѣкоторые упражняются въ шведской гимнастикѣ, чумъ съ любопытствомъ присматриваются крестьяне.

Голо 1 зблизиться. Днесъ разодли одинъ бахонецъ хлѣба для четверть! Йенко наставлять варитъ 10 яицъ на завтра — продаются по 10 гел. Старый принесъ нѣсколько яблокъ (укаси дороги) и апельсиновъ. Подається вчера Йенко купилъ еще $\frac{1}{2}$ кгрг. ветчины за 4 кріпн 50 гел.

Отъ Телесницкаго получилъ хороши сигары Morado въ подарокъ на правдники. Жду письма отъ Богдана.

Нѣкоторыи изъ нашего барака ходили въ б'яніе, я нѣтъ.

Въ земляные бараки отправилось трое священиковъ служить „Воскресеніе“ съ вечера (оо. Скоморозчикъ, Геканенко? и Лыській). Народъ массово высыпалъ изъ бараковъ и устроилъ вокругъ нихъ шествіе. Впереди несли образъ и на немъ крестъ (это представляло плащаницу). Передъ дверью барака отслужено было „Воскресеніе“, а затѣмъ также утреня. Въ виду того, что у насъ есть все о лишь въ Эпіхіїти, такъ въ этихъ баракахъ слѣдовало устроить богослуженіе. Присутствовали овѣа на богослуженіи и санитарные сестры, при сматривающіе нашему обряду

(Особ. записка). Когдѣ перевозили подъ конвоемъ нашихъ узниковъ священниковъ, бывшіе на улицѣ свидѣтели этого, прохожие кричали по ихъ адресу: zlodzieju porie, moskaloſii, oddaj

грабіе! Пошли потомъ насмѣшиливая по-
говорка, выражавшаяся въ томъ, что при какомъ-нибудь случаѣ сдѣлъ обращается къ другому съ шутливымъ ок-
ликомъ: отдай рубли!

4 апр. — Великднѧ (Пасха).
Морозно. Всъ встали очень рано.

Служеніе въ б'яніи. Свящ. о-цъ Іоаннъ Могильницкий вышелъ вмѣстъ съ другими священниками, стали всѣ обитатели нашего барака — передъ баракомъ и началише служеніе. На первые звуки пісні „Христосъ въкорес“ сталь выбѣгать народъ и изъ другихъ бараковъ въ міръ собрались на дорогѣ между бараками около 2000 членій. Многе тряслись отъ стужи, завернутые въ одѣяла, плакали и отъ стужи дрожащими голосами подпісывали чудную пасхальну піснъ: Христосъ въкорес.

Послѣ утрени отслужена была обѣдница. Затѣмъ прошель дорогою о. Вл. Венгриновичъ съ кропиломъ и поблагословилъ „паски“, если вообщѣ это слово позволительно емъ слышать употребить. Горестно и тягостно было смотрѣть, какъ наши б'янини-крестьяне понаставляли, что кусочекъ оставшагося отъ вечера хлѣба „комиссія“, на-
роючи вчера недобѣднаго кусочка иного хлѣба, махоньююю крошки разъ вку-
сить, и держа его въ плащаницѣ, проты-
гивали съ ними руку, чтобы каплю сви-
щенной воды и на него упала. Въ рѣдкіхъ случаѣахъ кое-кто поставилъ для окропле-
нія яйце.

Такого убогаго и печального Великоднѧ навѣрно никто изъ насъ не ви-
дѣлъ. Каждый же вѣтъ сю минуту мы-
сленно и духовно переносился на свою
родину, а каждый нашъ крестьянинъ
пропоминалъ себѣ тѣ, такъ теперь страш-
но далекія, кажется, лучшіе времена,
когда пасху и прочіе святыни освѣщали-
ми несъ въ церкви и синь и жена и дѣ-
ти... Всѣ наль Великднѧ на чужи-
нѣ, въ небѣвъ и тиорьмѣ!

Затѣмъ освѣтили мы — кажій въ
своїй кабінѣ — свои хлѣби. Покроши-
ли на донышкѣ 2 яйца и съѣли ихъ, дѣ-
лись и высказывая другу другу поже-
ланія и скораго возвращенія на родину и
увидѣнія своихъ родныхъ. Мы тли

палинчики съ масломъ и сиромъ и ку-
сочкъ ветчины съ горчичей и запили
„комиссныи“ (казенныи) кофеемъ. Пойшли
общий благожеланій между ближніи
знакомыми. Одни заходили къ другимъ,
обнимали и цѣловались другъ друга, а
всѣ пожеланія сводились къ одному и
звучали одинаково: счастливаго и ско-
рого возврата на родину!

На обѣдъ подали намъ капустяникъ —
ужасно кислый! — со свининою (вер-
вы для насъ все время нашего здѣсь пребы-
вания).

Послѣ обѣда была отслужена ве-
черня тже на дворѣ.

5 апр. — Съѣздъ понедѣль-
никъ. Утромъ и обѣдница въ 11 ч. утра
на дворѣ. Служилъ я съ о. Явор-
скимъ и Васильчикомъ.

Въ 3 ч. пополудни пошли мы смо-
трѣть на похоронъ пѣльного солдата,
сошедшаго съ ума и скопростижко скончавшагося. Его фамилия Архиповъ.
Власти не разбрзшили, чтобы свидѣ-
тельствъ отслужилъ надъ покойникомъ па-
никуду, такъ приѣхалъ къ намъ одинъ изъ пѣльныхъ и заявилъ, что власти
позволили имъ занять парастасъ и
имъ самимъ, т. е. однимъ только пѣль-
нымъ солдатамъ, совершить „панихиду“
(безъ священника). Но вышло иначе.
Внесли солдата покойника въ часовню,
одинъ солдатъ принесъ крестъ, а друго-
й убитый изъ вѣтка смеречинъ (ник-
ты) вѣнокъ въ часовню. Тамъ, однако,
уже до этого лежало двое нашихъ по-
койниковъ. Поэтому, о. Вл. Бенгирин-
овичъ, подъ предлогомъ, что хочетъ слуша-
ть надъ упаками, сталь передъ часов-
нею и служить воскресный парастасъ.
Но ему перервали служеніе и сперва
взяли солдатъ гробъ пѣльного покой-
ника, а затѣмъ и два другихъ гроба.
За рѣшѣтъ стояла вѣст്രенная вся
рота пѣльниковъ и они на команду-
шапку долой! открыли головы и спѣли
хоромъ 3-кратное: Христосъ воскресе,
и затѣмъ стали идти за гробомъ колон-
ною.

Зинъ въ воскресенье простились и
обезпокоился, сталь дѣлать компрессы и
подвергъ себѣ строгой диетъ въ тек-
чение двухъ дней, но днесъ уже чувст-
вуєтъ себя лучше. А о. Дуркотъ еще
боленъ воспаленіемъ легкихъ.

Днесъ не было ни одного мертвеша!
У выходящихъ днесъ изъ-подъ ка-
рантина 36 лицъ, быть произведенъ

плечахъ другой большой крестъ съ над-
писью „Архиповъ“. Такъ какъ много
народа принялъ участіе въ похоронахъ,
меллено продвигались впередъ, этотъ
крестъ словно плыть въ воздухѣ.

6 апр. — Пѣльники явились къ ра-
порту по причинѣ слишкомъ скуднаго
харча. Имъ отвѣтилъ п. (изъвѣніе), что
вѣсть нечего. — А какое намъ дѣло,
заявили они, — наше государь держитъ
австрійскихъ пѣльныхъ и хорошо имъ
коримъ!

Въ Талергофѣ нѣть праздниковъ.
Возліи бараковъ №№ 29 и 28 пахаютъ
землю, а наихъ крестьяне, между ими
и одного гимназиста, запрягли та-
нуть борону, и такъ они скородили поч-
ти весь день.

Вечеромъ, послѣ ходьбы, вынесъ
мінѣ Телесинскій кусокъ „бабки“,
которую получила отъ Билинкевичъ. Они
же получили „паску“ изъ Вѣны и угото-
вали Телесинскаго. Ходя съ Телесин-
скимъ, я съѣѣ бабку и она своимъ вку-
сомъ припомнила мінѣ нашу бабку въ
Липинъ.

7 апр. — Благовѣщеніе. Ту-
манско и холодно.

Пѣльники откались идти на ра-
боту, заявляя что головы. Ложились на
полѣ и лежатъ. На обѣдъ подали
намъ кукурузный чиръ. Весь постъ и
даже въ велику седмицу подавали чиръ,
а днесъ дали постный чиръ.

Изъ землянъ баркотъ работни-
ковъ купаются и имъ куда-то уберутъ,
кажется, но куда, узнаютъ нельзѧ.

Все еще ожидаютъ появленія ка-
йт-комиссіи, отъ которой будетъ за-
висѣть отмѣна карантину.

Янко въ воскресенье простился и
обезпокоился, сталь дѣлать компрессы и
оправдываются, что, молъ, не виноваты
въ томъ, что раньше обращались съ на-
ми жестоко: всему тому виновникъ —
Шт. и административная власти въ Га-
личинѣ, которая прислали насъ сюда
какъ измѣнниковъ и шпионовъ.

8 апр. — Качала написалъ, что по
надѣяніемъ спрашивалъ М. выясняется,
что сѣѣтъ противъ меня и Потерей-
кова еще не закончено. Удивительно.
Юркевичъ писалъ, что Янко еще въ ян-
варѣ былъ freigesprochen (оправданъ) —
а тутъ вѣять что, другое изданіе!

Богданъ не пишетъ ничего — не
доумѣвано.

(Обс. запись). Тропарь ко Св.
Ангелу Хранителю: Ангеле Бо-
хій, хранилъ мой святъ, животъ мой
сближи во страхъ Христа Бога... (не-
чт.) утвердъ во истинѣ пути и ко-
люби горїй узы душу мою: да то-
бо направляемъ получу отъ Христа
Бога великю милость.

(Обс. запись): Графъ Герберштейнъ
бѣгъ съ арм. спрашивалъ по телефону
пребывающую вдѣа г.-жу Гошовскую,
которая телеграфическимъ путемъ по-
здравила его съ праздниками. Паски, по-
лучили ли она его письмо. Она отвѣ-
тила, что не получила. Но вдругъ, въ
тотъ же день, это письмо было ей вру-
чено. Оно написано было еще 23-го де-
кабря 1914 года и лежало въ вѣдѣніи
нашіхъ канцелярій!

(Обс. запись): Въ субботу 3-го с.
апр. г.-жу Левицкую выкупали (она ре-
конвалесцентъ) въ такой горячій вѣдѣ,
что съ нею произошелъ нервный ударъ,
Вѣтъ и уходъ за нашими болѣйшими!

Въ тутъ же день (3 го с. апр.) пе-
ренесены тифозно болѣйшіе изъ II-го дво-
ра въ новоустроенный госпиталь. Тамъ
портикли, уходъ и харча значительно
лучше.

Вчера и днесъ еще разъ лезинфек-
цируютъ бараки III-го двора. Крестьянъ
выкупали, дали имъ сѣѣнъ и приѣдѣ-
ли. Жаль только, что все это сделано
слишкомъ поздно. Если бы это было
сделано раньше, не померло бы столь
много людей.

Нѣмы стали теперь обращаться съ
нами какъ будто вѣжливѣе и сами
оправдываются, что, молъ, не виноваты
въ томъ, что раньше обращались съ на-
ми жестоко: всему тому виновникъ —
Шт. и административная власти въ Га-
личинѣ, которая прислали насъ сюда
какъ измѣнниковъ и шпионовъ.

8 апр. — Качала написалъ, что по
надѣяніемъ спрашивалъ М. выясняется,
что сѣѣтъ противъ меня и Потерей-
кова еще не закончено. Удивительно.
Юркевичъ писалъ, что Янко еще въ ян-
варѣ былъ freigesprochen (оправданъ) —
а тутъ вѣять что, другое изданіе!

Сообщеніе это, конечно, не настроило
нахъ хорошо.

Ходить молва, что кап. Штрикъ
уже не вернется съ правдникомъ Пасхи
къ намъ.

Рись на обѣдъ почти безъ мяса.

Въ 3 ч. состоялись похороны о-ца
Іоанна Сѣрка изъ (нечт.) ...кова, по-
меръ на рака въ желудкѣ.

Всю ночь лилъ дождь, порой съ
громами и молниями — впервые въ этомъ
году.

Вечеромъ шелъ у насъ разговоръ
о предстоящемъ и приближающемся го-
лодѣ. Совѣтовали, не слѣдовало бы ли
отправить депутатію къ полковнику
Гримму съ представлениемъ ему положе-
нія и просѣбъ о помощи.

9 апр. — Дождь падать пересталъ,
но пасмурно.

Утромъ стали мы въ кабинѣ говор-
ить о томъ, что кому синисо. Мінѣ
приснились жена и Соня здоровыми и
веселыми, братъ же Іосифъ будто умеръ
въ какой-то церкви, исповѣдалъся.
Впрочемъ, вѣдѣ люди доволны и си-
ми по крайней мѣрѣ. До того ужасно
стосковались, что дѣтски радуются, когда
по крайней мѣрѣ во снѣ видѣвали
дорогу имъ лица, заговорять и побудить
многовѣтъ съ ними. Когда же, Господи,
умилосердѣйши и позволи намъ
вновь, наяву и въ дѣйствительности,
неразлучно быть съ ними?

Каждый здѣсь проходитъ великую
и трудную школу душеваго обновленія.
Здѣшнія длительнныя наши размышленія
(реколекціи) выйтуть, думаю, не одино-
чно изъ насы на въ пользу въ будущій жизнѣ.
Мы здѣсь узнали, что мы потерпѣли
(только на времѣ — полагаемъ и вѣ-
римъ), кто были для насъ дорогая по-
друга жизни — жена, наши дѣти. Несом-
ненно въ долгихъ и горестныхъ испы-
таніяхъ скорби, печали и ударовъ судь-
бы, наши сердца закалятся и воспламеня-
ются сильнѣйшими чувствами привя-
занности, дружбы и любви къ нашимъ
ближайшимъ и дражайшимъ и всѣмъ
людямъ. Неси этотъ тѣжелыи крестъ ге-
рояски и со смѣреніемъ, мы навѣрно
идемъ ко Христу, овѣнчаны Христовыми
духомъ. Вѣдѣ и молитва здѣсь стала

истинным кормомъ души и взправду неокрушимой силой, она несравненно проникновеннѣе и мощнѣе ее теперь очищаетъ, бодрить и согрѣвать, чѣмъ это бывало прежде! Молитъся — я это сознаю и чувствую — дѣйствительно стало для меня наслажденіемъ, средствомъ и путемъ увеличенія внутренней духовной силы въ скорбяхъ и бѣдствіяхъ, моего единения съ Христомъ Богомъ.

Богданъ не пишетъ: Послать бы ему еще какихъ-нибудь кронъ двадцать до его отъѣзда въ полкъ (15 — IV), но не знаю, какъ и чѣмъ объяснять себѣ его молчаніе. Вѣдь же деньги отъ меня онъ получилъ, иначе ихъ бы мнѣ возвратили, отсылая обратно. Почему же онъ не пишетъ? Не боленъ ли онъ опять? Все это такъ меня беспокоитъ!.. Ожидая днесъ Laisss-a, не пренесется ли мнѣ письмо отъ него.

10. апр. — Отправили настъ въ ба-
ни. Заявили, что теперь изъ каждого барака будуть ходить разъ въ недѣлью въ бани.

Наша Bewachungskommando уходили. Также уходить Laisss-a. Жаль! Вѣдь искрен-
но жалѣютъ себѣ этихъ и сохра-
нить его пребываніе здесь въ доброй
памяти: ибо онъ хороший человѣкъ.
Бехтлопфъ (недѣль) остается. Приходитъ
сюда ополненіи изъ Feilbach.

Оть Богдана письма нѣтъ! Не по-
нимаютъ, что это значитъ.

Василь просилъ датъ ему взаймы
денегъ. Далъ ему 2 кроны — нѣтъ у
меня больше. Вчера мы писали проше-
ніе о выдачѣ намъ депозита.

Наша "ваха" (стражи) уходить 13 с.м.
У насъ постановлено купитъ лар-
чикъ работы о. О. Коопыстинского и под-
нести его въ подаркъ отъ барака № 30
Laisss-u.

11. апр. — Недѣля Фомина. Зубы
не болѣютъ и я сплю хорошо. Дуешь
холодный вѣтеръ.

Узнаніи мы, что въ Талергофѣ пе-
ревозятъ всѣхъ галицкихъ интерниро-
ванныхъ изъ угорскихъ мѣстъ заключе-
ния (гарнизоновъ будто бы). Прибудутъ
ли также и тѣ, которые находятся въ
Терезинѣ, — неизвѣстно. Настанетъ но-

вый фазисъ въ жизни талергофскаго
узилища. Прибудутъ новые узники, на-
ши соотечественники, пойдутъ разсказы-
и о томъ, что они видѣли, испытывали и
переживали, и нѣкоторое время будетъ
запрятанъ умъ нашъ иихъ новостями
и ихъ положеніемъ.

12. апр. — На дворѣ хорошо, Но-
тоска и скуча все крѣпче овладѣваютъ.
Каждый день одинаковъ, все время од-
но и то же, нѣтъ просвѣта ни видовъ
на перспективу.

Приготовили ларчикъ и красивую
палку въ подарокъ Laisss-u и ждемъ
его прихода (около 11 ч. онъ обычно
приходитъ). Ларчикъ съ надписью: "Та-
лергофъ 1914 — 1915" и монограмъ: "M. L."
на палкѣ — изѣльи также о. Ор.
Коопыстинского.

Laisss-a днесъ не было. Отъ Богдана
на не получили письма.

13. апр. — Туманно и холодно.
Днесь уходить къ некоторымъ карантинникамъ
— 28 чел. — завтра же пойдутъ подъ
карантинъ другіе.

Говорятъ, что рекрутскій наборъ
будетъ произведенъ здѣсь на мѣстѣ.
Ваня и молодцы Ульрихи отстав-
лены подъ конвоемъ въ Грацъ.

Послѣ обѣда ушло опять свыше
соста человѣкъ.

14. апр. — День хороший. Ночью
быть порядочный приморозокъ.

Видимъ въ Талергофѣ уже новую
Wachkommando. Офицеры и подъ-офи-
церы ходили и осматривали устройство
бараковъ. Есть между ними и славянами.
Одинъ обѣръ — лейтенантъ говорилъ съ
Сколоздроу (казначай податнаго вѣдом-
ства) по польски.

Трафику отъ Гисовскаго переняли
опять шабвы, кантины тоже береть себѣ
нѣмка.

Ждемъ объявленія новой "листи" и
отѣмѣнія карантину.

На 3 ч. назначено оспопрививаніе
въ нашемъ баракѣ.

Ахъ, почему этотъ Богданъ не пи-
шетъ ничего, ни изъ дома нѣтъ ни од-
ной вѣсточки? Скука убѣдительная, мож-
но стъ ума сойти, нечтъ, "заняты".
Еще утромъ читалъ "Правило", потому
веду съ кѣмъ-нибудь о чѣмъ-нибудь раз-

говоры, сѣмъ чѣмъ-нибудь, прогуливая-
сь, затѣмъ обѣдъ, послѣ обѣда вздрем-
лю немного, вставъ, не знаю, что съ
собой дѣлать, хандра одолѣваетъ... Иг-
раемъ въ преферансъ втроемъ (я, Янко,
Телесинскій). Вѣзѣлъ съ кабинами, игра-
ють. Въ 8 ч. тушать электричество во
всѣхъ баракахъ и, вѣтъ-невѣтъ ложись спать. Но до 6 ч. утра есть врем-
я выпасть — такъ приходится еще
съ часикъ сидѣть въ потемкахъ и только
послѣ 6 ч. ложись спать. Въ коридорѣ
другие развлекаются разговорами,
рассказываніемъ анекдотовъ и шутокъ.
Собеседники подвизаются оо. Кокотайло и
Игн. Мохнацкій, хотя и неудачи.

Съ теремъ военныхъ дѣйствий вѣ-
стей никакихъ. А впрочемъ и получае-
мый вѣстямъ не хочется да и трудно
вѣрить. Щѣльи долѣ мѣсяцы идутъ
упорные, ожесточенные бои, а резуль-
татовъ мало.

Изъ госпиталя возвратились 12 апр.
о. Д. Кисельевскій и обѣйтъ въ каби-
нѣ № 21. Онъ получилъ письмо отъ
семьи, датир.: Черновцы 7 апр. Сѣвѣ-
довательно, тамъ, видно, австрійская почта
дѣйствуетъ и наѣврѣнно туда, въ Букови-
ну, вернулись австрійскіи власти вообще..

(Обоѣдъ запись: телеграмма сочиненной
хѣмъ-то изъ Талергофѣ письми и. а., "Уника")
Глаконецъ-то получить письма, ажъ
два раза: отъ Богдана и Иосифа. Богданъ
писалъ ко мнѣ — какъ значитъ — два
письма, но я получилъ всего только одно,
видно другое, не заказанное, пропало.
Онъ просилъ прислать ему еще 50 кронъ,
чтобы могъ уплатить хозяйкѣ или же
по крайней мѣрѣ 20 кронъ выслать ему
телеграфически до четверга напріожже.

Laisss-u — очень обремененный пе-
редъ уходомъ работою — не хотѣлъ
принять отъ меня денежки. Мы вручили
Laisss-u въ подарокъ ларчикъ и палку.
Онъ былъ тронутъ словами д-ра Моги-
льницкаго, который, между прочимъ
сказалъ: "Когда мысъ доставили сюда
съ клѣмой изѣмниковъ и шпониковъ
и вѣдь отнеслись къ намъ какъ тако-
вымъ, Вѣдь одинъ отнеслись къ намъ,
какъ невиннымъ людямъ, гуманно и вѣж-
ливо. Мы этого не можемъ забыть ни-
когда. И днесъ, въ нашихъ тяжелыхъ

Сов. суда Антонъ Осиповичъ Гулла.
(Талергофской снимокъ.)

добросовѣстно исподняль, переходилъ
вмѣстѣ съ Вами вѣсъ тягости и опас-
ности эпидеміи и карантину, видѣлъ
Васи страданія и познакомился съ Ва-
ми ближе, и проникъ уваженіемъ къ
Вамъ и сочувствіемъ. Благодарю Васъ
за Ваша добрая чувства и желало Вамъ
благополучного и скораго возвращенія
на родину".

Бывшій въ теченіе 3 мѣсяцевъ сво-
его рода органомъ связи между интер-
нованными и Laisss-u о. Феодоръ Кру-
шинскій и ближе съ нимъ сошедшій и
работавшій, подарилъ ему отъ себя но-

жистъ для разрѣзыванія книгъ и пресстъ-
паль.

15 апр. — Рѣшилъ 20 кронъ днесь
Богдану не посыпать. Все равно это
уже было бы слишкомъ поздно. Онъ за-
явилъ, что посыпти меня по пути въ
свой полкъ (55-ый) въ Voitsberg. При
свиданіи я ему ихъ дамъ или же отош-
лю уже въ полкъ.

Еще вчера стала на службу здѣсь
новая Wache — Вельдбахеръ. Они —
молодые парни — и навѣрнѣ словинцы.
У нихъ вмѣсто штыка, только имитация
(подобие) его, сдѣланное изъ бляхи,
и опасаны вмѣсто кожаныхъ лиши
портжинскимъ поясомъ. До чего дошли!

Старый принесъ бохончикъ хлѣба
за 44 гел., еще меньше вчерашнго. На
базарѣ, въ нормальное время, онъ сто-
илъ бы 8 гел.. «Комиссаръ» (солдатскій)
въ цѣнѣ поднялся еще до 12-20.

Я постановилъ зубъ дать вырывать.
Гула и о. Илья Мокнахинъ пошли
дома подъ карантинъ.

Я таки днесь еще сдалъ 20 кронъ
для пересылки Богдану телеграфическому
путемъ. Обыскъ мѣръ Laissъ от-
править ихъ днесь еще до обѣда. Янко
составилъ телеграмму Юсири и сдалъ
ею днесь также.

(Обоз. запись:) Больной осопой долж-
енъ находиться въ темной комнатѣ, ве-
черомъ при лампѣ съ краснымъ абажу-
ромъ (указание о. Романовскаго).

Непремѣнно дамъ зубъ вырвать.
Попросилъ дра Добѣю и онъ принес-
сеть изъ амбулатории щипчики и выр-
вѣть. Нѣтъ силъ терпѣть дальше.

На 3 ч. назначено оспопрививаніе
въ нашемъ баракѣ.

По днесь померло здѣсь въ лагерѣ
въ Талергофѣ 1284 чел.!

Днесь ушли подъ карантинъ пре-
имущественно крестьяне.

Оспопривито подверглись всѣ у-
насъ.

16 апр. — День хороший, теплый.
Краковская газ. "Nowa Reforma" писала
на дняхъ, что Краковъ уже евакуирую-
тъ. Такъ это означало бы, что русской
войску еще предвигаются впередъ!

Днесь посыпъ обѣда, пошелъ я уѣ-
зду Добѣ и дать себѣ вырвать зубъ.

Сильной болью для меня сопровожда-
лась эта операциѣ: появление матеріи съ
кровью показало, что у меня воспаленіе
«окостной», меня болитъ вся сторона
лица и горло такъ, что я съ трудомъ
только проглатываю жидкую пищу.

Laissъ доставилъ много давно уже
присланыхъ писемъ. Гнатышикъ полу-
чилъ ихъ даже 8 штуки. Всѣ преимуществен-
но съ 1914 года! Подобно и другія
датированы весьма давно. Какъ и
чѣмъ объяснить себѣ это? Вѣдь же эти
письма лежатъ вѣдь такъ долго и, въ
то время, когда мы находились подъ карантиномъ настѣ карали еще и тѣмъ,
что не давали чаймъ давно уже полу-
ченныхъ писемъ отъ нашихъ родныхъ.
Явное и волописное издавательство. Но
была ли это вина самого Laiss-а? Кто
знаетъ? Все нѣтъ возможно. Сидя
возмущаются люди и по другому ба-
ракамъ.

Посыпти меня Ромко Кобринский.
Онъ алдоровъ и доволенъ собою. Я за-
нялъ у него 20 кронъ. Принесъ мѣръ
г. Андрей Лакуста крестикъ, на которомъ
сдѣланъ надписъ — сдѣланъ это очень
изящно. Ядалъ имъ 2-кроны. У него я
заказалъ себѣ «кашкель».

17 апр. — День хороший, ясный.
Къ счастью, зубъ пересталъ болѣть.

(Обоз. запись:) Въ Старой Соли ходилъ
мѣстный священникъ-мазепа о. Константина Грицикевича съ жандармами
по хатамъ и въ ихъ присутствіи пеналь
отдѣльныхъ крестьянъ русскю убѣ-
деній приблизительно такъ: Вѣдь ви-
дишь, а говорить я тебѣ всегда: не будь
капецомъ! не получай книжечекъ. Ова
им. М. Качковскаго! не читай газеты
«Голосъ Народа»⁴¹ а ты на хатѣ слушай-
шь... и т. д. Такимъ образомъ и ука-
зываютъ жандармы: сего берите! И
дѣйствительно жандармы забрали что-
то свыше 40 чел., которые и были вы-
везены въ Талергофъ.

18 апр. — Воскресенье. Я служилъ
днесь обѣдницу передъ баракомъ въ
составленіи оо. Яворскаго и Стрѣльцева.
Днесь удралъ крестьянинъ подъ карантинъ, не желая попасть «на
свободу», какъ это называется, а въ дей-

ствительности въ баракъ исѣкіенier-овъ, и
скрылся въ баракѣ.

(Обоз. запись:) Посьлка писемъ въ
Галчину: Viecas de Reinselglement in-
ternationaux, 10, rue des Terteaux, Lau-
sanne, Suisse.

Богдана не было. Или нельзя ему
было, или же ему не было возможно
посыпти меня. Жаль! Увидалъ бы
его, а кто вѣдь знаетъ, быть можетъ и
не увижу его больше. Я дала бы ему
еще 10 кронъ — больше не могу быть,
ибо у менѣ нѣтъ, да и эти занять я
у Ромка. Не знаю, получить ли онъ тѣ,
посланные ему по телеграфу 20 кронъ.
Если эти деньги у него не заѣти на
мѣстѣ въ адресѣ, такъ должны бы быть
возвращены.

Сынъ Телесинскаго, находящійся
теперь гдѣ-то въ Чехии, писалъ, что
о. Давидовичъ въ Радеховѣ померъ и
Юліанъ Бачинскій въ Вацючинѣ. Недо-
вѣриваю: ея жизнь висѣла на волоскѣ, а
вѣдь, утонуть, онъ умиралъ! А быть можетъ,
это ошибка, и вмѣсто него она скончалась?
Находять же таї разныя додги, а узнатъ толкомъ, ничего не-
возможнѣ... Быть можетъ, онъ погибъ,
полбено многими другими, въ рукахъ
свѣрѣльыхъ мѣдяръ еще лѣтѣть?
Вѣдь нечастныя дѣти осиротѣли! Что
же имъ дѣлать: нѣтъ отца — нѣтъ хлѣ-
ба, нечѣмъ имъ жить. Сердце скожеват-
ся на одну мысль о ихъ положеніи. Что
только не творится теперь ужаснаго и
жестокаго на свѣтѣ. А впрочемъ, развѣ
я самъ знаю, встанутъ ли склонъ близ-
кихъ живыми и здоровыми? Моя доро-
гую, предорную и трудолюбивую же-
ну? Вѣдь же у ней такое хрупкое адо-
ровое, такое разрастіе нервовъ, и
какъ вынести все то, что принесла вся
эта несчастная война! Живы ли вѣдь мои
дѣти? Хотъ бы мнѣ получить одну са-
мую краткую, лаконическую вѣсточку о
томъ только, что всѣ они живы и здо-
ровы; и мнѣ бы ничего больше не надо
было, этого было бы достаточно, чтобы
была эта тюрьма стала мнѣ спокойной и лег-
кой. Не можетъ быть, это совершенно
исключено, чтобы они не писали мнѣ
ничего такъ долго, чтобы не знали, что
я убивалась и терзалась неизвѣстностью...

Навѣрно тутъ входить въ игру какая-
то человѣческая злоба, дѣйствуетъ ка-
какая-то жестокая рука, которая недопу-
щаетъ до меня, даже такой вѣсточки,
мучить, терзаетъ менѣ...

Напишу я днесь чрезъ бюро въ
Лозаннѣ, но думаю направить письмо
во Львовъ, въ юридическую контору
Добранскаго и Засца. «Быть можетъ
этимъ путемъ дѣлиться и дождусь ско-
рѣе отвѣта».

Объявленъ намъ новый порядокъ:
вставать ежедневно приказано съ 5—6
час. утра, кушать ранній завтракъ въ
7 ч. у., выходить изъ бараковъ на дворъ
7 ч. 30 м. у. и пр., вечеромъ ложиться
спать въ 8 ч. Днемъ въ баракахъ окна
должны быть всѣ времена открыты. Все
это — предохранительные мѣры про-
тивъ новой эпидеміи (осты).

Прививка притыка, свѣрѣйтъ и жгѣтъ.
Нашъ полковникъ — добрый человѣ-
ѣкъ.

Врачи, Директоръ и Рейтеръ — хоро-
шие люди. Третьяго не знаю, но не слы-
шу про него ничего худого.

Хочу стать немного лучше, да и
хѣбѣ въ цѣлѣ чуть-чуть понизился. Ра-
ботники получаютъ одинъ хѣбѣ на
3 чел.

Хочу отдать мою блузу портному
для починки, очистки и пришиванія дру-
гого воротника.

Говорятъ о злонамѣрѣніи Италии —
выступить противъ Австро-Венгрии. Всѣ
вѣдь союзница! Союзъ помаленьку пре-
вратился въ нейтралитетъ, а теперь ней-
тралитетъ переходитъ во вражду и на-
паденіе. Въ каждый моментъ можетъ на-
ступить объявление ею войны Австро-
Венгрии. Значитъ, близкаго конца бойнѣ
и разг҃ѣ не предвидится.

А тутъ весна идетъ полнымъ хо-
домъ, природа ожила, земля покрыва-
ется новой пышной зеленью и только
жду, чтобы человѣческая рука бросила
въ нее верно, а она умножитъ его десяти-
кратными плодами. Но некому сѣять,
да и нечѣмъ сѣять! Буряки и хопты
выростутъ замѣсто хѣбѣ... Жаворон-
ки поютъ — такъ жадно вслушиваются
въ ихъ шебетъ... Но тихую грусть на-
водитъ онъ на душу, лечу мыслями и

Мечтами генъ далеко на сине Карпаты, въ наши галицкія села, въ дорогу Липицу, воображаю себя шагающимъ по своему полю, скѣдышимъ за ходомъ весеннихъ работъ на немъ, при этомъ немолчномъ щебетѣ птицъ, вмѣстѣ и одинаково съ человѣкомъ радующихъ воскресенію природы, солнцу, его теплу и сѣрѣ.

Но не такъ и не то теперь и здѣсь.. Подумать только, что и въ эти чудные дни весеннаго воскресенія, на пойвѣ браинъ, люди, забывъ Бога, убиваютъ другъ друга и не думаютъ прекратить масштабаго убийства. А вслѣдъ за ними пойдутъ эпидеміи, мучительное одорожненіе жизни изувѣченыхъ, массовая погибель отъ голода и нужды, — за что и вѣчнъ? Помилуй, Господи, насы грибыши!

19. апр. — Днесъ съ утра, отправился я за покупками, достѣль хорошей солонинки и, приглагавъ Телесницкаго, сдѣлали мы себѣ «пиръ». Позавтракали хорошо, выпили сливовицы и погуто-рили.

Вдругъ явился о. Романъ Константий и приступилъ къ открытию отъ Нико-лы, написанную 16 го с. апрѣля. Видно, что, стало быть пущенные, было, слухи объ арестованіи его, ложны. Слава Богу! Снялся мнѣ о. Кордублѣ изъ Бережанъ. (Говорятъ, что его мадьяры убили). Я разсказывалъ ему о нашей ужасной жизни въ Талергофѣ. Вдругъ явилась мнѣ на мѣръ и моя Тоня, — и я проснулся.

20. апр. — День облачный. Laiss сказала, было, что остается, но уже польскій обѣдъ заявилъ, что завтра уходитъ и сѣчась же распростился съ нами.

21. апр. — Снялась мнѣ моя дор-

гая Тоня. Была она въ черномъ платье и сильно поѣздѣла, что меня очень удивило. Ничего не говорила, но была по-видимому радостна. Я прошусь и встала довольный, въ хорошемъ расположении духа и объясняю себѣ этотъ сонъ такимъ образомъ, что, быть можетъ, же-на получила мое письмо. Дай это, Боже! Въ первомъ дворѣ объявлено, что ратоспособны приглашаются записы-ваться добровольцами въ армію. Такіе должны заявить это своему Zimmecker-

tendant-u и внести письменное заявле-ніе на руки офицѣла. Возрастъ опре-дѣленъ: отъ 18 до 42 лѣтъ. Сто минуту, когда я это записываю, объявлено уже это и у насъ. Сейчасъ пошли тол-ки, пренія, сенсациіи, ходили одинъ къ дру-гимъ, съ одного двора въ другой, съ распросами, какъ быть. Вышла большая разноголосица, смятеніе. Нѣкоторые за-писались добровольцами, но немногіе. Есть таѣе молодые священники, кото-рые заявили желаніе поступить въ армію Feldsinf.-амъ (полковыми священника-ми). Эта мысль приходила въ голову и Янку.

Вечеромъ прибылъ новый тран-спортъ 30 людѣй изъ гарнизона въ Грацъ. Между ними есть Онубрий Зѣблей. Больна общижка, чтобы только сохра-ни Господи, не развалилась у него чакотка. Рассказывала, что въ гарнизонѣ сидѣть также староста изъ Косова, Вин-ковскій. Попали на сѣль, что въ лечеб-нице заведенъ (зларвеннъ) д-р Тарновскаго, прѣѣзжали изъ Россіи шлюпами, которымъ изучали положеніе въ Карпатахъ. Ст. роѣстъ будто бы вмѣняютъ во зло, что онъ былъ мало бдителенъ и усерденъ и не слѣдили достаточно зорко за про-бывающими въ заведеніи гостями. Свя-щениковъ въ гарнизонѣ допросили, слѣдствіе прѣостояніи и выслали ихъ на конфіненцію, остальные же выжид-аютъ рѣшенія ихъ участія. Судьб-нѣмъ вполнѣ корректно разсматривали обви-ненія, напротивъ суды-евреи приличи-лись. Изъ кола всѣхъ процессій мож-но дать общее хорошое свидѣтельство о веденіи дѣла автаторомъ нѣмцами, (также поляками), но не евреямъ и ма-винцами.

22. апр. — И въ эту ночь снялись мнѣ, дорогая жена, сажала въ огородѣ смородину, но ничего не говорили. Дождь лилъ всю ночь. Въ 10 ч. прика-зано встать наимъ или въ бани.

Вчерашишо „лембѣнъ“ приграбъ Янко, принесъ кислого молока и на вто-рой завтракъ мы вѣтрѣмъ сѣль. Здѣсь это вкусно! а дома?.. Не тѣ времена!

Чувствую себя, слава Богу, здор-овымъ, хотя во вѣсѣ все еще теряю, въ быть можетъ, именно и потому чу-вс-

ую себя здоровымъ и легкимъ. Кое-ко-му альпійскій воздухъ Талергофа помогъ изжить катаръ груди и одышку, даже нѣкоторые старички, не успѣвшіе умереть въ предыдущіе мѣсяцы и вынес-ше зиму благополучно, теперь держат-ся хорошо и чувствуютъ себя оживи-шими и бодрыми.

Іосифъ писалъ мнѣ вчера, что онъ чрезъ Тенгофа написалъ въ Липицу. Такъ, значитъ, можно надѣяться, что тамъ нѣбрю узнать о моемъ благо-пулѣ и мѣстонахожденіи, лишь бы са-ми пересади отѣйтъ мнѣ, что съ ними. Ахъ эта вѣсть была бы мнѣ и Янку до-роже всего на свѣтѣ!

23. апр. — День туманный, сол-нышка дождаться годѣ (трудно). Также этой ночью снялась мнѣ моя жена: будо-то мы были въ Потугорахъ и на пло-щади возѣ церкви встрѣтились. Сонъ не ясный. Утромъ, послѣ прочтенія „Пра-вилъ“, прошелся „въ долину“, „на городъ“ — какъ это называется, выпилъ тамъ за 28 гел. кофе, который вкуси-ть притомилъ мнѣ кофе домашній, но безъ хлѣба или булки, ибо въ кантинѣ не было.

Съ призываюмъ „добровольцемъ“ въ армію выходить что то неясное: не зна-ю ничего обѣ этомъ ни бехтѣофъ ни полковой врачъ — говорятъ, что зачинщикъ всего этого дѣла — Тимчекъ!

Ивануша далъ мнѣ прочесть пись-мо, полученное имъ отъ єеоф. Петров-скаго. Узнать изъ него, что о. Макаръ туже боленъ — страшная страданія причиняютъ ему желчный камень. Въ письмѣ сопутствуя намъ подавать вѣ-сѣ со свидѣтельствомъ врача прошенія о конфіненціи. Собѣтъ это не новъ и врядъ ли помогъ бы что нибудь. Вѣдь же свое время внесъ такое прошеніе со свидѣтельствомъ врача о. К. Киселевскаго, но не добился ничего. Сдѣлали это и о. Гелитовичъ, но безуспѣшно. Погре-бовали предложенія подобныхъ метри-ческихъ и другихъ документовъ (родо-словіи всякаго рода), удостовѣреній о мѣстоизѣстѣ и др. Все это бы-ло предложено, но безъ результата.

Дождь лилъ всю ночь.

24. апр. — Пошелъ утромъ снова „на долину“ вдвоемъ съ Телесницкимъ, купили немного конченаго окорока и, возвратившись, устроили себѣ опять „пиръ“.

Возвратившись, узнали мы, что между тѣмъ оглашенье было новый спи-сокъ освобожденныхъ, до выслушивая подробности, заключаемъ, что это былъ списокъ не освобожденныхъ, только, кажется, такихъ, которые еще должны быть допрошены въ Грацѣ. Между про-очими въ спискѣ значится и Телесницкій и о. Сеникъ, а меня нѣтъ!

Свящ. о. Александръ Гелитовичъ
изъ Косова.

(Гравюра изъ Талергофа).

Днесъ день хороший, ясный.

Вчера купилъ себѣ Янко на кресть-янину изъ Жылии крошечную часовен-ку за 8 кронъ. Сѣблана очень искусно, со большимъ художественнымъ вкусомъ и чутѣмъ. Онъ имѣть въ виду пода-ритъ ее г. Скржинскому. Я заказалъ себѣ у этого крестьянинна также такую ма-хонькую церковку.

(Обѣ, занѣ). Наша почта: Откры-ка Охнична, сланная на почту 5-го янв. 1915 г. въ Грацѣ, съ позиравленіемъ съ праздниками Рождества Христова и ад-

рессованная о. Ст. Яворскому, получена им из здешней канцелярии 24-го с. апрѣля, т. е. в 3 недѣли послѣ Пасхи!

Днес осматривають всѣхъ, чтобы узнать, принадлежат ли у нихъ прививка оспы. Осмотрѣли и обитателей нашего барака.

Письма приказано передавать Уѣ́скому. Мы этичимъ недоволыны.

Въ газетахъ напечатано извѣстіе, что русский царь чрезъ Броды прѣѣхалъ во Львовъ на нѣсколько дній. Значиа ли это, что занятіе Галичини русскими войсками прочі?

25. апр. — Мракъ. Послѣ прочтѣнія "Правилъ", составляю письмо къ социфу.

(Особ. запись:) Бюро Sigurd Hildebrandts Reclamebureau, Nyhavn 38, Копенгаген.

Einf. Brief — 1 M 20 Pf.

Rekom. — 1 — 60 —

Rückantwort — 1 — —

Rekom. — 1 — 30 —

14 International Scheine

14 Stück

Премѣняющій въ баракѣ № 20 аргономъ Стефанъ Бечко вносить въ Всеслащунгskommando прошенио обѣ опредѣленіи его куда-нибудь на службу въ большомъ помѣщѣніи въ Угоршинѣ или въ нѣмецкой провинціи или же въ Чехіи, и кланяется Богомъ и даєтъ слово чести, что онъ вѣрный и лояльный "австро-украинецъ".

Въ газ. Graterblatt читаемъ сообщеніе, что русский царь постигъ гор. Львовъ 23-го с. апрѣля и съ балкона импѣрического дворца обратился къ населенію съ краткой рѣчью, законченной словами: "Да живеть единна, недѣлъмая, могучая Русь!"

(Особ. запись:) Еще одинъ курьезъ: Днесъ, т. е. 26-го апрѣля 1915 г., о. Игнатій Мохнацкий получилъ здѣсь письмо отъ страхового О-ва Phoenix, помѣченное 26 XII. 1914 г., въ которомъ это О-во извѣщаетъ о. Мож., что скрокъ мораторій для уплаты его преміи истекаетъ 15. I. 1915. Такимъ образомъ, благодаря нашей администраціи, это письмо доставлено ему тремя мѣсяцами позже истечения назначенного срока. Изъ

этого инцидента возникнетъ навѣрно процессы. Свидѣтельствомъ этого факта являются Ант. Телесницкий и о. Ром. Конкотайло.

Въ нашихъ госпиталяхъ службу Krankenwachter-овъ исполняютъ евреи (нпр. Greif), и выходить такія сцены: Большой человѣкъ (и притомъ священникъ) посыпаетъ этого Greif-а къ священнику о. Венгриновичу съ пріглашеніемъ, чтобы пришелъ въ госпиталь и его, больного, испроверять. Такимъ образомъ, даже въ такомъ дѣлѣ еврей является посредникомъ!

Въ кухнѣ евреи присматриваютъ за поварами. Вѣдѣ и всегда онъ дѣлаетъ свой Geschäft. Пресловутый Deutscher спотъ вкрутился и получилъ постъ Zimmersmekommandantъ въ госпитальномъ баракѣ, гдѣ развернула свою мошенническія таланты во всю!

Я пошелъ днесъ въ госпиталь исповѣдывать больного о. Іер. Куновскаго, но меня опередилъ уже въ этомъ о. Дуркотъ. Всѣ мы прибыли къ нему, затѣмъ (о. Венгриновичъ, Монібѣ, я) больного соборовали.

26. апр. — Нѣкоторые изъ-подъ карантину освобождаются и уѣзжаютъ. Помѣръ о. Куновскій. Въ 4 ч. его похороны.

Богданъ опять ничего не пишетъ. А вѣдѣ же могъ, поступивъ 18-го с. апрѣля по полѣ 26/IV сообщитъ кое-что о себѣ и своемъ положеніи.

Днесъ отправилъ я письмо къ социфу.

Маленький, чисто кукурузный хлѣбъ продаютъ здѣсь по 44 — 46 гел. шт.

Теперешній "комисникъ" (казарменный хлѣбъ) тоже кукурузный. Значитъ, и у насъ теперь здѣсь весенний "передновокъ".

День совсѣмъ лѣтній, жарко. Я снялъ съ себя душегрѣбъ, хотѣлъ даже башмаки снять, но — надо было починить чулки. Бѣлые чулки поштопать я бѣлою ниткою. Вижу, что все наше брату надо бы умѣть сдѣлать. Очнувшись въ такомъ, вотъ положеніи и, придется использовать пріобрѣтенное умѣніе, а то иначе совсѣмъ безвѣдомо-

шень. Здѣсь вѣдѣ и варить и шить

сами мужчины.

27. апр. — Вчера Уѣйтъ пытлиль въ ходъ вѣѣ, что будто всѣ занесенные въ теперешній списокъ, будутъ переведены въ Strafanstalten (карательные бараки) №№ 33 и 34. Заинтересованныхъ это очевидило. Говорятъ, что готовъ уже и другой списокъ и что всѣхъ будетъ около 300 лицъ. Быть можетъ и я между ними долженъ дожидаться допроса. Пусть будетъ что хочетъ — если Господь съ нами, никто на ны.

Ожидаемъ прибытія какой-то высокой комиссии. И это, кажется, вѣро, ибо по баракамъ пошли основательная ликорадочная чистка и вѣѣ внутри. Вотъ какъ дѣйствуютъ комиссии у военныхъ! Впередъ уже за 2 — 3 недѣли занятіесорванные узнаютъ о намѣреніи прѣѣхать такого-то лица на ревизію, ну, и стараются. И какъ послѣ этого, такому высокому постѣтлю не найти всего въ отличномъ порядкѣ?

Днесъ получили я съ почты отчестіе благопріятную вѣѣ: биро Tenghoff извиняется отъ 20-го с. апрѣля сообщаетъ, что деньги (10 кронъ) получило и наши письма отправило въ Галичину. Если принять во вниманіе, что письмо изъ Бухареста идетъ 7 дній, то миѣ можно ожидать только 10 мая отѣтъ изъ Липицы. Все же я доволенъ, что письмо уже отправлено и что дастъ Господь — оно дойдетъ до рукъ монхъ дорогихъ жены и дѣтей. Воображаю себѣ, какую радость оно въ нихъ вызоветъ.

Старый Лаврышъ сдѣлалъ для Ян-ка красицкую крохотную часовенку, но такъ, что миѣ удобно и надежно можно будетъ скрыть въ ней моя записки. Мы это еще днесъ хорошо устроимъ, послѣ чего я облегченно вздохну и успокоюсь.

Съ "добровольцами" дѣло застяло и ничего больше о немъ не слышно, а заявилось очень мало.

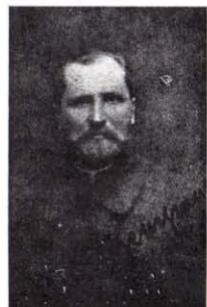
Оть русскихъ военнопленныхъ удалось достать балалайку, на которой д-ца Лаврышъ игралъ вчера и днесъ (она и г-жа Гимртыкъ — соседки наши). Вчера

уснули я подъ нѣжные тихіе звуки русской балалайки.

Вчера выслали мы письмо юсифу въ Камиць. Сообщаемъ о себѣ, что мы здоровы, что карантинъ отмѣненъ, и просимъ, чтобы похрапотать о нашемъ освобожденіи.

Крестьяне дѣлятся "комиснякомъ" такимъ образомъ, что сдѣлали себѣ вѣѣ и, разрѣзывъ хлѣбъ, отвѣшиваютъ и раздаютъ каждому по четвертнікѣ.

Днесъ прѣѣхалъ сюда ген. Бачинский. Его обращеніе съ интернирован-

Свящ. Владиславъ Венгриновичъ изъ Лаврикова.

ными, это обращеніе не военнаго начальника, а, можно сказать, отца. Внимательно выслушивалъ каждого, кто къ нему обращался. Въ первомъ дворѣ говорили съ нимъ интеллигенты. Были затронуты жгучіе вопросы: о хлѣбѣ, почѣ, депозитахъ, злоупотребленіяхъ и притѣсненіяхъ со стороны военныхъ. Говорили съ нимъ много крестьяне, жалуясь на невѣхту хлѣба и вообще на недостатокъ и плохое качествѣ пищи. Его столь вѣжливое и внимательное обращеніе съ нами приводило въ крайнѣе, съ большимъ трудомъ и еле-еле скры-

васмое бѣшенство присутствующих офицеровъ, которые силились во что бы то ни стало отвлечь его отъ насы и нашихъ заявлений. Сдѣлать выговоръ полковнику, почему интеллигентъ лишилъ возможности читать газеты, вѣже наши газеты проходить черезъ цензуру — заявилъ. Мы въ баракѣ № 30 ждали его посыпѣніе также съ нетерпѣніемъ, но не дождались. Онъ уѣхалъ въ Грацъ обѣщавъ, однако, вскорѣ приѣхать сюда снова. Офицерамъ сказали разск.: О, я знаю ваше хозяйственіе! Этихъ здѣшнихъ 1300 покойниковъ наилучше о немъ свидѣтельствуютъ!

Въ народѣ всеобщая радость по поводу этого визита. Господь благъ и милостъ — вчера насъ ободрилъ и днесъ уѣханіе.

Днесъ освободили изъ подъ ареста 7 юношей (преимущественно студентовъ, въ нихъ числѣ есть и Маркусъ), прославившихъ въ заключеніи 28 дней за то, что будто, согласно доносу, Ивичка на нихъ — адвокатъ д-ръ Крушинскій училъ ихъ пѣти русскій национальный гимнъ! За это адвокатъ просидѣлъ 21 день, а они 28 дней. Сѣгоднѣ выяснило, что адвокатъ не знаетъ ни одного изъ нихъ.

Послѣ отѣзда ген. Бачинскаго — онъ будто долженъ быть назначенъ инспекторомъ всѣхъ лагерей интернированныхъ — во всѣмъ лагерѣ всѣ говорятъ лишь о немъ, его поведѣніи во время обхода бараковъ, его заявленіяхъ и отвѣткахъ на жалобы и пр. Всѣ отъ него въ восторгѣ. Особеннѣе большое значеніе придается его заявлѣнію, что объ ужасномъ Wirtschaft наилучше свидѣтельствуютъ 1300 покойниковъ „подъ соснами“, ибо оно показываетъ, что онъ знакомъ съ положеніемъ и знаетъ, что администрація сознательна и злостно своимъ скрутыми и жестокими мѣрами въ теченіе всего насколько мыслишь изгладила со свѣта столь много людей.

28. апр. — День ясный и теплый. Ожидаемый изъ Theresienstadt-a (Германіи) транспортъ интернированныхъ не прибылъ да и неизвѣстно еще вообще, прибудетъ ли. Нельзя вѣрить никакимъ сплетнямъ и сенсационнымъ извѣстямъ, люди, просто отъ ничего дѣлать лгутъ и сплетничаютъ, выдумываютъ и фантазируютъ въ многѣ болѣе или менѣе по тѣмъ же причинамъ вѣрить такимъ сплетнямъ. Все это у нѣкоторыхъ просто таки маний, болѣзнь.

Богданъ не пишетъ ничего. Послѣдствія визита генерала и вы-сказанныхъ ему жалобъ уже сказывались: Въ 3-мъ баракѣ „пости“ поймали писара изъ Галича какъ закуривалъ себѣ трубку и по приказу полковника казальцъ его изгоняли Anbinden въ течение 2 сутокъ по 2 часа. До сихъ поръ смотрѣли на такое „преступленіе“ чрезъ зеркала и не привлекли за него къ отвѣтственности даже при безподобномъ режимѣ Штандтлера, но теперь же то, такъ какъ изъ III барака вчера особенно многіе выступали передъ генераломъ съ жалобами, то это, видимому, сзлобы полковника и онъ мстилъ. Надо еще замѣтить, что полковника до вчера не было еще ни разу въ баракахъ и онъ только вчера, вмѣстѣ съ ген. Бачинскимъ, вынувшись, былъ впервые пройтись по нимъ.

(Обоз. запис.) Крестьянинъ Мартынъ Мазуръ изъ Монастыря очутился въ госпиталѣ. Обгоревъ у него и уничтоживъ его собственное бѣлье, его тамъ сбили другимъ, т. е. дали ему рубаху и подштанники. Но когда впослѣдствіи переводились въ баракѣ № 16, вѣсёлые оторвали и это бѣлье и оставили его голымъ совсѣмъ. Въ теченіи 4 сутокъ онъ и днемъ и ночью оставался обвернутымъ въ одѣяло. Еще благодареніе Богу, что крестьянинъ — послѣ болѣзни все это выдержалъ и не простудился.

29. апр. — Теплый. День ясный. У насъ появилась гитара. Сначала слушали игру на ней, а потомъ попросили Криницкую позволить и я самъ игралъ немного.

А Богданъ таки не пишетъ. Нен-справимый мальчишка!

30. апр. — День хороший. Утромъ Заславский передалъ Янку приказъ, пе-рейти подъ карантинъ. Выяснилось, что Янка отправляются въ качествѣ свидѣтеля, и гранатовъ спѣть въ томъ же Младомъ Болеславъ. Слава Тебѣ,

Либѣжъ же послѣ обѣда онъ идетъ въ ба-
ро. Мы теряемся въ догадкахъ по ка-
кому дѣлу придется ему давать свидѣ-
тельския показанія.

Синяя мнѣ моя дѣорогая Тошка,
но лишь олѣнъ мигъ видѣлъ я ее. Она
очень искушала и наѣвѣро — если жив-
а — найѣшній переживанія отразятся
фатально на ея здоровье и организмѣ.

Газеты пишутъ, что будто Италия
окончательно иѣшательно выступаетъ
противъ Австро-Венгрии. Что это, каково
заговоръ со всѣхъ сторонъ? Пожи-
вемъ — увищимъ плоды работы ма-
вѣльской!

Май 1915 г.

1. мая. — Вчера поѣтили мы Ян-
ка подъ карантинъ — газали, во-
сѣ съ нимъ разговаривать можно было.
Онъ скучаетъ и тяготится теперенимъ
своимъ обществомъ, состоящимъ почти
изъ одинъ мѣрѧ.

Днесъ день хороший. Спали я хо-
рошо. Снова синяя мнѣ дорогая Тошка,
въ своемъ будничномъ kostю-
мѣ, хлопочуща по веселію. Расплака-
лась, но не отъ горя, а отъ радостныхъ
волнений. Ахъ, какъ додѣлаться вѣсти
изъ дома, какъ увидѣть мнѣ ея почѣркъ!
Я попросилъ, чтобы на письмѣ всѣ под-
писались собственноручно, но єдино-
лико это?

Я остался теперь вмѣстѣ со „ста-
рьемъ“ и „хозяйствомъ“ наше будемъ ве-
сти вѣдомъ съ нимъ, а въ тѣсномъ по-
мѣщеніи, по ходу Янка, стало наѣмъ
тромъ, немнѣо шире. Старый ходитъ
утромъ покупать молока, хлѣба, сыра,
пригрызаешь около 10 ч. вѣчерашнюю
ту (кофе или супъ), около 11 ч. зав-
ѣракаешь. Теперь онъ (замѣсто Янка) и
постель стѣлить, и такъ будетъ, пока
и возмутъ кого-нибудь изъ насы (на-
ѣбрь Телесиницкаго).

Ахъ, какое радостное для менѣ се-
годниншее 1-ое мая! Я получить письмо
отъ Богдана. Пишетъ, что находитъ
теперь въ Voistre и совершенно здо-
ровъ, что его отпускаютъ изъ арміи
и что онъ идетъ на фабрикъ изготовленія
шрапнелей и гранатовъ спѣть въ томъ
же Младомъ Болеславъ. Слава Тебѣ,

Господи, неизповѣдимы пути Твои. Если
бы Богданъ не заболѣлъ осенью, онъ
не получилъ отсрочку, если бы въ
своемъ учениѣ не пошелъ по техничес-
кой части, его бы изъ арміи не отпу-
стили, а такъ имъ нужны работники и
приходится ихъ шанить и не отправлять
на фронть. Пойду и сообщу Янку
содержаніе письма. Отѣчу Богдану заг-
тра, по его прежнему адресу

2. мая. — Жизнь находящихся у
насъ русскихъ военнопленныхъ: Зав-
тра, Пленники садятся, вынимаютъ
водку и попиваютъ Они рассказываютъ
Т., что, идя въ атаку, русскіе солдаты
уже не кричатъ: ура! ибо австріи
тоже кричатъ: ура! а стали кричать:
Николай! Есть между ними бѣ ере-
бенокъ. У всѣхъ пленниковъ замѣтны
и хороши товърдеска жизнъ.
Нѣкоторые изъ нихъ зарабатываютъ,
напр. за мазанѣ толи по 5 кр., деньги,
которыя сдаются имъ, однако, въ об-
щую кису и затѣмъ раздѣляются по
между всѣми. Они дѣйствительно това-
рищи другу другу. Не то у насы, наши
всѣ порознь. Куда намъ къ нимъ! У
насъ каждый самъ про себѣ и для себѣ,
згноитъ, тѣрпуетъ между своимъ, чтобы
нажиться... Такъ напр. картины изъ та-
блѣрофской жизни, одинъ священникъ
продается по 60 гел. за штуку, между
тѣмъ, какъ даже въ кантинѣ здесь онъ
стоитъ по 20 гел. шт. Таковъ и дѣло
Косимера, купца изъ Граца, въ которыемъ
посредничаетъ д-ръ Л., а слѣдки
М-ни и Т-на, всѣ мы хорошо пом-
нимъ. А въ молочнѣй кантинѣ славная
„Зоси“ такъ мѣрить молоко, что каждый
покупатель получаетъ вмѣстѣ 1 литръ,
только ¼ литра, полобнѣй-же обмань-
ть всѣхъ, при продажѣ масла, сыра и
т. д. Всѣйкъ промышляетъ для себѣ и
не сограждансъ его сердце даже на видъ
почерѣбѣвшаго отъ головы лица кресть-
янинъ. Позевѣракавъ, одинъ изъ плен-
никовъ воскликнулъ: Эхъ, какъ пусти-
ли менѣ теперъ, не попалъ я бы уже
ни за что въ другій разъ въ пѣнѣ! И
скажавъ эти слова пустился танцевать
топака (въ присядѣ), а потому на зву-
ки сирены (отъ бани) всѣ пошли къ
работѣ.

Днесь день ясный, теплый, весенний. Съ самаго утра всѣ одѣты по лѣтнему, женщины въ легкихъ пластияхъ.

Пишу Богдану въ Младой Болеславъ ПИСЬМО.

3. мая — День хороший, теплый. Ожидаем прибытия генерала Бачинского. Говорят, что прибудет днес вербовочная комиссия и что сначала она будет брать в армии "добровольцев", а потомъ и другихъ. Увидимъ, что и какъ будетъ.

Ходить слухъ, что со слѣдующей недѣли будемъ получать одинъ „коми-снѣкъ“ даже на 8 человѣкъ. Плохо! Еще меньше Ѣсть давать будуть. Масло сто-итъ теперь $\frac{1}{4}$ кгрг. 1'60 кр.

Быть ген. Бачинский со всѣми офицерами. Идеальный человѣкъ. Въ теченіе столькихъ мѣсяцій швабская рѣчь намъ такъ надоѣла, что когда онъ за-

говорилъ съ нами по польски, это насть очень пріятно трснуло. Даль распоря-

жене, что невинствую рѣбу давать можно наль только разъ въ недѣль, не чаще, что подъ карантинъ можно отпустить по 1000 чел. и карантинъ можетъ длиться только 10 дней. Сообщить намъ, что прибудетъ политическая комиссия (и днесъ явилась) и допросить сначала однокожихъ женщинъ и старцевъ (сыновъ 60 лѣтъ-старше), а потомъ также тѣхъ, которыхъ первѣе другихъ были арестованы. Словомъ — за все время нашего пребыванія въ Талергофѣ, ген. Бачинскій первый явился какими то нашимъ агентомъ хранителемъ. Никто еще никогда здесь не говорилъ такъ съ нами, какъ онъ, да и говоря съ нимъ, совершенно не чувствуешь, что имѣшь передъ собой австро-генерала.

Въ I дворѣ наши крестьяне плотно обступили генерала и, припадая къ его колѣньямъ, воскликнули: «Смишайтесь, пане генерале, зайдите до кухни и прикажите, нехай намъ даютъ одну солену чисту воду, мы въльимъ лишь воду чѣмъ ту проクリяту рѣбѣ!» Послѣ этого онъ далъ вышеуказанное распоряженіе, что разъ можно дать только разъ въ недѣлю.

Адвокат д-ра Крушинский передал генералу свою жалобу на беззаконное действие лагерной стражи, арестовавшей его и административным путем наказавшей его таким образом, что 24 дня былдержан в одиничночных заключениях. Жалоба была составлена так, что была адресована к министру-президенту. Генерал взялся с собою. На вопрос генерала по поводу жалобщицы не завялся к разпорядку, д-р Крушинский ответил: «Это трудное и хлопотливое дело — надо просить профсоюза и других господствующих лиц, а вообще все, таких, случившегося».

коиной, да и вообще в таких случаях лучше уж и не говорить съ ними! Заявление это подыществовало, повидимому, на полицейского чинуши удачливошим образомъ, ибо вечеромъ, наутро по его поручению У. спрашивалъ о Федоре Крушинскаго, не знаетъ ли онъ, что его братъ писаль въ этомъ письмѣ Тотъ отрѣтился, что братъ ему письма не читалъ.

Письмо к Богдану днесъ отпра-
виль.
На-днѣхъ женщинамъ изъ 10-го ба-
тары купались въ бѣнѣ. Въ то время го-
онѣ были совершенно раздѣль-
ны другъ отъ друга, кавалерийский солдатъ
приказалъ имъ всѣмъ голыми становить-
сь въ рядъ и въ толь же мигъ дѣ-
шевчикъ ихъ сфотографировалъ. А тѣ-
перь эти снимки ходятъ по рукамъ меж-
ду военными и это вызываетъ всеоб-
щее возмущеніе у всѣхъ интернирован-
ныхъ и особенно у женщинъ, павшихъ
жертвой этой изъвѣстительской плодильки.

4. мая. — Телесницкий д-ра Дромицкого, Сокалю и др. переходил в барраки №№ 33 и 34 (т. наз. карательные — Strafbaracken). В четверг Телесницкого должны уже допрашивать аудиторы Жаль минь Телесницкого, его Schlefkamerad-a. Таким образом осталось теперь въ нашей кабинѣ только я и старый святъ.

Я отнесь о. Исаичику крестикъ, про-
ся его начертать на немъ изображеніе
распятія Христова. Видѣлъ Ромка
и Василий. Видѣлъ также Янка Онт на-
вѣрно б с. м. уѣдетъ — кажется въ
Грацъ.

Послѣдній визитъ и распоряженій ген. Бачинскаго, уже сказываются. Все теперь въ движении. Утѣ 23-го числа, противъ которыхъ ведется слѣдствіе, переведены изъ особы барона (№№ 83 и 34). Польская карантинъ днесъ уже прямо гонятъ, преимущественно крестьянъ, вопреки тому, что генералъ составилъ интеллигентамъ отговаривательный листъ отъ наимѣнья оставлять Тараторгъ и переходить въ лагерь бѣ

Выплачивали депозиты. Я получил всего 80 кронъ. Не хватило даже долги доплатить.

Къ вечеру пошелъ дождь.

(Обес. запись) В январе было заявлено именем Сусанн Кравец, что она свободна. Но несмотря на все тщательные поиски во всех браках, таких женщин не нашли. Установлено поэтому, что впρотиво баба убрана из Талергоф. Вспомогательно, однако, выяснилось, что для бояка касается крестильника Сонзона Кравца. Имя Сонзона показалось извращением слова чуждым, что он ее превратил в Сунсанн!

Предъувѣдомлено о предстоящемъ прѣѣздѣ людей изъ Theresienstadt-а 6 с.м. въ 7 ч. утра. Быть можетъ прїѣдетъ и Дизько. Поживемъ — увидимъ.

Все еще новые бараки строят, сажают деревья. Построены и двѣ почтеникія (изъ кирпича). Были полуложены что-то въ родѣ шпицата и пересаживаются на другой грядки. Въ госпиталяхъ терпчая чистая постель и вообще все въ порядке, но это только нынѣ, когда уже съезжаетъ 1300 покойниковъ, «подъ сомнѣемъ» свидѣтельствуютъ и вызываютъ въ мѣщаніи къ Богу за прежнее хояйничаніе полкъ Штадлера.

— 5. мая. — Дождь падал всю ночь. Синела мэр родина! Я будто очнулся у ворот by Липицк. Вышла моя доро- гая Тощка, но не узнала меня, а когда я почесалась с нею, наль в обмо- рожь. Я взяла ее на руки и отнесла в комнату рабочую, очень изнурившую. Там же спало много лдей моих вну- чатъ. Нехотялась, еще не уснувших, я расцедила и уложила в постель жену. Не помню, говорила ли мэр когда-нибудь.

либо. Послѣ этого сна мнѣ днесь нѣвѣ-
село, находить уныніе, хандра.

Приказано намъ идти въ баню.
Beteih!

Все жду я въсточки съ родильни и трудно дождаться. Ахъ, если бы я только узвалъ навѣрно, что тамъ всѣ они живы и здоровы, какой радостный день былъ бы это для меня, какъ я быль бы немножечко счастливъ! Какъ я блогородила бы Господа!

6. мая. — Праздникъ св. Георгія. Утромъ прочиталъ акаѳистъ св. Георгію, высказалъ благожеланіе „свату“. Позже прочелъ „Правило“, пошель постыть Янка и поговорить съ нимъ по крайней мѣрѣ на „дыштанъ“ (разстояній).

Не днесъ, а кажется завтра, долженъ прибыть новый транспортъ интернированныхъ изъ Theresienstadtъ.

Приїхала „грацкая“ комісія (політическая). Есть и авдиторы. Телеснинского призвали днесь к допросу.

и я комиссия. Боялся, что возьмут в его на военную службу.

(*Обе, запись*) Железнодорожники обращались посыпку в Галичину скверно, со нашими транспортами. Когда в Рыщевѣ остановился поездъ и изъ вагона вышелъ на платформу о. Козакъ, сѣйчасъ подошелъ къ нему одинъ железнодорожный чиновникъ, и не говоря ни слова, далъ ему пощечину. Даже ведущий транспортъ коменданта былъ пораженъ этимъ инцидентомъ и реагировалъ угрозой, что если кто изъ публики(!) дернется обижать арестованыхъ, то онъ, коменданть, употребить предоставленный въ его распоряженіе мѣры.

Днесь один крестьянин вырвался из Талергофъ и доставился на железнодорожную станцию Abfussendorf, бросившись под колеса налетевшаго поезда и моментально будь убитъ. Опротивѣла жизнь будничкѣ! А вѣдь же у нашихъ крестьянъ самоубийства случаются такъ рѣдко.

Интернованіе въ Талергофъ по концепціи оо. Ясеницкій и Гелитовичъ и г. Лужецкій.

Говорить о предстоящемъ визитѣ Generalstabssatz-ѣ. Къ этому визиту уже дѣлаются приготовленія и "порядки" по баракамъ: открытыя окна для чистки воздуха, выметають соры и т. п., но — быть можетъ и напрасно, быть можетъ Generalstabssatz-ѣ не видимъ, что бывало уже нерѣдко. Впрочемъ эти визиты отбываются такимъ образомъ, что визитующій еле-еле заглядываетъ въ баракъ, а обычно, почти по правилу, пройдется только по двору вдоль бараковъ и — это довѣтъ.

Днѣсъ быть у насъ застрѣкъ на слову: святъ — на слово имѣнныи купилъ ветчину и угостили насъ. Прилично по-звѣтакали. Затѣмъ купилъ еще одну порцію и отнесъ Янку.

Телеснікъ доволенъ допросомъ у автографа Ваничка (чех.). Надѣется на совершение освобожденіе.

Былъ Generalstabssatz-ѣ, въ общестѣ иѣсколькіхъ врачей. Вышелъ непріятный инцидентъ: онъ вошелъ въ кабину о. Ф. Р., где сидѣла тогда только одна женщина, именно его, о. Р.-то, жена, которая почему-то, не встала, когда онъ вошелъ. Видя это, она спросила Zummeinkommandant-а, д-ра Е. Валиницкаго, кто она, и узнала ее фамилию, окликнула ее слогомъ: "Можешь быть вы бы встали? это возмутительно!" — и проходя дальше по коридору, сказала: "Вы жалуетесь, что съ вами обращаются скро, а вотъ это показываетъ, что вы этого заслуживаете!" Всѣхъ не-пріятности! Хотя еще неизвестно, почему, т. е., по какой причинѣ, она не встала, но въ общемъ находясь ее виноватой, что она не встала; и этимъ вольно или невольно дала поводъ къ раздраженію.

Прибыла въ Талергофъ новая партия русскихъ военнооплѣтныхъ въ 130 человѣкъ.

7. мая. — День хороший, теплый. Встали рано.

Прибыль транспортъ нашихъ бравъ-узниковъ изъ Theresienstadt-а около 1000 душъ. Есть, говорятъ, между ними и Дизью изъ Городицца, но нельзя съѣхъ изъ нихъ видѣться, ибо они строго изолированы. Размѣщеніе по Н дворъ и пока что сносятся съ ними изъ возможности. Я очень хотѣлъ бы узнать что-нибудь отъ Дизька, быть можетъ сообщитьъ бы мнѣ кое-что о моей Линцѣ.

На 2 ч. дня, назначено лизованіе барака. Приказано вынести всѣ вещи во дворъ.

Изъ прибывшихъ оо. Вас., Скобелевъ-и. Н. Дуркотъ и иѣсколько крестьянъ помѣщены на одной половинѣ 34-го барака. При Баракѣ, тамъ стоять посланный карауль, кажется, что они тамъ находятся въ Einzelhaft-ѣ (въ одиночномъ заключеніи). А ни подойти, ни разузнать ничего толкомъ невозможно.

Хотѣлъ я послѣ обѣда увидѣть Баракъ хоть издалъ, но нельзѧ. Весь Н дворъ окружены "постами", а они какъ бѣсноватые гоняютъ всякаго, кто только издалъ пробуютъ повести разговоръ съ пошибѣвшими.

Мнѣ удалось узнать только Пашкевичъ изъ Львова и Галушку, но они не узнали меня, а когда затѣмъ узнали меня, то всесмѣ удалились, куда дѣвались мой живѣтъ, да и моя борода совершенно измѣнила черты лица.

Янко подъ карантиномъ очень то скучетъ и пылится. Я и "старый" навѣрно останемся здесь интернированными дальше, а Янко пустить на свободу или же конфи-нибудь.

Можеть быть, Дизью имѣтъ какъ-нибудь извѣстія изъ Галичини отъ своихъ и передаѣтъ бы мнѣ. Очень рѣдко бы узнать.

8. мая. — Пойду къ Дизьку. Карапузъ подобраны немножко, и теперь можно будетъ поговорить.

День хороший. На душѣ и тоска и скорбь по родинѣ.

Надѣянье побили русскихъ и они отступили на 30 килом., на востокъ. Взяты въ пленъ будто бы 30.000 человѣкъ.

Дизька нѣтъ въ Терезинскомъ транспорѣ, нѣтъ и о. Ф. Яворовскаго, ни другихъ (ни Кульматицкаго изъ Городицца). Слѣдовательно, увезли прямо изъ Львова куда-то въ другія места, навѣрно въ Линцы.

Прибылъ ген. Бачинскій. Выжившій его, чтобы заняться съ нимъ иѣкоторые вопросы. — Пришелъ къ намъ, но уладилъ лишь иѣкоторые личные вопросы (д-ра О. Крушинскаго) изъявивъ, что ему днѣсъ некогда заниматься личными вопросами. Обѣщалъ прѣѣхать на сбывающей недѣлѣ.

Узнали мы, что многие изъ прибывшихъ еще въ Терезинѣ подписали легитиміи, коихъ вопросъ ожиданіе не отпустили, а привезли сюда, тутъ же подвергнуты карантину.

Подтверждается известіе, что русскіе войска отступили за Рымановъ, Задѣбы опасеніе, что Италия выступитъ противъ Австро-Венгрии. Въ сторону Италии уже въ теченіе иѣсколькихъ дней отправляются многіе побѣзы, переполненные письмами. Не видать конца войны!

Теперь обычно послѣ обѣда ложусь и сплю. До сихъ поръ я этого не дѣлалъ, но заставляю такъ дѣлать, ужасная скуча, томленіе духа, уныніе... Нѣтъ занятія, нѣтъ книжъ, нѣтъ ничего, ничего необходимаго для способы культурной жизни, такъ доволенъ человѣкъ, что хоть сномъ убѣсть времена. Потому болѣгенно прѣѣхствуетъ приближающіяся ночь. Ложимся въ 9 час. веч., а просыпаемся въ 5 час. утра.

Судья и офицеръ въ резервѣ Миронъ Мерена паль на войнѣ.

Безголовые: Узнавъ, что прибывшіе сюда изъ Терезина ок. 700 узниковъ, подписали еще тамъ легитиміи, ген. Бачинскій очень удивился, почему ихъ прислали сюда, а не отпустили тамъ еще. Немедленно произведена была ихъ сортировка, путемъ, которой были особо

размѣщены освобожденные, особо кон-финованные, а особо ингерованные.

Что только не дѣлаютъ геъ несчастными людьми! Совѣты, здоровыхъ узниковъ, прибывшихъ изъ мѣстностей, где не было никакихъ эпидемій, помѣстили во II дворѣ, гдѣ были госпитали для тифозно больныхъ и вынуждавшіеся изъ тифа. Какое небрежное отношеніе къ человѣческому здоровью и жизни. Вѣдь же можно быть почти увѣренными, что новоприбывшіе наберутся тамъ тифа, ибо для отвращенія этого не

Свящ. о. Григорій Гриміцкій, изъ Святого, у. Ярославъ.

предприняты никакія мѣры. И вновь будуть установлены безконтрольные карантинъ, сѣвісніи и ограничніи всѣхъ родовъ. Доколѣ же, о Господи, всѣ эти мученія, терзанія, издѣвателство!

Осталася вѣдь русскіе военнооплѣтные (главнымъ образомъ полки и евреи) — они (неизвестно, по собственнымъ ли побуждѣніямъ и соображеніямъ или же по наущенію со стороны), вызываютъ нашихъ людей на разговоры о войнѣ, о Россіи, и вообще на политическая темы, а затѣмъ на выскажившихъ доносить нашимъ властямъ. Такой фактъ

быть установленъ вчера. По поводу получаемъ теперь вѣстей съ фронта о побѣдахъ австрійскихъ войскъ надъ русскими, имѣли нѣкоторые изъ нашихъ людей выказываться сомнительно относительно достовѣрности этихъ известій перель военнополѣнными и скорбѣть. Здѣшнимъ нашимъ офицерамъ, какъ только имъ было доложено, это, самонятно, не могло нравиться, и они доложили обѣ этомъ даже ген. Бачинскому. Въ виду этого ген. Бачинскій къ намъ расположилъ холодно, тѣмъ болѣе, что былъ взволнованъ всей этой исторіей съ транспортами изъ Терезина и размѣщениемъ его во II дѣлѣ. Нельзя, впрочемъ, никакъ полагаться на всѣ эти вѣсты и слухи, ибо заѣдь много вругъ, сознательно или несознательно, а есть немало и профессіональныхъ лгуновъ.

9 мая — Съ утра дождикъ. Получилъ отъ Богдана карточку, помѣченную: Грацъ, 6/6. Я ожидалъ, что онъ уже наѣдно находится въ Младомъ Болеславѣ, куда долженъ быть отправиться уже 28го апреля. Пишетъ, какъ обыкновенно, неясно, что трудно узнать настояще положеніе вещей. Пишетъ, что онъ комиссаръ спасербергитровъ, *daheimdienstbeauftragt*⁶ (совершенно отпущенъ) и что пойдѣтъ въ Чехію, а тамъ прида къ силамъ, будеетъ работать въ фабрикѣ шрапнелей. Просить о присыпѣть денегъ, такъ какъ его башмаки износились, нужно ему также пальто, а вещи свои оставилъ на Уграѣтъ въ магазинѣ (вотъ, онъ бытъ и въ Венгрии, такимъ образомъ узнаю я) и онъ будеетъ возвращены только по окончаніи войны. Я недоумѣвалъ, куда выслать ему деньги, не зная точно его адресса. Въ виду этого, пошли ихъ его хозяйкѣ Шевчикъ (*Schevčík, Jungfrau, Rybnickagasse 287*), съ замѣткой, пусть она заблагорасудитъ сама и или деньги отошлетъ ему въ Грацъ, или же вручить ихъ ему, когда къ ней возвратится. Отношения между этой женщиною и Богданомъ сердечны, очевидно, такъ какъ она кормилъ его безвозмездно и пишетъ къ нему и газеты пересылаетъ въ Voitsberg (онъ самъ упоминаетъ обѣ этомъ въ письмѣ отъ 26го апр.). Или быть можетъ, у этой женщины есть dochь

и она имѣеть въ виду въ лицѣ Богдана прѣобрѣти зятя? Я, однако, серьезно беспокоюсь его здоровьемъ. Раньше его освободили отъ военной службы и то въ настоящее время, такъ — съ его катаромъ легкихъ — дѣло не обстоитъ хорошо. Боюсь, чтобы этотъ катар не стать причиной чахотки у Богдана. На войѣ простудился и пойдѣть преждевременно въ могилу. Если бы былъ дома, такъ можно бы его еще пока есть время, спасти, а разъ дѣло запустится, будеетъ плохо. Вотъ и радовался я, что онъ живъ, что освобожденъ отъ военной службы, а эту радость мою закрываютъ туманы неизвѣстной развязки грозныхъ послѣдствій этого катара. Нѣть дна безъ облаковъ, словно nulla dies sine linea. Да будеетъ воля Твоя, Господи!

Изъ бюро Тенгофа нѣтъ письма. Тоска. Янко все еще подъ карантиномъ и даже не знаетъ еще, когда уѣзжаетъ. Противъ Телесинскаго слѣдоватѣя простирано и онъ будетъ освобожденъ, но пока выйдетъ изъ Талергофа, ему надо будетъ ждать 3—4 недѣли. Рань онъ выйдетъ, такъ, быть можетъ поклонополять бы въ Грацѣ и въ нашемъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что онъ лично знакомъ и съ комиссаромъ Смуликомъ и съ Ганкевичемъ и, слѣдовательно, могъ бы появлять на благоголовномъ вырѣшѣніи нашего дѣла. Рады бы мы перейти на собственный хѣбѣтъ, но даже относительно того не знаешь, будеетъ ли лучше. Взаимно не знаешь, чего желать и просить. Въ нынѣшнихъ условіяхъ жизнь становится съ каждымъ днемъ и повсюду все тѣжелѣй, все неяснѣй, невозможно предвидѣть, ни учесть тѣль новыхъ осложненій, въ которыхъ можешь очутиться живя на собственной счетъ. И заѣдь не живешь и тамъ существовать не можешь. Вотъ и напрашиваются сами собой слова Спасителекъ не вѣсте, чесо просите!

Составилъ письмо къ г-жѣ Шевчикъ. Поставилъ на ея руки 50 кронъ. Написать открытку Мирону Зашу въ Грацъ и спрашивала его, не знаетъ ли онъ, что-нибудь о моей семье, и сообщить ему, что братъ его Иванъ уже въ Га-

личинѣ. А Богдану не писать, такъ какъ не знаю его адресса.

Письмо г-жѣ Шевчикъ, Mladi Bole-slav, Rolična ulice 237.

Thalerhof, 10/5—1915. — Gnädige Frau! — Von Gottesvorsehung ist es so vorgekommen, dass mein Sohn in seines Hauses Obhut gefunden hat. Ich habe von ihm am Thalerhofe 2 Briefe und eine Karte erhalten. Die Briefe waren nicht von ihm eigenhändig geschrieben, und das wundert mich warum? Die Karte hat er selbst eigenhändig geschrieben, aber der Inhalt dieser Briefe ist mir nicht ganz klar. Ich weiss nicht, wie und auf welche Mittel durch die ganze Zeit seines Urlaubes Bodan gelebt hat. War er vielleicht im Militärhospital gewesen und wo? Jetzt erfahre ich, dass er „dauernd beurlaubt wurde“, das heisst, dass es mit seinem Lungenspitzenkatarr schlecht ist, dass er zur vollkommenen Gesundheit nicht zurückkam. Das alles, selbstverständlich, qualt mein väterliches Herz, umso mehr, dass in jetzigen Verhältnissen unsere Zusammenkunft (wenn ich be suchen wollte) ausgeschlossen ist. Ich Angste mich wegen seiner Gesundheit, und vom Bodan kann ich nicht die ganze Wahrheit erfahren. Er ist noch kindisch, schwer zum Schreiben, und schreibt er einmal, so erfahre ich nicht viel davon. Entschuldigen Sie, Gnädige Frau dass ich, obwohl unbekannt, Sie mit meiner Bitte belästige. Ich hoffe, Sie werden meine Bitte nicht abschlagen wollen, die Bitte eines Vaters, dessen Herz wegen der Gesundheit seines Sohnes sorgenvoll ist. Er hat von Graz (den 6/5) geschrieben und mich ihm Geld zu senden gebeten. Er hat aber keine Adresse angegeben, darum sende ich gleichzeitig 50 Kronen auf Ihre Adresse. Bodan braucht Geld (wie er schreibt), um sich Kleider zu kaufen. Ich ersuche Sie höflichst mir zu schreiben und die ganze Wahrheit zu gestehen. Es ist besser das Wahr zu wissen als sich mit falscher Hoffnung zu täuschen.

Ich bleibe hochachtungsvoll
J. Mašecsk,

(Talerhof, 10/5 — 1915. — Milostivaya Gospodaryna! — Божіймъ соиз-

воленіемъ сложилось такъ, что мой сынъ нашелъ въ Вашемъ дому присты. Я задѣсь получила отъ него 2 письма и одну открытку. Письма его не написаны его рукой, и это меня удивляетъ. Открытка, правда, написана имъ, но содержитъ письмо мій непонятно. Не знаю, какъ и на какіхъ средствахъ жилъ Богданъ все время своего отпуска. Находился ли, можетъ быть, въ военномъ госпиталѣ и где? Теперь узнаю, что онъ „отпущенъ совершенно“, значитъ, спѣловательно, что съ его катаромъ легкихъ плохо, что онъ не совсѣмъ выздоровѣлъ. Все это,

Свящ. о. Корнилій Сеникъ изъ Бережаницъ кор.

конечно, терзаетъ мое отцовское сердце, тѣмъ паче, что въ нынѣшнѣхъ условіяхъ наше свиданіе (если бы я желала постѣстъ его) совершенно исключено. Беспокоюсь о его здоровьѣ, а отъ Богдана я не могу достать полной правды. Онъ еще ребенокъ, къ перепискѣ не охотникъ, да и, разъ напишетъ, многого изъ этого не узнаешь. Простите мій Милостивыя Государына, что беспокою Васъ моей просьбой, не будучи знакомъ. Надѣюсь, что Вы не отвергнете прось-

бы отца, сердце которого озабочено состоянием здоровья сына. Он писал мне из Грана 65, прося о присыпке денег. Но не дал адресса, и потому посыпало одновременно 50 крон по Вашему адрессу. Богдану нужно денег — как пишет — на покупку пласти. Сообщите мне, пожалуйста, всю правду. Лучше знать всю правду, чмъ обманывать себя ложной надеждой. Глубокоуважающий Вась I. Мацак.

Lieber Herr Myron (Zajac).

Ich habe von Bohdan erfuhrten, dass Sie jetzt in Graz im Bewachungsdienst sind. Ich benutze diese Gelegenheit und schreibe Ihnen einige Worte. Ich bin seit 4-IX-1914 in Thalerhof interniert, mit den anderen, deren grosser Theil schon fort ist und in Steiermark hier und da auf eigene Mittel lebt. Haben Sie vielleicht eine Nachricht aus Galizien? Ich weiss gar nicht, was mit den meinigen geschehen ist. Ich habe Dosio und seine Familie in Lipica verlassen, sind sie bis jetzt noch dort, oder leben sie schon in Lemberg, weiss nicht. Ich habe durch Peters Tenhof Bureau in Bucarest am I-IV geschrieben, aber bis heute keine Antwort erhalten. Mein einziger Wunsch ist zu erfahren, dass meine Familie gesund ist.

Ihr Bruder I. soll sich in Galizien befinden, wissen sie davon? Geben Sie mir eine Antwort.

Ich grüsse Sie herzlich

Johan M.

Дорогой Мирон!

Узналь от Богдана, что Вы находились в Граце, неся караульную службу. Пользуясь случаем, шлю Вам несколько слов. Съ 4 IX. — 1914. нахожусь в Талергоф, интернирую вместе с другими, большая половина которых уже вышла и живет в Стирии на собственных средствах. Есть у Вас какая-нибудь вестя из Галиции. Сты может? Я совершенно не знаю, что там происходит с моими. Я оставил Дозу с семьей в Липице, живут ли они там до сих пор или уже во

Львове, не знаю. Писал я через було-Р. Тенгофа в Бухарестъ 1/IV, но не получил ответа и по днес. Мое единственное желание — узнать, что мои семьи здоровья.

Ваш брат И. будто находится в Галиции, знаете ли об этом? Ответьте, пожалуйста.

Приветствую Вась сердечно
Johann M.

Такой случай рассказывает о Венгриевич: Исповедальная во время эпидемии больного в бараке № 29, он, о. Венгриевич, видит и слышит, как волны плакать мати над сыном. Подошел к ним дижурный солдат и записывает болевого како-покойника. Видя это, о. Венгриевич сказал, чтобы лежачего оставил как есть, в покое, ибо быть может, что она еще не умерла. И действительно, избоготворе время спустя, о. Венгриевич еще его исповедал и только послѣ этого, по истечении пѣсъковых часов, больной скончался. Если бы не выѣзжательство о. Венгриевича, таивъярь этого больного, еще живого, немедленно заколотили бы гробу!

Съ умершаго о. Апполинария Филипповскаго сняли одежду и нагого, какъ многихъ другихъ, кинули въ гробъ и такъ похоронили.

Отмѣтить долженъ, что сестра милосердія Марія, съ кличкой „наши мамы“, прекрасная душа, ухаживавшая за больными съ материнскою щѣхностью и любовью. Можно сказать, что въ Талергофѣ хорошихъ было трое: сестра Марія, Weiss и Оргелтманн, фирмер, командированный въ кладбищенскую службу, ведущий списки усопшихъ и занимающійся ихъ побренданіемъ. И капитанъ Strick былъ не плохой, но нервный человѣкъ, онъ былъ обойденъ при повышении и затѣмъ взятъ на фронтъ.

Адрессъ Оперфирманъ: Joseph Opfermann, Wien, XVI Bezirk, Redtenbacher-gasse, № 10, 1, 18.

Посыпалъ я новоприбывшихъ изъ Терезина. Разговаривалъ съ о. I. Заринскимъ изъ Козловъ. Онъ рассказалъ

мнѣ исторію Дизька Бачинского изъ Городища и передать адресса его настоящаго мѣстопребыванія: Weyershurg im Niederoesterreich, L. P. Eggendorf im Thale. Говорилъ, что Дизько никакихъ вѣтей изъ дома отъ родныхъ не получаетъ. Здѣсь находятся и д-ръ И. Гриневецкий и д-ръ В. Антоневичъ и др. Они въ лучшемъ видѣ чмъ мы. И одежда на нихъ лучше и бѣлье чистѣ и юмора у нихъ больше чмъ у насть. Здѣсь о. Заринскій остается какъ-интернированный до конца войны.

Я отправилъ открытку Дизьку и жду его отвѣта.

Мой сій Слободецкій, 33 лѣтъ, изъ Дубковца, у. Скалатъ, въ жару выбѣжалъ изъ барака и вѣроятно выбрался за ворота. Постовой окликнулъ его, но онъ не остановился. Раздался выстрѣль и поцарапалъ его въ рамы. На другой день въ Граце скончался не-счастный.

Интернациональное бюро: Dr. Linde in Bukarest, calle Victorici № 60.

10. мая. — Въ первомъ дворѣ было ген. Бачинский. Дозволено намъ читать газеты, которыя будутъ пролавливаться въ кантинѣ. Вотъ новое заявление, которымъ мы ему обязаны.

Видно, что многие будутъ конфискованы, а зачмъ, нельзѧ знать. Я не стараюсь, не хочу дѣлать по своей волѣ, чтобы впослѣдствіи не пенять на себя самого. Пусть они сами дѣлаютъ себѣ съ мной, что имъ заблагораспустится, тогда и приму это какъ рѣшеніе судьбы. Да будетъ воля Твоя, Господи. Я, спокойн. Ничего не желаю, лишь Господа ежедневно прошу, чтобы прорее время жизни моей мѣрѣ пропести и по поканамъ скончати. Читалъ Св. Писаніе. Никогда оно еще, кажется, такъ сильно не захватывало меня, какъ теперь. Быть здѣсь, никогда имъ такъ глубоко не быть тронутъ и такъ душевно-радостно не наслаждаться, какъ теперь. Оно мнѣ теперь крѣпкость, здоровье и побѣда.

Составилъ письмо къ адв. д-ру И. Добрянскому во Львовѣ и пошли черезъ було д-ра Линде въ Бухарестѣ. Прилагало 14 „интернациональ-шней-овъ“. Лишь

бы только письмо не пролежало черезъ долго здѣсь въ конторѣ.

Розошлась вѣсть, что будто 4 человѣка изъ новоприбывшихъ Терезинскаго транспорта заболѣли и что ихъ взяли въ изолированные бараки подъ обсервацио. Вотъ и выходить наружу всѣ бестолковщина относитъ постановленія при ихъ прѣмѣ. Новоприбывшихъ помѣстили въ госпитальныѣ баракахъ тифозно болѣнныхъ. Въ баракѣ № 16 пerebyvali до послѣдняго днѧ реконвалесценты и неизвѣстно, сдѣланы ли были тамъ въ постѣдній день дезинфекція или

Свящ. о.Пантелеимонъ Скоморовичъ
изъ Дыниска.
(снимокъ изъ конференціи въ Иель-бахѣ).

быть. Былъ генераль-врачъ, но не обратилъ вниманія ни на обстоятельство, что новоприбывшихъ здоровыхъ людей помѣстили въ неподходящихъ баракахъ, напротивъ же генер. Бачинскій это замѣтилъ. И теперь, чего доброго, вспыхнетъ, не дай Богъ, какая-нибудь эпидемія, пойдетъ опять карантинъ и т. п., и снова жизнь станетъ совершенно невыносимой.

11. мая. — Стужа. Телесницкий вернулся вчера въ нашъ баракъ, и опять мы сидимъ втвомъ. Янко еще находится подъ карантиномъ. Всѣ убѣждающе обя заны отбыть 10-21-дневный карантинъ, хотя эпидемія и прекратилась.

Вчера явились заѣзъ 2 уполномоченныхъ отъ польскихъ легионеровъ въ российской Польшѣ, чтобы здесь между русскими поляками набирать добровольцевъ. Созвали всѣхъ ихъ, т. е. свыше 140 чел., говорили имъ патріотическая рѣчи и въ результатѣ заявились 3, но такъ какъ изъ-за оживленныхъ разговоровъ не спохватились записать себѣ ихъ фамилии, то днесъ не могутъ ихъ отыскать. Наконецъ одного изъ нихъ поймали, но допросивши, онъ днесъ уже откликнулся.

Должны были быть призваны къ подписанію своимъ легитимаций наши терезинцы, вдругъ, однако, наслышались изъ Тerezина телеграмма, извѣщающая, что одновременно отсылаются 600 людей (подписывающихъ легитимации) въ Талергофъ.

Изъ Тerezинца 12 чел. днесъ вышли на свободу.

Испортился колодецъ и потому и бания перестала дѣйствовать, всѣѣстѣ чего и терезинцы ушли, не купавшись.

Газеты пишутъ, что министръ Финансовъ во Франціи предложилъ парламенту виторику военнаго бюджета лишь на 3 мѣсяца. Это заменительное. Пишутъ также въ газетахъ, что 8-го с. мая русский царь послалъ верховному главнокомандующему вел. кн. Николаю Николаевичу благодареніе и золотую саблю за военные подвиги и „за взятие Галичини“. Между тѣмъ та побѣдная и блестящая для австрійскихъ войскъ битва, въ которой русская армія была совершенно разбиты и Австро-Венгрии достались огромные трофеи, состоялась 2-го с. мая. И вдругъ послѣ такого страшного пораженія русскіи арміи Николаевичъ такъ похвали и отличи. Ну, и разбираѣтесь въ такихъ сообщеніяхъ!

Писаль недавно кто-то изъ Америки, — и у насъ письмо это читали — что долго намъ уже не придется то-

миться, ибо Австрія вынуждена просить мира. И какъ это цензура такое письмо пропустила?

12. мая. — День пасмурный и холодный. Ген. Бачинский снова въ Талергофѣ. Дозволено намъ читати газеты и вътъ теперь всяки, кто купилъ себѣ въ кантинѣ газету, можетъ ее читати публично, на виду всѣхъ. До сихъ поръ читали мы газеты скрытно. М-къ былъ поставщикомъ грацикъ газетъ и гравилъ людей ужасно. Беря за то, что дала бараку прочесть одинъ н-ръ газеты, 40—60 гел..

Вчера вечеромъ около 200 чел. тे-резинцевъ отпушили и днесъ отпускаютъ еще другихъ.

Ген. Бачинский приказалъ, чтобы отпускаемыхъ не передерживать по 20 дней подъ карантиномъ, а выпускать ихъ на свободу скорѣе. Благодаря его вмѣшательству, настало замѣтное повсюду болшое движение.

Цѣна на мясо поднимается вверхъ каждый день на 30 кроны на метріи, центральну, до того ужасная дороговизна.

Франко Горянскій пошелъ подъ карантинъ, а выпустить дать ему взамѣнъ денегъ. Даль 3 кроны.

Читали польскую брошюру, разданную энглійскимъ полякамъ: *Wydawany przez polskie organizacji na terytorium tej wojny wiedziec i co na sluzbie?* Могли бы лучше написать—больше патетически.

Я служилъ вечеромъ съ литею баракъ.

13. мая. — Въ Вознесеніе Гѣ сподне. Въ арестѣ плотники работаютъ. Тутъ по праздникамъ и воскресеньямъ работаютъ днемъ какъ въ будни, особенно до полуночи. Была отслужена утреня, а затѣмъ литургія. Была на разговѣрѣ съ о. Романомъ Крикуновскимъ (изъ Небилова), потому пошелъ къ Янку, который на своемъ карантинѣ ужасно скучаетъ.

Василь Мартинюкъ днесъ распросился, его зовутъ, его погонять подъ карантинъ.

Телесницкий узналъ, что онъ отпущенъ на свободу, съ примѣщаніемъ

въ документѣ: *sich fern von dem Operations-terrain halten*. Замѣтка эта озабочила.

Я увидѣлъ, что въ Abtissendorf цѣбутъ черешни, деревья покрыты густой зеленью, весело, чудно, а въ дугахъ и сердцахъ нашихъ тоска, унынѣ, боль и печаль. Улетающи мыслими на родину, припоминающи себѣ до мѣсяца свое родное село, свой садочекъ, какъ роскошно онъ расцвѣтъ, и вадъ-хвѣшъ: Господи, доведется ли намъ еще быть тамъ и въ такую вѣту пору? Благодарилъ я Господа.

Глѣбъ спрѣвѣльствѣ? Вѣтъ освобожденіе и конфинированіе должны отпраляться на мѣста своего будущаго пребыванія въ свой собственный счетъ. Значитъ такъ: арестованы и привезли всѣго сподѣя, поддержаныѣ нѣскою мѣщеви въ заключеніи, убѣдились наконецъ въ твоей невинности и говорятъ: убѣрайся отсюда и плати жеѣздонодорожный билетъ себѣ самъ!

На обѣдъ была подана рѣба. Вотъ и праздникъ Вознесеніе означенованыѣ рѣпо.

Получилъ письмо отъ Богдана, по-мѣченіе: 12—V. Такъ разминулись, видно, наши письма — я вѣспалъ къ-гѣ Шевчикъ 50 кронъ и письмо 11—V. Богданъ уже въ Младомъ Болеславѣ. Пишетъ, что въ Грацѣ видѣлъ Каану и Мирона Занка. Сообщаетъ, что былъ у врача и онъ посовѣтовалъ ему совер-шенно воздержаться отъ работы въ фабрикѣ до полнаго выздоровленія легкихъ. Въ виду этого спрашивается, какъ ему теперь быть, откуда достать средства на жизнь, если не сможетъ зарабатывать себѣ на фабрикѣ, значитъ, смогутъ ли я ему послать деньги на содержаніе? Въ прежнее время, конечно, я могъ бы, но въ нынѣшніхъ условіяхъ это почти невозможно. Выдача части депо-зиита приходится ждать у насъ свыше 2 мѣсяцъ. Въ настоящое время у меня это депозитъ составляетъ всего 800 кронъ. Конгурѣи не выплатили еще вѣ-карьера и май. Поэтому я желалъ бы выйти отсюда на конфинирацію, тогда у меня будутъ деньги у кармани и я буду въ состояніи послыпать Богдану превильно по 70—80 кронъ ежемѣсячно,

а въ случаѣ нужды занять бы у Янка. Раздумывая надъ своимъ положеніемъ, я попалъ на мысль дѣйствовать чрезъ судью Беличковскаго.

Я просилъ Телесницкаго, онъ съ нимъ знакомъ — чтобы поговорить въ моемъ дѣлѣ и попросилъ его помочь. Телесницкий охотно согласился и обѣщалъ это сделать.

Былъ днесъ у Янка и сообщилъ о получении письма Богдана.

Послѣ обѣда вышелъ я снова, желая явиться передъ комиссіей. Но сложилось такъ, что я не пошелъ, но за то познакомился съ д-ромъ Ганкевичемъ. Поговорилъ съ нимъ довольно долго и вынесъ хорошее впечатлѣніе. Онъ посовѣтовалъ мнѣ искать прошеніе объ освобожденіи, привѣя вѣсъ моменты и аргументы, говорящие въ мою пользу. Внесъ завтра. Помоги, Господи!

Телесницкий пошелъ подъ карантинъ и будетъ свободенъ уже черезъ 3 недѣли (но не скрѣбъ).

14. мая. — День чрезвычайно теплый. „Грацкая“ комиссія все время застѣаетъ. Постѣ обѣда и я пошелъ туда, но внутрь не заходилъ, за то имѣлъ возможность — познакомиться ближе съ д-ромъ Ганкевичемъ, вышедшими изъ комнаты на дворъ. Продолжалъ разговаривать о моемъ положеніи. Онъ сказалъ, что обо мнѣ переговоривалъ съ нимъ и „Янко изъ Ходорова“, но что моя „табула дуже засмарована“. Въ концѣ разговора соѣтвалъ все таки погодить надлежащее мотивированное прошеніе.

Вечеромъ пронеслась надъ Талергофомъ страшная гроза съ громами и молниями. По баракамъ чрезъ бумажные крыши лилась на настъ вода. Къ намъ пришелъ ночевать съ ю. Євдосій Дуркотъ. Телесницкий подъ карантиномъ, такъ, сна востались мы вдвоемъ со сватомъ.

15. мая. — И облачно, порой дождь, и холодно. Запрещено, однако, топить въ печкахъ, также курить въ баракахъ (а лишь на дворѣ), во избѣженіе пожара. Многіе священники, особенно лемки, но также изъ жидачевскаго и жолківскаго уѣздовъ, интернованы. Гово-

пять, что здѣсь интернированными остаются около 1000 членов.

Я — в виду того, что желаю посыпать Богдану деньги правильно, чтобы он не был вынужден, не оправившись еще от болезни, работать в фабрикѣ на свое содержание, — хочу выйти на конференцію, ибо здѣсь не распоряжался своими деньгами, хранившими въ депозитѣ въ Грацѣ. Не знаю удастся ли.

Женѣ о. Р. надоѣло, что мы ежедневно служимъ въ корицѣрѣ аксессуары или мобилии. Ее это раздражаетъ, она истеричка. Въ виду этого, ея мужъ придумалъ такой выходъ: предложилъ мнѣ и о. Венгриновичу, чтобы мы служили въ прачечной (въ сѣнѣ). Вотъ лѣтъ достойной своей жены и она до стояла ею!

Есть священники, поведеніе которыхъ вызываетъ возмущеніе и соблазнъ. Не участвуютъ въ нашихъ богослуженіяхъ священники, о. М. К., Р. К., А. Б. Пронизводить это ихъ поведеніе, удручающее впечатлѣніе на другихъ священниковъ и на крестьянъ. Чего только мы здѣсь, въ Талергофѣ не насмотрелись!

Стали печь хлѣбъ въ нашей пекарнѣ. Берутъ лушу (шелуху) съ картофель, полощутъ, варятъ и добавляютъ къ хлѣбу. Получается плохой хлѣбъ, неѣдъзимый, съ ячменными колюшками и мякиной.

16. мая — Праздникъ Феодосія Петерскаго. Именами двухъ моихъ доро-

гихъ Феодосіевъ. Мысленно шло имъ моя самая горячая благопожеланія. Да подастъ мнѣ Господь милость и радость еще ихъ увидѣть живыми и счастливыми и пожать въ свои руки объѣтия.

Получилъ письмо (отъ 15.V) отъ Мирона Звѣца изъ Voitsberg. Пишетъ, что вся моя семья въ Липпциѣ здоровы. Ахъ, и скажи не въ силахъ, какую великую радость принесло мнѣ это письмо. Слава Тебѣ Господи! Сообщаетъ, что у Сони родился сынъ (значитъ, другой внучекъ у меня), что Дозоу находится въ Липпциѣ. Теперь я спокоенъ.

17. мая. — Власти приказали отложить распоряженіе министра обр. о дѣлѣ о холерѣ. Вотъ и надвигается на наши головы новое бѣдствіе. Опять паника, угроза новой эпидеміи. Только что успокились было, немного послѣ прекращенія тифозныхъ заболѣваній, а тутъ, вотъ, подкрѣпывается куда болѣе страшный врагъ — холера.

Гаветы приносятъ вѣсты, что австрійскія войска заняли въ Галичинѣ г. Самборъ.

(На этомъ Дневнику о. I. Мащаца прекращается. Авторъ ее конецъ мая 1915 г. былъ переведенъ въ гарнизонную тюрьму ее. Въ нихъ тамъ затмѣніе выпустыло ее въ т. н. "Винскомъ процессъ", какъ однѣ изъ главныхъ обвиненныхъ. Дальнѣйшій ее запасъ о заключеніи въ гарнизонѣ находятся будто бы у другихъ бывшихъ соудилюковъ — поиски за ними въ ходу).

Дополненія, объясненія и поправки къ Дневнику о. I. Мащаца, получен. уже послѣ отпечатанія отдѣльныхъ листовъ.

Стр. 1. 2-я строка заголовка и вѣдъ маѣстахъ Дневника маѣстности „Липпица долинъ“ должна быть названа кажды разъ: Анища горна, уѣздъ Рогатинъ.

Стр. 5, I столбецъ, 6—8 строки снизу: „Разстанусь съ Янкомъ (именемъ) и незнаю, гдѣ потомъ найду его“ — должны гласить: „Разстанусь съ Янкомъ (именемъ) и т. д. о. Іоаннъ Потерейко, настоятель прихода Мельничъ, возлѣ Журавна, зять автора

Дневника, о. Іоаннъ Мащаца изъ Липпица горной. Отнести должно это объясненіе и ко всѣмъ другимъ упоминаніямъ въ Дневнике о. Янѣ.

Стр. 10, II стол., строка 10 сверху: Алекс. Полянка — должно быть: Алекс. Полянскій.

Стр. 12, II стол., строка 4 снизу: Ромко за мной ухаживаетъ — подразумѣвается Ромко (Романъ) Кобрицкий, нынѣшній почтовый чиновникъ въ Дрогобычѣ.

Стр. 14, I стол., строка 9 сверху: „Днесъ пришелъ Василь“ — подраздѣлья Мартыновъ, церквь дѣлъ изъ Липпица горной. Тамъ же строка 14 снизу: „Вечеромъ Янко и свѣты подогрѣли“ и т. д. Свѣты — это Юрій Потерейко, отецъ Янка, мѣщанинъ изъ Куликова.

Стр. 16, I стол., строка 6 снизу: Илько Геналь — должно быть: Илько Геналь.

Стр. 22, II стол., строка 2 сверху: „недозорѣваютъ“ — должно быть: Поздорѣваютъ въ аугустѣ.

Стр. 23, I стол., упомянутая лица: Петро К. и др. — крестьяне изъ Липпица горной, именемъ Петро К. — Петро Камбъ, Мартыновъ (не Мартыновъ), Франко Горянскій (не Горянка), Илько Геналь (не Топала), фамилии которыхъ разобрать также въ другихъ маѣстахъ не было возможно.

Стр. 28, I стол., строка 12 сверху: (одна фраза нечеткая) — это была фамилия: Н. Красицкій.

Стр. 28, II стол., строка 13 сверху: „жене о. Лесчесты“ — должно быть же на о. Лесчесты.

Пребываніе въ Талергофѣ В. Р. Ваврика.

О своемъ арестованіи и пребываніи въ Терезинѣ и Талергофѣ

Василій Романовичъ Ваврикъ*) сообщаетъ слѣдующее: „Объявление войны заставило меня во Львовѣ, где съ

Стр. 30, I стол., строка 23 снизу, изъ-за нечеткости нѣкоторыхъ фамилий приведены неточно, итакъ: Доджъ — д. б. Дѣльба, Галяревичъ — д. б. Гильяревичъ.

Стр. 31, II стол., строка 5 снизу: у настъ забольѣ Непогъ тифомъ — т. е. Непогъ Дроботъ, православный священникъ изъ Буковины.

Стр. 38, I стол., строка 17: „Красицкій со Славкомъ и.. (нечет.) ливечемъ“ — называнъ свящ. о. Ильевичъ, зять о. Николая Красицкаго.

Стр. 43, I стол., строка 6 снизу: Laiszъ, сказать, что... — т. е. Laiss, капитанъ, имѣеть, письмоносца.

Стр. 47, I стол., строка 21 снизу: „Но съ о. Дюонисемъ“. — свящ. о. Дюонисий Бачинскій, наст. прихода въ Городищѣ въ Золочевѣ.

Стр. 48, II стол., строка 2 сверху: что句话 eгues — должно быть eгues (конь).

Стр. 59, I стол., 2-я строка снизу: „Получить письмо отъ Янка Мащаца“. Братанокъ (сынъ брата) автора Дневника, о. Іоаннъ Мащаца, сынъ о. Іосифа Мащаца.

каждымъ днемъ все, выше подымался воинскій парадъ: или разгульны, хаотическія манифестиаціи и разгромы рус-

*) В. Р. Ваврикъ родился 21-го марта 1889 г. въ селѣ Ясница, нынѣ аборвіскаго уѣзда. Нѣмецкую гимназию окончилъ въ Бродахъ; въ 1912 г. записалась на юридический факультетъ лвовскаго университета. Въ 1914 г. былъ арестованъ и вывезенъ въ Терезинъ, черезъ годъ былъ отправленъ въ проклятый Талергофъ. Осеню 1915 г. былъ взятъ въ армію и весною 1916 г. изъ Словакіи пошелъ съ 20-й маркшейдерской ротой австрійскаго 80-го полка на италіанский фронтъ, въ Албанію, на герцога Слема, где лѣтомъ былъ взятъ въ пленъ. Весь годъ пробылъ въ разныхъ маѣстахъ Италии. Весною 1917 г., съ помошью русскаго посла Гирса, получилъ свою болду, уѣхалъ по Францію и поступилъ въ русскій корпусъ, сражавшійся противъ итальянцевъ. Черезъ Англію и Ледовитый океанъ перѣѣхалъ въ Петроградъ въ то время, когда клонилась къ паденію власть Керенскаго. Въ Ростовѣ на Дону поступилъ въ южнорусскую Добровольческую армію, былъ дважды раненъ, проницанъ въ чинъ капитана, и въ 1920 г. изъ Крыма эвакуировался въ Сербію, откуда перѣѣхалъ въ Закарпатскую Русь и въ Ужгородѣ сталъ редакторомъ „Русскаго Православнаго

ских обществ; по улицам проходили группы перевезанных сельян. Стало жутко и тесно: я убхалъ къ матери на село, въ Манаевъ, Зборовскаго уѣзда, думая, что у нея, жившей далеко отъ деревни въ лѣсу, найду покой и убѣждице.

Съ большими трудомъ, на каждомъ мостикѣ задерживаемый заставали австрийскихъ солдатъ, я прѣѣхалъ домой и нашелъ матерь съ тремя невѣстками въ переполохѣ; онѣ плакали, рассказывая мнѣ объ ужасахъ,творимыхъ кругомъ. Я сразу понялъ, что попалъ въ матину, изъ которой могъ меня спасти развѣ налетъ казаковъ; но такого не было, несмотря на то, что селеніе лежало въблизи русской границы.

Затѣмъ въ одинъ критический день бѣжалъ вся деревня, я однѣ остался на вѣсъ Манаевъ; ни плачъ матери, ни уѣзжанія невѣстокъ не склонили менѣ бѣжать въ глубь Австрии, ибо я зналъ, что въ ней не найду пощады. Троє мучительныхъ сутокъ я провѣль въ пустой полосѣ, между двумя арміями.

На четвертый день, среди ослоняющей тишины полей, я выбрался въ путь къ мѣстечку Залозцамъ, полагая, что оно ужѣ находится въ русскихъ рукахъ. Однако я узналъ отъ скрывающихся

въ ямахъ людей, что русский фортъ ночью оставилъ мѣстечко и австрийцы вошли въ него. Я бѣжалъ обратно до моей, готовой пасть жертвой на каждомъ шагу.

Подъ вечеръ возвратилась моя матерь, такъ какъ австрийцы пустили утку, что ихъ авангардъ вошелъ побѣдоносно въ Киевъ. На слѣдующий день утромъ въ нашу хату вошли жандармы и староста села, опрокинули всѣ чемоданы и скрыни, забрали всю мою корреспонденцию и рукописи и, не разрывши передѣльться, посадили на подводу и вывезли въ Зборовъ, где посадили въ арестантскую котурку, вмѣстѣ со священникомъ Іоаномъ Пелекатымъ изъ Ніца. Русскій настуپникъ изъ Ніца. Русскій настуپникъ. Изъ Зборова всѣхъ, такимъ же образомъ, какъ я, арестованныхъ жандармы, перевезали цѣлями и спѣшно въ желѣзной дорогушѣ на станцію. Ахъ, какая это была дорога! И плевки, и камни, и самочинные нападки, и издѣвательства, какихъ еще мѣръ не видѣть, передевались съ наглои силой. По Львову навѣрно не одинъ изъ нашей группы лишился бы жизни, еслибы не собачья будка, куда насы, сколько вѣзо, вогнали. Въ тюрьмуѣ св. Бригиды, когда столица Галицкой Руси переживала агонію послѣднихъ судорогъ, мученикъ узниковъ лились тѣжелымъ, непосильнымъ

стономъ, а за черными воротами произошли смертная казнь на сѣхъ и на то, чтобы навести ужасъ на всю вязницу.

Власти опасались за себя, и нѣсколько до занятія Львова русскимъ отрядомъ, онѣ вывезли насы въ закрытыхъ вагонахъ, подъ усиленной стражею въ Терезинъ, что лежитъ на Оргѣ, у Лѣтомбріца, напротивъ Рудогоръ, въ военную крѣпость (піалів ренѣст), окруженнуу рвами и водою. Сквозь рѣшетки вязнинъ насы (выше одной тысячи) встѣтѣніи чешскіе политические узники, въ одной темницѣ сидѣли виновники обвиженія войны, Гаврило Принципъ, убійца Фердинанда и его жены, 19-лѣтній, смуглый юноша. Не смотря на то, что нечистъ, голодъ, придирательства клочниковъ давили немилосердно, все таки умѣ требовать пищи. Тяжело было сидѣть безъ занятія; поэтому я старалъ писать рукописные листки п. з. **ТЕРЕЗИНСКАЯ ВОШЬ*** съ рисунками, изображающими наше тюремное житье-бытье. Ли сктишли изъ руки въ руки, вызывали громомъ смѣха и подражанія.

Весной 1915 г. отдельныхъ узниковъ перебросили въ Талергофъ возлѣ Граца, где вспалился своей тираніей Чирковъ, поповъ и оберлейтенантъ въ резервѣ. И тутъ снова, не теряя времени, я принялъ за рукописный журнальчикъ п. з. **ТАЛЕРГОФЪ ВЪ КАРРИКАТУРАХЪ** что бы какъ говорить латинская пословица, per satyram castigare порядки Талергофа: это были стихи, маленьки письеси, поэвѣсти, шутки, анекдоты и жанры изъ жизни лишенныхъ всякихъ правъ. Я увлекся работой до того, что по пѣблымъ днамъ сидѣлъ въ углу барака, началь сбывають изъ досочекъ стодоломъ. Каррикатуры спѣшно расхватывались, и обходили весь Талергофъ, вызывая члененные толки. Теперь только сознаю, какъ страшно рисковать, пускай въ курсъ своихъ сатиры, которая могли легко попасть въ руки властей, высмѣянныхъ безпощаднымъ образомъ. Кромѣ каррикатуру, у меня было нѣсколько тетрадокъ записокъ, которая я передавалъ на храненіе кривому студенту Дмитрю

Басевичу изъ Поздичъ, когда уходилъ въ армію. Все это гдѣ-то затерялось, но я вѣрю, что еще многое изъ моего материала сохранилось у многихъ нашихъ людей. Въ настоящее время я прихожу къ убѣждѣнію, раздумывая о томъ, что было въ Терезинѣ и Талергофѣ, что наибольшими его смѣльчаками были сумасшедшие, Сильвестръ и Степанъ, которые безъ стѣсненія могли показать

Др. В. Р. Ваврикъ.

Вѣстника. Въ 1921 г. поступила въ пражскій университетъ им. Карла, окончила философскій факультетъ въ 1925 г. Въ началь слѣдующаго года предложила учченую диссертацию, за что получила дипломъ доктора по славянской филологии. Послѣ этого вернулася во Львовъ; некоторое время была редакторомъ "Русскаго Голоса", а въ настоящее время является редакторомъ "Временника" Ставропигійскаго Института и научно-литер. сборника, *"Галицко-русской Матицы"*. Извѣстна также темъ, что появилась отдельными оттисками: *"Тримбита" (сбор. стиховъ)*, Ужгородъ, 1921; *"Стихотворенія" (сбор. стиховъ)*, Філадельфія, 1922; *"Краска гора" (сбор. стиховъ)*, Львовъ, 1923; *"Карнаторосы въ королевскомъ походѣ"*, Львовъ, 1923; *"Народныи письеси о Романѣ, книзѣ галицкозъ"*, Львовъ, 1924; *"Подѣ шуму Саліги"*, Львовъ, 1924; *"І. Ф. Головицій"*, Львовъ, 1925; *"Іван Наумовичъ, просветитель Галицкой Руси"*, Львовъ, 1926; *"Калининъ, ерубъ, Львовъ, 1926. Въ зодіаторѣ"*, Львовъ, 1926; *"Литературное творчество Б. А. Дѣдичаго, Львовъ, 1927; Народна писсия въ известизѣ Н. В. Гоголя"*, Львовъ, 1928; *"Ізвергъ, Львовъ, 1928; Одна неистовъ душъ жесніковъ"*, Львовъ, 1928; *"Чорные днї Старонійскаго Інститута, Львовъ, 1928; Іль Бодакъ Черкаса умиралъ за прауду"*, Львовъ, 1929; *"Въ борьбѣ за свободу русскословія"*, Львовъ, 1929; *"Народна словесностъ и селеніе, поэзіи"*, Львовъ, 1929; *"Основыи, черни драматичности И. Н. Шараневича"*, Львовъ, 1929; *"Галицкая литература. Слова о поэзіи Игоревъ"*, Львовъ, 1930; *"Справка о русскоже дінаженії въ Галичинѣ"*, Львовъ, 1930.

языкъ циника Стадлеру и плюнуть, при взрывѣ смѣха многотысячной толпы, въ слѣдъ безстыжему Чирковскому. Теперь только кошмаромъ во снѣ отзываются обѣ вязницы; Терезинъ часто мнѣ снится мертвѣцкой, наполненной сырьемъ, удушливымъ воздухомъ, а Талергофъ является въ видѣ змѣи, который, какъ когда-то Laokoonъ съ его дѣтьми, окуталъ своимъ упругимъ тѣломъ пропадающую въ мукахъ массу людей.

Львовъ, 25. IX. 1930.

Предательство на два фронта.

(Сообщение свящ. о. Александра Гавриловича изъ Коссова).

Весной 1915 г. выѣзжая изъ Талергофа въ тюрьму во Вѣнѣ, бл. п. о. Гаврилъ Гнатышакъ изъ Криницы, собралъ своихъ ближайшихъ друзей и сказалъ такъ:

Богъ знаетъ, переживу ли я то, что меня ждеть, потому прошу васъ выслушать терпеливо то, что вамъ расскажу.

Меня арестовали и вывезли въ тюрьму окружного суда въ Краковъ. Чуть только закрылась за мной дверь тюремной камеры, какъ предо мной явился молодой, незнакомый мнѣ мужчина и пристроѣвшись мнѣ хорошо, спросилъ:

— Вы о. Гнатышакъ изъ Криницы?

— Такъ, — отвѣтъя — а почему спрашиваете?

Очень удивляетъ меня то, что вы еще живы, ибо, поскольку себѣ припоминаю, васъ и многихъ другихъ, "наша высока рада" приговорила къ смертной казни.

Сказавъ это, онъ оборотился и говорилъ ничего больше.

Я сейчасъ понялъ, кто онъ такой: значитъ "украинецъ" провокаторъ и задѣлъ меня преслѣдуетъ!

Отъ времени до времени онъ подходилъ ко мнѣ и очень интересовался, какъ меня арестовали, допрашивали ли и т. д. Самъ же вѣль себя такъ, какъ если бы не было арестованъ. Выманилъ изъ кармана какія-то записки, что-то, письма и своюю поведѣніемъ такъ мнѣ досадилъ, что я конецъ спросилъ его, что онъ такой.

— Я — отвѣтилъ онъ — называюсь А. Г-вичъ, адвокатскій коншионентъ изъ города Т. долго я здѣсь пребывать не буду, всего нѣсколько дней, какъ разъ составляю заявление въ коммандѣ, чтобы меня сенчасъ освободила, такъ какъ, попалъ я между васъ по ошибкѣ.

Но прошла одна недѣля, вторая, истекъ даже мѣсяцъ, а его не выпускаютъ. Сталъ унылымъ, задуманнымъ. По тѣмъ дніямъ и ночамъ мѣрилъ тихими шагами комнату туда и назадъ, часто останавливался предо мною съ выражениемъ рѣшительности на лицахъ, какъ будто желая что-то сказать, но сейчашь отворачивался и молчалъ дальше.

А между тѣмъ пришли вѣсти, что русскія войска приближаются къ Кракову. Изѣзвѣ это сильно его обеспокоило. Однажды вечеромъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Отче, вижу, что "москали" таки возьмутъ Галичину, а намъ "украинцамъ", трудно будетъ выдержать. Прошу васъ, если счастливо вернемся, не помнить худого, простите меня, и не представляйте меня въ черномъ сѣрѣ передъ "москалями", а я со своей стороны, если бы судьба захотѣла, чтобы заволодѣла Украина, буду помнить о васъ.

Вѣтъ какъ — думалъ себѣ — начиняется исповѣдь кающающагося грѣшника. Стала ласковымя и спрашивала Скажите, пожалуйста, теперь точно, кто же приговорилъ меня еще до войны къ смертной казни?

Онъ подумалъ немножко и затѣмъ сталъ рассказывать такъ: Еще въ 1912 году была создана "наша рада" во Львовѣ, въ застѣданіи которой много говорилось о возможности нынѣшней войны и постановлено составить списокъ всѣхъ "москофиловъ", чтобы въ подхолзій моментъ всѣхъ ихъ арестовать и повѣстить. Поручено это было мнѣ. Я въ качествѣ торгового агента разъѣзжалъ весь годъ по Галичинѣ, изъ города въ городъ, отъ села къ селу, разспрашивалъ нашихъ людей про всѣхъ опасныхъ "москофиловъ" и точно записывалъ. Такой списокъ въ нѣсколькихъ примѣрникахъ (экземплярахъ) я и предложилъ "нашай

радѣ". Она разслѣдовала и отмѣтила наиболѣе опасныхъ, приговаривая ихъ тѣмъ самыемъ къ смерти. Одинъ примѣрникъ послалъ военной коммандѣ, а другой въ с. Юрѣ. — Нынѣ вижу, что Богъ судилъ иначе: не всѣхъ васъ повѣсили, а "москаль" занялъ "украинску" часть Галичины.

— Такъ, такъ! — говорю — "не такъ складывалось, якъ гадалось", что же будетъ съ вашей Украиной?

— Отче, этимъ менѣе всего мы беспокомимся. Подъ Украиной уже есть почва. Мы воспитали нашу молодежь въ украинскомъ духѣ, а наши женщины проникнуты любовью къ Украинѣ. Мы всегда использовали то, что служило нашимъ цѣлямъ и, если Россия нами завладѣть, мы станемъ лучшими "москалями", чѣмъ вы. Мы постараемся захватить въ свои руки все общества, всѣ вѣдомства, перейдемъ въ православіе скорѣе васъ, ибо между вами, особенно, среди вашего духовенства есть немало противниковъ православія. Мы представимъ васъ какъ неблагонадежныхъ и по кѣртуемъ нашими женщиными, которая поймутъ свою задачу, проторять намъ путь въ средѣ высокихъ чиновниковъ и привьють и имъ идею Украины такъ сильно, что въ благопріятное нѣподходящее время они сами намъ Украину создадутъ.

Вотъ вѣмъ его заявленіе. Нѣсколько дній спустя, когда русскія войска стали подходить къ Кракову, всѣхъ насъ погнали на желѣзношорную станцію и тутъ я разстался съ тюремнымъ знакомъ, кающающемся грѣшникомъ.

Богъ вѣдѣтъ, вернулся ли я въ мою дорогую русскую Галичину, такъ

прошу васъ удержите себѣ хорошо въ памяти то, что я вамъ теперь рассказалъ и постараитесь въ будущемъ использовать.

Выѣхавъ затѣмъ въ Вѣну, о. Гнатышакъ умеръ въ тамошней тюрьмѣ.

Свящ. о. Гаврилъ Гнатышакъ изъ Криницы.

Слушавший же это его разсказъ одинъ изъ нашихъ священниковъ, старый ветеранъ-патріотъ, упомянутый выше, записалъ себѣ и передалъ его такъ точно и въ такомъ же видѣ, въ какомъ здѣсь теперь приведены нами.

ЗАПИСКИ О ТАЛЕРГОФЬ свящ. о. Генриха А. Полянского.

(Начало этих записок, именно об преставлении автора и вывезении впоследствии из друзими арестованными в Талергофь, помещено уже в I томе Талергофского Альманаха, в отдельн. «Первый период австро-германского террора в Галичине» — уезд Добромильский, с. Тарнавка. Изъ записок о. Г. А. Полянского, стр. 47—49, продолжение описания этого мучительного путешествия гласит:)

Всю дорогу мы голодали до крайней потери силъ. Чтобы съ нами было, если бы не добродушные солдаты, конвоирующие насъ и не захваченные случайно запасы нѣкоторыхъ узниковъ изъ нашей среды?

Большая бѣда была тоже въ томъ, что нѣльзя было, какъ слѣдуетъ, сидѣть и спать, и на сторону ходить. Насъ везли какъ не людей а если мы и говорили кому, чтобы скажились наѣдь на насъ, какъ надъ людьми, то намъ отвѣчали: «Ihr seid keine Menschen; ihr seid veratherische Hunde» (вы — не люди, вы — предательские собаки).

Насъ схватили, насъ не осудили, за нами никакой вины не нашли, а третировали насъ какъ не людей.

Когда прибыли мы на станцію Миришулья, то бросились на нашъ вагонъ какъ то два нѣмца (интеллигенты!) съ крикомъ: «Wo sind denn diese galizischen Russen, diese verfluchten Verfrher, welche den Krieg auf unser Reich heraufberufen haben? Zeigen sie uns diese Verfrher, wir wollen sie fchig durchauen». (Гдѣ же эти галицкие русские, эти проглядывавые измѣнники, которые накликали войну на нашу деревню? Покажите намъ этихъ предателей, мы хотимъ порядочно изрубить ихъ).

Солдаты нѣмцевъ не пускаютъ въ вагонъ, но нѣмцы тиснутся такъ, что солдаты, не жаля употребить оружія, не въ состояніи имъ доступъ къ нимъ загородить. Видъ угрозу намъ, выступилъ нашъ нотаріусъ, г. Телишевскій, и сказалъ нѣмцамъ образумливающее слово: «Geehrte Herren! Was wollen sie von uns? Sie kennen uns nicht, wir kennen euch nicht. Aus welchem Grunde nennen sie uns veratherische Hunde. Wir sind ja nicht verurtheilt. Wir alle wissen nicht,

wat wir man uns verhafteten hat und eben hier in Steiermark, wo wir unter den hochkulturellen Deutschen eine ruhige Aufnahme hofften, will man uns durchhausen. Geehrte Herren! Zeigen sie durch ihre Benennungen, dass hier in Steiermark wirklich ein kulturelles Volk sich befindet!» (Уважаемые господа! Чего вы отъ насъ хотите? Вы насъ не знаете, ни мы васъ. На какомъ основаніи вы прозываете насъ предательскими собаками? Мы не приговорены. Всѣ мы не знаемъ, почему мы арестованы, и какъ разъ, здесь, въ Стирии, где мы ожидали спокойного приема высококультурными нѣмцами, насъ хотятъ изрубить! Уважаемые господа! Покажите вашимъ поведеніемъ, что здѣсь, въ Стирии, въ самомъ дѣлѣ живутъ культуры люди).

Выслушавъ это, нѣмцы успокоились, а затѣмъ извинились за свою грубою выходку и оставили насъ въ покое.

Конвоирующему насыфицеру было имѣнно въ Миришулья сообщено изъ Вѣны, что долженъ насъ доставить въ Талергофь, въ какую-то мѣстность за Грацемъ, — послѣдней же нашей станціей будетъ Абтисендорфъ.

Мыѣхали высоко надъ уровень моря; путь нашъ шелъ между высокихъ горъ, — вѣчно зеленыхъ, подъ прекрасными виллами, но и надъ глубокими пропастями, — природа была всюду волшебно-чудная, но мы, политические узники, голодные, изуренные и ослабленные, въ вагонѣ сѣты въ кучу, прибитые горемъ и тоскою по своимъ, будущие на неизвѣстность судьбы, были не въ состояніи любоваться этой величественною красотою Альпъ.

Было это двадцатаго сентября. Мы приближались къ Грацу; городъ лежалъ,

предъ нами какъ на ладони. Изъ всѣхъ товарныхъ вагоновъ видѣли горожанъ по четверо солдатъ и вѣроятно думали, что бѣдѣ армія на войну, такъ вотъ, изъ оконъ городскихъ домовъ привѣтствовали насъ платками, но когда прибыли мы на станцію Грацъ, то сталь сыпаться на насъ ураганъ проходилъ прозивщикъ, ругни и вѣякихъ найсквернѣйшихъ словъ, а уже наѣщаще это

Ссыльные въ Тешельдорфѣ (Каринтия).

1. рядъ: Н. Пашковскій — матрѣсть, Н. И. — почтальонъ, Н. Биртель — бухгалтеръ, Недрода — ученья, Василий Каміко — юристъ, Недрода — учень, Недрода — учень, Недрода — учень, Недрода — учень, Н. Н. — служ., Андрей Серапинъ — юристъ, о. Конст. Федоръ (†), о. Григорій Максимовичъ, г-жа Задерновская — жена чиновника, о. Василий Романовъ, г-жа Чертежинская — жена свящ. о. Іоанна Дементія, г-жа Недрода и ея дочь — учень, 3. рядъ: Кинко — почтальонъ, Чубаній, Курк — учт. сенаж. Н. Козакевичъ — чиновникъ, Н. Фарбонъ — учитель, Марія Недрода — учень, д-ръ В. Зад. Колапчекевичъ, д-ръ Оській Гумєвичъ, Серединскій (†), З. Мокицай — бомберъ.

«veratherische Hunde». Въ Абтисендорфѣ вѣлѣли намъ вѣсты и ставать въ ряды по четверо. Конвой солдатъ въ 200 человѣкъ обступилъ насъ и затѣмъ стала гнать — въ несчастный Талергофъ. Мышли пѣшкомъ, съ нашими вещами, кто съ легкими, кто съ тяжелыми, два километра.

Въ палаткѣ мы застали уже нѣсколько лицъ. Они получили уже по вязанѣю соломы на свое ложе (на голой землѣ),

нась же вызвали, чтобы сейчас шли и мы съ солдатом за соломою. Одни изъ насть, разумѣется, пошли за соломою, другое же остались смотрѣть за вѣщами.

Посколько было возможно, размѣщали мы, свои около своихъ, плотно другъ възлѣ друга, вообщѣ же все таки нашлись мы въ чрезвычайно смытнѣйшемъ и неподобранномъ обществѣ, ибо жандармы и войска арестовали людей не по какой либо винѣ, а только по подозрѣнію въ шпионствѣ и предательствѣ,—всю Австрию овладѣлъ животный ужасъ передъ предательствомъ и шпионствомъ.

Надъ насть стояли солдаты-иѣмцы, прости и явю и крайне на насть озлобленные люди, иѣсколько капраловъ и фельдфебелей, иѣсколько лейтенантовъ, подпоручиковъ, одинъ рѣжебордый капитанъ и одинъ полковникъ, а также иѣсколько врачей. Всѣ они были частно иѣмцы, частно же евреи.

Всѣ эти наши новые владыки боялись насть также, ибо кто-то изъ краине неисточно и скверно представилъ и описалъ насть, а народъ собѣдниковъ сель и города Граца были и подано на насть, русскимъ, еще и потому озлобленъ, что именно Граційпольѣ были недавно на фронѣ русскими войсками въ пухъ и прахъ разбиты.

Если входили къ намъ, въ палатку, офицеръ, кое-что насть объяснялъ, то входилъ въ сопровожденіи 6-10 рядовыхъ, ибо кто-то доложилъ о насть полковнику, что мы очень неспокойныи элементъ, самые отчаянныи смутяни, чутъ не разбойники. Изъ-за этого держали насть всѣ солдаты, насть стерегущие, очень строго, а отъ капраловъ, офицеровъ, а даже отъ рядовыхъ слышали мы постоянно рѣбкіе слова: „tutig! schweigen! nichts widerreden! wir haben den Befehl fü r den mindesten Ungehorsam sie niederschissen zu lassen.“ (смирно! молчать не возражай насть приказано за малѣнчее ослушаніе вѣсъ разгрѣтъ).

Изнеможенные мы четверо сутокъ очень скучно питались, два килограмма шли обремененными вѣщами, и были несказанно голодные, а къ вечеру дали

насть єсть — по одной варѣѣ тминного супа и по куску хлѣба!

Наставала ночь, надо было ложиться спать, и тутъ слѣдовало бы выйти изъ палатки сдѣлать свою неизбѣжную потребность въ нужнику! Какъ же это совершилъ? Намъ ни одному несвободно и носа показать изъ палатки, а менѣе чѣмъ двадцать лицъ не поведѣть солдатъ къ примитивному импровизированному нужнику, къ длинному рву, наѣтъ которымъ поставлены перила, чтобы на нихъ садились другъ въ друга мужчины съ одной стороны, а женщины съ другой. Причиѣ не было уважено совершенѣю, — а необходимость неотвратима. Тяжело было и горько, ничего не подѣлаешь. Терпи и переноси издѣбѣтельство надъ собой!

Если кому, днемъ или ночью, безусловно надо было выходить, то долженъ быть звать столько другихъ, чтобы ихъ было двадцать, и, разумѣется, жертвовали собой одни для другихъ ишли, чтобы не доводить до скандаловъ.

Для меня была при общемъ бѣствии, муничальна еще и возня съ мою больной ногой, — я долженъ быть по крайней мѣрѣ дважды въ сутки дѣлать перевязки, конечно на глазахъ всѣхъ собѣд. Счастье мое, что скакались всѣ надо мною и по возможности помогали мнѣ.

Слѣдующаго дня послѣ нашего прибытия въ Талергофъ, былъ нашъ русский праздникъ Рожество Бого诞生日, день весьма и всячески печальный, конечно, безъ какаго бы ни было боло-служенія и еще къ тому дождливый! Правда, дождь сквозь холсты на насть не падалъ, но какъ только подулъ вѣтеръ по холсты, то осыпала насть роса порядочная.

Какъ душно и жарко и смрадно было въ палаткѣ, можно себѣ представить. Мы набирали смѣлости и жаловались на это обстоятельство приходящимъ офицерамъ. Изъ боязни передъ эпидеміей, больше для себя, чѣмъ ради насть, повѣрѣнно намъ всѣмъ попарно (zwa - a - zwa — это по стирикѣ) разъ днемъ ходить вокругъ палатки въ продолженіи получаса. Мы, несчастные, ради были и этому.

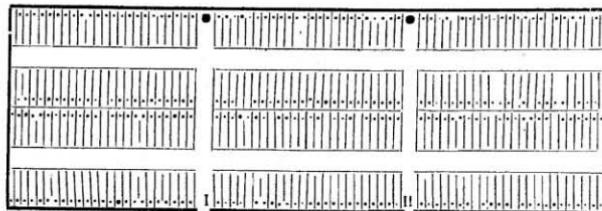
Ночью освѣщала всю палатку край-не нужненно одна керосинная лампа (Фонарь).

Погода давали намъ єсть три раза днемъ; утромъ и къ вечеру, по варѣї тминного супа, къ обѣду мясного супа съ крупой и понемногу фасоли или картошки, а на сутки по половинѣ солдатскаго ржаного хлѣба. Нѣсколько разъ въ недѣлю давали и по куску мяса, иногда въ замѣѣ за тминный супъ давали черный солдатскій кофе, который одни любили, иные пить не могли, ибо вредно вѣялъ на почки.

По всѣмъ палаткамъ установили офицеры изъ среды насть, интернированныхъ, распорядителей-надзирателей (Zim-

Въ баракахъ, конечно, печей не было, въ баракахъ, построенныхъ изъ досокъ подъ зиму 1914/15 изъ однихъ полудѣбомовыхъ досокъ, подъ слѣдующія зимы изъ добавочныхъ другихъ стѣнъ, были печи. Напервую зиму по двѣ же лѣйзныи печи на баракъ, въ мѣстахъ, где начертаны „B“, на вторую-же и третью зимы, были даны кирпичныи печи.

Въ мѣстахъ I и II были входы и выходы: вѣсъ бѣлыи мѣстъ отъ I и II, это коридоры по голой землѣ между спальныхъ мѣстами. Спальныхъ мѣстъ на соломѣ, на травинку или на перекаханныхъ „загонахъ“ (полосахъ) было, какъ видно, четырѣ ряда. Отъ мокрой земли стала

Планъ бараковъ

meilettendant-овъ), которые должны были насть имѣть въ спискахъ, за наше присутствіе отвѣтчи, за хлѣбъмъ ходить (съ другими, по очереди) и пиши раздѣлывать.

Странно отбывались наши завтра-ки, обѣды и ужины! „Садитесь на мѣстѣ!“ — кричали распорядители, а тихо-хы-спокойно: и дерките „шальки“ или „деки“ (т. е. солдатскіе жестяные котелки или только крышки отъ нихъ) или какую-то иную посуду, что кто могъ имѣть и получить. О ложкахъ и вилкахъ, ножахъ, надо было какъ-то самому заботиться. Размѣщеніе насть въ палаткахъ, а позднѣе въ баракахъ по-кажетъ вышеопомѣщенное начертаніе.

солома скоро мокрою. Первой зимой солому съ очень малыми изытіями повесили смигли, такъ и водворились въ наше средѣ всякия болѣзни, а прежде всего ревматизмъ и тифъ, въ такъ какъ загигѣзились на насть и въ соломѣ стада вѣщей, то и одолѣло насть неслыханное обѣдство.

Вездѣ, гдѣ видны на рисункѣ точ-ки, были во времена спанья наши головы.

Съ наименѣющими вещами (съ бѣльемъ, платьемъ и съ пищевою посудою, а дальнише съ сапогами и башмаками и тов-летными приборами), иѣмѣ мы сначала много хлопотъ, ибо не было ихъ гдѣ положить и сохранить, а между набран-ными въ неволю народомъ всякого ро-

да находилось немало случайных и профессиональных воров, а также преступников (потаскушки).

Мы, т. е. духовная и мирская интелигенция, мужчины и женщины, жаловались на обращение с нами наровъ с всякого рода людьми грубаго нрава, но намъ отвѣчали влодарно: "Hier giebt es keine Intelligenz; hier sind Interniete, — uns sind hier alle gleich, — wir dürfen auf niemanden Rücksicht nehmen". (Здесь никакой интелигентией не вѣдь; здесь одни интровертированные, — для насъ всѣ вѣдь равны, — никому никакого снисхождѣнія мы оказывать не смысль.)

Нѣсколько мѣсяцій терпѣли мы (т. е. всѣ интелигенты) еще больше преставленно и духовно чѣмъ физически.

Для тѣжкой и грубої работы набирали военныхъ старшинъ изъ среды интровертированныхъ, нарочно не людей изъ простонародья, къ такаго работѣ съ дѣствомъ витянутыхъ и привычныхъ, но именно линъ изъ интелигенти, особенно священниковъ и дамъ. Мояму брату, бл. п. О., уже старому и очень заслуженному душастию, вѣдѣлиносить для квакої каменщицкой работы воду и гашенную извѣстку, а также приносить и относить туда и сюда (съ другимъ человѣкомъ) очень длинную лѣстницу; иными священниками (православными изъ Буковины, холдингомъ постоянно въ рисахъ) вѣдѣли ежедневно привозить изъ далекаго колодезя для всѣхъ воды въ большой бочкѣ, прикованной къ телѣ, нѣсколько разъ въ день; младшины священниковъ вѣдѣли вмѣстѣ съ мухами забираться по слѣвавтрака къ шелушению картошки обѣду (въ этой роботѣ былъ мой сынъ Б. цѣлое семицѣ); иными священниками вѣдѣли собирать со двора всяки соры не чѣмъ инымъ, только руками. Одному еврею вѣдѣли однажды постовой солдатъ (надзиратель) набрать въ тачки соры и отвезти въ яму — всѣ удивились этому приказу, ибо въ общемъ съ евреями обращались не плохо, но сеѧлась выяснилось дѣло: постовой вѣдѣли старшему иеро., о. В. Гр. П. безусловно на соры на тачкахъ сѣсть, а еврею вѣдѣли соры со священникомъ

отвезти и этотъ же соръ съ ёреемъ въ яму выбросить. Приказъ былъ точно исполненъ, если бы не было повиновенія, непремѣнно быть бы штыкъ въ работѣ, — апелляція была только къ Богу. Однажды вызывали солдата нѣскончайшій нашихъ русскихъ дамъ, слабыхъ, интеллигентныхъ и высокодобровольческихъ (въ ихъ числѣ и жену врача д-ра М. изъ Б.), на весь день стирать солдатское грбое и очень грязное бѣлье. Какъ онъ, рыда, насъ просили, чтобы оставить ихъ въ покое, что для такой работы никакъ не годятся, ничего не помогло, — съ плачомъ какъ могли такъ и стирали цѣлый день. Трудно и перечислить и представить всѣ эти издѣствія надъ нами.

Всѣ вварварства со стороны славянишескихъ своимъ "культурегерцемъ" нѣщевъ, ощущали мы глубоко, но то, что испытали отъ своихъ, отъ лицъ превратившихъ, изъ русиновъ въ "украинцевъ", и отъ прихожанъ-селянъ, то ужъ совсѣмъ подошло подъ проповѣсть (изрѣченіе), которая говоритъ: "напомните болитъ человека, если укуситъ его своя домашняя собака".

Всѣ мы, русские священники (а было наст. въ Тал. много), настоящіе дѣятели въ Христовомъ вѣртоградѣ, жертвовавшіе собой для процвѣтанія Церкви и блага народа, вездѣ самоотверженно старались замѣнить нужденіе, малыя бѣдныя церкви въ большихъ и каменныхъ и изящно внутри наявѣ украшенныхъ; мы старались вслѣски поднести славу и величіе нашего прекрасного восточного обряда, введеніемъ всебоцаго церковнаго, стройнаго пѣнія; мы потрудились вѣрно приводить нашъ народъ проповѣдіи и наукою въ церквяхъ, въ школахъ и въ читальняхъ; мы старались поднять его нравственность и экономичн., путемъ отрезвленія его, основаниемъ народныхъ крамницъ торговлей, и организацией кредитныхъ Обществъ, а дальне и основаниемъ и содержаніемъ бурсы и пансіоновъ, народныхъ домовъ и пожарныхъ команда — мы подняли народъ на значительномъ высокомъ культурномъ уровнѣ, а теперь, когда австрійское бѣснованіе завело настъ, русскую интелигент-

шю, и наше, будто къ лучшему преобразованіе простонародіе, сюда, и мы теперь отъ него должны бы заслужить себѣ вѣрную дружбу въ недолгъ, на то, чтобы совокупно терпѣть, себя взаимно убѣщать и вмѣстѣ геройски выносить всѣ ниспадающія на насъ униженія, поутанія и досажденія, съ изумленіемъ видѣли мы, что многие изъ нихъ, враждебно къ намъ относятся и даже досаждаютъ намъ всячески. Только малая лучшая часть нашихъ прихожанъ осталась намъ вѣрою, понимая хорошо, что терпѣть вмѣстѣ съ нами за народъ, за обрядъ, за народную русскую рѣбѣ, за русскую исторію, за правду, за идею. Мы думали себѣ, что наши селяне и мѣщане дѣйствительно уже просвѣщены, а теперъ тутъ оказалось, что въ сердце, умѣ, въ душѣ ихъ прошибѣніе еще не проникло, а когда настало на нихъ гоненіе и бѣѣство, то они кликнули: "Вотъ куда взвели настъ священники! вотъ, что вышло изъ привлеченья настъ въ русскій Обществъ и къ любви Руси! Не лучше ли было бы намъ быть "украинцами", поляками или даже жидами? Гогда не томились бы мы по арестамъ и зѣдѣ въ Галергофѣ, и никто не имѣвалъ бы насъ "зредниками" (предателями).

Со временемъ, однако, замѣчали и убѣждались такие безхарактерные селяне и мѣщане, что безмыслиемъ гово-

Свящ. о. Генрихъ Полянскій*
изъ Тарнавы — авторъ записокъ,

рять, ибо видѣли, что приводились въ Галергофъ и "украинцы", и поляки и жиды даже, — видя это, они успокаи-

* Свящ. о. Генрихъ Аванасьевичъ Полянскій, выдающийся галицко-русский писатель и общественный дѣятель и народный организаторъ.

Сынъ священника о. Аванасія и Меланіи, рожд. Венгриновичъ, Полянскихъ, род. въ Лопушанѣ Лехиной, турецкаго уѣзда, въ Галичинѣ, 16-го ноября 1847 г. Поступалъ народную школу, и первые классы гимназии въ Самборѣ, а высшіе (съ VI кл.) въ Дрогобичѣ, находясь въ первой подъ сильнымъ вліяніемъ М. А. Качковскаго, а по второй — д-ра Никола И. Антоненчика.

Выдержавъ экзаменъ зрѣлости въ 1871 г., поступилъ богословскій факультетъ во Львовѣ (3 года), а окончилъ его (4 года) въ Перемышлѣ. Послѣ бракосочетанія съ Іоанной Калужницкой, сестрой известнаго профессора университета въ Черновцахъ, Емиліаномъ Ероніемъ, Калужницкаго, въ 1875 г., былъ въ томъ же году рукоположенъ въ иеренъ и использувалъ душеватерскіе обязанности поочередно въ качествѣ сотрудника, администратора, и, наконецъ, настоятеля прихода въ селахъ Турчаницы, Перемышльчицы, Синичини и Дромбомичини, всегда и повсюду проявляя чрезвычайную энергию и развивая кипучую и успешную дѣятельность въ области народо-берегательныхъ кассъ (кредитн. О-ва) и драматич. кружки, построилъ новыѣ церкви и "Народныѣ Дома"».

Писать началь уже на гимназической скамѣ (стихотворенія) и стать затѣмъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей Галичинѣ, подъ воздействиемъ М. Кач-

вались, но то, что они намъ вначалѣ дѣяли, трудно было перенести и забыть: мы убѣдились, что въ годину такихъ испытаний и гонений далеко не на всю общность народныхъ массъ можно надежно полагаться.

Для лучшаго пониманія вышесказанного приведу еще вотъ что: Для всѣхъ настъ интернированныхъ открыла наша команда двѣ кантини, одну для продажи молока, другую для продажи хлѣба. Передъ обѣемъ кантинъ (лавочки), ставили каждый день длиннѣе ряды (по два — зва-а-звы), подъ надвороны, солдата-и-мѣщь. Долгое время намъ священникамъ невозможно было ставить въ эти ряды — настъ ругали, недопускали или выписывали — свѣтлые люди!

И въ тѣхъ случаяхъ, когда велѣла намъ команда ставить въ очередь утромъ, въ полдень и вечеромъ, снова зва-а-звы, для получения супа или иного кушанья, то не хотѣли намъ крестьяне оказывать ни первенства, ниуваженія!

Къ этой несправедливости селянъ и мѣщанъ намъ предстекла ихъ еще и наша команда, ибо когда дѣрвали мы просить обѣ отѣльномъ для насъ помѣщеній и освобожденій настъ отъ работъ, намъ безусловно сліцкомъ тяжкихъ и непосильныхъ, мы вѣль никогда ихъ не совершили да и физически были не въ силахъ совершать, то снаружи отѣбѣчали намъ команда, что непризнаетъ никакой интеллигенти, ни священниковъ, ни чиновниковъ, ни дамъ, ни барышень, только однѣхъ интернированныхъ представителей, почему и однаково со всѣми обращаться обязана.

конскаго и Ивана Наумовича. Былъ сотрудникомъ почти всѣхъ русскихъ изданій Галичина и Иѣкоторныхъ изданій въ Закарпатской Руси, написалъ, кроме статей, много поэтическихъ и разказовъ изъ жизни гол.-рус. народа и интеллигенти.

Былъ арестованъ въ началь нойн., 6-го августа 1914 г., австрійскимъ жандармами и солдатами и отведенъ въ престы въ Добромѣлъ, черезъ недѣлю перевезенъ въѣхѣть съ другими арестованными русскими священниками, интеллигентами и крестьянами, во военную тюрьму въ Перемышль, где томился 5 недѣль въ стражемъ заключеній, а затѣмъ оттуда вѣхѣть съ иѣхольскимъ тысячью другихъ арестованныхъ, прибылъ 2-го декабря въ Талергофъ. Пробынъ въ его аду и вообще въ заключеній 33 мѣсяца, былъ 7-го мая 1917 г. освобожденъ и 10 мая того же года, вернулся въ свою Тарнаву и на свой конецъ опустошенный приходъ. Съ половины 1929 г. живетъ священникомъ земеритомъ въ г. Самборѣ.

Но пришелъ мартъ мѣсяцъ. Команда наша хотѣла употребить селянъ для работъ въ полѣ и между бараками, ибо надо было садить капусту, буряки, морковь и картошку, а кромѣ того вытрамбовать хорошия дороги между бараками. Селяне, однако, заупримились и не хотѣли работать, хотя обѣзвали имъ добавку хлѣба и по 10 геллеровъ въ день. На ша команда, посовѣтовавшись другъ съ другомъ, приспала разъ утромъ къ намъ одного оберлейтенанта. Офицеръ этотъ прыгнулъ всѣхъ настъ, священниковъ, во дворъ передъ себѣ и произнесъ намъ настоящую проповѣдь. Не хуже какогонибудь катедрального весмы высоколеного језуита-проповѣдника, на тему, что мы, будучи по званию предводителями народа, имѣемъ на него вѣяніе, такъ звать, слѣдуетъ намъ и теперь употребить все свое вѣленіе изъ образумленія селянъ въ необходимости заняться этими работами, чтобы прѣобрѣсти себѣ больше къ пропитанію и чтобы устранилъ невыносимую грязь между бараками.

Когда офицеръ свою рѣчу окончилъ, взялъ слово старенький, сѣдоголовый священникъ, о. А. Юркевичъ, и сказалъ: „Хорошо промолвили вы, господинъ оберлейтенантъ, къ намъ и мы хотѣли бы исполнить ваше желаніе, но пока-что мы этого сдѣлать не можемъ, не по нашей нехотѣ, а только по вѣнѣ самой команды, которая, съ самаго начала нашего вѣдѣя пребывающіе, не только все вѣяніе, но и почетъ намъ отобрали и хуже всѣхъ простыхъ лодыней настъ унизила, и потому именно мы не беремся вѣять на селянъ, ибо они

не повиновались бы намъ. Прежде пусть команда привернетъ намъ наше должное уваженіе и наше значеніе, а тогда смо-жемъ мы удовлетворить ваше желаніе“.

Рѣчъ о. Юркевича одобрили всѣ мы. Поручикъ, ничего уже больше не сказавъ, ушелъ, но въ послѣдствіи ста-

ли лучше съ нами обращаться, и, хотя мы специально къ селянамъ не обращались съ прізвѣомъ, принялись они за всякую работу между бараками и въ полѣ къ общей пользѣ, ибо видѣли въ этомъ свою выгоду.

Подробности жизни въ Талергофѣ.

Живо-живо, и даже очень спѣшно строились бараки для интернированныхъ, которыхъ прибывало всѣ больше и больше. Бараки строились по плану военного инженера, который ходилъ по Талергофу, въ мундирѣ лейтенанта, всѣ вре- мя мрачный, понурый, чрезвычайно строгий, намъ очень непріязненный. За нимъ ходилъ всегда большой песь-бульдогъ. Офицеръ занимался не только постройками, но и всѣми порядками, для рабочихъ быть чрезвычайно строгъ, часто кричать „швабскій“ образомъ бранить и клясть. Многіе офицеры изъ команды имѣлись, но онъ пробѣгъ между нами всѣ время отъ начала до конца. Только въ 1916 году, лѣтомъ не видѣли мы его 4—5 недѣль, ибо однажды вѣялъ онъ въ такую страшную кроѣсть, что его на мѣстѣ сквишилъ парашинъ. Всѣ думали, что будешь уже „по немъ“, но онъ, очень креѣская натура, вылизалъ: *Unkraut vergierbt nicht!* (корни трава не исчезаетъ).

Плана построенія Талергофа мы не видѣли, но когда было онъ готовъ (ладъ), то имѣли видъ городищика.

Всѣ Талергофъ-лагерь имѣть вѣтъ какой видъ: (см. планъ лагеря на стр. 100-ой).

ПОЗСНЕНІЕ: Всѣ бараки начертаны такъ: это жилища настъ интернированныхъ; ихъ было больше, чѣмъ я начерталъ, въ каждомъ были по два вхо-

* Къ сожалѣнію, неизвестно, какъ оправдывается это «вреченіе» въ жизни людей, покажетъ слѣдующая исторія: Однаго літака, пытавшагося сбрасывать на деревушку въ коричѣніи хлѣбъ, высыпалась позора, въ 1915 году, побили его бабы поясочно, вынуждавши къ начальному 1917 году побили его тѣло три браты, — вымыли кровь, — въ 1918 году покололи его смертельно быкъ, — вылизали!

да; — Три барака съ дверями, преимущественно со двора по двумъ сторонамъ противоположнымъ, обозн.; II, это бараки для лицъ обеого пола числящихъ съѣзж. лѣтъ 65. Въ баракѣ съ н-рѣмъ II, обитель я съ марта 1916 года съ о. Волошинскимъ отъ Городенки, съ о. Русинякомъ изъ Лемкіи, съ о. Величковскимъ изъ Загорѣчка и съ о. Петромъ Дурко-вымъ изъ Добрушинка, а когда оо. Волошинскій и Русинякъ уѣхали, то пришелъ на ихъ мѣсто о. Решетило изъ Магерова и аптекари изъ Яблонова Котлярчукъ. Съ тѣми было я уже до конца. Бараки начертанные какъ адѣль, это были бараки для карантинн-и-ковъ, для лицъ прибывающихъ или выѣзывающихъ. Стоящие бараки имѣли тай-контрольной видъ: (см. стр. 101).

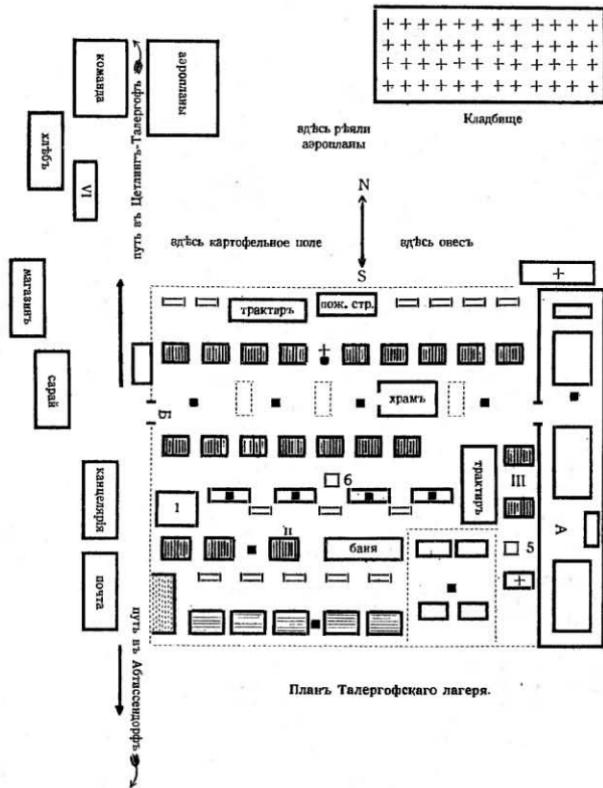
Всѣ бараки были крыты папою (тол-леть) и часто мазаны теромъ.

Всѣ меньшіе зданія обознаны точками, эти были на главной улицѣ, ближайшѣ къ кухнѣ, перенесены въ 1915 году за бараки на мѣстѣ обозначенія такъ: Кухонъ съ временемъ было построено большое число.

Гдѣ поставилъ я знаки тамъ вѣлокочены были насосы, — здѣсь были колодези для всѣхъ.

Всѣ мѣста назначенные: это были подъ крышами це-ментныхъ отхожихъ (съ половины 1915 года). Какіе были они сначала, почти цѣлый первый годъ, скажу ниже.

Всѣ бараки при н-рѣ III были под-земны (какъ бы сутерены), крыты зем-лею и папою, — эти были несноснѣшіе, и ихъ было большое число.

получишь пощечину). Я, конечно, умолк, наша солдатъ за наше и свое право не постоять, такъ, что вслѣдствіе этого настоялся мы до изнеможенія.

Кантинирка (иѣмка) смотрѣла на насть, какъ на предателей, какъ на враговъ державы, а собственно какъ на враговъ иѣмцевъ, и открыто, громко и вызывающе это высказывала.

Кантинирка повышала чѣну на твары ежедневно, и иногда и въ тѣ же самыи днѣ. Напримѣръ брали однажды у одной компании за головку чеснока по 10 гел. Кто такъ не платилъ, не получалъ уже ничего больше. Собирали она отъ насть великия капитали и богатѣя очевидно скоро. На это жаловались интернованные много, ибо ужасъ, какъ плохо стояли наши карманы. Черезъ дѣвъ недѣли остался и я безъ копѣйки. Еще черезъ дѣвъ недѣли привезли въ Талергофъ и моего сына. За себя я еще до теперь не уронилъ ни слезы, но увидѣвъ передъ собою сына, лерен и катихитъ, отца четверыхъ дѣтей, я горько заплакалъ и сказалъ: „Сыну! и ты здѣсь?“ — „А кто же я? А разѣ я хуже батюшкѣ? Если достойны вы здѣсь быть, то радуюсь, что и я этого удостоился“. О! какъ ободрили меня эти слова! Какъ горячий стала я сына любить. Попѣль долгой паузы, спросить я сына: „Есть ли у тебя какія деньги?“ „Я взялъ съ собою 180 кор.“ — „Дай же мнѣ въ займы 20 кор.“ — Онь даль мнѣ этихъ 20 кор. О какимъ богачомъ себя чувствовалъ!

Интернованный священникъ изъ Лемковщины, о. Александръ Сѣлецкій, зная, какъ обираетъ кантинирка всѣхъ, скажетъ разъ объ этомъ капитану, у котораго както было въ милости. Капитанъ вѣроятно скѣдѣлъ кантиниркѣ упрекъ. Сейчасъ слѣдующаго дня пришелъ о. С. передъ кантину, а кантинирка знала его уже, ибо часто покупала всяко для себя и для другихъ. „Sie bekennen nichts mehr von mir. Sie sind ein Vertrather und haben auf mich geklagt!“ (Вы у меня ничего больше не получите. Вы — предатель и жаловались на мене). По-

слѣ этихъ словъ повалился о. А. С. на землю и — скончался отъ разрыва сердца!..

Вотъ что должны мы были непонимно испытывать и переносить!

Гангры какъ юнища,

Передъ домомъ команды стоять громадный домъ и помѣщеніе для зероплановъ (все это именовали ганграми*) Первые транспортныя нашихъ интернированныхъ жили именно въ этихъ ганграхъ, а между ними моя братья, мой дѣлъ Михаилъ Людкевичъ изъ Перемышля, о. Владиславовичъ изъ Шавного съ сыномъ, о. Игна. Мохнатый изъ Войтовъ и мн. др. По переведеніи всѣхъ изъ гангровъ въ бараки, стали строить въ ганграхъ зеропланы, и стѣнѣ того времена видѣли мы ежедневные упражненія летчиковъ на равнинѣ за проволочными оградами и въ воздушѣ надъ ними и наимѣ съ трехъ часовъ утра до поздней ночи. Непрѣтъ шумъ и шорохъ и гуль зероплановъ слушали мы все время наше пребыванія. Мы должны были чисто видѣть и то, какъ зеропланы падали и разбивались, — иногда побились смертельно или убили и летчики.

Еще примѣчу о „шопѣ“ (сараѣ), въ которой многіе интернованные по 2, 3 и 4 въ недѣль томились, гдѣ жили и я съ сыномъ, съ о. Монтибовичемъ старшимъ, съ о. Кушнѣромъ, который черезъ 2 днія умеръ, съ г. Лукашевичемъ изъ Вышнѣвичъ, который съ трудомъ дѣвился на костиляхъ и былъ очень боленъ и глухъ (и его привезли сюда) и тоже черезъ пару недѣль умеръ.

Несмѣтный сранъ на державу за это интернованіе людей ни въ чѣмъ непонимныхъ и за такое зѣбрское обращеніе съ ними.

Еще укажу на зданіе „магазинъ“, гдѣ держали для многихъ изъ насть нужды ради (чтобъ не ходили людина-гѣ и босые) складъ бѣлья, платья, обуви

* Собственно именуются „гангардамы“ (Hangerdams) каменныя амбани для войскъ въ времененныхъ крѣпостяхъ.

и покрываль, и о домѣ на хлѣбъ, за которымъ долгое время должны былиходить всѣ по очереди, мужики, бабы, господа и госпожи и иѣмные барышни, въ хорошее и некорочее, въ теплое и морозное время.

Кладбище.

А за равнину для разбѣга и размаховъ зероплановъ назначила команда място подъ кладбище, на которомъ за 30 мѣсяцевъ похоронено нашихъ братерь и сестеръ (ихъ менѣе) около 1700 лицъ. Легли тамъ: дѣлъ М. Людкевичъ, о. Кушнѣръ, о. Шандровскій, о. Полошиковичъ, о. Мелинъ, о. О. Полянскій, о. Александъръ и Несторъ Полянскіе, о. Николаинъ Гимѣръ, о. Іер. Куносавъ, дѣлъ Дорыкъ, о. Дроботъ, дѣлъ Никол. Стыранецъ и мн. др. доблестныхъ нашихъ патріотовъ. Вѣчная имъ память!

Жизнь въ баракахъ.

Со временемъ перевели всѣхъ насть изъ гангра, изъ палатокъ и изъ „шопѣ“, въ готовыя бараки и, вѣтъ, начались въ нихъ наша заточническая жизнь, такъ счѣнъ далѣко отъ своихъ, подъ терроромъ военной команды, при скудныхъ, сумбурныхъ и лживыхъ извѣстіяхъ о войнѣ.

Намъ не было свободно много ходить по двору; намъ нелегко доводилось ходить въ др. бараки къ своимъ знакомымъ, чтобы другъ другу радовать или чтобы другъ другу въ чёмъ-нибудь помочь. Насъ всегда подозревали въ злонамѣренности и считали насъ крайне вредными и опасными людьми. А между тѣмъ, всѣ мы, заточники, оказались ввиду всего начальства спокойными и корректными и, кроме того, — за малыми исключѣніями — заключеніе были, т. е. оставались и здѣсь людьми набожными и богоугодными. Между нами находились и два интеллигентныхъ англичанина. Одній изъ нихъ, познакомившись съ нами и смотрѣвшись насть, оказывалъ намъ симпатии и дружбу, жалѣлъ насть крѣп-
— 104 —

ко и говорилъ: „Вы, русскіе, удивительный народъ. Всѣ здѣсь такъ много и всѣ вы такъ ужасно угнетены, загнаны и прижаты, и все же здѣсь — только тихѣ богомольцы! Думаете ли вы, что вы себѣ этимъ положеніе и долю опправите? Никогда!.. На похиле дерево и козы скачутъ!..“ — былъ смыслъ его рѣчі. Если бы было здѣсь насть столько, сколько васъ, мы бы всего этого варварскаго террора и часы нестерпѣли!

Намъ горько доставались и комомъ въ горлѣ ставили всѣ куски хлѣба, всѣ

Крестьянинъ Медоій Васильевичъ
Грининъ изъ Яблоницы поль.

завѣтра обѣды, и ужины. Иногда призывали намъ сидѣть приспокойно на своихъ логовищахъ съ посудой и ждать въ совершенномъ молчаніи подаяній однай варехи какого-то постнаго, а то и по-истинѣ отвратительнаго кушанья; иной разъ всѣлили намъ ставить на дворѣ возѣ барака, зва-а зва, для получения кушанья, и сохрани Господь, чтобы кто-нибудь другъ друга опередилъ. Попадалась бы! Все такое обращеніе съ нами было для насть крайне унизительно и оскорбительно. Но что было дѣлать?

Весьма печально проходили намъ дольшины ставашіе вечера и ночи, ибо бараки осѣщались скудно, только двумя керосинными лампами, но мы и за это благодарили Бога, ибо въ несвѣтленныхъ баракахъ было бы гораздо хуже.

Наши начеги первой осени и первою зимы были и жалки и опасны, ибо мы спали плотно другъ возлѣ друга, чаще всего не раздѣльясь и обуви не снимая, и при томъ адоровыѣ возлѣ больныхъ, а больныхъ, то червонкою, (поносомъ), то тифомъ, то малярией, и даже чахоткою, постоянно бывали много. Мы спали — это надо помнить — на одной истертьѣ воломѣ, постеленной на мокрой землѣ!

При всемъ этомъ бѣдствіи всѣхъ насыбла страшна нужда — миллионы вѣщій. Мы, правда, переводили два раза въ день старателюѣ ихъ гоненѣиѣніе, но вся наша борьба съ ними оказывалась безуспѣшной, онѣ удивительно живо вновь появлялись. Онѣ то и разносили наразныѣ болѣзни съ ольничьимъ узникомъ на другихъ, по всѣмъ баракамъ.

Смерть и похороны.

Было первой зимой немало такихъ случаевъ, что изъ интернованныхъ, ложившихся вечеромъ спать, утромъ нѣкоторые уже не просыпались. Если же кто въ баракѣ умеръ, то сейчасъ киали его въ самый примитивный гробъ и выносили на дворъ подъ баракъ, гдѣ покойникъ и лежащіе до похоронъ, которые отбывались скоро, — черезъ 8-10-12 часовъ по смерти.

Только немногимъ удавалось погибнуть изъ Граца лучшіе гробы и быть похороненными торжественно. Извѣстіе упокоившихся въ Талергофѣ священниковъ, напримѣръ, бѣдный и несчастный о. Несторъ Александровичъ Полянский, умерший въ болынѣ(1) на тифѣ, злобно варварски былъ больничнымъ персоналомъ нарасѣвѣтъ дна, только въ одномъ бѣльѣ и въ наскоро и грубо сколоченномъ гробѣ, съ иными бѣдными покой-

никами, забранъ и отвезенъ на кладбище и въ отсутствіи кого бы ни было изъ своихъ и безъ похоронного отпѣванія похоронен! Въ этомъ виноваты трусливая команда лагеря и чудовищно трусливые больничные врачи.

Что касается вѣщей, то были онѣ истреблены только тогда, когда уже была намъ построена баня, а въ ней паровой дезинфекціонный аппаратъ, нагревающій чрезвычайно сильно. Всякое бѣлье, платье и всякая покрывала сдавались въ этотъ аппаратъ и получались обратно уже съ совершенно убитою масою вѣшей.

Въ началѣ 1915 года, были назначены и передѣланы два барака сначала (№ 14, а позже № 13) въ больницу, но когда лѣтомъ того г. прибыла комиссія изъ Вѣны осмотрѣть Талергофъ, то генералъ, глава комиссіи, сказали, что похожи эти больницы скорѣе на нужденный магазинъ, но не на больницу. Послѣ этого были построены значительнѣе лучшіе больницы въ мѣстѣ, гдѣ я отмѣтилъ на планѣ.

Изъ-за тифа вышло не лиши то несчастья, что умерло повалено столь много людей, но еще и другое, а именно то, что все платье заболѣвшіе тифомъ крестьянъ, ихъ домашнее лыняное и коноплянное бѣлье, ихъ скрѣки и кожухи, ихъ обувь, и вообще ихъ вещи, ими самими слѣбланные, и потому и крѣпкій и драгоценныѣ, были сожжены, а имъ было взамѣнъ выдано самое дрянное, ничтожное и тандетное (плохого качества). Такъ ограбленные люди остались въ буквальномъ смыслѣ слова на гнили!

Не могу обойти молчаніемъ еще и того печальнаго обстоятельства, что больныхъ тифомъ больничной прислуги ловко обкрадывала, особенно крестьянъ, которыхъ, не кому было взять въ защиту и опеку, ибо въ баракѣ тифозныхъ больныхъ и тифозныхъ больницъ, никому изъ настѣ не было позволено ходить.

Жаль было смотрѣть и на реконвалесцентовъ: они ходили около своего барака въ одномъ бѣльѣ, заверну-

тые одѣялами или конами, худые и блѣдные какъ тѣни и голодные до обморочнаго состоянія. Имъ подавали есть только „юшку“ (жидкости). Мало кто изъ реконвалесцентовъ получалъ укрѣдитъ по стакану молока или по куску булки.

(„пошелъ вонъ, пошелъ! а то сейчасъ обворочь по мордѣ!“ Но я не убоялся; я поставилъ къ караулу остро: „Я не принимаю такихъ словъ; мнѣ нельзя говорить „marsch“, я старый священникъ“. Въ этотъ моментъ прибѣжалъ капраль и спросилъ, въ чёмъ дѣло. Я ему поя-

Группа ссыльныхъ въ Würnsdorf ad Poggelall: о. Григорій Степановъ изъ Станковецъ, о. Иоаннъ Соловейчикъ изъ Водопицъ, о. Иоаннъ Лавинскій изъ Городня и Иванъ Макс. Пашкевичъ изъ Лыкова (снимокъ сделанъ 6-го февр. 1916г.)

Меня просилъ однажды мой любимецъ, Стефанъ Фѣрко, чтобы доставить ему стаканчикъ молока и хотѣбы одну булку: и этого, нашего разговора караульные не замѣтили. Но когда я ему желаемое уже доставилъ, налетѣлъ на меня караульный съ крикомъ: „marsch! marsch! bekommst gleich a Watsch!“

Сниль, онъ записалъ мое имя, посмѣть пристально и ущель, но къ рапорту меня не вызывали.

Удовлетвореніе религіозныхъ нуждъ.

Всѣ наши опасно больные требовали исповѣди, св. причащенія и св.

елеопомазаний, но изъ всего этого получали только исповѣдь, а это потому, что не было у насъ церкви ни требинки. У нѣкоторыхъ священниковъ, правда, имѣлся свой еретик молитвословъ, нѣсколько священниковъ и дьякона успѣли привезти съ собою и изборники", но только и всего. Знаю случаи, что нѣкоторымъ священникамъ, забравшимъ съ собою, будучи арестоваными, молитвословы, выдирали изъ жандармовъ изъ рукъ и бросали ихъ въ ровъ. Понименно могу сказать, что жандармъ, который вельзъ Юрчакевича изъ Липы, изъ тюрьмы на вокзалъ, увидѣть по пути у него еретик молитвословъ, его у него выхватить и бросилъ въ ровъ! Вотъ стражъ закона и благочестія въ архистолическомъ государствѣ „его апостолического величества“ Франца Йосифа! Кромѣ того, что не было для насъ церковныхъ книгъ, не имѣли мы и церковныхъ ризъ. Съ начала нашелся эпітрахиль только у Владимира Афанасьевича Венгриновича и еще у кого то; ручной крестъ нашелся у о. Феодора Сапруни, а только значительно позднѣе дали себѣ нашишь русскимъ дамамъ сшить эпітрахи: о. Богданъ Полянский, о. Юлианъ Гумецкий и о. Василий Курилло.

Самогонтервовіе о Владимїре Венгриновичѣ и врача д-ра Владимира Могильницкаго.

Духовную помощь оказывали забольшавшимъ заточникамъ нѣсколько священниковъ, но совсѣмъ отдалъ имъ къ услугамъ и не вѣслу случаи о. Влад. Аѣ. Венгриновичъ. Его и называли сами солдаты, стоявшіе на „вахахъ“ подъ бараками съ тифозными больными, къ исповѣданію больныхъ. Такъ велось это долго, но наконецъ забольшилъ онъ тифомъ и чуть не сошелъ съ свѣта. Оправившись отъ тифа, долго хворалъ онъ реконвалесцентомъ. Къ выздоровлѣвшему о. Влад. Аѣ. Венгриновичу, многиешли благодарить его за самоотверженность и поздравить его съ выздоровлѣніемъ. Нашъ извѣстный стихотворецъ самоучка Федоричка написалъ и вручилъ ему хорошее благородственно-привѣтственное стихотвореніе.

Кромѣ о. Влад. Аѣ. Венгриновича, заслужился для больныхъ тифомъ прендию и д-ръ Влад. Могильницкий изъ Бучача. Когда свирѣпствовала пощѣть тифа во всю, когда забольшѣ этой опасной болѣзни и умеръ даже военныи врачъ, тогда свирѣпилось для насъ столь опасныхъ для державы заточниковъ великое чудо: австрійскую „ваху“ убрали отъ настъ изъ бараковъ совсѣмъ (картузы остались только въ гардѣ талергофскаго лагеря), а намъ явили въ атоною, назначая всѣхъ „циммеркомандантовъ“ нашими, за настъ отвѣтственными настоятелями. Объясняли намъ на 6 - 8 недѣль автономію, намъ сказали: „Попробуйте съ вами; хочемъ узнать, какъ вы люди; если поведете себя хорошо и безупречно, будемъ и мы для васъ иными“.

Какой хитрый выкрутъ придумали шайбы! Врачали, д-ръ В. Могильницкому, д-ръ Дорыку, д-ръ Войтовичу, д-ръ Чѣханскому (Тиханскому), д-ръ Прислонскому и д-ръ Доби, предоставили полную власть заниматься больными. Д-ръ Дорыкъ, единственній сынъ о. Феодора, за короткое время зарызлся тѣломъ и умеръ, д-ръ В. Могильницкому занялся тифозными такъ усердно, что также забольшилъ тифомъ и чуть не умеръ, но милосердій Богъ сохранилъ его при жизни; судьба надѣя нѣмъ и намъ склонилась, видно, ибо онъ оказался въ Талергофѣ и по выздоровлѣніи. Просто незамѣнимъ до конца. Военные врачи были собственно только чиновниками для больныхъ, дѣйствительныи же врачъ для нихъ бытъ только д-ръ Могильницкій.

Для иллюстраціи самоутвержденіи д-ра Могильницкаго, приведу такой случай:

Однажды, когда еще не были построены бани, вышелъ приказъ отъ команда, чтобы или изъ семейственного барака купаться въ пару гдѣ то за гигаромъ (къ моему счастью не было я тамъ ни разу) вѣсъ женщинами. Вѣсъ боялись этого купанья, ибо была эта баня черезчур ужъ примитивна и многие вѣнѣнѣ простиживались, а также нѣкоторые сводили свое платье ни на что, — при-

слуга обращалась съ купающимися безпощадно. Уже вышло изъ барака нѣсколько десятковъ женщинъ изъ интеллигентіи; ониѣ ставали възлѣ солдата, который долженъ быть ихъ конвоировать, zw'a-zwa, но, по счету солдата, вышли еще одна барышня. Дамы объясняютъ солдату, что въ этомъ случаѣ эта барышня не можетъ идти купаться, но солдатъ идетъ въ баракъ и выгоняетъ плачущую дѣвушку прикладомъ на дворъ. Вѣсъ дамы и мы, повѣхившие изъ бараковъ мужчины, возмущены поведеніемъ солдата, но не можемъ ничего помочь, ибо а неповиненъ за вмѣшательство можетъ солдатъ стрѣлять и штыковъ проколотъ. Но вдругъ является изъ барака посыпавший д-ръ Могильницкій (онъ жилъ въ семъ баракѣ съ женой и сыномъ) и рѣзко говоритъ солдату (по нѣмѣцки): „Эта г-жа не пойдетъ купаться, ибо я, врачъ, запрещаю ей идти“. Солдатъ знаетъ, что д-ръ Мог. является врачомъ, но повиноваться долженъ онъ быть только полковому врачу, а не интернированному д-ру Могильницкому, услышавъ рѣзкое слово д-ра М-го, вѣсъ за него беспокойны, думая, что сейчасъ пройдетъ его солдатъ штыковъ, но, слава Богу, вышло иначе: солдатъ присмирѣлъ и отпустилъ барышню въ баракъ.

Наше житѣе-бытѣе въ Талергофѣ.

Помню, осенью 1914 года прибѣжалъ день 14-го октября и. с.т., день именинъ цѣлести Франца Йосифа I. Полковникъ пригласилъ нѣсколькоихъ „циммеркомандантовъ“, чтобы посовѣтоватьсь съ ними относительно торжественнаго богослуженія за благоденствіе старика-юбиляра. По всему замѣтно было, что власи очень усердствуютъ, чтобы эти именины были отпразднованы особенно торжественно.

Приглашеніемъ занимался о. Коломыецъ, вплоть до поступленія подъ карантинъ, чтобы выѣхать куда-то на конфинансію. Но изъ-подъ карантинна онъ не только не выѣхалъ на конфинансію, но и остался въ Талергофѣ на всегда, ибо рассказывая со вскіями долгами по всѣмъ баракамъ и занимаясь списками всѣхъ интернированныхъ (списками живыхъ и умершихъ, приходящихъ и выбывающихъ), онъ заразился тифомъ и умеръ. Тяжело вспоминать... А, впрочемъ, да проститъ милостивый Господи!

Программа была такая: Интернированный о. духовникъ львовской духовной семинарии, о. совѣтникъ и папскій

Расскажу еще и второй случай: По разныи причинамъ не было нѣкоторое время дозволено переходить изъ барака въ баракъ. Но въ одномъ баракѣ лежавшій въ высокой горячкѣ мужикъ, сорвавшись, вылетѣлъ изъ барака и сѣвши въ сосѣдній баракъ. Видя это, солдатъ кричалъ „halt! halt!“, но когда больной на это не обращалъ вниманія, выстрѣлилъ въ него, однако промахнулся и только простирилъ стѣну въ баракѣ и ранилъ смертельно на колѣнѣхъ стоящаго иного здравого мужика. Призвали сейчасъ врача д-ра Могильницкаго. Онъ осмотрѣлъ несчастнаго мужика, но мужикъ два часа спустя скончался. Пуло, которая убила мужика, нашелъ кто-то по другой сторонѣ барака и дѣлъ ее — говорили — д-ру Могильницкому.

Команда вызывала д-ра Могильницкаго нѣсколько разъ изъ протоколамъ, дѣлали даже у него обѣкты, и требовали возвращеніи пули, но д-ръ Могильницкій сказывъ, что пуло бросилъ гдѣ-то, держался этого слова до конца и несмотря на всяки угрозы, пули не отдалъ, а, можетъ быть, и действительно бросилъ ее. Что было на самомъ дѣлѣ, я не узналъ.

По выздоровлѣніи д-ра Могильницкаго отъ тифа, или къ нему многіе поздравляли и благодарили его.

шамбеланъ, 83-лѣтній старикъ, о. Дольницикъ, всѣмъ намъ ободритель и оба-зецъ терпѣния и постоянного моленія, долженъ быть служить литургію въ со-служеніи нѣсколькихъ священниковъ, поборъхъ пѣвцовъ, о. Туховичъ долженъ быть составить пѣвческій хоръ, чтобы пѣли по нотамъ, хотя и безъ нотъ, а долженъ быть занятъ о. Корній Сенікъ устройствомъ престола, эстрады для пѣвцовъ и распределѣніемъ мѣстъ стоянія для всѣхъ христіанскихъ ин-тернованныхъ, чтобы стояли на своемъ мѣстѣ дамы, на иномъ мѣстѣ мужчины ин-телигенты, а дальше всѣ селяне и селянки, а разумѣется гдѣ-то възлы прес-тола и военные. Принять надо, что о. Сенікъ, бывшій сеймовій депутатъ, стройный мужчина и знающій все оби-ходъ, спрѣвился со своей задачей от-лично. Пѣвческій хоръ обратилъ на себѣ общее внимание полковника и всей его свиты, ибо набрали въ хоръ такихъ пѣвцовъ, что каждый изъ нихъ, самъ даже бы могъ быть управленцемъ хора.

Когда окончилось торжество, въ своръ словъ о. Корній Сенікъ (въ нѣмецкомъ языке) сказалъ во всенару-шаніе приближенію слѣдующее: "Heute ist ein Fest im ganzen Reich zum Namenstag des glorreichen regierenden Jubiläten Kaiser Franz-Josef des I. Alle Völker Österreichs beten inbrünztig für Seine Ge-sundheit und wünschen ihm vom ganzen Herzen Alles Beste und ein ruhmvolles Beenden des begonnenen Krieges; dasselbe wünschen auch wir, alle hier ver-sammelten, wir, russische und polnische Unterthanen des kaiserlichen Franz-Josef des I. Wir alle hier versammelten bitten Eure Exzellenz, Herr Oberst, unsere herzlichsten Wünsche Seiner Majestät dem Kaiser gütigst zu Wissen geben".

(Сегоднія, во всѣмъ государстваѣ, торжество тезоименитства славнонастру-вующаго юбиляра Франца Йосифа I. Всѣ народы Австріи молятся набожно за его здравіе и всѣмъ сердцемъ жалуютъ ему всего наилучшаго и славнаго окончанія начатой войны. Этого желаемъ также всѣ мы, тутъ собранные, русскіе иполь-скіе подданные юбиляра Франца Йосифа I. Всѣ мы, здѣсь собранные, просимъ вѣ-

ше превосходительство, господинъ пол-ковникъ, довести милостиво до сѣдѣнія его величества наши сердечнѣйши желанія).

Произнесеніе этого благожеланія было принято полковникомъ и прочими офицерами безъ всякаго примѣщанія, выразительное название "russische Unter-thanen" не представилось имъ на этотъ разъ чѣмъ-то неумѣстнымъ, но всѣ "украинцы", услышавъ эти слова, лютились несказанно и хотѣли непремѣнно высказать депутацию къ полковнику съ жалобою на о. Сеніка. Почему не исполнили мазепы этого своего намѣренія и рѣшенія, не знаю.

Наканунѣ нашего Рождества Хри-стова, въ сочельникъ, послѣ св. ве-черы, служились въ трехъ баракахъ, для нашихъ бѣдныхъ звяточниковъ, вечерни, повечерія и всенощны, а кромѣ этого постарались устроить съ соблюденіемъ предписаній нашего обряда и обычая, также и о "кутьѣ" (пишениѣ съ макомъ и медомъ), — она лежала на импрови-зованномъ тетраподѣ, а всѣ нахи, уч-ствовавшіе въ богослужѣніи,шли по очи-реди къ блoudу и брали ложечекъ понемногу куты, чтобы по крайней мѣрѣ такимъ образомъ припомнить себѣ нашу Свят.-Вечеру. Правда, еще и то должно здѣсь отмѣтить, что просфоры были раздроблены и всѣмъ присту-палиониѣмъ къ кутьѣ розданы!

За все время моего пребыванія въ Талергофѣ, переселился я изъ барака въ баракъ по всякимъ поводамъ 17 разъ. Еще когда я жилъ съ сыномъ и о. О. Сапруномъ въ VIII баракѣ находился тамъ тоже и о. Решетиловичъ, рѣньянъ мазепа и депутатъ парламента, но не долго: "украинскіе" депутаты, д-ръ Кость Левицкій и др. походили усердно и живо во Вѣнѣ всюду, куда слѣдовало, ходатайствуя обѣ освобожденія и о. Решетиловича, и, конечно, его освободили. Однажды къ вечеру, при тускломъ сѣ-тѣ, висящей лампы, вошелъ къ намъ въ баракъ полковникъ съ нѣсколькими офицерами и спросилъ громко: "Wo ist der Reichsrathsabgeordnete Pawel Reszetylowicz?" — "Hier bin ich", отвѣтилъ о. депутатъ и представился пол-

ковнику. — "Sie sind ganz frei. Morgen fruh reisen sie ab; machen sie sich reisefertig." Слѣдующаго дня распрашивав-ши со всѣми въ баракѣ краткими "будьте здоровы", уѣхалъ о. Решетиловичъ, давъ всѣмъ "украинцамъ" общіе скоро выдѣбѣть всѣхъ ихъ изъ Талергофа — или какъ многие изъ настѣ это мѣсто нашего заточенія называли "Teufelhof-i-s" (кортовъ дворъ). И нача-лась послѣ этого ожиданная работа внутри и вънъ Талергофа, съ цѣлью ос-вобождѣнія "украинцевъ". Между нами былъ главнымъ "махоромъ" въ томъ дѣлѣ о. Ст. Макарь изъ Новаго Мѣста, а въ Графѣ нѣкѣй д-ръ Ганкевичъ, ка-жется звать д-ра К. Левицкаго. Во времѧ этого движенія стала записываться на "украинскую листу" у о. Ст. Макара, наѣже известные мазепы, но также кое-кто изъ нашихъ, селяне и интелигенты даже, желаю, во что бы то ни ста-ло, хоть бы и этимъ путемъ, вырваться и выѣхать изъ Талергофскаго ада, въ жизнь въ Гміндѣ, а въ Ст.-Андрѣ, или гдѣ бы то ни было, на конфинацію.

Роль мазепъ.

Когда находился я уже въ IV баракѣ, какой-то "украинецъ" намъ кликнулъ: "Кто изъ наїнъ хоче выйти изъ Талергофа, наїнъ впишется сѣчьсъ у мене на укр. листу, то выйде".

Стѣ возмущенію отклинулся хо-ромъ цѣльный баракъ: "Нѣтъ вѣдь между нами такихъ, вонъ съ предложеніемъ! Дасть Богъ, выйдетъ отсюда и безъ вписыванія себѣ на укр. листу."

Агитаторъ вышелъ съ длиннѣмъ но-сомъ.

Передъ праздникомъ св. о. Нико-ляя извѣстили всѣхъ нась, что пріѣдетъ въ этотъ день д-ръ Ганкевичъ въ Талергофъ, съ той цѣлью, чтобы похи-щенія лица ему представлялись для освобождѣнія себя изъ Талергофа. И дѣй-ствительно пріѣхалъ д-ръ Ганкевичъ съ какимъ-то другимъ господиномъ. Стало всѣкіе люди тиснуться въ баракочкѣ, гдѣ освобождающая комісія начала дѣй-ствовать, о. Макарь отдельныхъ лицъ впускалъ и выпускалъ. Увидѣвъ меня,

между стоящими на дворѣ, о. Ст. Макарь былъ настолько внимательнъ, что впу-сть меня въ канцелярію и шепнувъ ухо: "Вишитесь, отче, на листу д-ра Мих. Короля изъ Жовквы" (занялъ о. М., что никакъ на "украинскую листу" не впишусь). Ставъ передъ комісію, спро-силъ меня д-ръ Ганкевичъ впервыхъ, какъ я называюсь, а затѣмъ какой я партіи? Я отвѣтилъ: "Я не есмъ человѣкъ, какой-то партіи, я членъ галици-орусскаго народа". "Такъ? То иди-те себѣ, идите! Мы знаемъ вѣсъ добре

Свящ. о. Іоанн Савичъ, законо-учитель гімназії въ Перемишлі.

не отъ нынѣѣ! — И я пошутилъ, зная уже, что меня не выпустятъ, но ради таки, что мене знать не отъ нынѣ, хотя и не съ хорошой стороны въ мазепинскомъ смыслѣ, т. е. въ безсмы-сли. Спасибо и за это.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого прочіи "циммеркемонданты" по баракамъ, что въ тако-то день отѣ-дуть изъ Талергофа на свободу, таѣ-то "украинцы", — и назвали около 120 фамилій разъ, а затѣмъ вѣсколько разъ впускалъ и выпускать. Увидѣвъ меня,

Стали мазепы въ телячъемъ вос-
торгъ наѣмъ, русскимъ на досаду, соби-
раться къ отъѣзду. И ударила чашъ от-
йтій. Нѣкоторые изъ нихъ прашались
съ нами даже словами: „дай Богъ и
вамъ скоро отсюда выѣхати“, но, ког-
да вышли всѣ съ багажемъ за ворота,
чтобы пѣшкомъ пойти на станцію Аб-
тиссендорфъ, то и кликнули намъ громко
съ дикимъ злорадствомъ: „А бодра-
бьсте, московифы, всѣ тутъ пропали!“
Послѣ этого запѣли они свое „Ще не
вмерла Україна“...

Всѣ осенью и зимою, появлялись въ Талергофѣ адвокаторы, то на площади посреди бераковъ, то гдѣ-то въ баракахъ, чтобы допрашивать интернованныхъ, за что они въ Талергофѣ попали. Меня не допрашивали тамъ уже изъ разу, на-
противъ, 15 ноября пришелъ офицеръ Лайсъ (*Lais*) на площеадь раздавать почту и многохъ о чёмъ-то осѣдѣ-
вать, онъ и прочиталъ нѣсколькими де-
сятками интернованныхъ вѣсть, что во-
енная прокуратура признала ихъ совсѣ-
мъ невиновными, — между прочими прочитанными фамилиями была и моя.
Я всѣмъ обрадовалась, ибо думалъ, что наконецъ, выпустятъ меня на свободу, но г. Лайсъ добавилъ въ концѣ сооб-
щенія еще слова: „Aber aus unschre-
ckenden Gründen bleiben Alle freigespro-
chenen auf unbegründete Zeit hier!“ (Но по
нѣвѣдомымъ наѣмъ поводамъ, вѣсъ освобожденные останутся здесь на неопре-
дѣленное время). Вотъ, какъ момен-
тально убита была радость! Позже узнали мы, что освобожденіе ин-
тернованныхъ изъ талергофскаго заточ-
енія зависитъ не отъ военнаей проку-
ратуры, а отъ д-ра Ганкевича и его
конторскихъ помощниковъ, стоящихъ подъ командою „украинскихъ“ верхо-
водовъ во Вѣнѣ. — Кромѣ извѣщенія о невинности, отдалъ мнѣ г-нъ Лайсъ и пакетъ со всѣми бумагами, ко-
торая забралъ мнѣ было, жандармъ во время обыска и арестованія. Какъ опе-
чатали оба мы, т. е. я и жандармъ, наши-
ми официальными печатями пакетъ тогда, такъ не вскрытыи и непроніканыи
отдала мнѣ его прокуратура, ко-

торая, повидимому, этихъ бумагъ не хо-
тела видѣть и не видѣла.

Делосы.

Съ нѣкоторыми интернованными произошли допросы очень интересно и замѣчательно. Примѣра ради упо-
мнули о нѣкоторыхъ. Одну крестьянку изъ Надворной (къ можетъ быть изъ села Н.) спросилъ прокуроръ: „Вы изъ какой партии?“ — Я отъ коровы! — отвѣтила баба. — „Какъ же отъ коровы?“ — спросилъ удивленный адвокаторъ. — „Ну такъ, прошу наименование“: я служу въ дворѣ, то тамъ яѣ-
лимъ всѣхъ слугъ на партии, одна при
кояняхъ, друга при волахъ, еще книча при
берегорахъ (свиньяхъ), а я при коровахъ и
яловинки“. — На такой простой от-
вѣтъ ульнулся адвокаторъ и отпустилъ бабу.

Иную крестьянку изъ Бродовъ (изъ-
томъ 1915 года) спросилъ адвокаторъ:
„На васъ донесено, что вы вступили въ
свою хату „москалей“. Почему сделали
это?“ — Крестьянка съ крайнимъ
волнениемъ ему отвѣтила также во-
просомъ: „А поѣхали австрійскіи
войска „москали“ до Галичинѣ?“ — Адв-
окаторъ мотнулъ только головой, безпо-
мощно и отпустилъ ее.

Однажды, была я допрошена по
дѣлу обвиненного о. Северіана Ільин-
ского. При допроѣ помогать адвокатору
авдокатскій конціпіентъ изъ Дрогобича.
Адвокаторъ спросилъ меня: „Что вы ска-
жете о томъ, что о. Ільинський основалъ
съ своимъ приходомъ читальню О-ва им.
Мих. Кауковскаго?“ — „Скажу только,
что, это хорошо; ничего преступнаго въ
этомъ не было, я имѣла у себя тоже
такую читальню; — ихъ было въ Гали-
чинѣ около тысячи“ — отвѣтила я. —
„Такъ? И вы говорите это такъ смѣ-
ло?...“ — И почему же мнѣ обѣ этомъ не
говорить смѣло? Вѣдь же о. Ільинський
и всѣ пріеѣ, мы получили разрѣшеніе
на основаніе читальню О-ва им. М. Каук-
овскаго, отъ намѣстничества во Льво-
вѣ чрезъ старосту, на бумагѣ. Само-
вольно и тайно мы этого не дѣлали“. —
На эти мои слова пріѣтиль адвокатъ

скій конціпіентъ (офицеръ): „Ja, ja, an
Allem ist die Lemberger Statthalterei
schuldig“. (Да, да, во всемъ этомъ вин-
овно львовское намѣстничество).

Чрезвычайно характерны были допро-
сы совѣтника суда Богдана Б.
Дѣдичаго, надсовѣтника суда
Влад. Литинскаго и секретаря
старосты въ Синокѣ г. Андрея Бу-
геры.

Первыхъ двухъ, узнать, кто они, спросилъ адвокаторъ: „Когда были вы
именованы совѣтникомъ и надсовѣтни-
комъ суда?“ — „Въ юнѣ 1914 года“. —
„И сейчасъ по повышенію въ чинѣ, васъ
арестовали? Удивительно! Вѣдь же для
повышенія по службѣ, признали васъ
совершенно лояльными. Нѣтъ никакой
послѣдовательности въ дѣлопроизвод-
ствѣ галицкихъ верховодовъ! Идите вы,
господа, черезъ недѣлю будете свобод-
ны“. Такъ и вышло.

Между нами въ Талергофѣ было
еще одно замѣчательное лицо, славный
мужъ, д-ръ Николай Аントон-
евичъ, выслыженный учитель гимназий,
писатель широконизвестный скімовъ
депутатъ. Сколько молодежи воспитали онъ!
Какимъ славнымъ и любимымъ педаго-
гомъ былъ онъ, и все же очутился въ Талергофѣ и пробылъ тамъ свыше
пяти мѣсяцевъ! Нѣсть, учениковъ его, бы-
ло много съ нимъ въ Талергофѣ, мы
очень жалѣли его. Онъ претерпѣлъ мнѣ-
го въ талергофскомъ аду физическіи и
нравственніи, пока его освободили, онъ,
правда, не авансировалъ такъ быстро, какъ
чиновники суда; его вообще какъ слав-
но-іаѣтного русскаго патріота полити-
каны не любили и боялись, хотя и вы-
соко почитали, но все таки ему въ ло-
жильности безпречному, только закон-
ному путемъ шедшему, не должно было
случиться такого преступленія, гоне-
нія и униженія, какимъ онъ былъ под-
вергнутъ. Если бы не Талергофъ, д-ръ Н. Антоновичъ въ 1919 г. еще не умеръ бы; въ Талергофѣ несомнѣнно здоровье
его пошатнулось, несмотря на то, что
быть по своей русской природѣ, весьма
твѣрь и выносливъ. Д-ръ Людкевичъ
не смогъ заточенія перенести. Не вы-

несь униженія, оскорблений и заточни-
чество и вскорѣ умеръ въ Талергофѣ.

Андрей Бугера предстатья прѣль
авдиторомъ въ чиновничьемъ мундирѣ,
съ крестомъ заслуги на груди, ибо такъ
одѣтъмы арестовали его 2-го августа
1914 г., когда выходилъ въ парадной
формѣ изъ церкви.

— Вы кто такой? — спросилъ ав-
диторъ.

— Я служилъ 12 лѣтъ въ арміи.
Въ чинѣ фельдшебеля поступилъ я на
службу въ старостѣ, секретаремъ ста-
росты служилъ я 28 лѣтъ. Теперь я въ
отставкѣ съ пенсіей, съ крестомъ заслуги
заслужилъ въ вѣрную службу, и здѣсь, въ Тал-
ергофѣ!

— Удивительно, какъ съ вами по-
ступили. Идите. Постарайтесь, чтобы вы
увидѣли скоро отсюда.

Черезъ нѣсколько недѣль были
всѣ они отпущеніи на свободу, хотя не
въ одно время, ибо не въ одно време-
ни, впрочемъ, ихъ допрашивали.

Патріархъ заключенныхъ о. Дольницкій.

Необыкновенная исторія вышла
и съ арестованиемъ о. Дольницкаго, ду-
ховника львовской дух. семинарии и пап-
ского шамбелана, 83-лѣтнаго старика,
ложильнѣйшаго подданнаго, быть мож-
етъ, болѣѣ чѣмъ министръ-президентъ
и болѣѣ папскаго, чѣмъ кардиналъ-при-
масъ. Его арестовали маѣлькѣ солдаты,
гдѣ-то недѣлко австро-руssкіи границы и
вымучили его по порядочнно, посадили на
шушу и вели его на ней привязаннаго
далеко, въ какую-то команду, которая
затѣмъ и доставила его въ Талергофѣ.

И быль-жъ у какихъ то тамъ вер-
ховодовъ совсѣмъ продержать стари-
ка-ветерана, столь заслуженаго и много
молодежи къ священническому званію
воспитавшаго въ Талергофѣ, до по-
ловины зими! Гдѣ онъ ютился, какъ
сидѣлъ и какъ спалъ! Самыи виды и
состоянія этого старика вымыкали изъ
глазъ снѣзы. Но при всемъ этомъ уни-
женіи какъ бодро, крѣпко, безропотно,
примѣрно и низнѣдѣльно онъ держалъ
сѧ! Священники оо. Машацъ изъ Ли-
пицы, Петръ Подгорецкій и другие, ко-

торые налике къ о. „патрарху“ по-мѣщались, читали вмѣстѣ съ ними ежедневно громко все Правило, а часто и Параслью ко Пресв. Богородицѣ, а какъ только требовалось богослуженія для всѣхъ (вечерни, утренни, литургіи и пакліса), то онъ шелъ служить начальствующимъ.

Наконецъ пришло и о. Дольницкому освобожденіе изъ Талергофра. Многіе интернованные пришли его прощать къ воротамъ, — вскій радъ былъ ему въ чмь нибудь прислужиться, а оо. Машакъ и еще кто-то (и я нѣсколькими словами) пронесли старику трагетальные пращальныя и благодарственныя рѣчи, за чудный примѣръ терпнія и неупаданія духомъ.

Паденіе религіозности.

Я замѣтилъ, что многіе изъ заточниковъ часто, долго и стъ усердіемъ молились, но и немало было такихъ, которые проводили свои дни прямо таки бездоно.

Въ 8-омъ баракѣ помешался около меня отецъ съ тремя сыновьями. У нихъ было много денегъ, и вотъ они покупали много всякихъ сбѣстныхъ припасовъ, готовили и „смажили“ (жарили), и 6—8 разъ въ деньѣѣли. Но о молитвѣ они забыли совсѣмъ! Однажды утромъ въ баракѣ было такъ неспокойно, что я и сынъ лишились съ трудомъ могли лежаться. Подумавъ, сказали я громко: „Братя — заточники! Велико постигло наше горе, но слѣдуетъ намъ заводить сссоръ и браниться, вотъ, лучше всѣ успокойтесь и молитесь Богу о спасѣніи насъ тяжелаго креста!“ Послѣ этого утихло въ баракѣ, но отецъ трехъ сыновей сказалъ съ яростью въ голосѣ: „Мѣй и монимъ сыновьями, не надо молиться! Насъ везли жандармы восемь миль, съ закованными въ кандалы руками, пустъ же это униженіе замѣнить всѣмъ намъ молитвы на весь гоѣ!“ Отецъ и сыновья — рѣзыны „украинцы“, расчесывавшіе, конечно, на совсѣмъ иную участъ. Отецъ этотъ, освободившись вмѣстѣ съ сыновьями изъ Талергофа, поселился съ ними во Вѣнь. Ма-

зепинскіе верховоды пригласили однажды и этого отца на свои собѣщанія. Когда пришла бывшая на очереди точка собѣщанія о томъ, кого слѣдовалоѣи освободить изъ Талергофа, предложили кто-то изъ менѣе завязыхъ и враждебнѣи всему, что русское, чтобы освободить всѣхъ Полянскихъ, которые будь-что будь, все же оказались самоутвержденными дѣлами для народа». Услышавъ это, отецъ трехъ сыновей, вскочилъ какъ ошпаренный и сталъ уѣздть на Полянскіе, какіе-де они опасные, такъ что не лишь упало предложеніе, но и еще было рѣшено придержать ихъ въ Талергофѣ до конца. Такъ Полянскіе и выдѣржали въ Талергофѣ до конца, до 7-го маѣ 1917 года! Пусть и радуется этотъ отецъ „добро-дѣлникъ“.

Общія молитвы и богослуженія.

Переселившись изъ 8-го въ 4-ый баракъ, замѣтилъ я, что здѣсь интеллигенты и селяне были почти всѣ наши, русские; циммерманентомъ былъ о. Влад. Вахнининъ. Посовѣтовавшись со мною, Сапруномъ, Кузьмой, и сыномъ, предстѣвилъ я о. Вахнинину, что слѣдовалоѣи извѣстить всѣхъ товарищей недоли о томъ, что ежедневно и точно въ 6 ч. утра и 9 ч. вечера будетъ кто-то, давъ знакъ рукоплесканіемъ, громко, во всенародное, молиться, читать молитвы: „Отче нашъ“, „Богородице Дѣво“, „Подъ твою милость“ и „Осаны, остави“. И о. Вахнининъ сейчасъ согласился и извѣстилъ о такомъ постановленіи сожителей.

Благодаря этому нововведенію, значительно окрѣпѣлъ духъ всѣхъ заточниковъ въ баракѣ. И въ др. баракахъ, узнавъ о нашемъ новомъ порядкѣ, люди ввели себѣ его также. Вообще общая молитва понравилась всѣмъ несказанно, на жаль, однако, видѣли мы и таихъ нашего обряда людей, которые на время молитвы будто бы непросыпались, даже головы изъ подъ одѣяла не покидали! А какъ сталимы, т. е. нѣкоторые священники, по баракамъ подъ воскресенья и праздники, т. е. наканунѣ

и въ воскресенія и праздники, служить вечерни, утренни и литургіи, а даже академисты и парастасы, то мы были вынуждены видѣть такихъ бездушниковъ, что, сидя въ баракѣ, не лишь не переставали курить папиросокъ, но и въ картии себѣ дальше играть! А на упредки и увѣщанія изъ-за такого ихъ нелѣпаго поведенія, они отвѣчали, что они здѣсь не кто иные, а только — заточники, вотъ все.

Да и не такія еще нелѣпости и дерзости говорили они, но не стану приводить здѣсь всего этого, а указу толькo, что доходило до того, что многіе даже званіе свое отрицали, но какъ лишь приходилось или на почту за жалованье, то они сейчасъ къ нему признавались!

Лѣтомъ 1915 года достался я въ 31-ый баракъ. Съ перваго же дна сталь я утромъ и вечеромъ для всѣхъ громко молились, но уже на четвертый день я долженъ былъ переселиться въ XIII баракъ, ибо въ этотъ день утромъ, когда я стала молиться, меня прокляли одинъ интеллигентъ(!) въ всенароднѣи: „А шляя бы тебѣ трафинъ за твою молитву!“ Вотъ до чего дошло это паденіе нравовъ. Есть, видно, любители на свѣтѣ, которые ни своего ни чу-

ное, божественное, служить только ма-
монтъ даже и тогда, когда занимаются

* Свящ. о. Олимпій А. Полянскій — родился (сынъ о. Аванасія и Мелани изъ Венгриновичей) въ 1856 г. въ Яблонкѣ нынѣ, югъ Турка, въ Галичинѣ. Гимназію посѣщалъ и окончилъ въ Самборѣ, богословскому факультету во Львовѣ и Перемышлѣ. Хиротонизований въ іереи (послѣ бракосочетанія съ Мальвиною, дочерью о. Іоанна Гамы) былъ священникомъ сотрудникомъ по Вислоѣ горамъ, затѣмъ въ Хиропѣ; одонѣй рано и замѣнѣнъ сельское сотрудничество на го-родское, промѣнявъ 8 лѣтъ въ Перемышлѣ, тѣдѣ поработалъ много и успѣшно для рус- скаго дала подъ руководствомъ д-ра Николая И. Антоненчика. Обладаю недюжин- ными проповѣдническими дарами и умѣніемъ синкапії себѣ довѣрія и симпатій на- народа.

Ставъ наконецъ настоятелемъ прихода въ Юровцахъ, синоніаго уѣзда, о. Олимпій развернула энергичную дѣятельность въ Синючинѣ, въ контактахъ и согла- сованіи сотрудничества по просвѣщенію и организаціи тамошнаго русскаго крестьян- ства и мѣднанства съ такими народными дѣятелими, какъ о. Генрихъ Полянскій, ю. Калужинскій, Оснінъ Москалікъ, Сѣкеринскій, д-ръ Искрицкий, нотаріусъ Кокуревичъ и др., помогая въ работѣ синоніаго філія О-ва им. М. Кацковскаго, ос- нованнаго кредитомъ О-ва „Бесніль“ директоромъ котораго стаѣлъ впослѣдствіи, пріобрѣтѣннѣи „Народнаго Дому“ въ Синючинѣ и т. д.

При читаніи въ Юровцахъ имъ же основаннѣи и руководимый любитељ- скій драматическій кружокъ ставилъ со большимъ успѣхомъ рядъ пьесъ, въ ихъ

науками или когда извлекают себя пользу из своих наук. Весьма печальное явление.

Постройка церкви.

Отсутствие церкви въ лагерь да-лось вѣмъ намъ, вѣрющимъ и къ Богу стремящимся, особенно болѣо. Намъ, почему-то не давали возможности устроить въ лагерь свою церковную жизнь, какъ слѣдуетъ.

Еще въ ноябрѣ 1914-го года распоядились наша команда, чтобы быть построены храмъ — собственно костелъ, ибо безъ царскихъ вратъ, иконостаса и пр.—для вѣрныхъ гр.-кат. обряда, но все-таки католиковъ. Для некатоликовъ же, именно для православныхъ, позволили полковнику построить барвикъ съ иконостасомъ и однимъ престоломъ въ пресвитерии, даже съ небольшими куполомъ. Костелъ для нась уже былъ покрытъ черепицами, но вдругъ была работа пристрановлена съ момента, какъ вспыхнула апидемія тифа. До весны ни-чего по постройкѣ не лѣжалось,—за это время послужилъ незаконченный костель складомъ домовинъ (гробовъ) съ умершими интернованными. Были такѣе дни, что установлены были по серединѣ храма по 5—8 и 10 гробовъ!

Весною не было уже пошести, и мастера приились за завершеніе постройки храма. Въ концѣ мая 1915 г. состоялось торжественное благословеніе его delegatомъ лат. епископа изъ Граца, весьма пишно, съ участіемъ всей нашей команды и всего нась стерегущаго войска, и въ присутствіи всѣхъ нась. На окончаніе торжества пѣлъ нашъ хоръ подъ регентствомъ о. Петра Дуркота, деркаль регентствомъ о. Петра Дуркота, деркаль гимнъ „Боже буди покровитель”, по нѣмѣцки и по русски.

слѣдъ о. Олимпіемъ написанную и весьма популярную трагедію п. а. „Ведникъ ученица Варвары“. Писалъ о. Олимпій много, подписывая чаще всего псевдонимомъ „Всегородъ“, статьи, пьесы, стихотворенія, помѣщаемыя въ гал.-рус. изданіяхъ. Состоялъ продолжительное время инце-маршаломъ и маршаломъ сибирской уѣзданной земской управы. Несмотря на это, все таки въ августѣ 1914 г., когда вспыхнула война, былъ австрійскимъ жандармомъ арестованъ и вывезенъ въ Талергрофъ, въ которомъ — какъ известно изъ печатаемыхъ здѣсь записокъ его брата Генриха — скончался и похороненъ со многими другими на измѣстномъ кладбищѣ „подъ соснами“.

Намъ, несчастнымъ заточникамъ, отдали этотъ костель въ пользованіе. Хотѣть на немъ многое было далеко не таинъ устроено, какъ полагается въ русской церкви, все же мы возврадовались несказанно тѣмъ, что смогли служить Литургій, а по крайней мѣрѣ, что будемъ присутствовать на св. Литургіяхъ, если кто будетъ намъ служить. Самонянѣто, что радовались мы и служежію вече-ренію, утрену, молебнову, акаѳисту и нарасташу въ церкви, ибо, хотя служили мы эти богослуженія и по бара-камъ, то все таки служеніе ихъ тамъ было далеко не то, что въ церкви.

Настоятель прихода.

Но увы! Какъ же не легко давалось намъ служеніе св. Литургіи! Намъ объявлено, что будетъ служить Литургію и пріоръ богослуженій только поставленный для нась „парохъ“, о. Ярославъ Карпикъ, окончивший богословскія науки въ Римѣ и тамъ, рукоположенный, прослуживъ одинъ годъ мисіонеромъ въ Канадѣ, а попавши въ Талергрофъ на постъ „пароха“, какъ бѣженецъ, съ поста катехизатора при „вѣльзовой“ школѣ въ Дрогобичѣ. Несомнѣнно о. Карпикъ, рукоположенный толькѣ въ 1906 г., ставъ нашимъ настоятелемъ, получивъ особыя инструкціи, какъ съ нами, столь для державы опасными людьми, поступать. И оказался, о. Ярославъ К., „römischlicher als der Papst selbst und österreicher als der Erzösterreicher“ (болѣе папскимъ, чѣмъ самъ папа и болѣе австріакомъ чѣмъ архіканцѣ). Полковники постарались достать для нась, прапора, одну часу съ дискосомъ, зѣздоно и ложечко для причащенія вѣрныхъ, фелонъ, эпитахиъ, нарахивцы, поясь, наплечникъ и стихарь принятаго въ нашей церкви, но о цер-

ковныхъ книгахъ вѣльзъ намъ самимъ заботиться.

Равнодушіе ordinariatorovъ.

Всѣ три наши епископскіе Ординариата забыли о нась совершиенно, имъ даже совсѣмъ не было, ни желательно интересно, узнать, какъ обстоитъ дѣло съ нашей духовной жизнью въ за-точнѣ, какъ или кѣмъ удовлетворяются наши религиозныя нужды.

Выходили курсевы. Такъ напр. о-ч Ярославъ попросить кого-то въ Вѣльзѣ о пріясловѣ Служебника (Литургіона). И, вѣтъ, прислали друзы нашей Церкви и нашего народа малый Литургіонъ, сѣѣжко въ Вѣльзѣ на малой машинѣ отпечатанный — фонтикою! Но самъ вѣльзъ такого литургіона охватилъ несвойственный жаль и досада на ничѣмъ неоправданную, беспричинную и без-смыслиенную ненависть нашихъ Австрійцевъ и пруссаковъ испеченныхъ „украинцевъ“, даже къ стариннымъ и полного уваже-нія достойнымъ церковнымъ книгамъ. Къ счастью оторвались этимъ фонтическимъ Литургіономъ и о. Ярославъ, — употребленіе такого Литургіона перешло вѣтрочно границы его инструкціи, — и отправленъ быть этотъ литургіонъ обратно въ Вѣльзѣ. Черезъ нѣ-сколько дней прислали намъ прѣлатъ, о. Дольницкий, изъ Граца, свой малый Литургіонъ и, вѣтъ, началь служить Литургію. О. Ярославъ по воскресеніямъ и праздникамъ, съначала только одинъ, а черезъ нѣсколько недѣль съ двумя-тремя священниками безъ бороды (такіе казались ему все таки подъальные право-и-цареславія). Въ усердіи и вышко-ленности о. Ярославъ по исполненію душпастырскихъ обязанностей, согласно римскому воспитанію и полученнымъ инструкціямъ, отказать нельзя было, но голосъ къ пѣнію и проповѣдническаго здравія у него не было. Да у него не было и зодоровья, котораго вѣбодавъ берече не умѣлъ. Чёрный кофе пилъ слишкомъ часто, курить слишкомъ много и одѣвался, идя служить зимнею по-рою, такъ же, какъ и лѣтомъ, по моло-дечки, словомъ, щеголялъ и — умеръ.

Принудительный моленія.

Послѣ каждой Литургіи и вечерни или молебна вѣльзъ о. Карпикъ пѣть „Боже буди покровитель“. И народъ пѣлъ, ибо какъ же было не пѣть. Одни, можетъ быть, пѣли думы, что это по-можетъ кое-что къ выходу изъ Талергрофа, а иные, просто, „страхъ ради йѣ-дейска“... Вѣроятно пѣлось это „Боже буди покровитель“ повсюду и денно и ноно и во всей австрійской державѣ, ибо требовала этого державная поли-тика, но къ чему было все это? Въ 1918 году Австрія разсыпалась въполь-ской газѣтѣ „Derpesza Lwowska“ помѣ-стить кто-то къ сообщенію о распаде-рѣ Австрії, такія слова: „Австрія вѣльзъ всегда и всюду молиться и служить Литургіи за свою чѣлость и за свое величе, а что ей помогли эти молитвы и Богослуженія? А неумолимый рокъ го-товилъ ей неминуемое распаденіе“. На такія слова не могу не возвратить: Молитвы и Литургіи за чѣлость и величе Австріи были бы ей навѣрно спасительны, если бы совершались онѣ не какъ „за панщину“, не по принужденности, не такъ, чтобы надо было бояться за немоленіе, непѣніе „Боже буди покро-витель“ и за неслуженіе предписаныхъ молебновъ о сохраненіи и благополющи-цѣа-ко-дома, не изъ боязни быть обвиненнымъ въ недѣйствіи, а только, если бы возво-нись и совершились отъ искреннаго и благодарнаго сердца всѣхъ гражданинъ, за твореніе имъ добра и правды. Но именно этого не испытали, ни чехи, ни словаки, ни хорваты, ни словенцы, ни дальматинцы, ни сербы, ни румыны, ни итальянцы, ни галицко-угорско-буковинскѣе русины. Ко всѣмъ этимъ вѣтроподдѣльнымъ наро-дамъ относились австрійское правительство крайне враждебно и вѣтъ-же не-справедливо. Въ Австріи добро и прав-да давались всѣцѣю только нѣмѣцамъ, а посѣдѣ имъ покровительствовало австрій-правительство преимущественно евре-ямъ, дальше благополющи-ко-мадьярамъ и по-полакамъ.

Бородатые священники стали энер-гично требовать разрѣшения служить ли-

тургії и въ концѣ концовъ добились этого права. Но пока это наступило, многие священники или только къ исповѣдіи и св. причащенію. Въ томъ же, въ сущности похвальному дѣлѣ, поступали одни священники, какъ подобало ихъ до-
стинству, иные несостыдственно: одни стравили приступать къ св. причащенію въ эпітрахилѣ вмѣстѣ со священникомъ, служащимъ Литургію при престолѣ, иные, стоя на колѣнѣахъ вмѣстѣ съ мірянами.

Богослужій.

Какъ только допущены были слу-
жити Литургію и бородатые ереи, скла-
зались крайняя необходимость иметь
второй літургиконъ большого формата,
чтобы можно было по немъ читать
издѣлія (были два служебника жолков-
скаго изданія, но они изъ-за слишкомъ
малыхъ буквъ были очень наудобны),
такъ, вотъ, признались два моло-
дыхъ священника, о. Богданъ и о. Кон-
стантина Пеленскіе, написать печатными
большими буквами Литургію Иоанна Зла-
тоустаго, и написавъ ее и переплетши, от-
дали къ общему употребленію. А такъ
какъ было очень неудобно служить
проскомидію при жертвеннѣкѣ изъ боль-
шого и малаго літургикона, то напи-
сали я печатными буквами "проскомидію"
и умѣстить надъ жертвеннѣкѣмъ. И ставило служить Литургію по троє и
по пятеро священниковъ одновременно.
Фелоны и прочіи ризы нашлись скоро,
ибо ревностные священники жертвова-
ли охотно на покупку нужныхъ церк-
вь, а о. Богданъ Полянскому, присланъ
шуринъ его, священникъ изъ Прелукъ,
одинъ фелонъ съ прочими частями.

Со временемъ достались намъ еще
два літургикона, одинъ малый болѣе
раннаго изданія, и одинъ большой —
новѣтшаго Ставрополійскаго изданія. По-
слѣдній привезъ намъ о. д-ръ Жукъ изъ
Вѣны, действительный нашъ парохъ,
ибо о. Карпикъ, какъ выяснилось, былъ
только его замѣстителемъ.

Постепенно налагивалось служеніе
Литургіи и прочихъ богослужѣній, съ
помощью ревнителя о. Василия Курил-
ла, совсѣмъ какъ слѣдуетъ, и могло

происходить съ 5 ч. утра (а въ великие
праздники даже съ 3 ч. утра) до самого
полдня, въ теченіе трехъ четвертей
часа, и по 8-ми священникамъ вмѣстѣ,
если столько ихъ къ служенію записы-
валось.

Служилось, разумѣется, наиболѣе
читайшихъ літургій*. По воскресеньямъ
и праздникамъ служилась съ 9 ч. утра
всегда поемая, соборная літургія. Въ та-
кой форме літургіи быть начальствующимъ
всегда о. Карпикъ, по его заболѣ-
вніи и смерти, о. Зарыцкій, а по отпуще-
ніи его на конфінанцію. о. Курдыдикъ,
— всѣхъ бородорѣ. Если явились къ намъ о. Жукъ, или присланый имъ о. Лижегубский, то начальствовали они и проповѣдали. Священникъ же со. Зарыц-
кому и Курдыдику не было разрешено
произносить проповѣди, но о. Курдыдикъ,
иногда оповѣщая и объясняя кое-что о праздникахъ или постахъ, дерзай-
тельно размазнувшись на рѣбъ характера пропо-
вѣдѣ.

Замѣчательный былъ однажды случай
с фелономъ и эпітрахилѣ тѣхъ свя-
щенниковъ, которые прѣѣхали къ намъ въ Талергофъ вмѣстѣ со многими міря-
нами обѣго пола изъ тюрьмы въ Тे-
ренштадтѣ. Такъ какъ было между
всѣми нами, заточниками, и множествомъ
православныхъ, — насыть не хотѣли или
боялись называть православными — то
они постарались съ полушутомъ разубѣ-
женія на постройку особой, православной
часовни. И они построили себѣ, стара-
ясь братерьевъ Кисѣльскихъ, Діонисія и Юліана, ерет. и мірянинъ, часовно, а
с помощью большинства мастеровъ, шля-
пинъ русскихъ солдатъ, снабдили и
украсили они часовно хорошими ико-
ностасомъ и престоломъ. Не имѣя съ
начала церк. ризъ, брали они секретно
наши фелоны и эпітрахилѣ, привезен-
ныхъ изъ Терезина: Конечно, о. Карпикъ
не зналъ о томъ, что выдавалась икон-
ография и літургіи изъ нашей церкви
православнымъ о. Кисѣльскому и Гудимѣ къ употребленію въ ихъ ч-
снови. Но однажды встрѣтился о. Кар-
пикъ кого-то несущаго эти ризы въ на-
шу церковь. „Откуда ты это несешь?“

— спросилъ о. Ярославъ, — „Изъ пра-
вославной часовни“, — отвѣтилъ несущій.
„Какими образомъ?“ — „Мы заняли эти
ризы къ нашему богослужѣнію“, — сказа-
лъ несущій, — „Такъ? То отнеси ри-
зы обратно въ часовню; я не позволю
ихъ больше употреблять въ нашей цер-
кви“.

Какой фанатизмъ — говорилось
въ лагерѣ — уже будто и ризы пропи-
тины „сжигамо!“. Удивительное опасе-
ніе, смѣшное даже!..

Буковинскіе православные служили
себѣ въ своей миловидной (особенно
внутри) часовнѣ въ богослужѣніи, кро-
мѣ св. Літургіи, ибо всѣ ихъ старанія
получить отъ своего архиепер. изъ Чер-
новца все нужно къ служенію св. Ли-
тургіи, кончились ничѣмъ.

Чтобы могли иногда буковинскіе
православные причащаться, привозили
имъ изъ Граца (кажется изъ сербской
церкви о. Преличъ) освященные дары
сюда въ Талергофъ и передавали ихъ
о. Кисѣльскому, а онъ сохранялъ ихъ
въ кивотѣ на престолѣ.

Живописцы и др. художники.

Костель, служившій намъ церковью,
умѣло и красиво расписывалъ какой-то живо-
писецъ изъ Граца, хорошо же и почи-
тистически живописовалъ православную
часовно два лица, именемъ: окончившій
въ Черновцахъ Богословіе г. Васильев-
ичъ, женатый, но еще не рукоположен-

ий, и о. Р. И. При семъ долженъ я
замѣтить, что терроръ привель въ Талергофъ и „несколько человѣкъ, настоя-
щихъ художниковъ, изъ которыхъ указа-
нію троихъ, т. е. о. Куника, известнаго

А. Г. Винничукъ, б. узникъ австрійскіхъ воен-
ныхъ тюремъ въ Венгріи,* выѣхъ директоръ
издательства „Хутофъ“ въ Прагѣ, Чехословакія.
выставленными картинами на льзовской
выставкѣ и двоихъ вышеупомянутыхъ.
Въ Талергофѣ о. Куликъ былъ недолго и

*) А. Г. Винничукъ, родился въ с. Княжѣ, у. Снятинъ (Покутье).

Въ 1914 г. вышелъ по мобилизациѣ на войну въ качествѣ прапорщика запаса
и уже 21-го августа 1914 г. былъ арестованъ военными властями въ Мостахъ вѣдъ въ
штабъ 2-ой кавалерійской дивизіи, по указанію главной ставки австрійской арміи.
Основаніемъ для ареста послужилъ доносъ „Комитета украинскихъ офицеровъ“ въ
3-му артил. полку въ Перемышлѣ, во главѣ съ підкнмъ Магдаленомъ, преподавателемъ
въ „украинской“ гимназіи въ Черновцахъ.

Обвинение гласило: „государственная измѣна по отношенію Австро-Венгріи
и — русофільство“.

По арестованію была вымѣстѣ съ судьей д-ромъ Вл. Решетиломъ заключенъ въ
военную тюрьму во Львовѣ, а затѣмъ при эвакуаціи Львова выведенъ военно-поле-
вымъ судомъ въ Венгрію и томисли въ тюрьмахъ въ Мукачевѣ, Бещедрахъ, Коло-
шварѣ и Будапештѣ. Военное слѣдствіе противъ него было, въ концѣ ковцовъ, прекра-
щено, и въ маѣ 1916 г. онъ былъ освобожденъ.

не занимался художественными работами, но о. И. и г. Васильевичи, были въ звочених до конца (до 7-10 1918) и произвели за это время много прекрасных вещей. А о. И. и г. Васильевичи рѣзьбили очень много, и то удивительно искусно и красиво; занимались еще этими и мн. др., а именно: о. Конст. Полянский, о. Гудима, о. Чертежкинскій, о. Копыстинскій, о. Чекалокъ, одинъ карликъ (былъ), о. Богданъ Полянскій и др. Но живописаниемъ, писацемъ портретовъ, занималъ о. И. на болѣе широкую скалу, а живописаниемъ иконъ для церкви и для частныхъ лицъ потрудились много и успѣшино, именно двое: о.И.и г. Васильевичи.

Плащаницу для нась на Великій Пяточкъ, плащаницу для православной церкви, и наимѣстные иконы для той же церкви, написали о. Р. И. пренайдрило, а мы, бѣдные звочники, имѣли свое удовольствіе уже въ томъ, что могли обносить плащаницу вокругъ церкви въ Вел. Пяточкъ и что могли ею устроить себѣ Божій гробъ.

Вышивальщицы.

Если скажешь я выше о произведении нашихъ художниковъ—рѣзбарей и живописцевъ, то было бы несправедливо не высказатьъ сть признательностью о многихъ нашихъ женщинахъ за то, что прониклись съ большими усердствомъ многого шить и вышивать, не жалѣя ни приближного труда, ни хлопотъ, ни издережекъ. Прекрасные вещи производили они, дамы и дѣвицы, женщины изъ интеллигентнаго, мѣдѣцтвенаго и даже изъ селянства. Замѣчательные по красотѣ и изящности вещи въ ходили изъ рукъ г-жи Байковой, г-жи и двухъ красавицъ Раставецкихъ, дѣвицы Кульбѣ, Лаврыши, г-жѣ Созанской, Чубатой, нѣсколькіхъ дѣвицъ патріотокъ изъ Галича, дѣвицы изъ Костровецъ отъ Слюнка и мн. др. Пренайдрило нашему защитнику, поручику Осташевскому, блѣму ворону, въ средѣ поляковъ, вышли и пожертвовали наши русскія дамы на память большую скатерть, полотенце и салфетки, такъ красиво, художественно, что хоть на вы-

ставку ихъ подавай. Г-жа Байкова сшила намъ при содѣйствіи барышни Лаврыши и два фелона съ эпітрахилиями, воздухомъ и покровцами, а также стихарь.

Подобно уже вышеупомянутымъ потрудились такъ въ Талергофѣ и многія другія, просто, чтобы только время нешло даромъ, и чтобы тоска по своимъ не разрывала сердца.

Пѣвцы и пѣвицы.

Тутъ годится также высказаться о нашихъ пѣвцахъ и пѣвицахъ, относительно нотного пѣвія вообще и нашего церковнаго пѣнія въ частности.

Въ Талергофѣ нашлись такие извѣстные пѣвцы и управители хоровъ, какъ студентъ Галушка, єефимию Полянскій, об. Петр Дуркотъ, Юрій Генерскій, юсіфъ Тихоничъ, студентъ Левъ Держко, о. Казимиръ Дутковскій, о. Богданъ Полянскій, Орестъ и Романъ Копыстинскіе, судья Иванусъ, прав. свящ. о. Гудима, студентъ Юрій Вл. Полосиновичъ, одинъ слушатель богословія изъ Черновцовъ, котораго фамилии не помни, дѣвицы-гѣнчицы изъ Буковины, дѣвица Лаврыши, д-ца Сушкевичъ изъ Стебникъ, одна замужня крестьянка изъ Гуцильницы, дѣвица Ева Соболевская изъ Костровецъ, а также племянница Антона Н. (сопранистко) и мн. др.

Одни изъ нихъ пѣли иногда, во время праздничной літургіи, въ нашей церкви (но женщины) по нотамъ, иные въ православной часовнѣ—почти всегда. Пѣнія выходили чудесно по стройности, колоритности и мощности. Одни ссыпалъ я въ церкви и восхищался, другія на пробахъ (во время репетицій). Къ сожалѣнію, бывали и некоторые студенты-пѣвцы въ церкви только тогда, когда пѣть хоръ по нотамъ (они любили давать концерты), — впрочемъ же они церкви не знали и въ звоченихъ, и въ горѣ.

Нравственная испорченность.

Во всей огромной массѣ интернациональнѣй въ Талергофѣ за время 30 мѣсяцевъ, когда бывало нась иногда по 8, 9 въ то и 10 тысячъ, а иногда по мень-

ше, 4, 5, 6, и 7 тысячъ, а въ самое послѣднее время можетъ быть только 3000 лицъ, какъ же разочаровались мы и стыдились за поведеніе иѣкоторыхъ нашихъ людей! Мы думали, что будуть всѣ глубоко чувствовать свою арестованіе и заточничество, и что именно и покинутъ всякие свои дурные навыки и позорные поступки, но вышло иначе. Того, правда, никто изъ умныхъ и благочестивыхъ людей не желалъ, чтобы кто нибудь упалъ духомъ и предсталъ отчаянно, но и того не надѣялись мы, чтобы кто-нибудь тамъ дальше вѣль живѣть свою грѣшно, или чтобы кто-нибудь, кто дома жилъ порядочно, въ Талергофѣ испортился и попалъ на порочнѣй путь. Но увы, было не мало такихъ, которые продолжали свое пустожитѣе и въ Талергофѣ, а иѣкоторые порядочные вѣдь уже сбились съ праваго пути на безпутье.

Намъ, конечно же, не казалось страннымъ то, что взялись иѣкоторые учащіеся игрѣ на цитрѣ, или что арестованія и въ Талергофѣ привезенная барышня изъ Львова, ученица игры на скрипкѣ изъ консерваторіи, содержащая себя въ прежней жизни уроками игры на скрипкѣ, привезла сюда съ собою и скрипки и ноты (съ него привезли въ Талергофъ и матъ ея), все это въ порядкѣ вещей, но чтобы иные, женщины, отцы, оставленные въ Галичинѣ дѣтьми и бывшей тамъ на вахнѣхъ постахъ, тутъ покупали себѣ скрипки, флейты, виолончели, и чтобы, составивъ себѣ оркестръ, играли (хотѣ бы и трупныи и хорошии аріи) вблизи самой церкви, и именно въ то время, когда въ церкви служились вечеरія или молебенъ, это уже представлялось намъ не только бестактнѣмъ, но и соблазняющимъ и оскорбляющимъ всяко приличіе и религиозныя чувства.

Такого рода развлечения нельзя было называть иначе, какъ только "Galgenhengt"-омъ, но не людей религіозныхъ и хорошей нравственности, благоговѣственныхъ и образованныхъ, такой Galgenhengtъ производить крайне тягостное впечатлѣніе.

"Ни фешнъ, ни пивши, скачи, дурно, ошальши", — музыковавшие плохо жivilись и плохо лежали-спали, и проказничали, просто, съ дури и убѣственной скучи.

Когда 5 мая 1917 г. изъѣщено настъ о томъ, что побѣдѣмъ всѣ изъ Талергофа, увидѣлъ я, что кто-то, мужчина хорошаго общественнаго положенія, отецъ дѣтей, которыхъ можно было ставить хоть бы и сейчасъ подъ вѣнецъ, громко пѣть и мальчишески плакать.

Я говорю ему: "Что дѣлаешь, че-ловѣч? Не шалѣй!"

— "Не шалѣй, — говорить, — но радуюсь, ибо, вотъ, даютъ свободу", и дальше подпрыгиваетъ.

Я говорю ему, что всѣ рады тому, что выйдутъ наконецъ изъ неволи, но никто не поетъ не плачетъ, вѣдь же и тамъ въ Галичинѣ, будто на своїй бойѣ, но не гараѣдъ, не рай, только нужда и горе, а кромѣ того и нѣтъ дома своихъ — они Богъ вѣсть гдѣ.

Въ моментъ когда сіе пишу, у меня есть вѣдомость, что пѣвціи изъ пла-савшіи тогда въ Талергофѣ за свободу, въ большой нуждѣ съ семьей живѣть теперь. Сего-дѣнь, вѣдь, уже 24 н. ст. января 1919 г., а свободы въ Галичинѣ ни мирия ни благополучія нѣть, — только домашня война, идущія грабежи и убѣствія, всюду гололь, плач и рыданіе. Стало быть, уронившій тогда свое достоинство и безумно пѣсавшій, за-сталъ на родинѣ иную пляски...

Въ одному бѣракѣ жили между прочими, одинъ священникъ съ женой и дѣтьми. Жена и dochь этого священника съмогли поведиць въ времена заточенія ставили своего мужа, реси отца, священника, взаправду въ неловкое положеніе: онѣ не были въ состояніи между собою и къ своему мужу (отцу) священнику, говорить иначе какъ только, по польски. Онѣ не являлись ни разу на богослуженіяхъ, служилимыъ по баракамъ, а также ни разу въ церкви. Мій пришлось однажды заговорить съ ними серьезно по этому поводу. Спросилъ ихъ, почему онѣ, русскія по происхожденію, дочери русскіхъ священни-

ковъ, вскормленныя и содержащиающіяся русскимъ хлѣбомъ, живы на приходствѣ въ русской громадѣ, говорятъ всѣмъ, что на польски, такъ онѣ отвѣтили: „Мы такъ привыкли говорить славна, и отынѣ отъ этого не можемъ (вѣрѣ не стараемся, не хочемъ), но несмотря на то, мы, може, лучшія русинки чѣмъ тѣ, кто говорятъ по руски”.

Я говорю имъ, что онѣ—дочь и жена русскаго священника—онѣ все таки даже не читаютъ и не пишутъ по руски, и что это весьма печально, а одна изъ нихъ отвѣтила: „Въ этомъ мѣнѣ не было и нѣтъ никакой недобности”.

Затѣмъ съ удивленіемъ я просилъ и дочку, чтобы она, въ невѣоль, на богослуженіи никогда не бывала, а онѣ отвѣтили: „Мы и дома никогда въ церкви не бывали”.

— Что говорите? Возможно ли это? Я знаю, что церкви были близко приходского дома”.

— Да, это вѣро, но мы не выносимъ запахи церковныхъ свѣтъ и капли”, сказали онѣ.

— Но вѣдь же часто въ церкви сидѣтъ немножко свѣтъ и не часто кадиль”.

— Можетъ быть, что такъ оно и бываетъ, но мы этимъ не интересовались”.

Я былъ пораженъ открытиемъ тайной картины, ита наихъ приходовъ, въ какомъ-то мѣдѣльномъ угу.

По прибытии заточниковъ изъ Терезиенштадта.

Еще въ мартѣ 1915 года до настѣ дохолили слухи, что будуть привезены къ намъ въ Талергофъ заточники изъ Терезиенштадта (Терезинъ). И дѣйствительно прибыли они къ намъ весною, въ количествѣ около 400 лицъ. Ихъ не помѣстили въ карантинныхъ баракахъ, ибо было ихъ слишкомъ много, но имъ предоставила команда нѣсколько нашихъ браковъ между церковью и банией. Разумѣется, что бараки съ терезинами обвили кордономъ (проволокой и солдатами), а намъ нельзя было съ ними даже издали разговаривать, но мы все

таки разговаривали съ ними и подавали имъ даже сѣвѣстные привѣты — это зависѣло отъ расположения духа и бдительности карауловъ: между ними находились иногда хороши люди, особенно чехи.

Братское отношеніе чеховъ.

Когда пришло мѣнѣ забирать еще зиомъ изъ карантину моего двоюроднаго брата, іерех Александра, умершаго отъ желтухи, чтобы заняться его похоронами, сказали мѣнѣ караулный (чехъ): „Почему вы, батюшка здѣсь?”

— Потому, что я заявлялся русскимъ, — отвѣтилъ я.

— Знаю объ этомъ и объ этомъ не спрашивай, но почему дали въ себя арестовать и сюда привезти; вы должны были заблаговременно бѣжать и скрыться, — сказалъ онъ. На это его пристодушіе, тронувшее меня до глубины души, я отвѣтѣлъ, пояснивъ я ему, что арестовали меня такъ скоро по объявленіи мобилизации, что не было времени и подумать обѣйтъ, а впрочемъ, я, какъ душастырь, и притомъ не чувствовавшій за собой никакой вины, и не бѣжалъ, все равно — паstryльница оставлять свою паству, — такъ пристойнѣ мѣнѣ, что меня силою взяли.

Въ сентябрѣ 1915 года побѣжалъ я съ др. интернированными въ Грацъ, въ судъ, въ качествѣ свидѣтеля, для подачи показаний по завѣщанію двоюроднаго брата Александра. Къ лицамъ приставили двухъ солдатъ конвойныхъ, караула (чеховъ) и ридового (словенца).

Какимъ-же вѣжливымъ конвойнымъ оказался для настъ карауль-чехъ! Какъ онѣ понимали настъ! По сложеніи сидѣтельства, а было уже около 12 ч. дня, просили мы караула, чтобы завелъ насъ въ хороший ресторонъ обѣдать. — Конечно, — сказали онѣ — впередъ вѣсъ въ хорошо мѣнѣ известный ресторонъ, гдѣ хозяинъ и хозяйка — чехи, они будутъ вѣмъ очень рады, когда я имъ скажу, кто мы! — сказали братъ чехъ и поспѣлъ. Хозяева приняли насъ дѣйствительно очень сердечно. Мы заказали хорошій обѣдъ для себя и для конвой-

ныхъ, а послѣ обѣда сказали я шепотомъ караулу: Оставьте здѣсь словенца съ монни творицами и будьте столь добры со мною пройтись по Грацу за по-купками. — „Хорошо; я раж послужить вамъ, отче; я пойду съ вами безъ „гѣра” (руки). Черезъ три часа отходить нашъ побѣдъ въ Талергофъ, два часа, значитъ, можемъ ходить по городу”, — сказали братъ-чехъ.

И мы пошли оба, — я видѣлъ всю среднюю часть города и купилъ кое-что для себя и для другихъ.

Но возвращусь къ терезинамъ. Наконецъ-то выпустили ихъ изъ подъ карантину, или лучше сказать — сняли съ нихъ карантинъ, и, вѣтъ, пошли мы къ намъ, а они къ намъ. И кого только не нашли мы между ними! Моего брата, видного народного дѣятеля въ Туркѣ и въ турчанскомъ уѣзде и о. Мих. Петровскаго, вице-маршала турчанск. земской уѣздной управы, и о. Романа Чайковскаго, замѣтѣтеля депутата въ вѣнѣскомъ парламентѣ, и г. Куриловича, и ред. „Прикарпатской Руси” д-ра Ивана Ля. Гриневицкаго, и врача д-ра Влад. Антоновича и д-ра Цюка, д-ра Бининскаго, г-жу Матковскую, г-жу Ольгу Байко и многихъ мн. др., самыя видныя и славныя нашихъ патріотовъ, интеллигентію и селянъ (обоего пола), а между ними и о. Василий Иль. Скобелевскаго и о. Киричинскаго, и мн. др.— и не перечесть всѣхъ.

И что мы отъ нихъ узнали! Чето только они не пережили и не перенесли также!

Въ Терезинѣ (въ давней крѣпости) говорили имъ, что выѣдуть оттуда, но куда, того не сказано имъ даже тогда, когда, разставшись съ крѣпостью, вошли уже въ вагоны. Только бѣгучи уже въ южномъ направлѣніи, сказали имъ конвойнѣе ихъ солдаты, что пришелъ приказъ отставить ихъ въ Талергофѣ (чѣго въ „Тайфельгофѣ“). Услышавъ это, опечалились наши терезинцы ужасно, ибо слышали о нашемъ здѣсь пребываніи много нехорошаго. Во всей деревнѣ и въ еї предѣлахъ уже пошла некорочая слава о Талергофѣ. Какъ ни

старалась наша команда скрыть передъ мірьемъ свою надъ нами безчеловѣчность, все же распространялась вѣсть обѣтъ, адѣ кромѣшьши всякихъ окольными путями въ свѣтѣ далеко и широко, даже во Франціи, Англіи, Россіи и Италии. За границами Австро-Германіи, читая въ газетахъ о Талергофѣ, люди думали себѣ, что описание о безчеловѣчномъ обращеніи съ нами преувеличены, но я только могу и долженъ здѣсь сказать одно: что всѣ обѣтія наши въ Талергофѣ не только не даются представить преувеличено, но всѣ описанія выходятъ крайне недостаточными и слабыми въ смыслѣ яркости и полноты. И я не въ состояніи нарисовать даже приблизительно той кошмарной картины, которую представлялъ собой проклятый Талергофъ.

Кто-то изъ нашей команды представилъ въ министерство войнѣ въ Вѣнѣ устройство Талергофскаго лагеря и порядки въ немъ такъ привлекательно, что приѣхала въ Талергофъ комиссія съ цѣлью его осмотрѣ и поселенія въ немъ инвалидовъ. Какъ же ужасно разочаровалась комиссія! Она не только не признала Талергофъ подходящимъ мѣстомъ для инвалидовъ, но высказывала, что оно не могло бы служить даже помѣщеніемъ для собакъ.

И въ эту Талергофскій лагерь попали наши терезинцы, которымъ братъ-чехъ старались сдѣлать ихъ пребываніе въ крѣпости по возможностямъ сносными, несмотря на предписанную строгую дисциплину и суровѣйшій тюремный режимъ.

Когда выходили наши терезинцы еще въ Терезинѣ на прогулку, то встрѣчавшіе ихъ чехи сердечно ихъ привѣтствовали, восклицая: „На-здрар, братъ-чесове!”

Терезинская команда помнила симпатично о нашихъ заточеніяхъ въ праздники Рожд. Христова, Боговіянія и въ свѣтлые дни Пасхи, и всячески облегчала имъ удовлетвореніе своихъ религиозныхъ нуждъ и соблюденіе родинъ общачевъ. Не удивительно, поэтому, что,

Былая в Талергофѣ, многіе жалѣли, что Терезинъ оставилъ.

Въ многомъ измѣнилась наша жизнь въ Талергофѣ съ прибытиемъ такого множества новыхъ нашихъ узниковъ. Они казались болѣе бодрыми и крѣпкими духомъ и подняли у многихъ изъ насъ упавшій, было, духъ, хотя и терезинцы поняли, что всѣмъ русскимъ нечего надѣяться. Война сложилась тогда для Антанты плохо, но и центральными державами появилась новая угроза: Итальянія объявила имъ войну.

Генераль Бачинскій.

Еще пока рассказу о событияхъ въ Талергофѣ по прибытии терезинцевъ, долженъ упомянуть о благоволившемъ къ намъ генералѣ Бачинскому, котораго назначило министерство смотрѣть за нами, заточниками, въ Талергофѣ.

Зима 1914-15 г. была намъ страшна, но и вмѣстѣ съ тѣмъ очень нудна, ибо караулы наше не только за табачное куреніе, но и за чтеніе газетъ и книгъ. Запрещеніе курить было совершенно справедливо, ибо мы жили въ тонкихъ деревянкахъ, на соломѣ (догласки 1915 г.); если бы выспыхнулъ пожаръ, пошли бы всѣ бараки съ дымомъ въ теченіи часа, а тогда отъ насъ что было бы?

Но страстные курильщики, не только мужчины, интеллигенты и мужики, но и дамы, вскучнѣ тайно доставали себѣ табакъ, платили дорого и курили скрыто, даже въ своихъ логовищахъ, подъ одѣялами! О! хлѣбъ-кушанія такъ не спрашивали, какъ о табакѣ! Кого поймали караулы на табачномъ куреніи, карауляли все и доносили на кару, въ видѣ ареста, привязывали на улицѣ къ столбу, или заковывали въ кандалы. Несмотря на все это, люди трятались, выносили всѣ кары, и все-таки курили. Я видѣлъ однажды, какъ поймалъ караулъ съ сѣдловаго интеллигента какъ лѣжалъ себѣ въ „каншуке“ (кисете) изъ турецкаго табака папироску. Карапулъ хотѣлъ капушунъ съ табакомъ отобрать, интеллигентъ не давалъ, тогда солдатъ побилъ прикладомъ старика по рукамъ такъ сильно, что 8—10 дней бы-

ли руки опухлыя. Черезъ нѣсколько дней—смотрѣ, старикъ, скрывшись, куритъ,—неизправимый!

Въ томъ, однако, что нельзя было наѣтъ подъ карою ареста или кандаловъ читать, лѣжалась наѣтъ самая большая обида.

Но явился въ мартѣ 1915 г. на смотрѣ лагеря генералъ Бачинскій. Шель онъ въ сопровожденіи полковника и офицеровъ главной улицы, всѣ мы должны были стоять передъ бараками. Кто-то изъ нашихъ интеллигентовъ хотѣлъ приблизиться къ генералу.

Одинъ офицеръ крикнулъ: Zurück! zurück! Nich gestaltet! (Надѣй! надѣй! не доволено!)

На это генераль: „Warum nicht gestaltet? Darum bin ich ja hier, damit die Internierten in Ihren Bediirfnissen sich an mich wenden. Kommen Sie, mein Herr, nher, und sagen Sie gerade heraus, was Ihnen am Herzen liegt.“ (Почему не доволено? Я же на то и здѣсь, чтобы чтобы иницированные ко мнѣ обращались. Пожалуйте, господинъ, сюда ближе и скажите просто, что wantъ на сарциѣ.)

Тогда подошелъ Н.Н. и пожаловался на запрещеніе чтеній книжъ и газетъ.

— ist es wahr, Herr Oberst, dass man hier nicht lesen darf? (Правда ли, господинъ, что здесь нель-
зя читать?)

— Ja, sie sind ja verdächtige Leute. (Да, они вѣдь подозрительные люди).

— Aber was wenn auch verdächtige Leute, aber immer Leute, und dannmal intelligente. Von heute an, wer nur will, darf alles lesen, was in der Zensur war. (Такъ что изъ того, что подозрительные люди, но все же — люди, и притомъ интеллигенты. Отъ сегодня, кто только хочетъ, можетъ читать все, что лишь прошло чрезъ цензуру).

Насъ озарила радость: мы доставили множество книжъ и всякихъ газетъ. Я прочелъ отъ того дня по 7/5 1917 г. очень много и написалъ 10 повѣстей и 10 новелъ. Даромъ время не прошло.

Терезинцы привезли съ собою много книжъ и мы у нихъ брали ихъ для

прочтенія. Многіе покупали себѣ учебники французскаго и англійскаго языковъ, грамматики и словари, русскіе и иные, и учились прилежно; время склоняло легче. Гимназисты покупали себѣ школьные книги и стали приготавливаться къ экзаменамъ.

Изъ терезинцевъ прибыли уже нѣ-
кояты въ Талергофѣ съ такими при-
писками въ документахъ тамошней коман-
ды, что могли выйти на конфинацію,
и дѣйствительно затѣмъ вышли.

До прибытия нашихъ терезинцевъ вышли изъ Талергофѣ уже многіе изъ узниковъ, интеллигенты и крестьяне, первые куда-то на конфинацію (въ Ту-
рахъ, Вольфсбергъ, Гросѣ Флорайнъ,
Гнасъ и иная мѣста), вторые куда-то на работы или въ Глинденъ. Наихъ мѣсто привезено множество лѣнъ изъ Галичинъ, русскихъ, поляковъ и евреевъ;
за то, что во время русской оккупации жили по человечески съ русскими. Вотъ
вамъ и преступленіе.

Терезинцы иначе относились къ нашей командѣ чѣмъ мы, значительно смѣльѣ, а подражая имъ, осмѣливались и мы.

Издѣйствія Чировскаго.

Но дали намъ нового настоятеля, поручика, д-ра Чировскаго, изъ Бродовъ, рынаго мазепу, съ виду только гладкаго и „масненаго“. Охъ, онъ зналъ уже какъ на сасъ братись — хуже чѣмъ солдатъ!

Утромъ въ 6 ч. должны были безусловно всѣ вставать, въ 9 ч. вечера ложиться спать. Сколько разъ прищель Чировскій на смотрѣ утромъ или вечеромъ, а засталъ кого подъ одѣяломъ (особенно женщинъ), то срываю одѣяло, грубо выкрикивая, и поднимались крики и плачъ, ибо часто матери съ маленькими дѣтьми, которая ночью не давали имъ спать, засыпали утромъ, а это, ужасъ, какъ раздражало Чировскаго. Пошли жалобы отъ женщинъ къ полковнику, и, пожѣ уже одѣяло не срываемъ.

Какъ то въ іюнѣ 1915 г. пришелъ приказъ, чтобы всѣ мужчины въ такомъ

и такомъ возрастѣ предстали передъ военной комиссией къ набору. Всѣ удивились: Verfahret sie будуть брать въ солдаты! Но что дѣлать! Приказъ, такъ приказъ. Начался наборъ рекрутъ, наборъ очень твердый и энергичный; брали молодыхъ и старшихъ, голубыхъ и негодныхъ, ибо оказалась большая нужда въ солдатахъ для отправки на новый фронтъ — италіанскій; а въ дальнѣйшей перспективѣ еще и румынскій! Правда, русская армія оставила Галичину и Буковину и Варшаву, но она не была уничтожена, она все-таки осталась и то нѣсколько миллиона...»

Рекрутскій наборъ и слово „russisch“.

Пришла очередь набора солдатъ и изъ интеллигентовъ, молодежи и старшевозрастныхъ. И что тутъ оказалось? Почти всѣ къ набору вызванная интеллигенты записывались при перекличкѣ какъ русскіе (russische Nationalitѣt); между набранными были доктора правъ, гѣ оправдывались тѣмъ, что у нихъ на докторскихъ дипломахъ вписано: „Nationalitѣt: russische“. Вотъ и возникъ сейчасъ конфликтъ: команда пригово-рила всѣхъ, которые записывались себѣ русскими, къ 21-дневному аресту, а за-
тѣмъ къ „abbinden“ по два часа!

И пошли наши за это въ арестант-
скіе бараки. Олини сѣдѣгловаты свищены-
ми, двѣхъ сыновей котораго посыдали
за „russisch“ подъ арестъ, просили пол-
ковника о разрешеніи подавать имъ нѣ-
сколько лучшую пищу. Полковникъ ска-
залъ: „Für diese Bitte haben auch Sie drei Tage Arrest“. (За такую просьбу и Вамъ три дня ареста).

И бѣдный старики дѣйствительно просидѣлъ три дня въ заключеніи.

Обо всемъ этомъ происшествіи какъ-то узналъ генералъ Бачинскій. Явился онъ снова въ Талергофѣ. Ровно въ полночь идетъ онъ вмѣстѣ съ полковни-
комъ и офицерами главной улице вдоль бараковъ и встрѣчаетъ случайно большую массу крестьянъ-рабочихъ, иду-
щихъ съ поля въ бараки къ обѣду. Вѣ-
роятно у генерала было разговоръ съ
офицерами о словѣ „russisch“, ибо вѣ-

запно остановился и велъль остановить всю массу рабочих. Одного мужика въ одноть изъ первыхъ рядовъ спросилъ генералъ: "Ты изъ Галичны?"

— Изъ Галичны.

— Ты полякъ?

— Нѣтъ, я—русицъ.

Какъ тогъ мужика, такъ, проходя вдоль рядовъ рабочихъ, онъ спрашивалъ еще нѣсколькохъ человѣкъ, и всъ они отвѣчали: я—русицъ.

Наконецъ обратился генералъ къ офицерамъ и сказалъ: "Da seien Sie, meine Herren, die rechte Wahrheit; alle diese aus Galizien nennen sich „us in“! Russen, deswegen hat sich so auch die assentierte Intelligenz schreiten lassen". (Такъ видите, господа, сущую правду: всъ изъ Галичны называются сеи "русицы", русскими, потому и взята въ армію интеллигентъ таъкъ сея вѣтла записала).

Такъ понималъ дѣло генералъ, но мазепа Чировскій, не признавая этого всѣ бѣсновался.

Что дальше говорилъ генералъ объ этомъ, мѣгъ неизвѣстно.

И много нашихъ неустранимыхъ патротовъ попало въ строгую тюрьму за это слово "russisch", и почти всѣ затѣмъ были поочередно привозыаемы къ стolбамъ, и подвѣшиваемы на нихъ, почти половина изъ всѣхъ нихъ не выживала наказаній: падали въ обморокъ.

А что было съ ними въ подкахъ! Марка "aus Thalerhof" была для нихъ осуждѣнѣемъ къ престолованіямъ. Имъ прикрѣпились позорные значки на шапкахъ или на рукавахъ, повышеній никакъ не получали, въ боевой огонь должны были идти первыми, если же не пошли бы, то отъ стоявшей сзади знати команда имъ пулю въ спину.

Большимъ счастьемъ было для насъ то, что только въ одной части браковъ вѣль надзоръ г. Чировскій. Но онъ, хотя рѣвнъ мазепа и большой врагъ интернированныхъ, за хороши деньги быть — звочно усерднѣмъ помощникомъ нѣкоторымъ интернированнымъ въ старинныхъ освободиться изъ Га-

лергофа, и въ такихъ случаяхъ уже безъ различій ихъ национальности или политическихъ убѣждений. Кто далъ ему секретно 200, 400, 600 и 1000 кронъ (а то и выше), того онъ съ помощью "украинской комиссии" въ Грайцѣ вырывалъ изъ Галергофского ада. Долгое время ему это удавалось, но, наконецъ, все таки ножки поскользнулись и онъ завершилъ свое галергофское поприще колоссальнымъ скандаломъ. Его арестовали, посадили въ Грайцѣ въ тюрьму и отдали подъ судъ. За его нечестное, неофицерское дѣло, за взяточничество и за освобожденіе тѣхъ, которыхъ онъ прежде ухитрялся и успѣвалъ сажать въ тюрьму и подвергать наказаніямъ и оскорблѣніямъ, его осудили на деградацію въ рядовъ и на службу въ армію въ первыхъ рядахъ итальянскаго фронта, а было онъ женатъ и у него были дѣти.

Носиль волкъ, понесли и волка.

Если въ этой главѣ говорить я о нашей радости по поводу разрѣшеннѣя читать книги и газеты, то съ прискорбомъ долженъ я высказать и ту горькую правду, что именно въ Галергофѣ имѣли мы случай познать, какъ нѣкоторыѣ нѣкогда въ гимназии и въ университѣтѣ учились, для проповѣдѣній ли себѣ и для общаго блага, или же только для хлѣба. Немало мы тамъ узнали такихъ, которые недолго въ школахъ учились, не окончили гимназіи и университета, а все же любили книги доставать и читать; иные же съ университетскимъ образованіемъ прямо отворачивались отъ всякаго чтенія. И не то еще: они послѣ сдачи университетскихъ экзаменовъ, такъ таки дальше ничего никогда не читали, въ научныхъ спорахъ, будучи нѣвѣдѣмами, не только не давали себѣ размѣбѣдить, но и приведеніе документальныхъ данныхъ еще и гигбвались.

Зашель, было, однажды въ одной кабинѣ споръ о томъ, который городъ больше, Станиславовъ ли, или Коломыя. Одинъ, окончившій университетъ, утверждалъ, что рѣшительно по всѣмъ привозакамъ Коломыя больше Станиславова. Я былъ противоположнаго мнѣнія, но меня закричали, и я умолкъ, но пошелъ

принести Бедекера, принесъ и показалъ вѣль имъ документъ, что Станиславовъ значительно больше. И что же изъ этого получилось? Еще больше теперь на менѣ стали, кричать, говоря: "Ты очень нѣвѣдѣмъ"; ты все на своемъ хощешь поставить; Бедекеръ — это не документъ; мы стоимъ при своемъ мѣбѣніи: Коломыя болѣше". Такъ какъ всѣ въ заключеніи лишиены возможности и средство къ переведенію доказательствъ въ аргументаціи, то можно себѣ представить, до какихъ курьезовъ такѣе споры иногда доходили.

Всякія напасті и непрѣятности.

За все время нашего пребыванія въ Галергофѣ сколько напастей и непрѣятностей испытывали мы!

Въ первомъ году, отъ сентября 1914 г. до сентября 1915 г., считала настъ поставленная надъ нами команда постѣдными людьми на свѣтѣ, бродягами, и ни въ чёмъ намъ не добѣрья.

Однажды полковникъ приказалъ привести обыскъ во всѣхъ баракахъ и у всѣхъ, за деньгиами, за большими суммами, не отданнѣми въ депозитъ команда. На обыскъ шелъ капитанъ, обер-лейтенантъ и лейтенантъ, въ обществѣ рядовыхъ съ заряженными ружьями. Мы всѣ должны были стоять, не шевелиться, възлѣ своихъ логовищъ (кроватями) въ мѣста нашихъ помѣщичьихъ никакъ, называть нельзя и "берлога" называвъ еще слишкомъ деликатное; наши мѣста для лежанія, и сидѣнія и спанія были хуже тѣхъ, что для собакъ — и никуда не выходя. И мы были вынуждены отдавать въ депозитъ всѣ наши запасы денегъ (кромѣ какихънибудь 10—20—50 кр.). А затѣмъ были мы вынуждены черезъ нашихъ коммюнитѣтъ настоятелей ежемѣсячно по 20—50—100 кр. выпрашивать (выкликавать).

^{*)} Воссѣдѣствіе отъ Пасхи 1915 г., сталя вѣль по бракамъ выѣзжать въ станъ "приче" (маршъ) и доказывать на эти нѣры солдатъ-спечники (точки); потому мы съ того времени уже не лежали такъ плотно другъ толъ друга, какъ прежде.

Иной разъ было приказано снова бѣть каждому на свое мѣсто, ибо будутъ поиски за какими-то уворованными деньгами, кольцами, сергами, бѣльемъ и пластина.

Еще иной разъ данъ былъ приказъ находиться на своихъ берлогахъ, ибо будутъ ревизіи за скрытыми револьверами, браунингами, пумами, порохомъ, — ссобѣстъ у команды была нечисть, такъ боялась и того, чего не было и быть не могло.

Ревизіи бывали, но никогда ничего не нашли, кромеъ нашихъ собственныхъ денегъ.

Еще бывалъ терроръ и ревизіи за перепетными письмами за табакомъ, а иногда и за укрытымъ топливомъ (необходимо нужнымъ для семьи, для пригѣтія молока, чайку, кофе), и за самоварами и примусами!

Было очень много непрѣятностей и скандаловъ изъ-за воровъ и проститутокъ, помѣщичныхъ, очевидно, нарочно въ баракахъ, и изъ за спанія. Женщины старались отѣлѣваться отъ другихъ кампами, пледами, но что иногда творилось — ужасъ!

Однинъ евреи (ахъ, эти евреи!) никто на насъ такъ усердно жандармами и полицѣйскимъ не указывалъ, какъ евреи; никто настъ везомъ въ тюрьмы и въ мѣсто заточеній такъ не оплевывалъ, и настъ такъ не бѣзчестилъ, какъ евреи; они были на насъ по-истинѣ дявольскими доносчиками! Выпросилъ себѣ комната-сепаратку. И зачѣмъ? А, вотъ сталь онъ въ лагерь посрѣдникомъ по профессіи между проститутками и требующими ихъ! Такимъ парвамъ отступалъ онъ свою сепаратку. Команда этого будо и не видѣла.

Въ первомъ году выходили странніе исторіи съ проворизорскими нужниками. Выкликавали длиннѣе рвы, давали вдоль рвовъ круглые перила, чтобы на нихъ садились узники и эти рвы съ перилами возвѣ вѣль бараковъ безъ всяаго прикрытия и служили отхожими для лицъ обоего пола, для интеллигентъ и простонародья,

Рвы эти засыпывали рабочие часто землею, доколе рвы не закрылись совсем; послѣ этого копали новые рвы.

Однажды вывели караулъ 20 линь садиться на перила надѣг рвомъ. Они сѣли и — о горѣ! перила перегнулись въ сторону рва, и всѣ 20 линь очутились въ мерзкой грязи! Ужасъ! Плакать хотѣлось надѣг обѣдняками.

Но солдаты, которые воевали палатки на главной улицѣ все время просиживали, чтобы смыть караула, узинавъ о "прыжкахъ" несчастныхъ въ ровъ, иѣду непдѣло смыкались на "событие", показывали подобныи вывертасами на своей скамье, какъ интернированные падали въ грязь и безъ удерку радовались. Вотъ люди! Подъ конецъ 1915-го года построены были порядочныи цементныи отхожки.

Еще слѣдовало бы мѣгъ описать ахъ въ одной главѣ множество горькихъ и странныхъ исторій, которыи я узинавъ отъ товарищъ по недѣль (обоего пола), исторіи ихъ арестований, заключеній по арестамъ и тасканий ихъ въ товарищыхъ вагончикахъ или на платформахъ въ мѣста заточенія, но этому посвящаю, если Богъ позволитъ, особый трудъ.

Дамоково мечъ и надѣг "освобожденными".

Выше уже было сказано о томъ, что интернированные кое-кому изъ нашей партіи удавалось какъ-то выходитъ изъ Талергофа еще зимою и лѣтомъ 1915-го года, а позже также. Многотъ изъ нашихъ, которыхъ судилось выйти изъ Талергофа въ Гинденъ, не повѣломъ тамъ хорошо; иѣхъ узинавали какъ членовъ О-ва им. М. Каичковскаго, иѣхъ всячески тамъ бралили, а многихъ, на которыхъ были сдѣланы доносы (своими на своихъ!) возвращали снова въ Талергофъ. Смотрите, какихъ имѣли мы опекуновъ! Одинъ интеллигентъ, освободившись изъ Талергофа, сталь жить въ Вѣнѣ (Е.С.), но не долго онъ тамъ жилъ; такъ вѣсто надѣбали ему тамъ знакомые "украинцы", что онъ по нуждѣ переселится кудѣ-то въ Моравію.— Проф. Труша изъ Ст. взяли какъ офи-

цера въ армію, въ Грацу; тамъ доноси сдѣлять на него жидъ, и отдали его обратно въ Талергофъ, где пробылъ до мая 1917 г.

Злоупотребленія на почтѣ.

Всѣ мы, талергофцы, терѣбли многого весь первый годъ изъ-за бѣды, вызываемой задержкой посылокъ. Не знаемъ, кто, собственно,—виновникъ этихъ почтовыхъ беспорядковъ: наши ли ближайшіе начальство, или же почтовые чиновники.

Всѣ интернированные хотѣли, разумѣется, къ своимъ письмамъ часто и отъ нихъ часто получать извѣстія, но увы, наши письма и письма къ намъ гдѣ-то совсѣмъ пропадали. Но когда въ мартѣ 1915 г. долечелъ нашимъ свыше 150 чел. поступили подъ карантинъ, чтобы вываться изъ Талергофа, то случилось карантинникамъ что-то неѣвроятное: многімъ изъ нихъ вручили всякихъ писемъ (открытое и др.) по 15—20 штуки. Вотъ и высыпалась злоба нашего начальства. Наша канцелярія всю переписку задерживала, а теперь—не стыдились иѣхъ ее выдавать. Когда вышли одни, освободившіеся изъ-подъ карантинъ, на свободу, а пришли многіе другие, то иѣхъ давали корреспонденцію, собранную за всю зиму. Какъ беззеловѣчно!

Лѣтомъ 1915 года при殃лся было, наѣкоторое время за продажу всякихъ товариковъ одинъ инженеръ, поликъ, очень милый и вѣжливый человѣкъ. Чезъ разъ пару недѣль закрыли канцелярію, почему? Понѣтъ, инженеръ и др. подъ арестъ. За что? За то, что передаѣль онъ и др. черезъ гостей, посѣщающіи насъ изъ Граца или изъ иныхъ мѣстностей, письма на Грацкую почту. Сѣльвали допросы. Инженеръ, допрошенніемъ, почему дерзнулъ подать письмо не чрезъ почту "Цеттлингъ-Талергофъ", отвѣтилъ: "Я писалъ уже много писемъ къ женѣ правильно, но отвѣта не получалъ, чѣмъ, вѣто, и высыпалъ я иѣхъ путемъ письмо. Просшу этому не удивляться; къ женѣ я всякихъ дороги буду искать, чтобы только съ ней переписаться. Если считаете это преступленіемъ

емъ, я кару приму, но писать къ женѣ буду такъ слова, какъ чинѣ удастся!"

Инженера и др. за почту арестованы были, выпустили и не карали. Въ 1916—17 году шли письма, денежныхъ посылки и пакеты живѣе и правильнѣе, но съ посылками сѣбѣстыхъ, припасовъ отъ родныхъ къ намъ, вышла новая и препрѣятственная бѣда, вызванная дорогоизною и голodomъ: на почтѣ стали изъ пакетовъ выбирать сыръ, масло, солонину, колбасы, ветчину, хлѣбъ, крупу, сушеные фрукты и иное. — или все или до половины. Мы тамъ въ Талергофѣ голодали, наши тянулись съ посыблнаго, чтобы наѣхъ кое-что послать, а незванные благодѣтели безназначено наѣхъ добро похищали!

Наша команда часто списывала наши посыблнаго изъ посыблъ, но пользы сть этого не было.

Годомъ.

Посыблки сѣбѣстыхъ припасовъ въ 16 и 17 г. были намъ незванично желанны, ибо тоги канцеляріи хлѣба уже не пропадали, а казарменного хлѣба давали намъ очень мало и то недоброкачественного кукурузно-ржаного, или ржано-ячменного, или ржаного съ прѣмѣсью меланого тополя или иного какого-то дерева.

Въ трактирѣ тотъ, у кого были деньги, могъ до половины 16-го года покупать сѣбѣстые припасы всякихъ и кусокъ хлѣба, но съ половины 16-го года

и въ трактирахъ давали къ мясу только картошку, капусту или фасоль, хлѣба

Владимиръ Яковлевичъ Трушъ, б. преподаватель и впослѣдствіи директоръ гимназии въ Станиславовѣ, галицко-русскій общецѣнственный дѣтель и народный организаторъ, талергофецъ (успоминаемый въ дневникѣ о. И. Машца и Запискахъ о. Г. Полянскаго *)

же не давали. Торты подавались всегда послѣ обѣда какъ пирожное, а хлѣба не было!

*) Владимиръ Яковлевичъ Трушъ родился 21-го апрѣля 1869 г. въ Золочевѣ, тамъ окончилъ начальную школу и гимназію.

Будучи студентомъ философскаго факультета Львовскаго университета, отставший въ университетѣ правъ русскаго языка, состоялъ въ 1890 г. секретаремъ, а затѣмъ изѣлько-клѣтнѣннымъ представителемъ студенч. О-ва "Академіческій Кружокъ" и принадлежалъ къ партіи такиихъ рицарственныхъ и неустрашимыхъ борцовъ и поборцовъ въ дѣлѣ полнаго пріобщенія Галицкой Руси къ общерусской культурѣ, какъ О. А. Мончаловскій, В. ѡ. Дудаковскій, Ю. А. Яворскій и др. Принималъ всегда живое участіе въ общество-народныхъ дѣлахъ и, пользуясь уваженіемъ и симпатіями въ кругахъ молодежи, съ усердіемъ воспитывалъ ее въ русскомъ духѣ.

Въ началѣ войны (авг. 1914 г.) былъ австр. жандармами арестованъ и проѣдалъ долгое время въ Талергофскомъ узницѣ, только по маѣ 1917 г. изъ него освобожденный, даже во время "конфинаціи" претерпѣлъ много изъ-за доносовъ на него. Оказался послѣ войны однимъ изъ первыхъ будителей павшаго, было, народнаго лука

Съ осени 1916 по 7.5.1917 насталь въ Талергофѣ для безденежныхъ грозъ голодъ. Потому и писали всѣ къ своимъ: „присылайте, Христя ради, что бѣзъ“, свои присыпалы, а послы не доходили!

На Пасху 1916 г. прислала міжъ женою скорокъ въ 5 кг., но я его не видѣлъ. О. Ковалю прислали кто-то 2 кг. сущеныхъ бѣльевъ грибовъ, но въ посыпкѣ ихъ не было!

Отъ голода померло въ посѣдѣніемъ года мнози нашего селянства; команда питала ихъ самими ющками (похлебками), мы не могли имъ дать есть, ибо сами еде-еле жили, а своихъ такихъ у насъ не было, чтобы можно было отъ нихъ что-то получить, ибо большая часть Галичини и вся Буковина были снова русскими войсками заняты. Голодающиѣ собирали всіе кухонные отбросы на дворѣ и сѣѣдали ихъ жадно!

Большіе праздники и похороны.
Во всемъ сѣѣѣ, кажется, не умѣютъ святковать (правдиво) Рождество Христово и Пасху такъ величаво, какъ на Руси, а также и похороны въ восточно-греческомъ обрядѣ гораздо величественнѣе похоронъ у другихъ христианъ.

Когда приходилось намъ святко-вать наши годичные великие праздники въ Талергофѣ, то незирая на всіе недостатки и трудности, мы старались всевѣ-сти событіи многое самое существенное въ нашихъ обычаяхъ обрядахъ по-лику возможно, конечно.

Рождественскій праздникъ въ первомъ году былъ убогъ, но хлѣба и булокъ и мяса еще можно было достать, но и торты были еще дешевы, то по возможності всѣ старались запастись ими, чтобы съ своими подѣлиться и подадовать другъ друга, но праздникъ Пас-

хи вышелъ нескаванно скуднымъ и печальнымъ; для большинства было утѣшеніемъ одно Божіе слово по баракамъ и пѣне „Христосъ воскресе!“

Міжъ пришлося служить пасхальнуѣ утреню и обѣдни въ пяти баракахъ и благословить тамъ пасхальныѣ браши. Но увы! когда посмотрѣлъ я на кровавыхъ мужиковъ, гдѣ они положили свои пасхальныѣ ястva, то невольно заплачалъ. У всѣхъ почти не было къ благословленію ничего больше, какъ только кусокъ хлѣба и одно яйце!

О, какъ жаль было міжъ нашего крестьянства, мужчинъ и женщины, и у іѣкоторыхъ и ихъ дѣтей! Но какой крѣпкій духъ быть у нихъ! Они въ заключеніе непонимно вязаны перенесли ге-ройски все это горе.

Но въ 1916 и 1917 годахъ видѣлъ я уже гораздо большее обиліе пасхальныѣ ястv; кому то поприсыпали кое-что лучшее родные, иные, получивъ значительные деньги за вою, коровы и лошади, взятыми у нихъ для войска, кое-кто купили себѣ, и, вотъ, было всѣмъ отраднѣе.

Въ 16 и 17 гг. видѣлъ наши праздники почти величаво, ибо была уже церковь; а она была нашими нетолько по воскресеніямъ и праздникамъ, но и въ будни, утромъ и вечеромъ, по берега и за стѣны, наполнены: въ богослуженій и въ Божемъ словѣ находили многіе отраду и утѣшеніе. Но были и такие, которые не умѣли вести себѣ достойно, а лишь о томъ помышляли, чтобы есть, пить, курить, въ карты играть, и безобразничать.

О Господи! Горбатыхъ не выпримить и могила, грѣшниковъ не исправить ни торма, ни заточеніе, ни далекая чужбина, ни разлука со своими.

Обыкновенно горестно было намъ

въ краѣ и присяжалъ въ 1922 и въ 1923 гг. за восстановленіе русской политической организаціи въ Галичинѣ и стать первымъ предсѣдателемъ Русской Народной Организаціи (РНО).

Особенно многимъ обязана ему Станиславовица, въ которой неуспло и энергично трудился съ 1899 г. въ теченіе сущие 30-ти лѣтъ, какъ полемичтель двухъ русскихъ ученическихъ бурсъ, предсѣдатель „Русскаго Народнаго Дома“, директоръ банка „Самопомощь“ и др. О-во и организацій. Умеръ 6-го июня 1931 г. въ Станиславовѣ.

всѣмъ видѣть тамъ совершение похоронъ. Бѣдные безусловно были наши всѣ тѣ, которые шли въ могилы глѣ-то на да-лекихъ фронтахъ, не вѣѣтъ для кого и за что, но такихъ смертей косила въ тече-ніе многихъ тысячъ лѣтъ, смерть же заточниковъ, взятыхъ изъ дома, поки-щенниковъ отъ семействъ ни за что и вы-vezевенныхъ такъ далеко, на чужбину, — большое горе и тяжела печаль.

Облегчало сердечную боль осиротѣльныхъ родицъ разѣтъ лишь то, что иногда оказывалось возможнѣе похоронить покойниковъ своими священниками, при полномъ отѣплѣніи въ церкви и съ похоронными шествіемъ.

Что до умѣршихъ тамъ священни-ковъ и болѣе видныхъ лицъ изъ нашей интеллигентіи, надо сказать, что выходили изъ похоронъ не такъ ужъ прини-тиочно. Правда, невозможно было ука-дывать ле-реевъ въ гробы въ церковныхъ ризахъ и нельзя было держать ихъ хоть бы одну ночь въ церкви, но за то дозволено было хоронить ихъ въ поря-дочныхъ гробахъ и перевозить ихъ на кладбище даже въ сопровождѣніи стройного хорового пѣвца. На такие похороны являлись иногда гости даже изъ Греца, и они высказывались о нашихъ пѣвцахъ весьма признательно.

Освобождение изъ Талергофа.

Насталъ 1917 годъ. Печали, оскор-блений, обидъ и унижений испытывали мы немало. Много-прежнаго наше перебы-вало, одни прибывали, другие высыпали, никонъ осталось наша тамъ еще около 3.000 чел., особенно стойкіи русскихъ, нѣсколько согрѣ поляковъ, столько же, кажется, румынъ и евреевъ. Изъ этихъ 3.000 была тамъ большая половина съ самого началя.

Во время всего нашего тамъ пре-быванія произошли въ мірѣ великия пе-ремѣны: папа однѣхъ умеръ, новый на-сталь; нашъ епископъ Константина въ Переышльѣ упокоялся, новаго еще не назначили; нашего митрополита Андрея вывезли на сѣверъ, а епископъ Григорій то управлялъ свою епархию, то остав-лялъ ее; нашъ цѣсарь Францъ-Іосифъ I

умеръ, и сейчасъ же стала править но-вый императоръ Карлъ I, а война между тѣмъ охватила всю Европу и распростра-нилась на Мадую Азію, и лилась человѣческая кровь неповинно струями, рѣками, на сушѣ и на морѣ, оказалась вынужденной вѣшаться въ войну и Америка, — она рѣшила за всяку цѣ-ну подавить войну, и обоѣ всемъ этимъ узнавали мы въ Талергофѣ только случай-но и съ опозданіемъ изъ газетъ, а какъ была въ нихъ правда, навѣтно бы-ло всякому.

Свящ. о. Евгений Иванович Снѣгальевичъ изъ Велелу, синтискаго юнада, род. 1881 г., руково-положенъ 1905 г., жив., умеръ въ Талергофѣ.

Однако, что узнали мы какъ прав-дивый и ужасный фактъ, это то, что судили нашихъ наилучшихъ патріотовъ два раза военные суды за шпионство, за измѣну цѣсарю, и приговорили ихъ къ смерти!

Зимою 1917 г., явился къ намъ та-лергофскимъ священникамъ, delegatъ изъ Вѣны, митрать. Собрали нась въ цер-кви, сказалъ намъ: „Можеть быть и выйтѣ отсюда, но такими, какъ вѣс-нику, нѣтъ“. По какому праву отстра-ти

ли вы сеъ бороды и усы? Послѣтъ того, какъ ихъ сбресте, будуть власти вѣсъ иначе судить".

На это сказалъ о. Р. Ч.: "Всѣ мы были безбородые, а насть повесили сюда. Если мы отпустили алѣзъ бороды, то не потому, чтобы уподобляться священникамъ въ Россїи, только нужды ради: насть ведутъ караулы часто передъ судомъ, для составленія всякихъ протоколовъ, такъ вѣтъ, мы съ бородами и въ штатскомъ пѣтать, чтобы не знала публика, кого солдаты ведутъ. Такого принятія мѣръ никто во злѣ вмѣньять намъ не можетъ".

Я сказалъ делегату: "Кто вѣстъ къ намъ послать, не интересовался нашимъ и всѣхъ нашихъ вѣрныхъ долею, ни нашими душевными нуждами. Какія перемѣны произошли въ епархіяхъ, объ этомъ насъ никто не поѣдомилъ. О смерти еп. Константина консисторія намъ тоже не сообщила".

Делегатъ перерываетъ: "Объ этомъ могли вы узнать изъ газетъ".

Я: На газеты поглядывать нельзя. Больше года газеты читать намъ было запрещено, а недавно прислали газеты, что митрополитъ умеръ. Оправдѣнія же вѣкъ не было. Должны мы вѣрить, что митрополитъ умеръ? Почему духовные власти оставили насть на произволъ судьбы? А иѣтъ за такой мелочи, какъ бороды, вѣсъ къ намъ посылаютъ! Если борода чѣмъ-то страшна, то почему митрополитъ ходить съ бородою и таки вѣздъ на портретахъ мы его видимъ?

Послѣ этого делегатъ ушелъ.

И такъ томили мы дальше въ заточеніи, нашими духовными властями какъ бы совсѣмъ забыты.

Но поша молва, что молодой цѣсарій Карлъ хочетъ умилосердиться надъ нами.

Но что значить молва!
Spes alit, no spes et fatit.

Около праздниковъ Пасхи стаѣ бывать въ Талергофѣ чиновники, бароны Райнландъ; онъ сказалъ, что дѣствительно мы выйдемъ изъ Талергофа,

ибо дана почти всѣмъ амністія, и не не смогутъ побѣжъ въ Галичину, ибо не всѣ уѣздили изъ непрѣтель, и проходить еще чрезъ нѣкоторыѣ уѣзди боеявы линіи. Вотъ, для насть радостная вѣсть. Мы стали ходить всѣ къ барону, чтобы узнать о своей судьбѣ. Я пошелъ тоже и уладилъ дѣло за себя, за сына и за двухъ братьевъ.

Свящ. о. Феофиль Романовичъ Петровскій нѣтъ Рымска, талергофъ, род. 1853 г., рукоп. 1879 г., жен.

Черезъ чѣсколько дней вѣтъ намъ приходить за маршрутами и легитимаціямъ, а на 7-е мая назначены быть вѣзѣдъ.

Всѣ мы интернованные зашевелились и радовались, что, наконецъ, оставляемъ мѣсто нашего заточенія. Но не всѣ радовались, ибо и не всѣѣ ходили въ Галичину, а многие изъ тѣхъ нашихъ которые ходили въ Галичину, знали, что не найдутъ своей семьи, ибо семи изъ бѣженцами жили еще где-то въ Росто-

вѣ на Дону или въ др. городахъ Россїи. Я и мой сынъ, мы радовались полостью, ибо мыѣхали къ своимъ же наѣмъ и дѣтимъ.

И 10-го мая были мы уже на мѣстѣ у своихъ. Слава Богу! "Кто терпѣнъ, той спасенъ!" Мы вытерпѣли съ Божией

помощью всю горечь гоненія и интернированія, и вышли изъ Талергофа, не переписываясь въ "украинцы".

Генрихъ Полляскій.

(См. также: "Автобиографія о. Г. А. Полляскаго" въ журн. "Наука" за II. и III. кварт. 1931 г.)

Талергофская кантина подъ судомъ.

Описанная въ Дневникахъ Куриллы (въ III вып. Талергофскаго Аль-ха) и оо. Машака и Полляскаго въ этомъ выпускѣ злоупотребленія въ кантигѣ Талергофскаго лагеря завершились интереснымъ эпилогомъ въ уголовномъ судѣ въ Грацѣ. Ходѣ и результаты относитъ судебныхъ разбирательствъ представлены были въ гаражиѣ нѣмѣцкихъ газетахъ.

Одній изъ б., талергофцевъ, бывшій управлятель народной школы въ Раковѣ, нынѣ въ отставкѣ, *Матвѣй Овощниковъ Пасникъ*, прислали намъ любезно для использования вѣрѣзку одного такого газетного сообщенія изъ зала суда въ Грацѣ, именно изъ газ. *Grater Tagblatt*, кот. здесь и приводимъ:

Gerichtssaal, Graz, am 17 Juli 1916.
Ausbeutung in einer Interniertenkantine.

Im Internierentlager Thalerhof, wurden in letzter Zeit die Insassen in der Kantine schandvoll ausgebettet. Beim Rapport beklagten sie sich über die ungebührlich hohen Preise. So wurden für ein Kilogramm Kartoffeln 36 Heller, für Äpfel 1 Krone, für Mehl 1 K 80 h. für Zucker 1 K 80 h. für Butter, die im Einkaufe 8 K 80 h kostete— 12 K waren.

Angeklagt sind die Kantinenpächterin Julie v. Duval, die Unterpächterin: Venetika de Thoma, ihr Geschäftsführer Franz Maier, ferner die Bäuerin Paula Kragl. Diese wurde aber freigesprochen, weil sich die Angabe, sie hätte Kartoffeln zu unzulässig hohen Preisen geliefert, als ungerechtfertigt erwies. Die de Thoma entschuldigte sich damit, daß sie an die Duval einen hohen Pacht zahlen mußte und die Zufuhrkosten hoch waren. Auf den Vorhalt des Richters Landesgerichtsrates Dr. Plankenstein, daß sie trotzdem nicht souverän hohe Preise verlangen durfte, erklärte sie daß ihr die Weiber für jedes Kilogramm Kartoffeln, die Hand geküßt hätten.

Richten Umszo trauriger, wenn sie die Richten der Internierten so ausnutzen.

Auch der Angeklagte Maier antwortete auf die Frage ob es wahr sei, daß er fürt einen Laib Brot zwei Kronen verlangte. Ja — die Internierten waren froh, wenn man ihnen welches verkauft. Richter: Wer die Notlage armer Menschen so ausnützt, gehör wirklich an demnachsten Baum geknüpft zu werden.

Das Brot war um 80 h eingekauft worden, Maier kaufte ferner Rum um 1 K 80 h für den Litt und verkaufte ihn im kleinen um 12 K 80 h weiter, obwohl der Ausschank verboten war.

Der Richter erkennt bei Duval und Maier auf zu drei Wochen strengen Arrest, verschärf mit einem Fasttag in jeder Woche, gegen de Thoma auf 14 Tage strengen Arrest und 500 K Geldstrafe.

In der Urteilsbegründung hob er hervor, daß die Angeklagten einträchtig zusammengehalten haben, um die schamlose Ausbeutung der Internierten zu betreiben. Ein Preis von 2 K für den Laib Brot steht bisher einzige da, Deshalb mußte eine strenge Strafe verhängt werden.

Въ переводѣ:

Изъ валы суда.

Грацъ, 17-го июля 1916 г.

Грабительство въ кантинѣ лагеря для интернированныхъ.

Въ послѣднее время интернированные обитатели лагеря въ Талергофѣ обираются скандальнымъ образомъ. Въ рапортахъ жаловались они на непомѣрно высокія цѣны. Итакъ: взимались за килр. картошки 36 гел.. яблокъ 1 кр., мунки 1 кр. 80 гел., сахара 1 кр. 80 гел., масла, покупаемаго по 8 кр. 80 гел., даже 12 кр.

Въ качествѣ обвиненныхъ выступаютъ: начальница кантини Юлия фонъ-Дуваль, подъ-начальница Вероника фонъ-Тома, ея приказчикъ Францъ Майеръ, а затѣмъ крестьянка Павлина Крагль. Послѣдня была освобождена, ибо донесено, что будто она доставляла картошку по не допустимо высокимъ цѣнамъ, не подтвердилось. Обвиненная фонъ-Тома опроверглась тѣмъ, что она вынуждена была платить слишкомъ высокую наемную плату г-же Дуваль да и подвозъ продуктовъ обходилися дорого.

На замѣчаніе судьи, съѣтника суда д-ра Планкенштейна, что все таки она не должна была требовать столь безстыдно высокихъ цѣнъ, она заявила, что женщины за каждый килограммъ картошки цѣловали бы ее въ руку.

Судья: Тѣмъ печальнѣе что вы, пользуясь бѣдственнымъ положенiemъ

интернированныхъ, такъ ихъ эксплоатировали.

Также обвиненный Майеръ, на вопросъ, правда-ли, что требовалъ за хлѣбъ 2 кроны, отвѣтилъ: Да, интернированные радовались, когда вообще какоинибудь имъ продавалася.

Судья: Кто такъ использовывалъ бѣдственное положеніе несчастныхъ людей, действительно долженъ бы быть покаранъ на любомъ деревѣ.

Этотъ хлѣбъ покупался по 80 гел. за штуку.

Затѣмъ Майеръ покупалъ румъ по 1 кр. 80 гел. литръ, а продавалъ его по 12 кр. 80 гел. хотя продажа на выносѣ была запрещена.

Судья приговорилъ фонъ-Дуваль и Майеръ къ 3-недѣльному строгому заключенію, обостренному однодневнымъ постомъ каждую недѣлю, а фонъ-Тома къ 14-дневному строгому аресту и пѣнѣ въ 50 кронъ.

Въ обоснованій приговора подчеркнуто, что обвиненные дѣйствовали поговору: чтобы сообща грабить интернированныхъ безстыднымъ образомъ. Цѣна 2 кроны за хлѣбъ — это что то досѣлъ не наблюдалось. Поэтому и приговор долженъ быть болѣе строгимъ.

О степени этой строгости въ данномъ случаѣ можно судить различно, но что эта строгость весьма и весьма заподозрила это ясно. Почти два года продолжалось это — какъ суды самы называли — безстыдное сбираніе интернированныхъ арендаторами кантини съ дворянскими фамилиями (не, фонъ), пока австрійскія власти додумались привлечь ихъ къ этой "строгой" ответственности.

Отношеніе къ талергофцамъ высшихъ австр. властей и гнусная роль „украинск.“ партії.

Въ Днівникѣ о. І. Мацака особенно полно и ярко представлены хлопоты, старанія, ходатайства и беспокойство талергофскимъ узникамъ, всѣ время добивающихся у властей всевозможными путями и способами освобожденія изъ лагерного адрили по крайней мѣрѣ разслѣдованія и разбора ихъ (именного) „філа“. Но всѣ ихъ ходатайства, жалобы, прошенія, протесты и мольбы были напрасны и не удостаивались даже отвѣта. Въ полной неизвѣстности относительно своей дальнѣйшей судьбы, заключенные томились долгѣ мѣсяцы и годы и бились и терзались догадками, чѣмъ все это и — что самое главное — когда кончится.

Между тѣмъ тифъ и другія заразительны болѣзни косили заключенныхъ десятками, сотнями и тысячами, а несомнѣнно на все это, количество узниковъ въ Талергофѣ отнюдь не уменьшалось, но, напротивъ, все увеличивалось, ибо, по распоряженію властей, постоянно прибывали все новые и новые изъ гарпій (транспорты). Талергофский лагерь сталъ, такимъ образомъ, какимъ-то не то пропускнымъ, не то сортировочнымъ пунктомъ по отправкѣ несчастныхъ, слоняющихся со всего Прикарпатья русскими людьми (за исключеніемъ немногихъ освобождаемыхъ или отправляемыхъ на конфинансію), преимущественно въ гарпійонные и другія тюрмы и чаще всего изъ другой свѣтѣ, на вѣчное упокоеніе подъ сосновами".

Сознавая свою правоту и все еще уповая и расчитывая на справедливость австр. властей, русскіе узники всѣ время обманывали сами себя предположеніемъ, что высшая власти плохо освѣдомлены о положеніи веци въ Талергофѣ и о массовыхъ арестованіяхъ невинныхъ

людей и что, спѣдовательно, если бы только удалось поставить ихъ обо всмѣ этомъ въ извѣстность, вѣнѣ эти пытались распоряженіемъ свыше прекратились бы.

А между тѣмъ, по распоряженію этихъ самыхъ высшихъ властей въ Талергофѣ принимались столь крутые мѣры по отношенію заключенныхъ и проходили столь прискорбныя явленія, что, повидимому, это мѣсто становило пунктомъ истребленія русскаго народа, а это долнинный дворъ" — лосафатової долиной" русской интеллигентіи и русскаго простонародья. Властями были они обречены на погибель отъ эпидемическихъ болѣзней, голода, холода, наѣмъ, антисанитаріи и грязи, дикаго произвола и жестокой расправы съ стороны лагерного начальства.

Прибывающая въ Талергофъ "украинская комиссія" д-ра Ганкевича освобождала „украинцевъ", находящихся въ гарпійонѣ спискѣ, или же тѣхъ, кто рѣшился бы у неї записаться „украинцемъ". Кто не рѣшился отречься отъ своего русскаго имени и русской національности, остался въ Талергофскомъ адѣ до конца, т. е. до роспуска этого лагеря весной 1917 г. Видно это особенно ясно изъ записокъ о. Генриха Полянскаго, который, вмѣстѣ со многими другими русскими узниками, оставилъся въ Талергофѣ по 7-ое мая 1917 г.

Чѣмъ руководились и что замышляли сдѣлать съ талергофцами высшіе австр. рѣшавшія сферы, оставались для отрѣзанныхъ отъ вѣнѣнаго міра нашихъ братьевъ и сестеръ страдальцами непрощаемой и мучительной тайной до конца ихъ заключенія. Нынѣ, однако, вѣнѣ нашемъ распоряженіемъ находится подлинникъ одного такого тогдашнаго официального австрійскаго документа, который

этую тайну разоблачает совершенно.

Въ этомъ документѣ, дѣйствительнѣо, какъ въ зеркаль, вѣро отображаеется отношеніе австро-імпераціи къ боярко-тическимъ высотъ къ талерофскимъ мученикамъ и къ массовыемъ арестованіямъ и расправамъ полиціи и солдати-съ невинными жертвами во всѣмъ Прыкарпатьї.

Документъ этотъ гѣмъ паче вѣ-
жень и замѣщательн., что изданъ былъ
тѣмъ самыми высокими властями, отъ
которыхъ всѣ эти безчеловѣчныя ма-
роприятія исходили, и притомъ было

изданъ уже послѣ широчайшаго раз-
маха ихъ палаческой дѣятельности,
именно въ началѣ ноября 1914 г., т. е.
когда и вдоволь насытились и полюбова-
лись разстрѣлами и выслѣдцами въ
Галичинѣ, Буковинѣ и Угорской Руси,
и въ тоже время заняты были вопросомъ,
что дѣлать со многими тысячами
арестованыхъ и интернированныхъ, для
которыхъ — какъ видно и изъ этого
документа — рѣшительно не хватаетъ
второмахъ и лагерякъ мѣста.

Приводимъ его заѣда полностью
и на немецкомъ языке и въ переводѣ:

K. und k. Kriegsüberwachungsamt
K. Ü. A. 8896

Verschluß

An
die k. k. Stathalterei
in

Wien, am 9. November 1914.

G r a z .

Aus verschiedenen Klagen und Beschwerden, namentlich aus Eingaben des Präsidiums des Ruthenenklubs ist zu schließen, daß sich unter den aus Anlaß der militärischen Operationen in Galizien und in der Bukowina wegen politischer Bedenklichkeit in Gewahrsam genommenen und nach dem Hinterlande zur Internierung gebrachten Personen („Russophilen“) — da bei der Dringlichkeit der Maßnahmen weitgehende Erhebungen gewöhnlich nicht durchführbar waren — auch solche befinden, die nur infolge Mißverständnisse oder falscher Denunziationen betroffen wurden.

Um nun die letzterwähnten Personen aus den Internierungsorten auszuscheiden, ist die sofortige Einleitung einer entsprechenden Aktion notwendig.

Dermalen befinden sich — soviel h. o. bekannt — internierte „Russophile“

Am Thalerhofe bei Graz	ca. 5.700,
Theresienstadt in Böhmen	ca. 890,
Schwarz in Tirol	ca. 40,
Kufstein in Tirol	ca. 50,
Niederösterreich und Oberösterreich	ca. 20,

Außerdem sollen auch noch bei einzelnen Landwehrgerichten — намен-
тич въ Унгарии — angebliche „Russophile“ interniert sein, gegen die das ге-

richtliche Verfahren bereits eingestellt wurde, beziehungsweise mangels eines positiven Tatbestandes überhaupt nicht geführt wird und die nur wegen Zweifels bezüglich ihrer politischen Bedenklichkeit bisher weiter in Gewahrsam gehalten wurden, sonach gleichfalls in die Kategorie der vorerwähnten politischen Haftlinge gehören.

Da sich die meisten angeblichen Russophilen am Thalerhof befinden und auch die Abtransportierung der in anderen Internierungsorten befindlichen „Russophilen“ nach diesem Orte in Aussicht genommen ist, wird eine Untersuchungskommission eingesetzt, deren Aufgabe es ist, in rascher und verlässlicher Weise festzustellen, welche von den aus Galizien, bzw. der Bukowina nach anderen Orten behufs Internierung unter dem Verdachte der russophilen Gesinnung gebrachten Personen aus der politischen Haft zu entlassen wären.

Über die Entlassung selbst entscheidet die k. k. Stathalerei in Graz, an welche die Kommission ihre Anträge zu leiten hätte und an welche auch die Korrespondenz in dieser Angelegenheit zu richten wäre.

Die Kommission hätte zu bestehen: Aus einem älteren Beamten der Stathalerei in Graz als Leiter, ferner aus dem militärischen Kommandanten des Internierungslagers am Thalerhof und einem vom Militärikommando in Graz zu bestimmenden Offizier für den Justizdienst, dann aus zwei politischen, beziehungsweise Polizeibeamten der galizischen Stathalerei, die mit den Agenten der russophilen Bewegung vertraut sind. Der Kommission wird ein verlässlicher Vertrauensmann der ukrainischen Partei beigegeben, der die Kommission mit seiner Personkenntnis zu unterstützen, eventuell auch wegen der weiteren Behandlung und Unterbringung der Freigelassenen vermittel soll.

Die nötigen, die Zivilfunktionäre betreffenden Personalverfügungen werden vom k. k. Ministerium des Innern getroffen.

Die Grundlage für die Amtshandlungen der Kommission sollen insbesondere bilden:

1.) Die vom Präsidium der ukrainischen Partei vorgelegten Listen der verlässlichen Anhänger dieser Partei;

2.) die Feststellung, ob gegen die betreffenden Personen nicht noch eine gerichtliche Untersuchung im Zuge ist;

3.) die Feststellung, ob sie nicht in den Vormerkungen der Behörden als russophile Parteigänger verzeichnet sind;

4.) die Feststellung, ob sie nicht während ihrer Internierung zu mißliebigen Wahrnehmungen in politischer Beziehung Anlaß gegeben haben;

5.) eventuelle weitere Erhebungen, namentlich dann, wenn es sich um Personen handelt, die nicht ausgesprochene Anhänger der ukrainischen Partei sind, daher in den vorerwähnten Listen nicht vorkommen.

Wenn die sub 2, 3 und 4 erwähnten Voraussetzungen nicht zutreffen, und wenn sonst keine begründete Zweifel vorliegen, so wird der Nachweis der Nichtzugehörigkeit zur russophilen Partei dann als erbracht anzusehen

sein, wenn der betreffende Internierte in den erwähnten Listen des Präsi- diums der ukrainischen Partei angeführt ist.

Aber auch bezüglich der übrigen nicht in diesen Listen angeführten Internierten hätte die Kommission auf Grund der vorzunehmenden Perlu- strierung und namentlich auf Grund der einlangenden Gesuche und Be- schwerden zu prüfen, ob eine weitere Internierung dermaßen noch notwen- dig erscheint und eine Entlassung ohne Gefährdung der militärischen und gesamtstaatlichen Interessen erfolgen kann.

Die etwa nötigen Erhebungen werden durch direkten Verkehr der Kommissio- n bzw. der Statthalterei in Graz mit in Betracht kommenden politischen bzw. Polizeibehörden, eventuell militärischen Stellen, auf kürzestem Wege zu pflegen sein. Die befragten Stellen haben die Antwort ungesäumt in der Regel telegraphisch zu erteilen, damit die etwa unschuldig betrof- fenen Personen nicht länger in Haft gehalten werden.

Was die an anderen Orten — nicht bei Landwehrgerichten — inter- nierten, in die Kategorie der politisch verdaechtigen Inländer gehörigen russophilen Ruthenen anbelangt, so sind zunächst die ohnedies wohl vorhandenen Listen dieser politischen Häftlinge unverzüglich der Statthalterei in Graz zu übermittelten (должно быть: übermitteln), welche, soweit als möglich, die weitere Amtshandlung durch die Kommission veranlassen und die Entscheidung treffen wird, als wie wenn sich diese Personen am Thalerhof befinden würden. Die etwaige Abtransportierung nach Thalerhof, soweit nicht schon früher die Freilassung verfügt wurde, erfolgt erst über besondere h. o. Weisung.

Bezüglich der bei den Landwehrgerichten noch in Gewahrsam befindlichen politisch Verdaechtigen hat inzwischen das k. k. Ministerium für Landesverteidigung den abschriftlich mitfolgenden Erlaß vom 3. November 1914, Zl. 9651-V an die Landwehrgerichte gerichtet.

Da jedoch einzelne der dort genannten Gerichte in Ungarn aufgestellt sind, wird es manchmal zweifelhaft sein, welcher österreichischen politischen Behörde die aus gerichtlicher Haft entlassenen Personen zu über- stellen sind.

Für diesen Fall wird verfügt, daß — insoweit es sich um „Russophile“ aus Galizien handelt — zunächst Listen der betreffenden gerichtlich nicht, bzw. nicht mehr verfolgten Personen samt den etwa vorhandenen Strafakten der Statthalterei in Graz übersendet und jene Personen, die von den Gerichten nicht ohnedies direkt auf freien Fuß gesetzt werden, vorläufig auf kurze Zeit zurückzuhalten wären, bis die Statthalterei in Graz, welche in dieser Beziehung mit der größtmöglichen Beschleunigung vorzugehen hat, auf Grund der Feststellung der Thalerhofer Untersuchungskomis- sion den bezüglichen Landwehrgerichten die Verständigung zukommen läßt, ob die Freilassung auch aus der politischen Haft erfolgen kann oder nicht.

Diejenigen Individuen, die für weitere politische Internierung bestimmt erscheinen, sind dann nach Thalerhof zu instradieren; ihr Abtransport ist

rechtzeitig der Statthalterei in Graz zu avisiieren und Transporte über 30 Mann auch der Zentraltransportleitung in Wien anzumelden.

Bezüglich der etwa bei der Landwehrgerichts-Expositur Beszterce in Gewahrsam befindlichen Russophilen aus der Bukowina hätte sich diese Expositur mit der k. k. Landesregierung in der Bukowina in das Einver- nehmen zu setzen.

Den auf freien Fuß gesetzten Personen ist in allen Fällen von jener Behörde, in der die Internierung stattgefunden hat, eine Legitimation auszu- stellen, welche nebst der genauen Personsbeschreibung sowie die Unter- schrift des Entlassenen die Bestätigung enthalten soll, daß der Befreitende als politisch unbedenklich aus der politischen, bzw. gerichtlichen Haft entlassen wird. Diese Legitimationen, welche in deutscher Sprache nebst einer polnischen und ruthenischen Übersetzung zu verfassen wären, haben den Zweck, den Freigelassenen vor etwaigen neuerlichen Maßregelungen aus dem gleichen Anlaß, der zur ursprünglichen Internierung Anlaß gab, zu schützen.

Die Freigelassenen werden stets nach den gleichen Grundsätzen wie die Flüchtlinge aus Galizien und der Bukowina zu behandeln sein.

Die in Österreich entlassenen unbemittelten Ruthenen würden sonach — soweit eine anderweitige Versorgung untnlich und soweit auch eine Unterbringung in Wolfsberg in Kärnten nicht mehr erfolgen kann — nach Bruck d. Leitha kommen.

Das kgl. ung. Ministerium des Innern wird zugleich um die Zusimmung (очевидно: Zustimmung) ersucht, daß die in Ungarn von den Landwehr- gerichten auf freien Fuß gesetzten Personen auch dort nach den gleichen Grundsätzen wie die sonstigen Flüchtlinge aus Galizien oder der Buko- wina behandelt werden.

Zugleich werden der k. k. Statthalterei die vom Praesidium des Ruthenenklubs h. o. vorgelegten Listen der internierten ukrainischen Partei- gaenger, für deren politische Verlässlichkeit das genannte Praesidium die vollste Garantie übernimmt, zur weiteren Veranlassung übermittelt.

Ergeht an die k.k. Statthalterei in Graz, abschriftlich zur Kenntnis- nahme an die Statthalterei in Wien, Linz und Biala, an die Landesregierung in Dorna Watra, an die Bezirkshauptmannschaften in Leitmeritz, Kuf- stein und Schwaz, an das k.k. Gericht des Militäerkommandos in Munkacs, an die k.k. Landwehrgerichte, Expositur Iglo, in Marmaros-Szigez (очевидно: Sziget) und Beszterce, an die Militäerkommanden in Graz, Leitmeritz, Munkacs, Poszony 2 und Krakau, an das k.k. Ministerium des Innern, an das k.k. Ministerium für Landesverteidigung, an das k.k. Ministerratspraesidium und an den kgl. ung. Minister des Innern.

S ch l e y e r m. p. Fmit.

Praesidium der k. k. steierm. Statthalterei
eingelangt am 10.November 1914, Pr.2616/11.

Въ переводѣ:

Имп. и кор. военно-охранное вѣдомство.

№ 8896.

Въ Имп. кор. Намѣстничество
въ Грацѣ.

Вѣна, 9-го ноября 1914 г.

Извѣдныхъ жалобъ и протестовъ, въ частности же изъ заявленій президиума рутенскаго клуба яствуетъ, что между лицами, арестованными изъ-за военныхъ дѣйствій въ Галичинѣ и Буковинѣ и эвакуированными для интернированія въ тылъ („руссофилами“) — въ виду того, что по спѣшности мѣропріятій надлежащаго разслѣданія производить было некогда — находятся и такіе личности, кои попались только по недоразумѣнію или же ложнымъ доносамъ.

Съ цѣлью выѣденія таковыхъ изъ мѣста заключенія необходимо начать соотвѣтствующія дѣйствія немедленно.

Въ настоящее время находятся — поскольку здѣсь извѣстно — интернированные „руссофилы“:

въ Талергофѣ воизгѣ Граца	ок. 5.700 чел.
„ Терезинъ въ Чехії	890 "
„ Швацъ, въ Тироль	40 "
„ Купфтеинъ, въ "	50 "
„ Нижней и Верхней Австрии	20 "

Кромѣ этихъ, кажется, находятся еще въ заключеніи также при отදѣльныхъ военно-ополченскихъ судахъ — въ частности венгерскихъ — такіе мнимые „руссофилы“, противъ которыхъ судебное слѣдствіе уже пристоановано или же за неимѣніемъ никакихъ положительныхъ данныхъ вообще не ведется и которыемъ содержатся до сихъ поръ дальше въ заключеніи только по сомнительнымъ соображеніямъ относительно ихъ политического образа мыслей и, слѣдовательно, такъ же точно принадлежатъ къ той же категоріи политическихъ узниковъ.

Такъ какъ наибольшее число предполагаемыхъ руссофиловъ находятся въ Талергофѣ и имѣется въ виду также перевезеніе туда же и „руссофиловъ“, интернированныхъ въ другихъ мѣстахъ, то назначается особыя слѣдственная комиссія, ваданіемъ которой будетъ установить скорѣшиимъ и надежнѣшимъ образомъ, кого изъ лицъ, вывезенныхъ изъ Галичины и Буковины въ другіе мѣста для интернированія по подозрѣнію въ руссофильскомъ образѣ мыслей, слѣдоватоѣы освободить изъ политического греста.

Довѣрительно.

О самомъ освобожденіи рѣшало бы имп.кор.намѣстничество въ Грацѣ, къ которому комиссія должна бы направлять свои предложения и къ которому должна бы также адресоваться вся переписка по этому дѣлу.

Комиссія должна бы состоять изъ: старшаго чиновника грацкаго намѣстничества какъ руководителя (представительствующаго), затѣмъ изъ военныхъ комендантovъ Талергофскаго лагера интернированныхъ и одного офицера-судьи (авторитета), котораго назначить военная команда въ Грацѣ, затѣмъ изъ двухъ политическихъ, resp. же полицейскихъ чиновниковъ галицкаго намѣстничества, сѣдущихъ въ проявленіяхъ руссофильскаго движенія. Къ комиссіи присоединяется надежное и довѣренное лицо (кофідентъ) украинской партіи, которое будетъ помагать комиссіи своими личными свѣдѣніями и оказывать свою посредническую услугу также въ дѣлѣ и на случай дальнѣшаго поступленія и обращенія съ лицами уже освобожденными.

Надлежащая, гражданскихъ чиновъ и личного состава касающіяся распоряженія издастъ имп. кор. министерство внутреннихъ дѣлъ.

Основаніемъ для исполнительныхъ дѣйствій комиссіи должны служить въ частности:

1) Президіумомъ украинской партіи предложенные списки надежныхъ сторонниковъ этой партіи;

2) выясненіе вопроса, не ведется ли еще судебнное слѣдствіе противъ относ. лицъ;

3) выясненіе, не представлены ли (аттестованы ли) эти лица въ актахъ (записяхъ) властей какъ сторонники руссофильской партіи;

4) выясненіе, не дали ли эти лица какого-нибудь повода къ отрывательнымъ замѣчаніямъ въ политическомъ отношеніи во время ихъ интернированія;

5) возможнѣйшій разслѣдованія, въ частности въ такихъ случаяхъ, когда дѣло будетъ касаться лицъ, которые не являются открытыми сторонниками украинской партіи и потому въ вышеуказанныхъ спискахъ не значатся.

Если подъ 2) 3) и 4) приведенные предпосылки не находять примѣненія и если, впрочемъ, никакихъ обоснованныхъ сомнѣній нѣтъ, можно непринадлежность къ руссофильской партіи считать доказанной, если относительный интернованный находится въ означенныхъ спискахъ украинской партіи.

Но также относительно прочихъ, въ этихъ спискахъ не названныхъ интернованныхъ должна бы комиссія на основаніи производимой проверки и въ частности на основаніи поступающихъ прошений и жалобъ установить, являются ли нынѣ дальнѣшими ихъ интернацией нужной и можетъ ли наступить ихъ освобожденіе безъ ущерба для военныхъ и вообщегосударственныхъ интересовъ.

Такъ или иначе нужные разслѣдованія комиссія или же грацкое намѣстничество должны производить путемъ прямого сношенія съ отно-

сительными политическими или полицейскими властями и немедленно. Опрошенные въдомства должны немедленно и по правилу давать отвѣты по телеграфу, дабы сколько-нибудь невинно пострадавшія лица не содержались дальше въ заключеніи.

Что же касается интернированныхъ въ другихъ мѣстахъ, — не при военно-ополченскихъ судахъ — включенныхъ въ категорію политически подозрительныхъ русофиловъ-русинъ, то прежде всего слѣдуетъ и постоянно имѣющіеся подъ рукой ихъ списки безотлагательно переслать въ намѣстничество въ Грацѣ, которое, поскольку это возможно, распорядить дальнѣйшее дѣлопроизводство черезъ комиссию или же вынесетъ постановленіе такъ точно, какъ если бы такія лица находились въ Талергофѣ. Перевезеніе ихъ въ Талергофъ въ случаѣ, если ихъ освобожденіе не было уже раньше распоряжено, можетъ наступить только по особому указанию отсюда.

Относительно заключенныхъ при военно-ополченскихъ судахъ политически заподозрѣнныхъ имп. кор. министерство ополченія обратилось отношеніемъ отъ 3 ноября 1914 г. за № 9651 — V къ военноополченскимъ судамъ.

Въ виду того, что таковые отдѣльные суды установлены въ Венгрии, иногда окажется сомнительнымъ, которой именно австрійской политической власти слѣдуетъ передать освобожденныхъ изъ судебнаго заключенія арестантовъ.

На такой случай дается распоряженіе, чтобы — поскольку дѣло въ галицкіхъ „русофилахъ“ — списки такихъ изъ нихъ, которые ни судебныи порядкомъ, ни вообще никакъ не преслѣдуются, были пересланы вмѣстѣ съ возможно имѣющимися слѣдственными актами намѣстничеству въ Грацѣ, а лица, которыхъ эти суды все таки не выпустили на свободу, были покамѣстъ на короткое время задержаны, пока гацкое намѣстничество, которое въ этомъ отношеніи должно дѣйствовать возможно наимѣнѣнѣе, не сообщитъ относ. военно-ополченскимъ судамъ на основаніи расслѣдований талергофской слѣдственной комиссии, могутъ ли эти лица быть освобождены также изъ-подъ политического ареста или нѣтъ.

Тѣ арестанты, которые кажутся подходящими для дальнѣйшей политической интернировки, должны быть доставлены въ Талергофъ. О ихъ предстоящемъ перевезеніи должно быть заблаговременно предупреждено грацкое намѣстничество, а о транспортѣ партіи по свыше 30 человѣкъ слѣдуетъ докладывать также центральному эвакуационному вѣдомству въ Вѣнѣ.

Относительно находящихся въ заключеніи при военной судебнно-ополченской экспозитурѣ въ Бестерчѣ буковинскихъ русофиловъ должна эта экспозитура войти въ сношенія съ политическими властями въ Буковинѣ.

Для лицъ выпускаемыхъ на свободу во всѣхъ случаяхъ та власть, при которой они были интернированы, должна выготвить легитимаціи, въ которыхъ, кроме точного описания личности и подписи освобождаемаго, должно заключаться подтвержденіе, что относительное лицо политически не заподозрѣно и изъ политического или судебнаго ареста освобождается. Эти легитимаціи, которая должны быть составлены на немецкомъ языке при польскомъ и малорусскомъ переводахъ, имѣютъ своей цѣлью защиту уже освобожденныхъ отъ возможныхъ новыхъ преслѣдований по тому же поводу, по которому первоначально уже были арестованы.

Съ освобожденными слѣдуетъ всегда обращаться такъ точно, какъ съ бѣженцами изъ Галичины и Буковины.

Въ австрійской половинѣ освобожденные и неимущіе русины должны ватѣть — поскольку поселеніе и устроеніе ихъ такъ или иначе въ Вольфсбергѣ въ Каринтии уже невозможнѣ — направляться въ Брукъ на р. Лейтѣ.

Одновременно у венгерскаго кор. министерства внутреннихъ дѣл испрашивается согласіе на подобное же третирование освобожденныхъ венгерскими ополченскими судами лицъ какъ и другихъ бѣженцевъ изъ Галичины и Буковины.

Одновременно имп. кор. намѣстничеству препровождаются предложенные вѣдѣніемъ президиумомъ рутенского клуба списки интернированныхъ сторонниковъ украинской партии, за политическую благонадежность которыхъ называемый президиумъ совершенно ручается, на дальнѣйшее распоряженіе.

Отправляется имп. кор. намѣстничеству въ Грацѣ, въ копіяхъ для сѣдѣнія намѣстничествамъ во Вѣнѣ, Линцѣ и Бялой, краевому (буковинскому) правительству въ Дорнѣ Ватрѣ, староствамъ въ Литмерицѣ, Кифтштайнѣ и Швацѣ, имп. кор. военному суду въ Мункачѣ, имп. кор. ополченскими судами и ихъ экспозитурамъ въ иглѣ, Мармарощь-Сиготѣ и Бестерчѣ, военнымъ командамъ въ Грацѣ, Литмерицѣ, Мункачѣ, Пшонѣ 2 Краковѣ, имп. кор. министерству внутр. дѣлъ, имп. кор. ополченскому мин-ву, ц. к. президиуму совѣта министровъ и венгерскому кор. министерству внутр. дѣлъ.

Шлѣръ, соб. р., фельдмаршаллейтенантъ.

Президиумъ имп. кор. Стирскаго намѣстничества,
вошло 10-го ноября 1914 г., Пр. 2616|11.

Комментарій излишні. Критика и объясненіе этого документа, впрочемъ, принадлежатъ исторіи. Здѣсь же теперь остается только указать на вытекающие изъ него неизбѣжно и обусловленные имъ факты. Итакъ:

Во вступлениѣ признается фактъ, что арестованы были и содержатся въ заключеніи многие „руссофилы“ только „по недоразумѣнію или же ложнымъ доносамъ“.

Замѣчательно употребленіе терминовъ: „руссофилы“ и „украинцы“ (или „украинская партия“ и ея президіумъ). Первый изъ нихъ („руссофилы“) значить, какъ видимъ, то же самое, что преступники, измѣнники, и потому обреченные на осужденіе, содержание въ заключеніи и погибель, — второй („украинцы“), это же равно что синонимъ: люди благонадежные, заслуживающіе безусловно полного довѣрія, а потому имеющіе право и подлежащіе немедленному освобожденію, если по ошибкѣ или недосмотру были арестованы, и должностные имѣтели играть довѣрительную и полномочную роль въ дѣлѣ решенія дальнѣйшей судьбы настоящихъ и мнимыхъ „руссофиловъ“. Здѣсь впервые въ австр. офиціальномъ документѣ употребляются термины „украинцы“ и „украинскій“ въ национальномъ смыслѣ. Только во время войны Австро-Венгрия рѣшилась на это нововведеніе и рѣшилась самой себѣ на горѣ, отъ этого ей не поздоровилось. Но видно еще иное: колебаніе въ этомъ отношеніи: упоминается еще парламентскій „рутенскій клубъ“, фактически, какъ извѣстно, „украинскій“. За то совсѣмъ не опредѣлена национальность ненавистныхъ „руссофиловъ“. Было бы ошибкой предполагать, что отсутствуетъ это определеніе потому, что преступниками: „руссофилы“ были люди разныхъ национальностей. Отнюдь нѣтъ. Хотя въ талергофскомъ лагерѣ и содержалось извѣстное (сравнитъ небольшое) количество интернированныхъ поляковъ, евреевъ и др., но въ документѣ подъ „руссофилами“ подразумѣваются люди русской національности изъ Галичини и Буковины и

Угорской Руси.Что это несомнѣнно такъ явствуетъ изъ сл. „руссина“ дальше и изъ др. соврем. австр. оффіц. документовъ: въ частности, напр., въ обвинительныхъ актахъ и приговорахъ I и II вѣнскіхъ політ. процессовъ означены „руссофилы“ всѣ обвиненные, исключительно одни только русские галичане. Объясняется эта странность тѣмъ, что хотя, виду признания особой „украинской“ национальности, тѣмъ самымъ требовалось признаніе русской национальности (терминъ „рутенъ“ не могъ вѣйти въ расчетъ, ибо относился къ русскимъ и къ „украинцамъ“), все же Австро-Венгрия, съ ослипшимъ упрямствомъ, такъ и до послѣдняго своего изъданія не признавала наличія русской націи въ Прикарпатахъ. Въ этой разительной непослѣдовательности и нелогичности австро-венгерской бюрократіи руководились пряммыми указаніями наименъ: „украинецъ“, которые тогда уже да и нынѣ, сами отрекшись отъ русского имѣнія, желаютъ и силятся, во чѣмъ то ни стало, лишить его и русскому, и потому называются ихъ московофилами, москалями, карапасами и др. подпрозвищами, только не русскими, въ печати и вскихъ заявленіяхъ съ такимъ же ослипшимъ упраѣствомъ. Какъ панически трепетала Австро-Венгрия предъ русскимъ именемъ до самой своей постыдной кончины, можно судить по той жестокой расправѣ съ галицко-русскими студентами, которая была описана въ Днієвицѣ Куртизанъ и записаны К. Чинка въ III вып. Талергофскаго Альманаха, гдѣ 48 чел. были наказаны подвѣшиваніемъ къ стволу за то, что при рекрутскомъ наборѣ въ талергофскомъ лагерѣ называли свою национальность русской („russisch“).

Въ комиссии, заданіемъ которой будутъ постановленія обѣ освобождений или дальнѣйшемъ содержаніи въ заключеніи отдельныхъ „руссофиловъ“, должно служить своими личными свѣдѣніями, надѣжное и довѣренное лицо (конфидентъ) украинской партіи. О вывезенныхъ же изъ Галичини и Буковины узникахъ выразительно сказано, что

арестованы и интернированы они „по пѣдѣнію въ руссофильскомъ образѣ мыслей“.

Лунгты 1—5 документа показываютъ, что немедленно освобождались изъ заключенія сторонники „украинской“ партіи, фигурирующіе въ спискахъ, предложенныхъ президиумомъ этой партіи, но что безусловно содержались дальше въ тюрьмахъ илагеряхъ заключенные сторонники „руссофильской“ партіи.

Названные „украинскіе“ конфиденты оказывали свои услуги, какъ видимъ, также, въ дѣлѣ и на случай дальнѣйшаго поступления и обращенія съ лицами уже освобожденными“ (и находившимися уже на конфинаціи) — добавимъ и на основаніи данныхъ материаловъ). И дѣйствительно они, эти конфиденты, слѣдили и доносили на конфинированыхъ и освобожденныхъ русскихъ.

Изъ документа видно, что то „безголовые“, которое царить все время въ талергофскомъ лагерѣ изъ-за все прѣбывающихъ новыхъ транспортовъ, для которыхъ тамъ не было ни мѣстъ, ни бараковъ, ни одеянія, ни пищи, выходило изъ относительныхъ распоряженій высшихъ властей.

Если сообразить, съ какимъ удараѣмъ подчеркивалась въ этомъ распоряженіи высшихъ австр. властей, „украинскіе“ благонадежность и какое важное значеніе придавалось „партийнымъ украинскимъ“ спискамъ, то становится уже по нѣкоторой степени по-

нятнымъ то издѣвателское нахальство, то хамство, съ которыми отдельные „украинскіе“ конфиденты приставали къ русскимъ узникамъ съ предложеніемъ записаться у нихъ въ „украинцы“ и добиться такимъ путемъ освобождения. Вмѣсть съ тѣмъ, съ истиннымъ удовлетвореніемъ приходится отѣйтъ, что крайне мало нашлось „такихъ“ русскихъ узниковъ, которые подались этому соизволению. Огромное ихъ большинство, по-что всѣ, гнали этихъ нахаловъ вонъ, неустрашимо исповѣдуя свою принадлежность къ Руси, и, дерка въ тюрьмѣ, даже на процессы, передъ всѣми и разѣѣломъ, русское национальное здѣвоально, геройски перенесли всѣ тяжкія испытанія, всѣ страданія, до конца. За то, съ другой стороны, если учесть и взѣйтъ всѣ лояльныя преслѣдованія русскихъ и покровительствование и поддерживание „украинцевъ“ со стороны властей, а затѣмъ военный терроръ по отношению первыхъ и бездѣльное довѣріе и благоговѣіе ко вторымъ, то, какой безстыдной ложью и какимъ діавольскимъ цинизмомъ были всѣ эти „украинскіе“ заявленія, въ печати, парламентѣ, на вѣнцахъ и собранияхъ въ краѣ и въ разныхъ переднихъ заграницѣ, о томъ, что къ „украинской“ партіи присоединяются многи изъ-за „живучести, правды и чистоты украинской справы“ и вообще изъ идеиныхъ побужденій!

Краткія записи изъ воспоминаній отдельныхъ узниковъ.

Бережанскій уѣздъ.

(Сообщеніе свящ. о Гр. Качалы*)

Наше путешесвіе въ Талергофѣ длилось съ понедѣльника до пятницы вечеромъ.

* Начало см. Тал. Альм., I. вып., стр. 33.

Послѣ оставленія вагоновъ пошлимы ускореннымъ шагомъ на талергофскую равнину. Многіе изъ насы падали отъ усталости въ заднѣ ряды проходили по упавшимъ, ибо никому не разѣрвалось посторониться изъ колонны, въ какую кто былъ опредѣленъ. Въ случаѣ несбодненія этого приказа ударъ прикладомъ сшибалъ нарушителя этого порядка

сь ноги и провинившийся попадать под ноги слѣдовавших за ними. Подобный случай произошел со священником Чубатым из Жукова.

Два суток прошли мы под гольмъ небомъ. Не разбрѣхалось разговаривать, ни двигаться съ мѣста. Люди лишились чувствъ, и падали отъ голода и жажды. Я лично какъ то голодъ совершилъ не ощущалъ, несмотря на то, что ничего не еѣлъ, я забылъ о голодаѣ, но

Свящ. о. Романъ Васильевичъ Кокотайло, с. Турика, жолковскаго уѣзда, талергофецъ, род. 1875 г., рукои. 1901 г., жен.

страшно томился жаждой, такъ что предполагалъ уже близкую смерть.

Туть былъ я свидѣтелемъ, какъ конвойные убили скончанаго въ цѣли церковнаго старшаго брата изъ села Болоты. Фамилии его не помнилъ).

Нѣкоторое время спустя я былъ посланъ за водой вмѣстѣ со свящ. о. Хилькомъ, кажется лемкіемъ по происхождѣнію. Оно ть дѣло съ непонятными

^{*)} Смотри «Временица» на 1925 г. «Вѣнчаръ Матвѣй!»

для меня упорствомъ доказывалъ солдату, что мы невиновны. Однако солдатъ не меньшимъ упорствомъ подгонялъ насъ прикладомъ въ теченіи иѣсъколькихъ часовъ, выкрикивая: „Roscha“ (rascher-skorbe).

Воду носили мы въ ушатѣ. Мой коллега былъ высокаго роста, я низкаго, вслѣдствіе чего ушатъ постоянно накренивался въ сторону и вода выливалась черезъ край. Это приводило въ яростъ сопровождавшаго насъ солдата и онъ за убытокъ воды поминутно потчевалъ насъ прикладомъ винтовки.

Не помню сколько разъ мы обернули съ этой водой; вконцѣ концовъ я отъ изнеможенія упалъ на лѣстницѣ. Тутъ нашъ конвоиръ понялъ несуразность своего усердія и уволилъ насъ отъ дальнѣйшаго водонесенія.

Однажды были вызваны 195 человѣкъ и отправлены въ Градецъ на допросъ и судъ. Тамъ былъ я посанженъ въ камерь вмѣстѣ съ священниками: старенький Билинкевичъ, изъ Бурштина, Чубатымъ изъ Жукова, Томовичемъ, Пилищемъ, двумя молодыми Друкотами и двумя словинскими священниками — всего 18 чоловѣкъ. Только 27го октября я былъ оправданъ (neigesprochen, aber nicht freigeslassen — оправданъ, но не освобожденъ), и переданъ подъ надзоръ гражданскихъ властей, но фактически было я обратно возвращенъ въ Талергофъ, въ баракъ № 6, где я прожилъ до весны 1915 года.

Дальше жилъ я три года въ Градецѣ, а весной 1918 года благолучно вернулся домой.

Свящ. Григорий Качала,

Самборскій уѣздъ.

1.

(Сообщеніе свящ. Иоанна Шемердяка*).

Послѣ мытарства въ галицкихъ торныхъ маѣахъ, мы очутились въ Талергофѣ.

На второй или третій день послѣ прѣѣзда дали мѣѣ и свящ. о. И. Ольшан-

^{*)} Другое сообщеніе объ арестованіяхъ и пр. см. Талергоф. Альм. I. вып. стр. 125-131.

скому изъ Хирова работу: величи чис-
тить лопатами отхожія мѣста, устроенные
на ладъ походныхъ военныхъ отхожихъ.

Жизнь въ палатахъ и ангарахъ,
надѣясь, опишутъ другіе, я вспомни
лиши иѣсъколькими словами о своихъ
родныхъ и близкихъ.

Вмѣстѣ со мной арестованы въ Гу-
менѣ моего шурина Фому Петра Вито-
шинского, старшаго жел.-дор. ревизора
въ Станиславовѣ. Изъ Гуменца былъ
онъ вывезенъ въ станиловскій острогъ
Дуброву, а оттуда доставленъ въ Талер-
гофъ раньше мене, и былъ назначеннъ
надзирателемъ въ 4 омъ баракѣ. За-
тѣмъ оклеветанный однитъ полякомъ,
былъ посанженъ полковникомъ Штадле-
ромъ въ одиночную камеру на недѣлю.

Не знаю, много ли найдется такихъ
семействъ, которымъ пострадали бы столь-
ко во время всесмѣрной войны сколько мы.
Въ Талергофѣ было насъ четыре брата:
Иоаннъ Шемердякъ изъ Гуменца, Васи-
лій изъ Старого Самбора, Феодоръ Ше-
мердякъ, съ двумя сыновьями, и Петръ
Шемердякъ, съ сыновьями, Григоріемъ
и Львомъ, и отчимомъ, Дмитриемъ Волчи-
комъ изъ Старого Самбора.

Феодоръ Шемердякъ и Дм. Вол-
чикъ умерли въ Талергофѣ. Семья Ва-
сilia Шемердяка, состоявшая изъ четы-
рехъ лицъ, опасаясь участія постиг-
шей ихъ отца, отступила съ русскими
войсками и пропала безъ вѣсти, а сынъ
его Владимиръ, погибъ добровольцемъ въ
арміи Колчака. Самъ отецъ Василий, вер-
нувшись прибѣгъ горемъ изъ Талергофа,
умеръ въ 1919 году.

Пятый братъ, Андрей Шемердякъ,
вернувшись изъ Киева, былъ посанженъ
мѣѣнными мазепинцами въ Перемышль-
скую тюрьму.

Когда я вернулся изъ Талергофа,
не засталъ дома никого изъ своихъ род-
ныхъ. Моя также бѣхала въ Россію, откуда вернулась въ 1918 году, за исклю-
ченіемъ двухъ сыновей, студентовъ Оси-
на и Евгена. Первый погибъ въ арміи
Брандтъ, второй въ арміи Колчака.

II. III.

(Сообщеніе Антона Бачинскаго*).

Послѣ четырехнедѣльного каранти-
на мой отецъ, Іосифъ Бачинскій, былъ
помѣщенъ въ Талергофскіи баракахъ.
Тамъ встрѣтился онъ съ г-жой Байко,
д-ръмъ Цюкомъ, г. Мудрѣмъ — всѣ

Свящ. о. Петръ Янєвъ, наст. прихода въ Гин-
говъ, пч. Борина, у. Тура на Стыѣ, талер-
гофецъ, род. 1869 г., рукодол. 1896 г., жен.
Синакъ сдѣланъ сейчасъ послѣ освобожденія
въ Талергофѣ, 14 февраля 1917 г., и пере-
ѣхалъ на конференцію. Арестованъ былъ въ на-
чалѣ марта 1915 г. въ Талергофѣ, а 17 марта
въ Чиги, отъ мая 1915 г. до февраля 1917 г., въ
талергофской лагерѣ. Отъ 14. февраля 1917 г.
по 29 сентября 1917 г. былъ на конференціи въ
Passail bei Weizt. Когда съ конференціи вернулся
на родину, то со своей россійской бородой хо-
дилъ въ Гинговъ ровно только 21 день, ибо
на эту бороду быть сажать доносъ въ ста-
роство и по его приказу она „лягла головою“.
изъ Самбора — и съ свящ. о. Кушемъ
изъ Лѣнины.

Пока были деньги, отцу жилось
сносно. Позже его положеніе сильно ос-
ложнилось. Хартии ухудшились качес-
твенно и количественно, а ст. сокраще-

^{*)} См. объ арестованіяхъ Талергоф. Альм.
I. вып. стр. 129-131.

ніем до минимума казенного продовольственного пайка, пришлось посыпал ему из дома посылки.

Въ Талергофѣ промчился отецъ два года. Стараниемъ родныхъ былъ онъ освобожденъ 27 апрѣля 1917 года.

Отецъ вернулся домой совершенно больной. Перенесенный имъ физическая и моральная страданія свели его въ могилу 7 апрѣля 1919 года,

A. B.

III.

С. Ленина, Самборскаго уѣзда.

(Сообщеніе свящ. Данила Куща*)

8 сентябрь, остановился нашъ ѿшельонъ въ Вадовицахъ. Извѣстивъ, привѣтствіемъ яростными криками мысльныхъ жителей, собравшихся на вокзалѣ, подъ тучей бросаемыи на насъ камней, мы были отправлены въ вадовицкую тюрьму. При входѣ въ нее тюремный сторожъ, стоя въ дверяхъ, бѣлъ какъдого интернированного, входящаго въ тюрьму, по головѣ. Въ тюрьмѣ построили всѣхъ въ коридорѣ и подали воду.

Вдругъ выступаетъ передъ нами фельдфебель-украинопифль съ назидательной рѣчью и, ругая настъ измѣнниками и виновниками войны, указываетъ на кучу патроновъ, лежавшіе въ коридорѣ, которые по его словамъ были назначены для нашего разстрѣла. Онъ обратился съ призываюи къ находившимся съ нами крестьянамъ, разказать во времѧ сльдѣствія все, о чѣмъ говорили имъ церкви бунтовщики священники.

Только 12 сентябрь ѿшельонъ выѣхалъ изъ Вадовицъ и направился на за-падъ.

Было настъ всего четыреста человѣкъ, по большей части изъ Сянноцкаго, Стрыйскаго и Дрогобычскаго уѣдовъ.

*) Начало описанія арестованія и путеше-
ствія см. Талергоф. Альм. I. вып., стр. 127-8.

Везли настъ двумя поѣздами, изъ которыи однѣ направились въ Вольфсбергъ, въ Каринтию. Тутъ мы простояли днѣ сутокъ въ какомъ-то старинномъ зданіи, по слухамъ, бывшемъ єзуитскимъ монастырь, а оттуда мы были отосланы въ Талергофъ.

Я бѣжалъ все время со своими сыномъ Николаемъ. Въ Талергофѣ прѣбывали мы вчера 17 сентября. Намъ на вѣтру вышелъ отрядъ солдатъ съ зажженными факелами. Мы выгнувшись и, построившись въ два ряда, пустились въ извѣстный погонъ адъ. Нѣмнѣе, "руї" не было конца, а "храбрецъ австрійскѣе воинства" лѣсъ пути подгоняло настъ прикладами.

Въ Талергофѣ были мы размѣщены въ палатахъ по 30 человѣкъ въ каждой.

По истечении мѣсяца прибыла въ Талергофѣ свѣтлая партія арестованій изъ Страсбургскаго и Турчанско-уѣзда, а среди нихъ моя жена, dochъ Ярославъ и второй сынъ, Левъ. Они быи арестованы по доносу войта съ Велѣнинъ, Андрея Бучковича, и писаря-управомиѳила Ивана Герика; остальные мои дѣти, одно 8-ми, другое 10-ти лѣтъ, были оставлены дома на произволъ судьбы.

Вѣсъ мы переболѣли въ Талергофѣ, гдѣ младшій сынъ, Левъ, умеръ и тамъ же похороненъ.

С. Залуче, Снятинскаго уѣзда.

(Сообщеніе Залучанъ*)

Въ Талергофѣ жили мы не лучше и не хуже другиу русскихъ галичанъ. Перенесли тѣтъ же голодъ и холодъ и тѣтъ, тѣ же солдаты и офицеры изѣдѣвали настъ наами, и были мы свидѣтелями общаго горя и недоли нацизма зе ляжковъ.

Уѣзжалъ изъ Талергофа, мы оставили изъ нашихъ односельчанъ подъ талергофскими "соснами": Костика Солов-

яна, его сына Ивана, Юрия Вирстока, Никиту Нагорника, Прокофія Ерічку, Николая Болетинника, М. Гуньку, Григорія и Николая Кобевокъ.

Всѣ умерли отъ тифа.

Двумя словами слѣдовало бы вспомнить и о нашихъ предателяхъ, которые дали первый толчокъ къ арестамъ вальчанъ. Жандармъ Пушкаръ понесъ жестокую смерть изъ рукъ петлюровцевъ, въ Димитрій Гоянъ кончили на висѣлицѣ.

— 147 —

Ярослава, я выѣхалъ съ младшимъ сыномъ и дочерью въ St. Peter am Ottarsbach, гдѣ къ моему счастью, встрѣтился съ зятемъ, Эммануиломъ Подлѣбескимъ, наставителемъ прихода изъ Уѣхковичъ, возїѣ Перемышлянъ.

Тамъ прожилъ я съ дѣтьми, въ семье до осени 1917 года, а по полученіи разрѣшенія, вернулся въ Галичину.

L. I.

С. Лядское Шлях., Толмачскаго уѣзда.

(Сообщеніе свящ. о. Іосифа Кустыновича*)

Въ Талергофѣ прибылъ я изъ Терезина 7-го мая 1915 года.

Тутъ жизнь моя перемѣнилась къ лучшему, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что я очутился среди своихъ людей, подъ опекой сына и друзей. Но увы! Здоровье моего сына Юліана, подорванное непосыпанными лишнѣями, свело его въ могилу октября 13-го дня 1915 г. Похороненъ мой сынъ подъ "соснами", въ могилѣ № 1421. Тяжелой была на-ша разлука.

Въ Талергофѣ узналъ я впервые о принудительномъ введеніи Григоріанскаго календаря въ Станиславовской епархиї.

Вспомнило еще о другомъ сыне, Амвросію Кустыновичу, нынѣ железнодорожномъ контролерѣ въ Кіайуза, въ Чехословакіи. Въ 1915 году былъ онъ арестованъ и посаженъ въ Тенгельштутъ въ Вѣнѣ, какъ заподозрѣнъ въ шпион-ствѣ. Послѣ оправданія, былъ онъ отправленъ на русский фронти и тамъ вскорѣ тяжело раненъ. Затѣмъ, послѣ излеченія, побывалъ на италіанскомъ фронти, откуда благополучно вернулся домой.

*) Начало сообщенія см. Талергоф. Альм. I. вып., стр. 147-8.

*) Начало см. Талергоф. Альм. I. вып., стр.

С. Комарники, Турчанского уезда.

(Сообщение Феодора Комарницкого-Павлиновича⁶).

Путешествие из Ужгорода (Унгвара) в Талергоф продолжалось целую неделю.

В первый день получили мы на обяд по одному чину, на второй день по два чинка, а пять суток хлебы без пищи и воды. В вагонахах хлебы стоя, въ убийственномъ воздухѣ и смертельномъ изнеможении.

Въ Талергофѣ прибыли мы ночью. Когда высыпалъ изъ вагонозы, окружили насъ солдаты съ фонариками и, построивъ въ четверки, погнали въ талергофскіе бараки.

Какой-то интернированный старикъ послѣ двухъ шаговъ упалъ замертво на дорогѣ. Присоединившій солдатъ толкнулъ его ногою, приказывая встать и идти съ другими, но разглядѣвъ бездыханій, ходившій трупъ, вскрикнула проклятія, отступила отъ покойника.

Утромъ получили мы котлеты, кофе и хлѣбъ, въ полдень обѣдъ, а вечеромъ кофе безъ хлѣба. Такъ жилось два съ половиною мѣсяца.

Днемъ и ночью лежали мы въ страшной грязи на стертый соломѣ. Въ баракахъ, въ которыхъ мы размѣстились, хранились раненые австро-альпинцы.

Въ новыхъ баракахъ, куда мы были переведены уже зимой, было хуже. Вѣтеръ и дождь проникали сквозь щели въ помѣщеніе, замороживъ узниковъ, оѣдѣть по большей части въ лѣтніюю одежду. Въ баракахъ развелось такое множество насѣкомыхъ, что лагерь былъ похожъ на большой муравейникъ. Одного болѣнаго нашли однажды подъ утромъ мертвымъ. Его обѣли вши сплющено массою, даже ротъ былъ полною насѣкомыхъ.

Массовая заболѣванія тифомъ уно-

Талергофенъ, о. Василій Стрѣльценко, начальникъ прихода въ с. Вербопік, у. Теребовля, род. въ 1877 г., рукопол. въ 1904 г.

или ежедневно по нѣсколько десятковъ жертвъ, которая отвозилась интернированнымъ на кладбище „подъ сосновы“.

Начиная съ марта мѣсяца, ухудшилась пища, за то санитарные условия перемѣнились къ лучшему. Были получены бѣлыя и верхняя одежда. Одежда отдавалась еженедѣльно къ дезинфекциѣ и мы сами купались въ бани. Каждую недѣлю замѣтно уменьшалось количество паразитовъ, а тѣмъ самимъ и узники чувствовали себя лучше. Подъ конецъ выдавался хлѣбъ съ отрубями. Такъ прожили мы въ нуждѣ до конца августа.

Въ августѣ былъ я отправленъ въ Гмииндъ. Изъ Гмиинда однѣхъ пускали на свободу, другихъ высыпали обратно въ Талергофъ.

Я прожилъ въ Гмиинѣ еще три съ половиною мѣсяца, а затѣмъ благополучно вернулся домой

О. К.

L A U D U . K. E r i c h s l i e r - P r e z i d i u m ... T e r z i c h l u d ...
E.U.A. 6696

An
die k.k. Statthalterei

in
Wien, am 9. November 1914.

O T Z U S

Aus verschiedenen Klagen und Beschwerden, nemlich aus Ergebnis des Präsidiuums des Ritterhosenclubs ist zu schließen, daß sich unter den aus Anlaß der militärischen Operationen in Galizien und in der Ukraine gegen politische Bedenkenlosen in Gewahrsam genommen und nach dem Rückende der Internierung gebrachten Personen („Russophilen“) – da bei der Einigkeitheit der Behauptungen weitgehende Erhebungen gleichlich nicht durchführbar waren – auch solche befanden, die nur infolge Mißverständnisse oder falscher Vermutungen mitbetroffen wurden.

Um nun die letzterwähnten Personen aus den Internierungslisten ausschließen, ist die sofortige Einleitung einer entsprechenden Aktion notwendig.

Derselbe befinden sich – soviel h.e.bekannt – internierte „Russophile“.

II. (b.) eventuelle weitere Erhebungen, nemlich dann, wenn es sich um Personen handelt, die nicht ausgesprochene Anhänger der ukrainischen Partei sind, wie im vorhergehenden Listen nicht vorkommen.

Wenn die von 2, 3 und 4 erwähnten Voraussetzungen nicht vorliegen, und wenn sonst keine begründete Zweifel vorliegen, so wird der Bezug auf die Rechtsgeschäftigkeit nur russophilen Partei denkbar erachtet anzunehmen sein, wenn der betreffende Internierte in den erwähnten Listen des Präsidiuums der ukrainischen Partei angeführt ist.

III. Aber auch bezüglich der übrigen nicht in diesen Listen aufgeführten werden der k.k. Statthalterei in Graz, abgeschriftilich zur Kenntnahme an die Statthalterei in Wien, Linz und Steierm., an die Landesregierung in Burgen-Wrtz., an die Bezirkshauptmannschaften in Leitmeritz, Eufstetze und Schles., an den k.k. Generalstab des Militärkommandos in Bruckae, an den k.k. Landwehrberichter, Exequitur Igt., in Herrenberg-Brige, und Bozen, an die Militärkommandos in Graz, Leitmeritz, Bruckae, Postumus und Krems, an den k.k. Ministerium des Innern, an das k.k. Ministerium für Landesverteidigung, an das k.k. Ministerereingezäuden und an den k.k. ang. Minister des Innern.

S o l l e g e r n n . p . f .

Präsidiuム der k.k. Wetzens. Statthalterei
eingelagert am 10. November 1914, pr. Seidt //f

Подлинникъ и форма распоряженія.

Снимки документа, помѣщеннаго на стр. 134—137
сего выпуска.

Означенное распоряжение военно-охранного вѣдомства написано принятымъ тогданишнмъ (1914 года) австрійскимъ канцелярскимъ машиннымъ письмомъ, на обыкновенной белой писчей бумагѣ, во размѣрѣ 34×21 см., т. е. на 1½ лл. Текстъ написанъ на 1—5 (пагны) страницахъ, послѣдня (6-я) пуста.

Повидимому, это одинъ изъ экземпляровъ, тогда строгого секрета разосланыхъ имп. и кор. военно-охраненнымъ вѣдомствомъ въ концѣ текста означенными вѣдомствами.

Въ значительно уменьшенному видѣ тутъ помѣщено калинѣ съ 3 частями: документа, именно: противъ I. начало его (1-я стр.), законъ сл. „Russophilie“; противъ II. сл. 3-й стр. б. пунктъ инструкций комиссий и законъ сл. „... nicht in diesen Listen angegeben...“; и противъ III конецъ текста со словъ: zugleich werden... до конца.

⁶ Начало сообщенія, именно съ арестованіемъ и путешествіемъ въ Унгваръ см. Талергофъ Альмъ, I вып., стр. 151—5.

Одинъ изъ священниковъ, неволенныи въ Талергофскомъ лагерѣ къ непосильной физической работѣ.

(Душпаstryрь-просвѣтитель о. Феофіль Соневицкій).

Свящ. о. Феофіль Ив. Соневицкій, настоятель прихода въ Тудоровъ, уѣзда Копичинцы. (Снимокъ сдѣланъ въ 1915 году въ Вѣнѣ, послѣ освобожденія изъ Талергофа).

о. Феофіль Ив. Соневицкій, с. Тудоровъ, у. Копичинцы.

Родился 10-го августа 1857 г. въ селѣ Пасѣчной, возлѣ Станиславова.

Происходилъ изъ извѣстной русской патротической священнической семьи Соневицкихъ, образованной и воспитанной въ русскомъ духѣ, долгое время до войны трудился успѣшно какъ просвѣтитель и воспитатель прежде всего и особенно своихъ прихожанъ въ селѣ Станиславовской епархіи.

Арестованъ былъ австр. жандармами на приходѣ 21-го августа 1914 г., по доносу мѣстного „украинца“ Ивана Ганчиарика, перевезенному въ Станиславовъ и посаженному тамъ подъ арестъ въ гарнизонномъ арестномъ дому, въ которомъ просидѣлъ 10 дней.

Страшнѣйшими испытаніями особенно были переходы арестованныхъ партіямъ, подъ конвоемъ, въ тюрьму и изъ тюрьмы на желѣзодорожную станцію, ибо однажды толькъ бросалась на арестованныхъ, метала въ нихъ камни и чѣмъ попало, все порываясь вѣѣти убить, а желѣзодорожники, какъ послѣдніе уличники, крича, ругали ихъ всевозможными непечатными прозвищами и бранью.

Вѣѣть стъ другими узниками было, вывезено 1-го сентября 1914 г. въ Талергофъ. Первые 4 сутокъ пробѣгли тамъ подъ открытымъ небомъ, на голой землѣ, переноси днемъ жару, ночью холода, кажду и голодъ и сплошными надругательства и насилиями стражи. Потомъ было помѣщено въ пустомъ, т. е. лишенномъ какой бы то ни было домашней утвари, гангѣрѣ, въ которомъ находились до конца октября, сидя или лежа на истерпѣ и притупленной соломѣ.

Затѣмъ о. Ф. Соневицкій очутился въ почти такомъ же пустомъ IV баракѣ и оставался въ немъ уже долго, заставленный исполнять ежедневно тяжелую и непосильную физическую работу: носить въ кухню мышки съ картошкой, вѣсомъ въ 50 килограммъ и болѣе и др. съѣстные пріпасы, набирать изъ глубокаго колодезя и носить воду, возить въ тачкахъ камни и т. п. Лагерная стража обращалась съ нимъ грубо и немилосердно. Однажды солдатъ схватилъ его сильно прикладомъ

штыка и отъ этого удара старикъ-священникъ долго не могъ оправиться.

Только въ концѣ февраля 1915 г. былъ освобождѣнъ изъ Талергофа и 1 марта перѣѣхалъ въ Вѣнѣ, гдѣ жилъ дальше подъ полицеѣскимъ надзоромъ.

Послѣ войны вернулся на свой при-

ходъ въ Тудоровъ, гдѣ душпаstryствуѣти и нынѣ.

(Объ арестованіи его старшаго брата, также священника, настоятеля прихода въ Скоповѣ, толмачскаго уѣзда, см. Талергофскій Альманахъ I. выпускъ, стр. 151).

Изъ дневника свящ. д-ра о. Тита Мышковскаго,

профессора львовск. университета, имъ писанаго со дня его арестованія.*

Луїс, 10. февраля (ст. ст.) 1915, вторник.

Въ полдень слова прѣѣхалъ свѣтлый австрійскійъ войскъ. Одинъ болѣтливъ капраль рассказывалъ, между прочимъ, какъ около Перегинска отличились храбростью особенно боснійцы, а также венгерскіе кроаты, что боснійцы

* Воинная разруха застала о. д-ра Мишковскаго въ горахъ долинскаго поѣзда, въ деревнѣ Луты, гдѣ онъ пребывалъ на канікулахъ. Тамъ проѣхалъ онъ безъ особенныхъ потрясений periods съ начала австрійскаго, а затѣмъ и русскаго владѣній. Но когда австрійцы снова заняли эту мѣстность 8. (21) февраля 1915 г., сѣчъ, въ тогъ же день арестованъ его, и наконецъ послѣ 20-дневнаго походнаго ареста конфінированъ его, съ началомъ въ Ягри (Eger, Erlau) на Угоршибѣ, затѣмъ въ селѣ Файтенштайн въ горахъ Салцбурга. По прекламаціи львовскаго университета вѣское центральное вѣдомство по военному порядку (Kriegsabwachungsamt) въ мартѣ 1916 г. отмѣнило его конфінацію и разрѣшило ему возвратиться во Львовъ, къ большому недовѣрію и смущенію т. ав. украинцевъ.

Тогда для получения разрѣшенія возвратиться въ Галичину нужно было прежде всего получить отъ министерства внутреннихъ дѣлъ свидѣтельство о благонадежности (Loyalit tszeugniss), а такове жителемъ русской народности министерство давало только съ согласіемъ и по по-рученію „Украинской Народной Рады“, шатавшейся тогда въ Вѣнѣ. Но въ семъ случаѣ центральная власть какъ-то о

д-ру Мишковскому дали разрѣшеніе на возвращеніе въ Галичину не только безъ согласія, но даже безъ вѣдома „украинцевъ“. Не мало они были озадачены, увидѣвъ его въ Свѣтломъ Воскресеніе въ церкви св. Варвары въ Вѣнѣ, гдѣ онъ проѣздомъ задержался на Пасху. Сейчастъ послали на него въ гостиницу полицеїскую ревизію, чтобы прѣѣхать, есть-ли у него по портдѣлъ его личная грамоты, по предписаніямъ военнаго положенія, а затѣмъ предполагалось недопустить его во Львовъ изъ занятія своей должности въ университетѣ. Дѣйствіе готовили устроить „сизузъ“. Слушатели - студенты богословія должны были „не принять“ его въ университетѣ. Только рѣшительное заявленіе директора поліції, Райнандера, что на военномъ положеніи безусловно недопустимы никакія публичныя буйства, и что всякая демонстрація, устроенная въ университетѣ студентами богословіемъ, сеѧла бы опаска за собою лишеніе демонстрантовъ альгота духовнаго положенія (Klerikalverband), и что они беззлатагально бывали бы привлечены къ военной службѣ и отвѣтственностью на фронты, — удержало занавшихся. Проф. д-ръ Мишковскій не встрѣтился въ университетѣ никакихъ препятствій

отлично храбрый и бойкий народъ, но притомъ и злѣйшій: когда однажды были взяты въ полонъ около 300 человѣкъ русскихъ, болѣйцы хотѣли всѣхъ переколоть, и переколоты бы, если бы имъ не было разгрѣто.

Другой разъ вели пѣвѣнныхъ, около 20 человѣкъ, и встрѣтились съ болѣйцами. Болѣйцы, чѣмъ кто могъ, ударили пѣвѣнныхъ и каждому изъ нихъ досталось порядочно. Когда болѣйцевъ изѣгъ на штыки, а если проколотъ непрѣятель, то сейчасъ забѣло и распоретъ его штыкомъ, помянувъ извѣстную славянскую грубо неприличную фразу его "русскую майку" (матъ). Какъ жутко было слышать такія вещи! О, дѣти Славы, дѣти Славы, — думалъ я, — подные Sklavы, что будеть о васъ говорить исторія, обсебенію славянской!

Тотъ же капраль разсказывалъ, что осенью ихъ поѣхалъ въ окрестности Турки, что тамъ по сторожѣ нашихъ людей оказалось много измѣнъ, отъ которыхъ много страдали австрійскій войска, вслѣдствіе чего пришло въесьма многихъ (riesig viele) перѣѣздать. Въ особенности рассказывалъ о какомъ-то мельнике, который вечеромъ зажегъ лампу въ верхней части своего дома и тѣмъ же дѣлть знакъ непрѣятелю, который сѣча и началь пальбу въ ту сторону. Мельникъ — говорилъ онъ — съ привороннымъ страхомъ приѣхалъ къ нашимъ вѣскимъ, кричалъ, что стрѣляется непрѣятель на его мельницу; но наши познали на его предательской затѣ, и уже на слѣдующій день утромъ онъ былъ повѣшены.

Много досадовалъ онъ (капраль) на итальянцевъ (тогда еще не было войны съ Италией). Утверждалъ, что какъ только окончится эта война, австрійцы totchka оттѣчаться съ Италией.

Мармарошъ-Сигетъ, 21. февраля (6. марта) 1915, суббота.

Въ арестѣ пограничной стражи.

Намъ сказали, что обратились въ министерство съ запросомъ, куда насы отправить, и мы должны ждать до получения отвѣта.

Около полудня пришелъ къ нашему фельдѣблю тотъ детективъ, который днемъ раньше осматривалъ мой молитвословъ, а оттуда зашелъ ко мнѣ. Разсказывалъ мнѣ, какъ много у насы оказалось измѣнниковъ, священниковъ, адвокатовъ, судейскихъ чиновниковъ, что многихъ пришлось казнить, что въ одной деревнѣ недалеко (названія не помню) побѣгли священника, начальника громады и писаря его *) (сколько я понялъ, откуда-то изъ Галиции), что черезъ Мармарошъ-Сигетъ вели одного священника, скованного вмѣстѣ съ памаришко.

Въ Керешъ-Мезе — говорилъ — поѣздили мы пѣтеръ. Разсказывалъ, что одинъ Геровскій теперь состоить управителемъ Галичинъ, а другой состоить подномочникомъ при генералѣ. На его вопросъ, какъ вели себя казаки въ Галичинѣ, и отвѣтилъ, что такъ, какъ видѣлъ, что были они и въ Мармарошъ-Сигетѣ, и навѣрно они ихъ видѣлъ. На это онъ сказалъ, что тогда его не было въ Мармарошъ-Сигетѣ, но русскіе наложили на его голову 20.000 кор., такъ какъ это онъ далъ починъ къ процесу Геровскіхъ. Пришло мнѣ на умъ, не Дулишковичъ ли это (извѣстный изъ процесса Бендасюка и толъ во Львовѣ), однако его интелигентія не показывала этого, ни его наружность. Дулишковичъ былъ красивъ и щеголь, какъ я слышалъ отъ видѣвшихъ его во Львовѣ.

Свѣц. дѣрѣ Т. Мишковскій

Примѣчанія:

Къ стр. 67 I. тома Талергоф. Альманаха.

Между дѣлами жолковскаго уѣзда читаемъ тамъ, что въ с. Липовицѣ жандармъ застрѣлилъ крестьянина. Это случилось въ 1914 г. въ с. Липовицѣ долинѣ.

*) Пок. о. Корнилій Гумецкій, парохъ Спаса, Долинскаго поѣзда, читавшій дневникъ о. д-ра Мишковскаго, принадлежалъ тутъ на полѣ листа: Я видѣлъ фотографію этихъ трехъ лицъ въ Пильзѣ, у республиканца финансова.

Къ стр. 141 II. тома Талергоф. Альманаха.

Внизу вмѣсто с. Петрова Воля должно быть: с. Петруша Волкъ. о. Т. М.

Изъ записокъ о. Александра Гелитовича, настоятеля прихода г. Косова*

Предлежащей запискѣ о Талергофѣ не лишнимъ будетъ, быть можетъ, предполагать краткую замѣтку о моихъ переживанияхъ и положеніи до арестованія меня въ началь войны въ 1914 г.

Въ 1894 г. стать я настоятелемъ прихода въ г. Косовѣ (на Покутїї), гдѣ и застѣль еще въ 80-ые годы радиками послѣдніи и сильные корни уже вплюстившій бурьянъ безъбожія, особынно въ средѣ мѣщанства.

Пришелось съ этимъ зломъ энергично бороться и, конечно, подвергаться азотнымъ и оскорбительнымъ нападкамъ со стороны агитаторовъ-радикаловъ. На почвѣ этой борьбы въ мѣщанствѣ возникли два враждебныхъ другъ другу стана: одинъ продолжавшій стоять за церкви, Русы, завѣты предковъ и историческая традиція, другой — за безъбожіе, "украину безъ хлопа, попа и пана", безъсѫбностную демагогію и игру на низменныхъ инстинктахъ. Первый сосредоточился съ 900-хъ гг. въ основанныхъ мною и адвокатомъ бл. д-ромъ Романомъ Юланъ Алексеевичемъ русскихъ организацияхъ: читальни О-ва им. М. Караковскаго и кредитномъ О-вѣ, другой — въ мѣстномъ "Народномъ Домѣ" и "Бесѣдѣ".

Корыстолюбивы и слабохарактерные мѣщане поддавались радикально-самостийнической агитации, и желали выѣхать изъ города и священника и адвоката. Замѣчательно на этомъ и то, что, несмотря на свое серьезное обезпокоеніе "наступательными" разлагательными радикальными движениемъ, австрійской администрации власти все же предпочли стать на его сторону противъ русского, лояльнаго и мирно-консервативнаго

тиванія, столь силенъ былъ животный испугъ передъ Русью въ предметной чась у обреченной уже тогда на погибель Австро-Венгрии. Видно это было, между прочимъ, и изъ позиціи, занятой жандармскимъ комендантромъ В. Тк., съ момента занятія имъ своего поста въ Косовѣ за 2—3 года до войны. Этотъ действительно неожиданный новый партизанъ "украинскаго" радикализма, въ своей фанатической ненависти къ русскимъ и въ борбѣ съ ними, николько не стѣнсились ни своимъ жандармскимъ мундиромъ, ни требованиемъ тактического или простого приличія. Приблизительно за годъ до войны, по всѣмъ воскресеніямъ и праздникамъ, онъ, вмѣстѣ съ семьею, ходилъ въ русскую церковь, по тогдашнему нахальному обычью входилъ въ алтарь, садился тамъ на стулья и не спускалъ глазъ съ совершающаго богослуженіе священника, неморяющимъ въасиліскомъ слѣдилъ за каждымъ его движеньемъ, словомъ, шагомъ, и жестомъ, а когда священникъ, стоя въ царскихъ вратахъ, произносилъ проповѣдь, онъ, жандармъ, поднимался со стула, ставилъ тутъ-же за царскими вратами, возлѣ священника, чтобы не пропустить незамѣченнымъ ни одного скандинава въ ней словечка, чтобы все разслышать, удержать въ памяти и донести начальству!

*) Свѣц. о. Александръ Гелитовичъ (см. портретъ на стр. 71 сего выпуска), заслуженный галицко-русскаго народнаго дѣятеля, дѣятельный членъ многихъ гал.-рус. О-вовъ и организаций въ ревностный организаторъ Коломыїщины и Косовщины, родился въ 1852 г., рукоположенъ иерикъ въ 1876 г.

Когда же въ юлѣ 1914 г. была объявлена мобилизацией и пошли одновременно массовые арестованием русских, этот жандармский комендант хвастливо убралъ своихъ единомышленниковъ-радикаловъ: «Ажъ теперь попа побудестесь. Долго я слушалъ его наставления, иногда и полчаса длившаяся, а теперь я ему скажу всего только три слова: православіе, цареславіе и москальство, и — будеть по немъ».

И когда затмъ въ августѣ почти всѣ косовскому уѣзду русскіи были арестованы, въ ихъ числѣ и сыновья и жены священника, этотъ комендантъ обратился къ старостѣ уѣзда съ просьбой о разрѣшении арестовать и священника. Но староста г. Бичковскаго, знавшаго ближе священника, не нашелъ возможнаго и не видѣлъ никакой причинъ для арестований и разрѣшилъ на него не дѣлать. Въ конѣѣ августа, однако, комендантъ выступилъ со своимъ наглыемъ домагательствомъ слова и закончилъ такою угрозой: *Jeśli pan starosta nie kaza szcza aresztować, to ja go aresztuję na swoja mocy!* (Представиша, како јако оброғе ѡсколки). (Если вы, г. староста, не прикажете священнику арестовать, то я арестую его на мою отвѣтственность, а вѣсъ представлю командѣ, какъ защищника москофіала). Староста сдалася, согласился и — я быль арестованъ.

Но староста не скрывала того, что никакіи вины за миѣть, что арестованы я безпринципны, и что въ этомъ противозаконномъ актѣ онъ уступили подъ давлѣніемъ и угрозой коменданта. Вышедши изъ канцелярии староста и встрѣтившись съ мною, староста пригласилъ меня къ себѣ и сказалъ:

— Niech ksiażdż bedzie gotów, bo będzie aresztowany, na naleganie komendanta żandarmerii, który mi powiedział... (васъ выше) i zagroził... a podziękował za to ma ksiądz swoim ludziom, ukraińskim radykalom, którzy przez tego komendanta nieustannie się tego domagali! (Приготовьтесь, батюшка, ибо будете арестованы по настоянию жандармского коменданта, который сказалъ ми... и при-

грозилъ... а поблагодарите за это, батюшка, таки своихъ людей (прихожанъ), украинскихъ радикаловъ, которые чрезъ этого коменданта безостановочно этого добивались).

Арестованъ былъ я 1-го сентября, раннимъ утромъ. По распоряженію старости изволицъ забѣхъ передъ мой домъ въ 4 ч. утра. Одинъ старшій, коректный жандармъ разбудилъ меня, вѣльзъ миѣть одѣться и сейчасъ же садиться съ нимъ на извозчика, чтобы выѣхать изъ Косова, пока еще люди спятъ, и таимъ образомъ не дать одиличай черни случая и возможности проявить свои хулиганскіи выходки. Я былъ доставленъ въ тюрьму въ Коломыю, где засталь уже арестованными очень много русскихъ людей изъ вс资料 of округа. Нѣсколько дней спустя мы были вывезены въ Угорицкъ, въ Шатмаръ-Немети, поже въ Мискольцъ, въ военную тюрьму, а въ первые дни ноября въ Талергофъ.

Въ талергофскомъ лагерѣ особенно зимой съ 1914 на 1915 г., наша жизнь была до послѣдней крайности невыносима и опасна.

Однажды вечеромъ шель я спокойно по серединѣ дороги между нашими бараками. Расхаживавшій тамъ, до зубовъ вооруженный постовой солдатъ вдругъ крикнулъ: стой! — и въ толь же моментъ съ противнѣмъ штыкомъ бросился на меня, намѣрившись проколоть меня. Я инстинктивно отскочилъ въ сторону и только благодаря этому прыжку спасъ себѣ отъ изувѣчненія или отъ смерти — солдатъ штыкомъ не дѣлалъ меня.

Случай этотъ наглядно показавшій, какъ ни во что ставится лагерной стражей человѣческая жизнь узниковъ, особенно глубоко и на всю жизнь врѣзали съ миѣю въ память.

Ни менѣе разительнымъ и незабвеннымъ воспоминаніемъ на всегда въ моеї жизни осталось жестокое наказаніе въ Талергофѣ нашихъ студентовъ (ок. 50 чел.) за то, что при рекрутскомъ наборѣ, лѣтомъ 1915 г., на вопросъ комиссии, какой они национальности, отвѣтили правдиво, что русской — Russe

или russische Nationalit t. По наущенію офицера-мазепинца Чирковскаго, лагерные власти наказали всѣхъ этихъ студентовъ изгнаніемъ т. наз. abbinden, т. е. подѣшиваніемъ на столбъ до обморочнаго состоянія. Въ числѣ такъ таимъ наказанныхъ былъ и мой сынъ Ярославъ, тогда уже адвокатскій компаніентъ. Не могу передать, что я пережилъ тогда... Поглѣтѣ отѣти этого наказанія онъ вмѣстѣ съ другими галицко-русскими студентами былъ включенъ въ такъ зов. Strafkompagnie (караемую компанію) и отправленъ на италіанский фронтъ. Раненый тамъ во время боя шрапнелью, онъ скончался отъ ранъ въ военномъ госпиталѣ 10-го марта 1916 г.

Посѣбившись изъ лагера нашихъ студентовъ, тѣ же Чирковскаго принялъ на себѣ освобождать старшевозрастныхъ узниковъ — за взятки. Говорилъ имъ, что отъ него зависитъ освобожденіе изъ Талергофа и переведеніе ихъ на положеніе конфинированыхъ, но каждый же лающій добиться этого, долженъ дать ему, Чирковскому, не менѣе 60—100 кронъ и выше. Потребовалъ высшей платы и отъ меня, но, когда я ему скви-

залъ, что у меня больше нѣтъ, потоговарившись немножко, удовлетворился и суммой 50 кронъ. Я ему ее уплатилъ и въ результатѣ перешелъ на положеніе конфинированаго и въ качествѣ такого поселился въ м. Пассайль за Грацемъ (въ Стиріи).

Тамъ пребывалъ я круглый годъ и затмъ вернулся въ Косовъ, на свой приходъ.

Въ Косовѣ за время войны многое изменилось. Также изменилось, и къ лучшему, отношеніе прихожанъ ко мнѣ. Многіе изъ нихъ, вышившихъ солдатъ австро-германской арміи, попали въ пленъ въ Россію, покибли въ ней и поѣздили продолжительное время, ознакомились съ жизнью, бытъ, обычаями русского народа, въ результате этого ознакомленія измѣнили свои прежніе русофильские взгляды и убѣждѣнія и вернулись на родину другими, болѣе культурными людьми. Немало нашлось между ними и такихъ, которые не только навсегда разстались съ «украинскимъ» радикализмомъ, но и стали убѣждеными, искренними русскими патріотами. Свящн. Александр Гелютович,

Сообщеніе чуть ли не похороненного живымъ.

Талергофецъ, крестьянинъ Иванъ Михайловичъ Боднаръ изъ с. Ольшаницы, Толмачевскаго у., изъ своихъ воспоминаний о Талергофѣ^{*} сообщаетъ слѣдующее:

Недостатокъ пропитанія и невозможныи санитарныи условия были причиной почти поголовнаго заболѣванія тифомъ инфицированныхъ талергофцевъ.

Австрійскіи власти злонамѣрно предоставили насъ въ Талергофѣ самимъ себѣ, позаботившись единственно объ

^{*}) Его сообщеніе объ арестованіи его и др. изъ Толмачевы см. „Талергофскій Альманахъ“, II. вып., стр. 30.

окружении сильной охраной вѣтшнѣхъ загражденій Талергофскаго лагеря. Десетки ежедневныхъ смертныхъ случаевъ были обычнымъ явленіемъ въ лагерѣ.

И заболѣвъ тифомъ. Течениѣ своей болѣзни я не помню, а изъ рассказовъ знакомыхъ я узналъ, что я былъ уже положенъ могильщиками въ гробы для отправки на кладбище, и только слѣпой случай спасъ меня отъ погребенія за живо. Могильщикамъ хотѣлось воспользоваться моей жилеткой. Снимая съ меня таковую, одинъ изъ могильщиківъ сильно рванулъ жилетку и отъ толчка я пробудился отъ смертненія и открылъ одинъ глазъ. Счастье хотѣло, что возлѣ

гроба стояли мои знакомые; увидеть, что я еще жив, знакомые подняли крик, а сконфуженные могильщики не замели отнести меня в жилетку обратно

в лагерь, воспользовавшись только именами сотни коронь, припрятанными в карманы жилетки.
Крестъ. Иванъ Михаилъ Боднаръ.

Краткая записка б. приговоренного к смертной казни.

Въ виду того, что полученныхъ отъ Луки Константиновича Старицкаго*) по-другихъ записокъ использовать уже для этого выпуска не удалось, приходится ограничиться покажествомъ помѣщениемъ его слѣдующей краткой записки:

Вспоминай незабытый Талергофъ, не стану описывать ни тѣхъ лицъ, которыхъ пришлося претерпѣть въ продолженіи долгихъ дней моего заключенія, ни надругательство уличной толпы и власти имущихъ надъ беззащитными. Вкратце только упомяну имена тѣхъ товарищей недоли, съ которыми вмѣстѣ сѣдѣали. Я ободряю себя темъ, что наше несчастье будетъ искуплено радостью оставшихъ дома родныхъ, радостью обновленія русскаго Прикарпатья уже наступившей арміею Державной Руки.

Въ послѣдніи днѣахъ августа от-
правлены были мы изъ Львовской тюрьмы въ Талергофъ, но уже черезъ десять дней перевели менѣ съ патрѣй въ 200 человѣкъ въ военную тюрьму въ Градецъ. Послѣ бѣгемѣсячнаго заключенія от-
ставили менѣ въ Вѣну, гдѣ уже сидѣли г. Марковъ, Буликъ, Чертончакевичъ, Куриловичъ, свѣщ. Винницкий. Помимовниня лица сидѣли въ такъ зв. дви-
вальской башнѣ, гдѣ и я былъ помѣ-
щенн.

Членъ, какъ разбойникъ, въ темной и хо-
лодной камерѣ. Здѣсь провѣль я дру-
гихъ пять мѣсяціевъ.

Въ первыхъ числахъ юля 1915 г. перевели менѣ въ общую камеру, между воротами и дезертирками, гдѣ просидѣлъ круглый голѣй, а послѣ, по настойчивой просьбѣ земляковъ, перешелъ съ разрѣ-
шенніемъ начальства, по полученіи обвини-
тельного акта, въ общую камеру во второмъ этажѣ.

Здѣсь встрѣтился я съ д-ромъ Бу-
ликомъ, Цуркановичемъ, священниками Богатыршиемъ, Мацакомъ, Станчикомъ, Раставчицемъ, Луркимъ, Гнатишакомъ, Сениономъ, Винницкимъ и г. г. Можні-
цкимъ, Трехановскимъ, Громосякомъ, Ми-
линечичемъ, Вислокицкимъ, Андрейко-
мъ, д-рами Гасевичъ, Сѣкаломъ, Щокомъ,
свѣщ. о. Пристопскимъ и Гаджокомъ.

Разбирательство наше началось 4. сентября 1916 г. и длилось до 3. февраля 1917 г., а закинчилось моднымъ тогда приговоромъ къ смертной казни 17-
ти человѣкъ.

Постѣдовавшая вскорѣ послѣ при-
говора амністія освободила насть отъ страшнаго, незаслуженнаго наказаній, и мы были отправлены на итальянскій фронтъ защищать австрійскихъ падачей.

Послѣ полутораѣтнаго пребыванія на фронтѣ я вернулся счастливо къ своей семье, въ Знесене, возлѣ Львова.

Л. К. Старицкій.

*) Объ арестованіи его и др. изъ Знесеня возлѣ Львова смъ Талергофскій Альманахъ, вып. I, стр. 85—86.

Свидѣтельство одного изъ священни- ковъ, сравнительно рано освобож- денныхъ.

(Сообщеніе о. Феодора Мерены изъ с. Рѣпника, Кросненскаго уѣзда).

Мы прѣѣхали въ Вѣну вечеромъ 26 сентября 1914 г.*

Персоналъ питательного пункта Краснаго Креста на вокзалѣ встрѣтилъ насъ горячими чаемъ и кофе въ предположеніи, что нашъ эшелонъ прибылъ съ фронта. Но послѣ краткой замѣтки, узнаявъ о вагоновожатыхъ, и концовъ, кто мы такіе, отказалъ намъ затѣмъ даже въ холодной водѣ. Побѣзѣ нашъ быть оцифрованъ войскомъ, занавѣси на окнахъ были спущены и намъ стражище приказано не выглядывать изъ вагоновъ, такъ какъ: „Wer nur wagt hin-
uszuschauen, wird auf der Stelle erschossen werden“ (кто только осмѣялся выглянуть, будетъ застрѣленъ на мѣстѣ).

Въ такомъ положеніи находились мы, безъ пищи и воды, въ теченіи 22 часовъ и только 27 сентября, въ 5 час. пополудни, нашъ побѣзѣ динулись дальше, а 28 сентября, въ 7 часовъ утра, мы очутились въ Талергофѣ.

По пути изъ Кросна, въ Галичинѣ, и до Талергофа, въ Штиріи, встрѣчивъ наше населеніе было къ намъ враждебно настроено. Только въ Силезіи и Моравіи населеніе скотно продавало намъ сѣбѣстные продукты. Крестьяне, какъ болѣе практичные, сумѣли пріпрѣтать часть своихъ денегъ во время арестованія, потому и сейчасъ могли воспользоваться продаваемымъ продовольствіемъ, интеллигентъ же, вполнѣ довѣря тюремной администраціи, сдалъ всѣ свои наличныя таковы на храненіе и въ результатѣ осталась безъ гроша въ карманѣ и, конечно, потеряла возможность запасться пищей по пути слѣдованія.

*) Сообщеніе автора объ арестованіи его и др. изъ Знесеня въ Кросненскому уѣзду смъ Талергоф. Альм. вып. I, стр. 37—38.

Въ Талергофѣ бывали мы размѣщены по большинству ангарамъ. Казенная пища, въ начальѣ весьма непривлекательная и въ недостаточномъ количествѣ, пополнялась нами позже покупками на собственный счетъ. Именно деньги, отобранные у насъ въ моментъ арестованія, были нами тутъ возвращены.

На другой день послѣ прѣѣзда въ Талергофъ скончался въ состояніи отъ дѣлѣнія за стѣнѣ благочиннаго о. Кушибъ. Онъ былъ первымъ, которого хоронили въ деревянномъ гробѣ, сколоченномъ на скорую руку изъ тонкихъ досокъ.

На тяжелыя физическія работы на-
ряжались въ первую очередь священни-
ки. Конвойные узнавали ихъ по бры-
згамъ бородамъ, потому каждый изъ
насъ для предохраненія отращивалъ
усы и бороду.

Сѣйшъ эшелоны прибывали въ Талергофъ почти ежедневно. Нашт транс-
портъ нашели уже въ болѣе благопри-
ятныхъ условіяхъ. Къ моменту его при-
бытия были уже построены частія ба-
раковъ; прибывавшіе раньше нашего бы-
ли принуждены по иѣвскому сутокъ
ночевать на дворѣ въ слякоти и хол-
дѣ, не смѣя переступить обставненію
штыками границы.

Изъ ангаровъ были мы переведены
въ палатки, а послѣ дизайнѣкѣ, въ но-
вые бараки. Тутъ было просториѣ, по-
удобиѣ, хотя морозъ доходилъ порой
до 28 градусовъ. Бараки были линіей
въ 50, а шириной въ 12 шаговъ, а по-
мѣщалось въ нихъ по два съ половино-
й сотни солдатъ жильцовъ. Во времена перемѣ-
н температуры вода лилась изъ потол-
ка на наши головы, въ результатѣ чего
весь баракъ покрылся плѣсенью, а под-
стилочная солома совершенно прогнила.
Были случаи, что во времена морозовъ

волосы интернированных примерзали к стѣнѣ. Подобная происштія случились съ г-жей Дьяковой и священником Федьевыцъ изъ Мишана. Въ цѣломъ Талергофѣ не было въ баракахъ для интернированныхъ ни одного стула, ни одной скамейки.

Интернированные были совершенно изолированы отъ вѣтшнога мира. Г-жѣ Прислопской, нарочно прѣѣхавшей изъ Галичини, не было разрешено повидаться съ отцомъ, г-жѣ Шандровской не разрешено принять участіе въ похоронахъ мужа. Письма изъ лагеря не высыпались, присыпаемые въ лагеря не доручались. Мое заказное письмо, сданное въ лагерную почтовому отѣлѣніи, было мною обратно получено по истеченьи 7 недель съ примѣчаніемъ: wegen Kriegslage unbestellbar, litgesch. (По обстоятельствамъ военного времени недоставимо — обратно).

Въ Талергофѣ находились люди разныхъ сословій и возрастовъ. Были тамъ священники, прѣлаты, адвокаты, суды, доктора, преподаватели, частные и государственные чиновники, учителя, крестьяне, мѣщане, псаломщики, писатели, студенты, актеры, военные суды, военные священники — всѣ русскіе галичане, за исключеніемъ незначительного процента румынъ, цыганъ, евреевъ, поляковъ, мазепинцевъ и 3 блудницъ изъ Перемышля. Не было польскихъ ксендзовъ. Впрочемъ уже 10 декабря явился одинъ въ Талергофѣ; это былъ россійско-подданый графъ, ксендзъ Замойскій.

По возрасту Талергофская публика была также весьма разнообразна, начиная почти столѣтніми старицами (прѣлатъ Дольницкій 94 л.) и кончая трудными младенцами.

Бѣ отхоже мѣста интернированные сопровождались конвоемъ. Не было

тутъ различія между мужчинами и женщинами. Естественные потребности отправлялись по командѣ, а не успѣвшіе спрятаться прокальвали штыкаами. Такими образомъ были закалоты 2 человѣка, а 17 ранены. между ними одинъ адвокатъ. Интернированные украинофили находились подъ опекой адвоката Ганкевича, зятя извѣстнаго дворянинаго австрійского правительства, Кости Левицкаго. И дѣйствительно скоро они были освобождены и оставили лагерь.

Не предвидя конца страданій, иѣсколько человѣкъ изъ нашей среди рѣшили подать прошеніе папскому пуншю въ Вѣнѣ и имп. Францу Іосифу о нашемъ положеніи и обѣ ускореніи разсмотрѣнія дѣла талергофцевъ. Отъ папскаго пуншю не послѣдовало никакихъ належдій относительно нашего освобождѣнія. Тамъ были заняты въ то время (пишу на основаніи тогдашнихъ слуховъ) пропажей важныхъ римскихъ документовъ по установленію въ г. Луцьку юнітскаго епископства.

Бумага посланная нами въ надворную канцелярію, возымѣла въ некоторое дѣйствіе. Администрація прекратила издавательство, а полковникъ Стадлер вызывалъ даже к себѣ на аудиенцію подписавшихъ бумагу.

На 12 декабря было назначено допросъ всѣхъ, кто былъ старше 60 лѣтъ, а 14 декабря я былъ призванъ невиновнымъ. Получивъ 17 декабря паспортъ съ отметкой "von Galizien und Bukowina fernzuhalten" (держать подальше отъ Галичини и Буковини) я былъ окончательно освобожденъ и поселился на жительство въ Градецѣ, а домой вернулся въ маѣ мѣсяцѣ 1917 г.

Свящ. Єводорѣкъ Мерена.

Сел. ІВАН ТЕРНОПОЛЬСКІЙ.

Від Бродщини до Карпат.

(В двайцяту річницю мук Галицкої Руси.)

Гендалеко — на край світу
Думками сягаю
В двайцятії роковини
Мук рідного краю.
І своїми думочинками
Стрілою літаю
Над тобою мій ти любий,
Дорогий мій раю.

І.

Наче в вирій відлєтили,
Так крильцими золотіли
Мої думи-ластівки.
Й черезъ времія двайцятілітніе
Пролетіли гей би вітер
Крізь осикові листки.

І пропали як дим въ полю,
Як човенъ у чорнимъ морю,
В мой любій вітчизні
І в грізнихъ войні об'ятяхъ,
В крові, в слезах і в ироклятяхъ,
Страшнихъ, як Антихрист в сні.

Думки вперед, я за ними
Пориваюсь й — мов дитина
На відпусті — одурів;
Бо ногую нігде стати,
Всюда трупі, кров, гранати —
Брат на брата озвірів.

Від Бродщини по Карпати
Гук армат і взрив гранатів
І свист куль і бряск штиків, —

II.

Руска земля дрожит-стогне,
Сотні тисяч трупів горне —
Своїх синів Й ворогів.
Коли ж я глип, — а за фронтом
Женут товпу під екскортов —
Старіків, дітей, жінок.
Женут, мов несамовитих,
Окровавлених, побитих —
В мені душа вмер і замовк.

Дивлюсь, а їм з очей слізози,
З побою кров по дорозі
Тече цюрком. Боже май!
Що за люди? Що зробили,
Що так страшно іх побили,
За який злочин-розвбій?

Ідуть діди, сини, внуки,
Шнури в'ились всім у руки,
А матерям із дітьми
Руки млють, ноги хлянут,
Ледве лізуть, гей би пяні,
Обливачуючись слізми.

Священники і студенти,
Селяне, інтелігенти,
Женщина і мущина, —
Всі повязані, закуті,
З горя до землі пригнути,
Мов підкошена трава.

В гущу товни я поглянув —
Йдуть і наші поникнянє:
Сохор Степан, Батенчук
Максим Й Прокіп Андрусишин
— Старесенький похилившись —
І Кирило Горпинюк.

Всі, як та мала дитина,
Хиба Богу духа винні,
Більш никому ні на крок.
„Боже, буди покровитель“
Співав гречкоїй-кормітель,
Тепер ведут на шнурок.

Пройшла товпа, аж курява
Дорогою стала.
А по боках жалом змія
Ескорта сичала.

Австріяції жандарми,
Запівні німci
Мадяри і янчари —
Брати-перекінці.

„Распни, распни! То шпіони!
Зрадники держави!
Они рубі, телефони
Московські мали!“

„То зрадники-москофіли.
Австрію продали.“
Й з звірським реготом на гилі
Вербів підтягали

Галицького селянина,
Політика-шпіона,
Що й не знав, що то за річи
Рублі, телефони.

Він знов тільки, що він Русин
Й за Русь-свою маму
Збитий, і ровно обожшений
Для себе рив яму.

Хто щасливий був у долі,
Ставили до гліду —
Від сильні ківчів без мук болів
Годину послідну.

Закипіла Й брізнула кров
З мужика-шпіона
На австрійску подлу фану,
Безчесну корону.

Свідком смерти лишилася
Могила і верба,
Душа-ж Русина безсмертна
Взлетіла до неба.

А багнети, кольби, шнури,
Муки, кров, і слези

В оден вічний слави вінец
На Русь святу сплелись.

III.

Від Бродщини по Карпати
Понад гук страшних гранатів,
Шрапнель йойкіт, пожар хат,
Скрежет зубів, зойк ранених,
„Ура“ борців закалених,
Понад рев вогню звірят

Чий то голос і плач чути?
Так печальний і так смутний,
А все пекло то глушит.
То Мати-Русь свята плаче
По могилониках дитячих,
В судорогах вся дрожить.

Поранена і без сили
Від могили до могили
Потік сліз гірких пливів.
Із розпухи ломит руки:
„За що мучили звірюки
Дитя мое дороге?“

В Талергофі під соснами
Крестом встала над синами
Плакала в день і в ночі.
І так жалібно ридала,
Що із могил повставали
Є синів тисячі.

„Чого плачеш, рідна Мамо.
Тут над нами, над вмерцями,
В чужині, в краю проклять?
Іди Русе-Мать єдина,
Роди нові покоління
Від Бродщини до Карпат!“

Пониква, 10 липня 1934 р.

ПРИЛОЖЕНИЕ
(на галицко-русском наречии).

Богдан Світлинський

Австро-Угорщина і Талергоф

(В 25-літіє всесімірної війни).

Поставлені в заголовку рядом ті два поняття: Австро-Угорщина і Талергоф — так тісно з собою звязані і так остро вірзались в пам'яті руского народа Прикарпатя, що розділити їх трудно. А зіялися они воєдино і правдивим пеклом записались навсегда в нашій народній душі під час всесвітньої війни 1914—1918 літ, коли на полях безконечних воєнних фронтів рішалась судьба держав і народів і перекроювалась карта Європи вичеркненем із неї австро-угорської імперії.

Для нас, руских Прикарпатя, Талергоф був таким ударом, як в старину, напр., нашестіє татар чи упадок руско-княжескої держави, а для Австро-Угриї єї послідним: прощайте! смертельним — як по руски говориться — „будьте здоровими!“ помінай, какъ звали! приказали долго жити!, но только з тим розличіем, що за тою недоброю пам'яті покойницею никто із руских не уронив слезинки, не затужив хвиликну, а лиш вздохнув облегченно: слава Богу, наконец-ті еї не стало!

А случилась з нею така, таки нею справедливо заслуженна погибель аж під час тоЯ всесімірної війни, которую она сама на себе накликала і напастливо начала, в котрій, із-за неї одної, схватились і бились чотири года майже всі європейські і гдеякі позаєвропейські держави.

ПРИЧИНЫ ВСЕМИРНОЙ ВОЙНЫ

Як могло прйті до тоЯ всесімірної катастрофи? — пытаються люди нині і будуть питатись многі грядущі покоління. Визвали єї — принято відповідати — многі політичні і економічні причини і суперечності інтересів поодиноких держав і народів, причім до політич-

них зачислються національні, об'єктивні (суспільні), расові і культурні в широкому смислі слова, і они над економічними все мали і мають верх.

Німецький імперіалізм (великодержавність), відомий під німецькою назвою „Дранг нах Остен”, натиск, напор на Восток (Всхід), через союзну Австро-Угорію, на Балкані, Константинополь, Маху Азію, до нафтового Багдада, хотів віншне (на зверх) був економічного свойства, бо мав за ціль добувати сирі матеріали для німецької промисленності, визивався і диктувався німецькими політичними інтересами: німецькою жаждою заволодіти славянським міром, запрягти народи Востока в своє німецьке ярмо, змусити їх стати лиши підстилкою навозом для насадження там німецької культури і влади. Так Германія (Німеччина) і так мала многі і просторні колонії на океанських островах і в поодиноких частках світу, добувала із них много всякого сиря (сиріх продуктів) і, во всяком разі, тісно їй не було. Но она перла на Восток, щоби — як німці співають в своїй національний пісні — „Дайтшлянд, Дайтшлянд ібер аллес, ібер аллес ін дер Вельт” (Німеччина понад всіх і все на світі) — заволодіти міром, і з тою цілю ідею она кинулась воювати з цілим світом.

Но славянські народи насході і півдні боронили своєї свободи і державної незалежності, а держави Запада (Франція, Англія, Бельгія, Італія і др.) чули себе загроженими германською перевагою, і в результаті, одні і другі об'єднілись против „центральних держав“ (Австро-Угорія і Германія) для воєнної схватки.

„ВЕСНА НАРОДІВ“ 1848 Г.

Ціле 19-те століття пройшло в приготуваннях до тієї схватки на життя чи смерть, головно під впливом національного самосознання і самопочуття народів. Від Наполеоновських воєн, на єго початку, національні інтереси поодиноких народів все брали верх над всіми іншими во всіх державах і їх відношеннях. Особливо в Австро-Угорії, від революції 1848 г., відомої під назовою „весна народів“, націоналізм дістав первенствуюче значене. Знесене панщини, обявлене повної сво-

боді і рівноправія всіх націй в імперії, підписане конституції імп. Фердинандом, в Кромеріжі, куди утік із революційного Відня, і засідання там першого парламента, отворене першого об'єднавчого зізда в Празі 2 червня 1848 г. — все то цілковито змінило положене в імперії і відношене до неї поодиноких народів.

Но та їх „весняна“ радість була дуже коротка. Вступивши на престол того ж года 18-літній Франц-Йосиф, слухаючи найближчих совітників-абсолютистів і опасаючись відпору Угорщини, где Людвіг Кошут підняв восстане, начав скоро відбирати раз уже данні свободи і рівноправів. В Варшаві, публично цілючи в руку руського імператора Миколая I, Франц Йосиф просив его дати воєнну поміч на подавлене мадярського восстання. Літом 1849 г. руска армія, під начальством ген. Паскевича, перейшла через Галичину в Угорію і візстановила там австрійську владу, совершивши даром. Росія нічого за ту услугу від Австрії не дістала і не просила. Но Австрія уже в кілька літ пізніше, під час кримської войны 1853—4 гг., коли війска кількох європейських держав майже весь год добували на Криму кріпость Севастополь, виставила свою армію в Галичині против Росії, щоби твою угрозою відтягнути руські сили від Крима, і тим — як принято в руській історії писати — „удивила весь мір своєю неблагодарністю“.

АБСОЛЮТИЗМ 1849 — 1859 ГГ.

Почувши себе в силі, Франц Йосиф жестоко розправився з мадярськими восстанцями, головні воїди їх були по його приказу повіщені чи розстріляні, а Кошут спасся утечею заграницю. Конституція в цілій імперії була скасована і настав абсолютизм (неограничена самодержавна влада) на повних 10 літ.

Но потерпівші страшне поражене в 1859 г. в Італії, а єще більше в 1866 г., під Садовою (в Чехії) від прусаків, Франц Йосиф винужден був знов давати своїм народам конституцію. Він і давав єї від 1860 г., но постепенно, кусочками і помалу, все з своїми „милостями“ сильно спізняючись і торгуясь, — а що найгірше — постійно спекулюючи на спорах і борбах

межі поодинокими народами, щоби їх використати для укріплення над всіми ними своєї центральної влади. А між тим, при такій пестроті населення, множестві націй і розличності усlovій бити, які були в імперії, тільки політика найширших свобод, повного рівноправія і справедливого розмежування, могла заставити її вірноподданних бути справді заинтересованими в єї существованню, цілості і могуществі. Таку політику якраз тоді видвигнув і предлагав правительству вождь руских в Австро-Угриї — Адольф Іванович Сачуров-Добрянський.

А. И. САЧУРОВ - ДОБРЯНСКІЙ І ЄГО ПРОЕКТ

Син угоро-руського священика, незвичайно даровитий, пламений патріот, вірний Русі і Австро-Угриї, А. І. Добрянський вскорі заняв пост (уряд) рівній міністерському, в 1849 г. був уповноваженим посерединником межі австрійським правительством і рускою армією ген. Паскевича, і з своєї великої заслуги дістал від Франца Йосифа дворянство (шляхетство) з титулом „Сачуров”, а потім став депутатом угорського сойма і наконец членом палати господ. В своїй записці, поданній імп. Фердинанду в 1848 г., в своїх парламентських бесідах і газетних статтях, він сформулював і розвив проект такої конституції, котраби, основуючись на територіально-національній системі, давала всім націям на їх рідній землі, однаково повні свободи і права, з застереженем, однако, рівноправія і національних меншиниств на данній території, і відповідним поділом імперії. Отже так мали бути поділені на часті: Буковина на руську і румунську, Галичина на руську і польську, Чехія на чеську і німецьку, Угорщина з Семиградією на угорську, словацьку, руську, хорватську і т. д., причім виділені національні часті все мали складати осібну цілість, все і висюда з повною автономією, осібними соймами, краєвими языками як урядовими, но з відповідним управліннем для язика данного меньшинства. Той проект Добрянського був не лише реально легкий для осуществлення, но і практично і на длі уже введений в житі в Швейцарії. Тому і хватились за него поодинокі народи в Австро-Угриї, особливо славянські.

„РОЗДІЛЯЙ І ВЛАСТВУЙ!“

Ta під впливом своїх німецьких союзників-міністрів і зі взгляда на династичні, шляхетско-магнацькі, клерикальні і др. под. інтереси, Франц Йосиф, весь час своєго предового, бо 68-літнього царствування держався цілком противної політичної системи, відомої під латинською назвою: „дівіде ет імпера“, т. е. розділляй і властуй (володай), значить: використуй суперечності, расп'ї і борьбу межі народами, давай перевагу одному над другим, щоби обох тим способом ослабити і тим легче над обома держати свою верховну владу.

В дусі тієї системи в імперії перше всего введено дуалізм (двоєстівництво, двоякість) осібного, відрубного правління в обох єї половинах, іменно в австрійській і угорській, причім перевагу все мала австрійська над угорською. Від того дуалізма і пішла назва: двадцята імперія. Притім, як би нарочно, переведено той поділ так, що поодинокі нації сплошною масою находилися і в одній і другій половині, піділгаючи в одній таким, а в другій іншим законам, адміністрації, політичним експериментам і прочим „благодатям“, як інр., русини, румуни, словаки, серби і др.

Як-би того ще було мало, в кождій половині з осібна все давалась перевага одній нації над другими, хотя були будто б цілком рівноправні, отже така система практиковалась в Буковині, в Галичині, в Чехії, в Іст-рії і Дальмації, в Стирі і Карантії і т. д. Так само в угорській половині наносили угри (мадяри) над всімі пропорчими. Таким способом один мали все держати за пуз дружих, а всі разом і поодиноко вічно ждати милостей і рішення всіх спорів із Відня. По волі і хитрості Відня, гдекуда і гдеколи перевага мнилась і переходила на іншу чи нову групу або сторону. В Буковині, напр., вибились румуни із-під німців і взяли верх над русинами, в Галичині українські самостійники на то, щоби тормозити і задавити руске національне движение, а якісь час даже дальматинські самостійники мали підтримати сербське національне движение.

Послі того як уже раз в 1848 г., народи імперії дистали всі свободи і рівноуправнене, а пізніше їх лішилися, при постійнім рості у сих народів самосоз-

наня, в період демократизму і лібералізма, така політична система підтримала устої імперії і утрудила її положене навін в єї відношеннях з заграницею і вооб'є була самоубітвствена. Австро-Угорія держалась її до самой всесмірної війни і своєго розпада і завернути від неї нікя не змогла, бо правительство єї що до тої системи находилося якби в якісь самообмані. Перше всего правительство такої великої, довговічної і могутчої держави як Австро-Угорія все мало в своїх руках великанські засоби, способи і можливості проводити в житі і дійстві, якщо хотіло, хочти б цілком безсмисленну і явно вредну політику, а відь оно все таки не добивалось глядячих успіхів, так, що виніне здавалось, що все в державі в порядку. Тож упосліджені народи отримали бунтів не піднимали, бо все держали їх в жілових руканицях перемогаючи їх народи. Тож правительства адміністраційна машина дійствуvalа ісправно. Тож вириваючись на поверхністі всікі самостійники як горіли патріотичним завзяттям прислужитись імперії: наші україніфи відорвали від Росії Малоросію, а полу涓ne завоювали Сербію і т. д. Тож деякі реформи, хоть з опізенем і кусочками, все таки переводились... А голоси чи писаня о тім, що в імперії майже всі народи незадоволені, що вся та система веде їх до пропасті, що назрівають і грядуть такі ураганні событія, як зъудар славянського міра з германським, вірою на терені імперії, і що покривіджене є славянське населене може в своїй лояльності захиститись і т. п., хотя і піднимались і появлялись, но розголоса ні уваглення не находили, бо заглушувались і душились карами, конфіскаціями, террором. Даже если такі опозиційно-критичні погляди, мисли і предостереженя висказувались лише научно і чисто теоретично, они відгомоне в державі не мали і одобрения чи уваги на верхах не удостоювались.

ЛІЧНІСТЬ ФРАНЦА ЙОСИФА І ЕГО ПОЛІТИКА

Впрочому такої погибельної системи держалась твердо найвища влада в імперії — сам єї монах Франц Йосиф. Він считав чоловіком достойним

єго довіря тільки того, кто носив титул барона або високий. Вступивши юношою на престол і будучи по природі чоловіком прилежним, трудолюбивим і упрямим, він став на троні сухим бюрократом-формалістом, як і всікий чиновник в імперії, недоступним в своїх переконанях і привичках ніякій новій життєвій мислі, ні основній реформі в державі, ні даже якісь переміні в своїм частині житю і окруженню.

Він любив армію, і знаючи її недостатки, лічно єї надіряв, но она ні перед ним, ні при нім, ніколи не була ні хоробрю, ні надежною. Еще від Наполеонівських воєн, заграницею, в воєнних кругах, установився такій погляд, що „австрійська армія на то єсть на світі, щоби все була бита!“ I справді, весь XIX вік, єї все і всіда били. Лична опіка Франца Йосифа скорше її вредила чим помагала, бо він завидував славі і не довіряв талантивим вождям і командирам єї, а ставив во главі єї своїх бездарних родственників ерцгерцогів. I вообще він не любив окружати себе спосібними і мудрішими чим сам генералами і міністрами, а, напротив, окружав себе послушними его волі мірнотами і такими бюрократами як сам.

Будучи по натурі чоловіком безсердечним і прямом таки жестоким, він любив від часу до часу якісь в сущності пустяшним своїм виступленем, снискати собі дешеву популярність о своїй доброті, доступності і щедрости (випив часом з прости міденцями, в трактири, склянку пива, на якісь польовання перекинувся кількома любезними словами з крестьянами і т. п.), вся печать в імперії сейчас о тім громко бубнила, так, що аж его діла і розпорядження показували его настояще лицце. Колись якісь надворний поет, несомнінно з его відома і волі, написав прекрасне стихотворене (вірш), під чувствительним заголовком: „Слеза монарха“, о тім, як він, Франц Йосиф, мав раз підписати смертний приговор (вирок) на якогось убійцю, но так ему его жаль було, що тяжко передумав над тим документом всю ніч, і аж над ранком розплакався, відкинув перо на бік і дарував тому преступнику жите. То стихотворене було із німецького переведене на всі язикі, во всіх на-

родних школах в імперії діти виучували его напамять — так чи сяк — такоже над ним плакали. А пізніше повірюставши, уже в висших класах гімназії, узнали із історії, газет і книжок, як жестоко той сам Франц Йосиф розправлявся з революціонерами 1848 р., як дуже не по семейному обходився він із своєю женою цісаревою Єлизаветою і своїм сином престолонаслідником Рудольфом, русини вспоминали, як він потрактував А. И. Добрянского, митрополита Йосифа Сембраторича, припомнивали кроваві вибори і много іншого, а поляки своїх патріотів, погиблих в кріпостях Күфштайн і Шпільберга і, указуючи на то стихотворене, в тінім кружку, одни питались: „Чи то була слеза монарха?” — „Ні, — відповідали другі — то була слеза крокодила”!

Свою природну скupість він прикривав невеликими пожертвованнями „із своєї личної шкатулки” — як то шумно в печаті все називалось. Межи прочим, і на постройку якоїсь рускої церкви чи школи він відпускав по 300, 200, а то і всіго 100 корон. Такий „цісарський дар” не дуже виділявся із других пожертвовань, хотіби іногда зажиточных місцевих селян, нататак будь хлопотливий: треба було за ним звертатись з прошеннями, телеграмами, діставати его і благодарити за него через староство, уміщувати відповідну памятну таблицю і пр., так що особливо лакомитись на него не було чого. А ми рускі і подавно мали особливу причину відноситись до „цісарських дарів” здержанно і остережно. В 1848 р., осень, бомбардацію Львова був зруйнован Тринітарський монастир, руїни его в центрі города страшилищно валились довший час, бо нікто не хотів їх усунути, отже год-два пізніше, Франц Йосиф, своюю монаршою, тоді уже абсолютною владю, подарував ті руїни, разом з невеликою площею під ними, тоді основанному Русьому Народному Дому. Они були положені під его стін як основи (підвалини) постройки, бо для стін они не годились, а стін і вообще вся постройка була возвдигнута лиш на пожертвовання всего руского народа (підчеркнем руского, бо тім, щоби у нас тут колись могла з'явитись ма-

нія, і на догадку ні кому не приходило). Но пізніше, коли Руський Народний Дом во Львові обзавівся рядом домів і став богатою інституцією, австрійска бюрократія взялась предъявляти на него якісь свої претензії, і все покликуватись на той „цісарський дар”, як на титул таких претензій. Нераз приходилось нам той цісарський дар тіжко проклинати і на будущість твердо зарікаться колинибудь щось подібного принимати від „найяснішого пана” — на свою біду та горе.

Хоті Франц Йосиф конституційність устрою і правлення своєї держави часто і виразно підчеркував, все ж на ділі считав двуедину імперію якби собственністю (власністю) своєю і своєї династії (володіючої фамілії) Габсбургів. А тому що він оставався на троні із всіх монархів найдовше і самолично во всі діла правлення вміщувався, то у всіх его підданних установився такий погляд (тайний, розуміється), що двуедині імперія держиться на світі лишним одним і пока він жив і володіє, а по его смерти навірно розпадеться. Покривдженним і поневоленим хотілось якоїсь переміні на лучче, отже они, знаючи его добре, ждали его смерті. Но судьба якби нарочно, держала Франца Йосифа на сім світі довго-предвідго. Для ілюстрації відношень наведем такі факти: Ми, рускі в Австро-Угорії, хотя по конституції і значилися єї повноправними гражданами, но значилися тільки під називою „рутени” (нім. „рутенен”), а не під називою „руски”, „руси” (нім. „руссен”), бо тою другою називою, т. е., „руссен”, називаються рускі в Росії, „росіянин”, а ми мали бути по національноти непремінно іншими, відрізними від них, бо того требували політичні інтереси двуединої імперії і династії Габсбургів. Що до нас обовязувала бюрократична формула і фікція, що руских, „росіян” в Австро-Угорії нема, они не суть, нема рускої нації ні даже єї назви, она не признается законами, а слідовательно нема права гражданства для руского літературного язика, ні рускої літератури. Отже — спекулювали дальше на австрійських висотах за підшептом нашої мазепії — для несуществуючої рускої нації не може бути ніяких прав, піяних шкіл, урядів — чітого. Даже внесенне просто про-

шено на рускім літер. языці в урядах відкидалось без прочитання, бо той язык не єсть „краєвим”. Щоби добитись для того язика якихсь прав, потреба би руским найперше вибороти собі право законного сущесвовання імперії. Но добитись того нікак не було возможно. В тім ділі всякі наші старання і ходатайства були даремні. Но зложилося так, що, на кілька літ перед воиною, один високий сановник, ознакомлений прекрасно з нашим вопросом і положенем і гдеколи буваючий на авдіенції у Франца Йосифа, використав відповідний момент і раз в своїм докладі, межи прочим, намекнув єму, чи не належало бы руским („руссен“) в Австро-Угрії признати і тим способом замирити Прикарпате і поправити відношення Австро-Угрії з Росією. Учвши то, Франц Йосиф витаращив очі, мотнув заперечуючо головою і сказав остро: „найн; німальс унд німмер!“ (ні; ніколи в світі). Хотя та его відповідь собственно нічого не зміняла в наших положеніях, все таки була для нас тижжим ударом, бо показувала, що при Франці Йосифі нам ніколи не стане лучше, і так она і була у нас в тісній кружку із кількох осіб приняті. Один із присутствуючих в нім, старик, так і заключив, що нам, очевидно, остается дальше существувати не признаними, і притім сказав: „Що значит таке его „німальс унд німмер“? так він сам — не вічний!“ А на то другий, кстати адвокат і юкій сатирик, перервав живо: „Що, ви ждете его смерти? Він не умре ніколи! То — Коць безсмертний!“

Впрочому, Франц Йосиф не любив, просто, ненавидів славян вообще. Хотя, напр., до поляків він єще відносився найлучше, однако, він ніколи не заступився за переселованих поляків в Познанщині перед своїм найближшим другом, кайзером Вільгельмом. Та ненависть монарха до славян була тим паче фатальні для двудільної імперії, що в ній, хотя ні одна нація не мала абсолютноного большинства, все ж славян разом складали майже половину її населення (свіше 45%). Правда, слабкість славян була в тім, що они все гризлися межі собою і австрійське правительство ту гризни всячески підогрівало, но і правительству приходилося наконец считатись з возможностю, що колись

в імперії вольмут верх славянне і що Франц Йосиф, во-тєо-неволею, стане славянським імператором. Раз міністри о тім ему осторожно і намекнули. Він погордливо відповів: „Я волів би стояти перед дворцем пруского короля (германского кайзера) часовим (т. е. на варті простим солдатом), чим бути славянським імператором!“ А треба знати, що за послідній сто літ перед воиною прусаки відняли у Габсбургів германо-римську імператорську корону (1806 г.), побили Австро-Угрію під Садовою (1866 г.), викинули Австро-Угрію із германського державного союза (1867 г.), звязали єї (від 1879 г.) троїстним (австро-германо-італійским) союзом, намовили єї до анексії Боснії і Герцеговини (1908 г.) і тим поставили єї в два огні межі Сербією і Росією, і наконец запригли єї в свою завоювальну колесницю, направлену на Балкані і Маду і Середній Азії. І все таки они ему були близші і миліші чим славяне.

Раз его генерали звернули ему увагу на то, що в случаю воині з Сербією і Росією, мусили би битися славяни против славян, значить брати против братів, отже армія може захититись. Він їм відповів на то різко: „Дисципліна в нашій армії мусить бути така строга, щоби тоді брати братів, одні других, розривали в кусочки („айнандер церфляйшен“). Розуміється, за него і его династію Габсбургів.

Такі проявлення личної монаршої несправедливості в політиці, розпорядженнях і заявленнях тим більше зразники і огірчили людей, що Франц Йосиф считався і представлявся ревностним католиком, майже кождий ранок бував в дворцевій каплиці на „мши“ і носив праптарій, папами римскими наданий Габсбургам титул: „апостольське величчество“.

Якби на довершенні опасності і риска, із всіх народів в двудільній імперії, в найгіршім положенію находились: рускій на півночі і сербській на півдні.

Так стояли діла у Австро-Угрії, коли все грозійше нависав над нею неминучий зъдар романо-славянського міра з германским і коли в печаті і парламентах всіх держав постоянно на его угрозу указували. Знаменитий рускій учений, общественновід і славянофіл,

Ніколай Яковлевич Данилевський (1822—1885) випустив в 1871 г. свою незвичайно інтересну книгу п. з. „Росія і Європа”, в котрій, як провідець і пророк, висказуючи докладно о тім будущим зъударі, віщував, що Австро-Угорія навірно розпадеться і ісчезне з карти Європи. З подібними поглядами і предсказаннями появлялись статі, брошюри і книжки також в Англії, Франції і Америці. Они в Австро-Угорії строго запрещались і конфіскувались, но населене єї о них все таки знало.

КИТАЙСКА СТІНА

Опакаючись національно-культурного єдинства своїх руських з рускими в Росії, австро-угорські власти намагались всевозможними способами і засобами відділяти — відгороджувати одних від других китайською стіною. Всікі рускі видання із Росії в Австро-Угорію не допускалися, если ж они якими чудом все таки сюда проникали, то ті що їх читали і у себе держали, уже тим самим були під підозрінem. Рускі путештвеники (туристи) і ученні, если остановлювались хотби тілько проїздом через Геличину і Буковину, часто відстavлялись під жандармским конвоем назад до границі, іногда даже як „шпioni“. Переписка відсі наших з рускими в Росії, виписуване сюда із Росії газет і журналів, держане у себе бібліотеки із російських видань і т. і. потягали за собою підозрін в шпіонстві і головній державній ізміні (зрада, „гох-феррат“), караєм по австрійским законам висилцею (повіщенем). Із остережності наші учени виписували для себе чисто наукні книги із Росії через Германію (Лейпциг-Ліпецьк) посередством німецких книгарень або ческих учених. Бували случаї, що даже якісь польські книгарник попадав у властей під підозрін за то, що виписав собі якісь рускі книжки із Варшави. Наших селян власти старались не перепускати на російску стіну на добре полеві зароботки в Бесарабії, Гідоді і Волині, на богослуження в Почаївську Лавру і т. д. Які в тій взгляді, у австрійских властей буvalи дикі і просто дивацькі помисли, свідчit той факт, що они довгий час запрещали нам щонібудь печатати т. зв. „гражданкою“ (нинішнім руским світским письмом), бо граж-

данкою від Петра Великого печаталися книжки в Росії, а лиш позволяли печатати церковно-слов'янською кирилицею, а то в один час (около 1860 г.) пробували даже єї замінити латиною, но на тім постидно зрізались. Но все то було даремне: рускій народ в двуєдінній імперії считав себе національно і культурно єдиним з остальним руским народом і то єдинство проявлялось у него все живо і ярко. Та хотя ми і здоровово мисляці посторонні очевидці положення і відношень считали таку політику відокремлення і відрізання Галицької Русі від остальнії безумною, то австрійське правительство считало єї дуже мудрою, бо она давала єму в руки такі вигоди: рускій народ в Австро-Угорії був від великої і богатої общеурскої культури від'ятій, а своєї місцевої культури не має і може і не буде мати, бо перше всего єї витворити скоро невозможно, а по друге він для єї витворення не буде мати ні средств, ні способів, ні сил, — о то уже адміністраційна машина добре стала — а остаючись малокультурним, той народ не зможе мати ні претензій на всі громадянські права, ні на рівноправність з іншими висококультурними народами в імперії. І заступиться за него никто не зможе, бо то і не рускій, а цілком інший народ еще не розвитий, не означений, що до своєї національності, еще на дуже низькій ступені культури, без літературного языка, без письменності, без інтелігенції, даже без найменшого поняття і способності управліти хотбы самим собою. І если вчитуватись та вдумуватись в викрутаси і затій той австрійської політики за все 19-те століті, до самої війни, то можно видіти, що штучно она переводилася і піддержувалася з гдєяким успіхом. Та ж відомо, що пізньше, за більше чим 40 літ досить широкого розмаху українофільського руху, его сторонники, всеодно, осталися таки без літературного языка, без прочої правописи, без літератури, словом, без культури, бо і то, що они в тім взгляді сбиралися, на стілько убоге, невисоке і слабе, що претензія на признане повноважність у предержащих властей і вообще сильнішіх міра сего не могло мати. Но руске единство ішло у нас своїм путем, укріплялося і проявлялось по своєму, як і о скілько то було возможно.

ЄДИНСТВО РУСИ

Откритий 19 жовтня 1848 г. во Львові „Зізд руских учених” був того єдинства краснорічним і громким заявленем. Правда, на нім признато необхідним пропаганди народ на галицько-руським наріччю, — і то було цілком понятним і оправданим — но разом з тим підчеркнута була і важливість образовання в середніх школах (гімназіях) посередством церковнославянського і общеруського літературного язика. Розуміється, галицько-руські учени признавали і висказували і виказували характерні признаки малоруського наріччя осібні від руського літературного язика і нарічія великоруського чи білоруського — бо у якої нації на світі іх нема? — і приналежність галицьких русинів до малоруського племені вообще і нарочно підчеркували то виразно, щоби тим перед властями себе обезпечити і оправдати, но притім они все твердо вірили, що тим ще не стають separatistами-самостійниками, бо і так все малоруське плем'я входить в состав (склад) всого великого руського народу. Коли тогодашній намісник Галичини гр. Стадіон пригрозив галицько-руській делегації, що, якщо галицькі русини називали себе таким самим народом, що і рускі в Росії, австрійське правнительство того би не стерпіло і взяло б їх переслідувати, делегація та признала таку галицько-руську відрубність від великорусів і вообще „росіян”, щоби намісника успокоїти і напасті від себе відвернути, но розумувала собі так: все одно, син чи так, хотіть і належачи до общого малоруського племені ми становляємо з великоросами і білоросами один руський народ, хотіть власти собі то представляли і розуміли інакше. Но замітивши скоро потім, що австрійські власти, на основі того єї заявлення, намагаються обвинити руских галичин народом осібним від всього руського народу, члени тій самої делегації і другі видні представителі нашого народу, уже три місяці пізніше, рішительно запротестували против такого толковання того заявлення делегації гр. Стадіону, і то запротестували не тілько в Австро-Угрії, но і за границею, напечаталиши свій відповідний протест-отзив на німецькім языці в Ліпску (Саксонії).

Всі галицько-руські видання, відкожи они лиш стали

появлялись більше і частіше, т. е. від 1848 г., своїм язиком і содержанім все свідчили о тім общеруським національнім єдинстві. Даже в літах абсолютизму виходили із львівської Ставропігійської печатні на чисто руськім літературнім языці, »Галично-руський Вѣстник« (1849—50 г. г.), »Історія Галичско-руського княжества« Д. И. Зубрицкаго (1 і 2 чч. 1852 г., 3 ч. 1855 г.), »Семейная Бібліотека« (1855—6 г. г.) і др. Під угрозою закриття чи конфіскації властями, правда, они винуждені були пізніше в своїм языці відступати в глечім від чистого руського літературного язика, но відступали немного, так, що і нині язик тих видань мало відходить від язика тогодашніх общеруських видань.

По пораженню Австро-Угрії під Садовою, в галицькім соймі, в 1866 г., проголосив то наше національно-культурне єдинство з руским державним народом торжественно о. Іоанн Наумович. То була якби відповідь на перші тут, правда, дуже слабі українофільські виступлення, піддержані австрійськими властями. В звязі з заключенем в 1879 г. воєнного троїстенного союза Австро-Угрії, Германії і Італії, німецькій історик проф. Гартман обявив політичний принцип, що Австро-Германій повинна відтворювати від Росії Малоросію і создати на ній під владою Габсбургів „велике кіевське княжество“ („Гросфірстентун фон Кієф“), як „самостійну Україну“. З того часу і з твою цілю українство в Галичині, за піддержкою Відня і Берліна, стало рости в силу і в 90-тих роках уже брати верх над руским движением, котре рівночасно переслідуваннями і террором всячески тормозилося і душилось.

ПРОЦЕС ОЛЬГИ ГРАБАРЬ 1882 Г.

Ухватившись за факт перехода в православіє села Гниличок, збарацького повіта, где о. І. Наумович був парохом, австрійські власти арестували его, руско-народного предводителя, славного А. И. Добринского, его дочку Ольгу Грабарь, і цілій ряд видних руских народних діятелей і селян, і устроїли во Львові, в 1882 г., шумний політичний процес, ізвістний під назовою „процес Ольги Грабарь“ о головну державну ізміну (гофферрат), а засудили тілько за в о з м о ж н е нару

шеннє публичного спокою о. Наумовича і ще кількох обвинених на кількамісячний арест. В Австро-Угорії була така судебна практика, що, якщо когось не було возможно засудити за державну ізміну, то засуджували його на кількамісячний арест за то, що будто його діяльність м'огла нарушити публичний спокій. А о тім, що австрійські органи самі, своїм постійним нарушенем конституційних законів монархії, таки справді нарушають публичний спокій, не вільно було ні писати, ні говорити.

А. И. Добринского освободили, но приказали ему покинуть раз навсегда руску землю, і він на вигнанні (в Інсбруку) так і умер в 1901 г., і відтіль тільки його тіло було перевезене в рідні Карпати. Так само мусів такоже виїхати о. І. Наумович і, виїхавши в Росію, там, як православний протоієрей, писав і видавав поучительні книжки для народу до своєї смерті в 1891 г. Впрочому, по процесі переселилось много наших видних інтелігентів в Росію, чим руске двіжене такоже було в деякій мірі ослаблене. Власти заточили такоже в Рим навсегда і митрополита Йосифа Сембраторовича, василіянські монастирі в Галичині дали зійтам на зреформоване в латинській дусі, а во всіх школах взялись учити і воспинувати нашу молодіж на українско-самостійницькій лад (скоріше нелад). Старе духовенство оставалось ще руским, но в духовні семінарії уже руских не приймали. Наконец, в 1894 г., органи закрили руске студенческе О-во „Академіческий Кружокъ“, щоби руске двіжене в краю лишити притока (доплива) молодих сил. Дійшло до того, що по 1895 г. руске двіжене в краю могло держатись тільки нашими старшими діячами, а по їх смерті оно мало цілком упасти. Но і старші діячі — по більшій часті люди зависімі і запугані передслідованнями, раболіпні (невольничі) „старорусини“ (з німецьк.: „альльтрутени“), в своїй політиці підчинались властям предержащим і вели єї в дусі того самого „альльтрутенства“, значить, покірної услужливості правительству. Они, правда, в душі і сердці оставались рускими і ісповідували єдинство Руси, но навін того не виявляли, Росій і єї культури не знали, говорили і писали мішаним, ще дозволеним „язичнем“ і своєю

ультралояльностю показували, що їх політичні і національно-культурні стремленя і потреби простираються тільки до ріки Збруча і города Сокала.

ДІЯТЕЛЬНІСТЬ НОВОКУРСНИКІВ

На счастье, однако, молодше руске покоління не дало себе живим погребати в могилу. Під проводом талантливого адвоката д-ра Владимира Феофіловича Дудикевича, переселившогося в перших 90-тих годах із Відня в Коломию, оно енергічно взялося за „новий курс“ в нашій політіці, від чого і пішла назва його сторонників — „новокурсники“. В краю, під їх проводом, почалось і пішло живо нове, чисто руске народне двіжене викорінення у нас рабського альтрутенства і насадження на Галицькій Русі общеуруської култури і руського націоналізма, в настоящім, отриманім і повним виді. В програмі такого нового двіження на першім місці стояли: усвоеені собі нашими земляками руського літерат. язика, общеурускої літератури і іскусств (штук), знанство з Росією і руским народом, воспитані і образовані молодежі в рускім національнім дусі. Не лише общественне, но і частне жите у нас мало по тій програмі носити настоящій рускій характер. Тим способом ми єще не ставали великоросами і москвичами — як то нам закидали українофіли — бо того і не було потреби і було б невозможнно, як невозможні гущулу чи бойку, стати лемком, і тим єще ми не ставали „росіянами“ і „москалями“ — бо „росіянином“ єсть житель і гражданин Росії, а москалем (москвичем) житель Москви, но тим способом раз навсегда ми вибивали із рук і голов наших противників послідовні претексти і способи спекулювати на якійсь нашій відрубності (окремішності) від наших братів на то, щоби таким діленем Руси ослабляти і підривати положене нашого народу в Австро-Угорії.

В порівняні з сопоставленім его з альтрутенством существенна разница була в тім, що альтрутени, правда, признавали і проголосували єдинство Руси, но на практиці і в житі, під угрозою і натиском ізвіні їшли на уступки в єго проявлені і осуществлені, а новокурсники то єдинство проявляли і осуществляли фак-

тично і явно. А прямим результатом (наслідком) такої нової постановки і осуществлення ідеї єдинства Руси було то, що наш народ, під проводом новокурсників, ставав нерозривною частиною всеї рускої нації на світі вообще і перше всего в державній Русі, отже, тим самим, мав за собою заступниками своїх кровних братів в Росії, подібно як другі австро-угорські народи являлись частинами і мали своїх заступників поза границями двоєдінної імперії: німці, поляки (тоді розділені аж помежі три імперії), румуни, серби, італіянці. Всім тим народам в Австро-Угорії таке національне єдинство з своїми однолеменниками в сусідніх державах дозволялось і допускалось, а тільки рускому народу то було запрещено і відніято із-за безтолкової боязни, що оно може довести до відворвання руских земель від двоєдінної імперії і прилучення їх до Росії. В ворожій нам печаті стали нападати на нове руске движение, що оно „російциною” і православ'ем переводит „русифікацію” (обруссінє) нашого народа, так якби то руского чоловіка, чи руській народ можна би, чи потреба би русифікувати. Сама та фраза — така смішна безсмыслица, що — як то говориться — кінь би над нею сміявся. Також говорить, чи писати о русифікації руских то така глупота, як і сказати, що: поляки польонізуються (польляться), румуни румунізуються, німці німчатся і т. д. Сама та фраза показувала таку саму безпомощність та безтолковість наших противників в поборюванні того нашого нового движення, як і в їх попереднім противостоянню назви „рутені” назви „русен”. Так само дуряцких виходило їх обвинене новокурсників в „москалефільстві” (москофільстві), чи „рософільстві”? Так ті назви не означают національності, а лиши симпатію і склонності до Москви чи Руси, так, що московіфом і русофілом могут бути і бувають люди всякої національності: поляки, чехи, англичане, французи і т. д., а між тим наше нове движение було, просто, ярко національним руским.

Ta єго уже не могла ні убити, ні хотіти остановити ніяка нагонка, ніякі reprесії і обвинення зі сторони владсті, ворожої печаті, політиків-противників, доносчиків і провокаторів, бо оно було ідейним і геройським

здвигом молодого інтелігентного покоління, групуючогося около новооснованного в 1894 р. студенческого О-ва „Другъ” во Львові. Онб полонило і повлекло за собою маси нашого селянства і міщанства. Перше всего сам рускій літер. язык дав ему новий і могучий, богатирський облик (инглянд) і прочну основу. Наша молодіж взялась его собі усвоювати прілежно і любовно, вивучути его дома, в бурсах і пансіонах, кружках і сходках. В тім язниці у нас уже говорилось на собраши і писались протоколи засідань, виходили газети, брошюри і книжки.

Ряд історичних событий внутрі і вні Австро-Угорії починаються до укріплення у нас новокурсеного движення.

Під ударом руско-японської войны і першої революції в Росії руські царь Николай II видав в 1905—6 гг. основні державні закони з ограниченням царського самодержав'я, введенім Государственої Думи (палати депутатів) і Государственного Сойта (верхньої палати) предоставлением із забезпечением всemu населеню рівноправия, свободи віропосвідання, соборний, печати і т. д. Під впливом тих реформ в Росії такоже Франц Йосиф був винужден розширити права своїх вірноподданних, щоби они не дорікали своїм гіршим положенем чим єсть положене у „всіхдінних варварів” — як в двоєдінній імперії приято было прозивати руских. Отже по довгих і горячих спорах в віденськім парламенті видана була виборча ординація 1906 г., з так називаємою „четирехвосткою” в тім смыслі, що голосоване на парламентських поспілів має бути: рівне, тайне, прямe (безпосереднє) і всеобще (загальне), і оно справді таким було для всіх народів в Австро-Угорії, лиш не для одного в ній народа — руского. В тій виборчій ординації находився цілий ряд таких осібних і додаткових постановлень що до Галичини і Буковини, котрі весь той виборчий закон так перейнажували, що для руских то голосоване було цілком іншим — як то прямо таки на наших вічах і говорилось — „ні рівним, ні тайним, ні прямим, ні всеобщим, а лиxo знає яким!” Після такої „кузої ординації”, киненої нам, як собакам кидають огорзинну кість”, — говорилось у нас на вічах — самі вибори переводились по злодійски (кражка голосів, до-

пущене до агітації і комісій т. ізв. „виборчих гієн”, а недопущене управліннях, підкупство, терор і др. под. австрійські штучки) і даже кровавим способом (убийство 5 селян в Гороцьку, повіта дрогобицького), весною 1907 р., українофили вибрали синіс 30-ти послів до парламента, а ми, рускі, хотя на наших кандидатів подано було свише 180.000 голосів — всего лиш 5 послів. Но і в тій літературі нашлися три альтрусти, котрі сейчас в парламенті попали в „рутенські“ (притім українофільські) клуб, а лиши два: Д. А. Марков і Н. П. Глібовицький були цирорускі. Правда, під натиском новокурсників скоро вилетіли із „рутенського“ клуба альтрусти, но надежно полагатись на них не було можно. А собственно говоря, тільки один Д. А. Марков держався строго і неуклонно новокурсної лінії в своїй діяльності парламентській (в Відні) і сеймовій (во Львові). Правда, ему не давали можливості проголосувати там свої бесіди на рускім літер. язіні, но і ті его проби, хоть і безуспішні, уже мали огромне значене і в краю і заграницею, бо показували і нашим і чужим, що рускій новий курс бере у нас верх над альтруистством, і що, незадовго, він заговорить таким руским язиком, що відмахнутись і викрутитись від него австрійским предержакам буде трудно.

Впрочому же на успішних послів в парламенті і сеймі надіяться можна було мало. Даже если біх там було і більше і они були не знати які геніальні, єдинодушні і енергічні, они, все одно, не могли би там много добитись, бо до них як руских там відносились у привілеяванні посли крайнє ворожо, погордливо і оскорбітельно. Як лиши начинав якій наш посол говорити, в салі сейчас начиналася ярмарка:магнатерія, колтунерія і мазепія піднимала пекольний крик і шум, виходила із лавок, тріскала пульпітами, громко перекликалась, збиралась групами по середині і з хохотом, визгом та свистом передавала собі взаємно якісь їдкі замітки, будто би забавні історії, шутки і т. п., словом, вели себе гірше якихсь недорослих свавольників. В салі наставав такій бедlam, що бесіди нашого посла не міг чути даже той, кто возлі него сидів. Та ярмарка поражала даже всякі види в своїм житі видав-

ших чужинців. Раз якось проїздом із Росії в Віденські відії во Францію остановився во Львові і зайшов в редакцію папері ежедневної газети „Прикарпатська Русь“ французькій аристократ, талантливий публіцист і сотрудник великої парижської газети „Матен“, но живий довго в Росії і прекрасно говоривші по руски, граф Арман до-Шайль. Від наших друзей в Росії і руских кореспондентів в Відні він много знати о нашім положені і досить добре в нім розбирався, но ніяк не міг зрозуміти одного: чому ми, будучи по конституційним законам свободними і повноправними гражданами австро-угорської держави, не можем, если хочем, дістати своїх руских шкіл, стати, кто хоче православними в зорганізованих собі православних приходах, — кстати, граф сам був православний — звертатись до влади в рускій літер. язичці, свободно зноситься з рускими в Росії і т. д. — „Та ж ви — заключав він — все таки маєте кількох своїх послів в парламенті і сеймі, чи они не піднімають там що до того всего своего голоса?“ Редактор (І. Л. Гриневецький) вздохнув тяжко, як той носильщик, котрій має підняти кільканадову скриню, подумав, усміхнувшись відповів, що они мусіли бы піднімати свій голос занадто високо, аж до его надрива, і однако не були бы вислухані. І тут снохатачиши, живо предложив графу піти в сейм на вечерне засіданіе, бо як раз буде там говорити наш посол о. Корнилій Сенік. І тут же велів одному із со-трудників повести французького графа в симовому ложу журналістів. Під час красної бесіди о. Сеніка зіккурат в салі творилося все то, що вище представлено, і зачудованому загранічному гостю відразу все стало понятним. Він потім, розуміється, в Париж, винесеними відсі сильними впечатліннями поділився публично з другими і, видно, удачно, бо як лиши в другій раз із Росії, через Новоселицю, прибув в Чернівці, сейчас там его жандарми схватили і відставили до границі (в Чехії), з тим, щоби більше сюда не показувався.

Уже під час передвиборної кампанії, весною 1907 р., наші українофили мали много хлопот з нашою студенческою — як они називали — „чорною сотнею“ (на ділі же їй до повної сотки єще много не хватало!).

Результат виборів оказался для нас весьма скромним. поляки, українофili і даже нашi альтрутисти считали його нашим цілковитим пораженiem, но новокурсники і вообще наша молода генерацiя, напротив, розважаючи всi условiя i обстоятельства, считали його блестящою побiдою, i окрiленia нею, з удвоєною енергiєю i пiлом взялась за роботу, oщеломлюючи нею тих, котрi єще так недавно хоронили все наше двiжене в kraю. I пiзнiйше бували такi случаi, що то, що нашi противники считали цiлковитим нашим пораженiem, у нас to считали побiдою, i в результатi такe непорозумiне — виходило нам на здорове.

Послi виборiв наша унiверситетська молодiжь мусiла кудась свою накопленну енергiю i размазhи направити i направила на органiзацiю себе самоi i меншоi братiї, ученикiв середнiх шкiл. Перше всего она живо взялась за самообразованiе в рускiм дусi i по примiру того самообразованiя молодiжi, якc тогда було приняте i сильно розвинене в Rossi. В О-вi „Другъ” получався i жадно перечитувався его членами „Вестникъ Знанiя”, зi всими приложенiями. Приходили туда iз Rossi майже всi газети i журнали або зовсiм даром, або тiлько за оплатою ничтожних поштових расходiв. Бiблiотека „Друга” rosala. Начинаючи вiдokolo 1900 г., наша молодiжь все видавала якiсь свiй журнал, пiд разними називами, но на russ. лiтер. язицi. Постановлено i приято в тiм зiянiї вести своi засidанiя, читати лекцiї, переписуватись i говорити межi собою. Стало для всiх обязанностi основательно i повноти знати Rossi минувшу i нинiшню. По примiру i пiд руководством студенчества пiшла така сама органiзацiя середнiшкiльної молодiжi (гiмназiй i реальних училищ) во Lьвовi i провiнцiї, в таких самих самообразовательных кружках, i жива переписка з кружками молодiжji в Rossi.

Понятно, що тепер i зближене Галицкоj Rusi з Rossiю носило уже iншiй, ярчiй i прочiншiй характер. Не тiлько для славянофильских кругiв, для которых Русcкое население Прикарпатiя було тiлько „славянорусcким племенем, похожим на наших малороссовъ

на югъ”, но i для ширших националiстичних кругiв „russkies Прикарпатiя” були кровnimi сородичами, та сама russka нацiя, та сама Свiта Russь в двуединiй iмперiї, як i другi в nй нацiї. Даремно наши противники, особливо украинофili, з австрiйскою та своею статистикою в руках, брались виказувати i доказувати їм, що russkis тут дуже мало, а таких, котрi говорят правильно по russki, горстка. Iх обривали на пiсловi вразiмiльним окликом: „Ахъ, оставьте, мы знаемъ, и объяснимъ вамъ хорошенъко, почему ихъ тамъ нынь мало и въ какомъ они положенiй по в а ш е й же винѣ!”

Do того їх знакомства з nами причинялись найбiльше такi наши виданiя на russkim лiтер. язицi, все бiльше поширюванi в Rossi. В Вiднi наш земляк (iз Городка возлi Lьвова), корреспондент петроградской газети „Новое Время”, Дмитрий Николаевич Вергун, непосидящий i смiлый, видавав в 1900—1905 гг. журнал „Славянскiй Вѣкъ”, но, вiдсiдiвши якiсь час в австрiйской тюрьмi, вихав в Rossio i помiщав в „Новiм Времени” по пoнедiльникам передовi статi об австро-угорской полiтiї. Много помогали нам в тiм взгляdi i нашi земляки-галичане в Rossi, вольнi чи невольнi переселенцi вiдси, на Холмщинi, Волинi, Подолi та Кавказi, та в столицях: Петроградi, Москви i Kievi. Особливо ж оживлялись тi взаимовiдношенiя поїздками, правда, рiдкими, наших делегацiй в Rossio i видних представителiв Rossii сюда до нас.

В 1899 г. iз Галичини їдила в Rossio наша делегацiя на Пушкинскi юбileйнi торжества (100-лiтiе народженiя Пушкина), i та поїзда мала для нас велике значене. В революцiйнi в Rossi годы 1905—06 временiно перебували у нас немногi бiженцi вiдти, як помiщики, так i революцiонери, все такi з пользою тут для russkого дiла. Зимою 1907—08 гг. славянскi посли обновленного австрiйского парлiамента їдили в Rossio, в гости до Государственнi Dумi, i в їх числi находився д-р H. P. Глiбовицкий. Тогда в Государственнi Dумi уже возникла группа членiв, живо интересуючись положенiем Галицкоj Rusi, во главi еi стояв видний russkij националiст, граф Владимир Алексeевич Бобринский.

Та група весною того ж (1908) года поїхала в чешку Прагу, на Славянський Зізд, і зустрілася на нім, з галицько-руською делегацією, во главі з д-ром В. Ф. Дудикевичем. Погостили по пути такоже в Варшаві, рускі делегати узнали много нового про положення в Галичині і від тамошніх наших земляків і поляків. В складі галицько-руської делегації находились і альтрутени і новокурсники. На Зізду хоязевами вообще були чехи, з д-ром К. П. Крамаржем во главі, а представлени були всі славяни: серби, болгаре, поляки, словенці і др. В польській делегації були тільки представителі із Конгресової Польщі і Познанії, галицькі же залишились лише посторонніми наблюдателями. Кажде національне представництво складало собою однієїльну групу, отже чешку, польську, сербську, болгарську і т. д., а тільки, при складенні одноцільної рускої групи із галицько-руських і державно-руських делегатів, вийшла суперечка, но конфлікт уладився мирно рішенням заявленем гр. В. А. Бобринского, що рускі делегати від одноцільності своєї національної групки з рускими галичанами не відступят. Совіцьані Зізда і приняті на нім резолюції поставили ясно і твердо принцип, що всі славяни в поодиноких державах і країх повинні користати повнотою із всіх національних прав і свобод в одинаковій мірі і що ніяка славянська нація не має угнетати і кривдити другу. Зізд, своїми постановленнями дав почин до нового славянського діяння, ізвістного під назвою неославізма (новославянства). Осуществлене его принципів відавалось тоді нам і др. славянам возможним, бо і австро-угорське правительство віднеслось до Зізда досить приклонно. Аж пізніше виявилось, що то була з его сторони тілько тактика в підготовці почви для близкої анексії Боснії і Герцеговини.

ЧЛЕНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМИ В ГАЛИЧИНІ І БУКОВИНІ І ГАЛИЦЬКОРУСКА ДЕЛЕГАЦІЯ НА ГОГОЛЕВСКИХ ТОРЖЕСТВАХ

Із Праги (в кінці червня) рускі націоналісти, члени державно-руської делегації, іменно: гр. В. А. Бобринський, А. С. Гижинський, член Імператорської Академії наук

Е. М. Дементьев, ген. В. М. Володимиров і редактор петроградської єжедневної газети „Світъ“ Г. В. Комаров — поїхали в Галичину. По пути остановились в Кракові, где їх гостинно приймали поляки, в Перемишлі, на жлізничороджійм дворці, їх торжественно привітсували місцеві рускі, а во Львові, на головним дворці, рускі і поляки. Остановились в отелі Жоржа. Раніше того ж дня поляки честували їх осібним своїм банкетом в французькім отелі, відкіде наші державні брати-гости прибули в Старополіті і ний, на торжественний гостині, і конференції, оставались далеко за північ. Во Львові провели кілька днів, заняти офіційними візитами і звідлєм руских інституцій і О-в, новими знакомствами і переговорами, остаючись весь час гостями рускої общественности, а затім поїхали в провінцію (в Журавницу і о. К. Сенникі та о. Савюку, в Коломию і д-ру В. Ф. Дудикевичу) і через Буковину (Чернівці і др. містечкови), всюди знакомячись і бесідуючи не тільки з інтелігентами, но і крестьянами і молодежю, вернувшись в Росію. Всі та їх подорож по Галичині і Буковині була пізніше описана Г. В. Комаровим в осібній, в Росії ізданій книжці Австрійські власти все і всюда відносилися до них коректно і даже любезно. Но уже осеню того ж року, коли гр. В. А. Бобринський, повертаючи із Сербії і Хорватії, пройдžав через Львів, він ледве мав можливість провести в нім кілька годин, котрі використав так, що провів їх на мілій бесіді з нашими бурсаками в „Народній Домі“ і Свято-Владимирській „Селинській Бурсі“, до самого самого відіїза на головний дворець. А ще пізніше, коли із-за анексії Боснії і Герцеговини відношення Австро-Угорщині з Росією значно погіршились, австро-угорські власти розіслали за гр. В. А. Бобринським „гончий лист“, щоби его арестувати як „преступника“.

Тим коротким побутом у нас державно-руських гостей наявізані були прочно наїмно зношено з національною частиною рускої общественности в Росії і членами Государственої Думи.

Еще більше значене мала для нас наступівші весною 1909 г. поїздка галицько-руської делегації в Моск-

кув і Петроград, на Гоголевскі юбілейні торжества (столітіе народження А. В. Гоголя) По желанню наших російських друзей наша делегація була не лише досить многочисленна, но і весьма разнообразна — в її складі були: альтрутисти і новокурсники, мужчини і жінки, старики і студенти, два селянина (Черник із с. Чех в Бродниці і соймовий посол із Мишини в Коломийщині Миронок-Заячук) і даже один гімназист VII кл. в своїм мундурку (г. Кулявчик, нині адво-кат в Закарпатській Русі). Межі делегаціями із всого культурного міра нашій, галицько-русій було представлена видне місце і при открытии пам'ятника Гоголю і на торжественній академії і на гостинах і прі-йомах.

Переїзд нашої делегації із Москви в столицю Росії мав уже стати рішаюним поворотним пунктом і в наших внутрішніх відношеннях і особливо в відно-шеннях до нас найбільше впливових кругів Росії, при-чим приходилось все мати на увазі, що анексією Боснії і Герцеговини межі Австро-Угриєю і Росією устано-вилась явна неприязнь. Делегація сама відказалась від гдяєких почестей і предложень, весьма важких і лест-них і для неї і для руского діла, щоби тільки не дати якогось претекста до кривого істолковання єї лояль-ності до двадцяної імперії. Против того даже в її складі була гдяека опозиція, з указанем на то, що приїхавши тоді в Росію на славянські торжества австро-українські чехи і то більше свободні в проявлені своєго русофільства, чим ми, рускі галичане, в проявле-нях нашого общеруського братства. Предсідательству-ючій делегації В. Ф. Дудикевич то признав, но закін-чив свої аргументи на засіданні цитатою із книги Да-нилевского „Россія и Европа”, поставленною там, як мотто, а зложеню із слів, котрі колись сказав один російський сановник до руских в Австро-Угрії: „Вамъ не прощаютъ Россіи — Россіи не прощаютъ васъ!”

І в результаті стало на тім, що торжество в честь нашої делегації в столиці мають носити неофиційний характер, хотя в них могут участвовать і державні достойники, но лиши як частні особи. На головним тор-жестві в честь нашої делегації не був ісполнен гимн:

„Боже, царя храни”, бо прийшлося би по нім іспол-нити австрійській: „Боже, буди покровитель”, для за-доволення австро-угорського посольства в Петрограді. Впрочому, як раз тогда, приїзд в Петроград боснійської делегації визвав в тім посольстві такій переполох, що єму уже було не до нас. Ті боснійці мали на сліду-шій день відіхнати в Лондон і тому уже на тім торже-стві виступили з протестом против анексії Боснії і Гер-цеговини і жалобами на австрійські переслідування. В салі, среди публіки, находився тоді і австро-угор-ський посол гр. Берхольт, но по уході з естради бо-снійців, також вийшов. Більше офіційний характер носила тільки гостина нашої делегації в кріпості Крон-штадті. Там лежит умерший в 70-х годах галицько-ру-ський патріот М. А. Качковський. На его могилі Галицько-руське О-во в Петрограді, під предсідательством гр. В. А. Бобринського, устроило торжественну панихиду, сперва католицьку, відслуженну одним білоруским ксендзом, бо М. А. Качковський умер греко-католиком, а потім православну, совершенну єпископом і др. свя-щенниками і монастирським хором, послі чого наша делегація возложила на могилу свій вінок і затим участвувала в торжественній академії-гостині. Козій-ном і устроїтелем торжест був комендант кріпости ген. Артамонов, і они, розуміється, по неізбіжності, носили більше воєнний характер. Но вся та коррект-ність і вздержність нашої делегації нічого не помогли, — все одно, ворожа нам печать лото біснувала по єї повероті до краю.

Від тогди галицько-русій вопрос в Росії став справді популярним. О Галицькій Русі писала частійше і ширше тамошня печать. О ній заговорили в Государ-ственній Думі. Із пожертвовань, які впливали в Галицько-руське О-во від многих людей получалась у нас такоже матеріальна підтримка нашій печаті, но головно ішла на воспитане молодежі. Она далеко не була така значна, як то нашим противникам відавалось, но важна як на наші потреби і наше трудне положене. Та і для Росії популярність в ній галицько-руського вопроса ма-ла велике значене, бо причинялась до розбудження рус-кого національного самосознанія в широких кругах

тамошній об'єктивності. Нераз на благодарність з нашої сторони із уст високопоставлених осіб давалась така відповідь: „Вопрос еще, кто кого долженъ благодарить. Скорѣе мы въ долгу передъ вами — обязаны вами гораздо болѣшими!” Вскорі Галицькоруське О-во відкріло свої відділи (філії) в Кіеві, Москві, Одесі, Казані і др. великих городах.

Понятно, що під впливом всіх цих событій і пе-ремін альтруїстична уже у нас не могла удержанатись на поверхності. Під напором новокурсників єжедневна газета „Галичанин” перейшла з 1900 р. в своїх статтях на чистий руський літер. язик. Но того уже було мало. З осені 1908 р. во Львові почала виходити велика єжедневна газета, орган новокурсників, „Прикарпатська Русь”, а пізніше на народнім нарічію такоже єжедільний „Голосъ Народа”. В многочисленних наших бурсах і пансіонах давали науку в живій руській слові присланні Галицькоруським О-вом із Росії учительниці. Для поширення знання руського літер. язика межі нашими селянами видана була у 1909 р. граматика тогож язика, которую написав С. Ю. Бендасюк. Наш народ устроював паломничества в Почаївську Лавру і в Кіев і в гдєяких селах принимав православіє і організовував православні гриходи, насамперед на Лемківщині, під проводом о. Максима Сандовича, в Сокальщині (с. Теляж, о. Іоанн Глечко) і в Снятинщині (с. Залуче, о. Ігнатій Гудима).

АІВСТРІЙСКІ ПЕРЕСЛІДОВАНЯ

Таке саме чисто руске національне двіжене пішло і на Буковині і Угорщині, розуміється з конечними відмінами: в виду того, що буковинці і так православні, там оно було тілько сітским національним, а на Угорщині, где майже не було рускої інтелігенції, оно велоось самим простим народом і носило більше віроісповідний характер — масового перехода руского селянства в православіє.

Вскорі австро-угорські власти взялись всюди то руске двіжене тормозити, угнетати і душити, всікими способами і средствами: конфіскаціями руских видав, обісками (ревізіями) і арестами причастних до того двіженя осіб і наконец всякого рода насильствами

і террором. Замікали поодинокі бурси і пансіони, разгоняли з богослуження православних і закривали, опечатуючи, православні молитвенні доми і часовні, розвязували поодинокі а то і всі (на Буковині в 1910 р.) рускі О-ва, забирали ученическі рускі бібліотеки і т.п. Но все то було даремно. Тому хватились за своє крайнє средство — політичні процеси.

В звязі з анексією Боснії і Герцеговини такій процес проти сербів затягнуто доносчик і провокатор австро-угорського посольства в Белграді Фрідлонг. Кілька днів сербів засудили на довголітній тюрьму. Но присуттвувавший на процесі професор пражського університета і посол австрійського парламента Т. Г. Масарік (будущий чехословацький президент) описав правдиво той процес в парламенті і в статтях, вийшов скандал на весь світ, так що заграницею стали називати „фрідлонговським” всякий несправедливий і для держави паскудний процес, і — австрійські власти винуждені були сербів освободити.

Тайним циркуляром 7 лютого 1912 р. намістник Галичини Мих. Бобржинський поручив старостам складати і до 8 днів прислати списки в повіті находячихся руских, як „уміркованих старорусинів”, значіт, альтруїстів, так і „русофілів-радикалів партії“ Дудикевича”, т. е. новокурсників, іменно число членів, поіменні списки їх предводителів („лідерів“) з адресами, указанім їх общищеннего положенія і т. д.

В последніх дніях марта 1912 р. поліцією були арестовані: журналіст, організатор бурс і пансіонів С. Ю. Бендасюк, студент університета, організатор руских народних читальень, В. А. Колдра і два православні священиники: оо. Максим Сандович і Ігнатій Гудима, і осаджені тюрми при краєвім карнізі суді во Львові, по ул. Баторія. Немного пізніше і на Буковині власти арестували ряд руских общественных діятелей, но в тюрмі остались окончательно два брати Геровські в Чернівцях. На Угорщині арестували многих руских православних селян. Слідство велоось і арестованіх в тюрмі держали довго, по інструкціям із міністерством слідчим судим. В результаті устроєні були два політичні процеси, продовжавшіся по три місяці:

Мараморош-Сиготський (грудень 1913 — лютий 1914 р.) і Львівський (9 марта — 6 червня 1914 р.). О них прійшлося би і належало би написати цілу книгу, тут лише можна гдісь з них замітити.

МАРАМОРОШ-СИГОТСКИЙ ПРОЦЕС

Офіційно оба процеса значились о шпіонстві і головний державний ізміні, а на ділі були тільки штучно виднігнуту фікцією обвинення. В Мараморош-Сиготі 94 чоловік православних узників-крестян обвиняли за то, що они „незаконно” творили православні общини (громади), устроювали молитвенні домі і часовні, принимали у себе православних монахів з Афона (Греції), мали у себе молитвослови і богослужебні книги із Росії, ідили в Почаїв і Кіев, переписувались з гр. В. А. Бобринським, зносілись з братами Геровськими в Чернівцях і т. п., а все то, разом взяте, „могло бути шпіонством і державною ізміною”. Свідкими ж обвинені були всякі доносики, „шпіці” (детективи) і провокатори, во главі з майдироном Дулішковичем. Свідків оборони майже що не допускали. Тому що все обвинене верглоськоло около особи гр. В. А. Бобринського, граф письменно предложив суду визвати його на свідків, но суд його предложение відкінув. Тоді граф пішов з своїм паспортом в австро-угорське посольство в Петрограді за візом на віз з двадцятину імперію добиватися там допущення его на свідка і, тому, що австрійські власти колись розіслали за ним „гончий лист”, дали йм добру нагоду его арестувати. Посольство ему в візі відказало. Тоді він взяв паспорт на інше називиско і з секретарем Государственої Думи Димитрієвим вийшов в Австро-Угорію, представляючись на границі (у Сосновиці) австрійским властям якби служащим (льоакем) Димитрієва, проіхав в Мараморош-Сигот і потребував там в суді допустити его на свідка. Порозумівшись з міністерством, суд допустил его. На двох засіданнях суда гр. В. А. Бобринський свідчив о тім, що весь переход в православ'є угорських крестьян має чисто і сключально релігійний характер, і опроверг всі фальшиві і клевету провокатора Дулішковичем. По скінченю допроса (зізнань) граф попросив суд,

щоби ему позволили сказати на прощане кілька слів до обвинених. Суд не позволив. Тоді гр. В. А. Бобринський обернувся до обвинених, мовчи поклонився їм до самої землі і вийшов. То здійшло на всіх в салі дуже сильне впечатління. В той самий день, в супроводі поліцейських агентів граф мусів виїхати в Росію, но уже через румунську границю, а через якийсь час процес в Мараморош-Сиготі закінчився засудженем всіх обвинених руских православних крестьян на довголітню торбу!

ПРОЦЕС С. Ю. БЕНДАСЮКА І ТОВ.

Процес у Львові відбувся перед судом присяжних засідателей: 9 поляків і 3 жидів, також по обвиненню 4 підсудимих в шпіонстві і головний державний ізміні. Перше відпала само собою таки на вступі, а друга будто би заключалася в їх діяльності. Отже С. Ю. Бендасюк відповідав перед судом що до своєї граматики руского літер. язика, організації бурс і пансіонів, підтримки православ'я, лекцій і газетних статей, зношення і переписки з особами в краю і в Росії, то. Максим Сандович і Ігнатій Гудима що до своєї пастирської діяльності, богослужень, проповідей і поїздок в Росію, В. А. Колдра що до організації читальень і лекцій в них з волшебним фонarem, читання там крестьянам повісті Николая Вас. Гоголя і т. п. Все то, розуміється, було законне і дозволене, но трибунал держався того погляду, що „все то могло вести до шпіонства і головного державної ізміни в виді відорвання із Австро-Угорії руских земель і прилучення їх до Росії”. Так само і тут свідками обвинені виступали жандарми, поліцейські явні і тайні агенти, доносики і провокатори, во главі з тим же Дулішковичем, спровадженим із Угорі. Против них оборонці, адвокати В. Ф. Дудікевич, М. Ф. Глушкевич, Л. Ю. Алексевич, К. С. Черлончикевич і полік Е. Солянський виднігли наших свідків і многі із них були допущені, так, що вислуханих було більше ста свідків. На адвокатів-оборонців, за їх виступлення, трибунал від часу до часу накладав досить високі грошові карі. В один час нашим адвокатам-оборонцям, також угрожало арештовані. Ввиду

того, що головним обвиненем считалось ширене православія, воспитатель і настоятель оо. Сандовича і Гудими, тодішній волинський архієпископ Антоній (Храповицький), як екзарх для православних русих в Австро-Угорії по назначенню зі сторони вселенського константинопольського патріярха, заявив письменно суду свою готовність стати свідком, но трибунал то предложе же відкинув. Во главі українофільських свідків-обвинителів виступав адвокат з Коломиї, д-р К. Трильовський.

На процесі присутствовали сотрудники всіх львівських газет і кореспонденти багатьох заграницьких, також більших російських. О нім заговорили в австрійськім парламенті і в Росії, в Государственній Думі і Государственній Собіті. В результаті во Львові на процес прибули чотири члена Государственої Думи, як делегати чотирьох найбільших в ній партій: о. Якубович від правих, о. М. Митроцкій від націоналістів, г. Макогон (малорос) від октябрістів і г. Лашкевич від католіків, і присутствовали на двох засіданнях суда, прислухуючись уважно розбирательству діла.

Чим дальше, тем виразніше процес ставав для австрійських властей постійною компромітацією. В суботу, 6 червня 1914, присяжні засідалі, всіми голосами, признали всіх підсудимих невинними і на слідуючій день они вийшли на свободу. Тоді же як-би для завершення скандала прилучився куріозний інцидент: як раз ночью з 6-го на 7-го червня, підкупивши одного тюремного надзирателя, в Чернівцях вирвались із тюрми братя Геровські і утекли в Росію разом з тим надзирателем. Но той процес весьма характерний для общого тогдашнього положення: він закінчився нашою побідою і показав правительству, що такими способами і средствами подавити руского національного движения не удастся.

Чужа і даже ворожка нам печать єдинодушно і открыто признала, що процес скінчився компромітацією австрійських властей. В своїй посвященій єму передовій статі львівське „Слово Польське“ виразилося, межи прочим, так: Процес мав доказати підсудимим, що они, за російскій рублі, вели агітацію за відворване

від Австрії і прилучене до Росії Галичини, Буковини і Угорської Русі, но того він не доказав. Зато, однако, тим самим процесом зроблено тут для рускої („рософільської“) агітації стілько, що таких успіхів Росія не могла би добитись і за міліони рублей. Підсудимим, в случаю їх засудження, угрожало би повіщене, а на ділі і справді належало перше всего повісти того, котрій піддав властям дикованні мислив затяти весь той скандальний для Австро-Угорії процес.

Сейчас по процесі Бендаського і тов., наші альтруїсти, хотя і обдерні єго благополучним закінченем, но все таки перестрашенні самим єго содержанем і ходом, відправили свою делегацию, з о. В. Давидяком во главі, в престолонасліднику, ерцгерцогу Францу Фердинанду, Конопішт (в Чехії), где він около того часу принимав кайзера Вільгельма II, перед самою своюю несчастною поїздкою в Сараево. Хотя на процесі всі 4 подсудимі були оправдані іувільнені, все таки делегация заявила престолонасліднику, що нічого не має з ними общого і що, війні лояльності і преданності династії і прочим рішлюющим сферам, готова їм служити вірно і жертвовать своїми животами. Франц Фердинанд приняв делегацію любезно і она, тою любезностію осчастливленна, вернулась во Львов, хоть і строго секретно, но в явно великолінім настрою, котрій, однако, на головном дворці омрачился неожіданим, непрепіннім інцидентом: якось довідавшись о їх поверноті, наші студенти там їх обкідиали яйцями і чорнилами — як потім говорилось — „зах до державних (борно-жовтих) кольорів“. О любезностях і милостях ерцгерцога делегация бесідувала охотно і широко, но результат поїздки держала в строгій тайні, а чому, всі у нас єдинодушно догадувались — „бо нема що сказати“.

Та догадка, віроятно, була правильна, бо недільку чи п'ятору потім спустя, наїйтися Коритовський довірено заявив представительству новокурсників, що правительство готово миритись з новим русским („російським“) движением в краю, і в частності з єго рускою („російською“), а тільки особливою трудною і непреноною виоперек дороги стає принославі, котре

рішаючим клерикальним кругам на австрійських висотах до крайності ненавистне. На то могло новокурсне представительство тільки здигнути плечами: що порадити на то, коли комусь щось в нашій національній ідеології не подобається? Очевидно, і в цім случаю на тих висотах пробували примінити принцип: „розділяй і властивий!“ Впрочому саме заявлене їх готовності, без фактичного його виповнення, для нас було — трин-трава. Оно считалось у нас несерйозним і без значення. Пізніше виявилось, — як низче буде указане — що австрійське правительство справді уже рішилось піти нам на уступки щось в тім взгляді зробити, но — спізнилось, як спізнилося всегда і в кождім подібнім ділі.

По процесі всі 4 бувши підсудимі мали вийхати за-границю, і для возстановлення своєго підкорваного тюремою здоровя, і, просто, тому що, подібно, як по всіх таких процесах, хочби і оправдательних, бувшим підсудимим не було можливо оставатись в двадцятій імперії: они находились під постійним поліцейським надзором, доносами, провокацією і угрозами поновного заключення в тюрему. Живущі во Львові і приналежні до Львова С. Ю. Бендасюк і В. А. Колдра дістали заграницні паспорти в дирекції львівської поліції і виїхали в Росію еще перед убійством Франца Фердинанда в Сараєві, но живущі і приналежні до своїх повітів: о. М. Сандович до горлицького, о. І. Гудима до бродського, не успіші до того убійства дістати із тамошніх староств заграницніх паспортів, а пізніше із видачу їх ті староства відказали. То опізнене оба священики переплатили свою тяжку судьбу: на початку ворин австр. влади о. М. Сандовича розстріяли, а о. І. Гудиму заключили в Талергоф, где він із страшних переживав душевно заболів.

В Росію виїхали Бендасюк і Колдра з облегченем, що процес скінчився благополучно, но і з тяжким чувством, що в Галичину не змогут вернутись або, если і змогут, то не скоро. Остановились у предсідателя Галицько-руського О-ва, гр. В. А. Бобринського, в его помісті (містечко Богородицьк, тульської губернії). Він їх сказав, що за кілька неділь возьме їх з собою на

один на свою дачу на Кавказі (Красная Поляна), куди пінніше і виїхали, а осінню жде їх много роботи в Галицько-руським О-ві: будуть устроєні торжественні собори не тілько в Петрограді, но і в філіях О-ва, розіїди з лекціями по більшим городам, підготовка і випуск брошюр і книж і мн. др. З удивительною енергією і живостю він виготовлював програму осінньої діяльності О-ва і, в звязі з тим, зносився з міністерствами. Раз якось, уже по убійстві Франца Фердинанда, но єще під час ізвістного кільканадільного затишя, коли всім здавалось, що ворин все таки не буде, гр. В. А. Бобринський, в особливно добром настрою, казав живо до Бендасюка і Колдри: „А ви оба все-таки сможете вернутися в Галичину!“ Г на їх радостно здивоване питання, коли і як, він ддав: „Конечно, через нѣкоторое, но, кажется, недолго время и — уже въ другихъ тамъ, лучшихъ условіяхъ!“ — підчеркнув многозначально. І тут же даліше передав, що межи обома міністерствами іноземних діл уже ідуть переговори що до положення руских в Австро-Угрії, що поручено складати докладні записи: проф. Будиловичу об общім положеніи руского діла у Карпат, а архієпископу Антонію (тогоди уже в Хар'кові) о православії в Галичині і Угорській Русі, послі чого оба правительства обмінюються відповідними нотами, причм зазначив, що сам факт тих переговорів указує на благоприятний поворот в тім ділі. Ті відомості графа свідчили о тім, що попереднє заявлене намісника Корітского опиралось на гдяжких реальних основах.

Діло було на добрій дорозі і дальній событиї могли пійти інакше, если би Австро-Угрія була хоті в своїй внутренній політіці самостоятельною, но, на жаль, так не було — нею руководив кайзер Вільгельм II. То і до ворин уже довго всім було відомо. Г на ворину Австро-Угрія рішилась під єго командою. Подібно як по анексії Боснії і Герцеговини, так і по відправленю Сербії ультимата, в російських рішавочих кругах заявляли: „Ключъ къ развязкѣ не во Вѣнѣ, а въ Берлінѣ“, — і думали, що Вільгельм не рішиться нарушити світлі стolітні мир і дружбу межі Росією і Германією. Но він їх нарушив. Нині уже добре і безповоротно

вияснено, що двуїдина імперія обвіила войну Сербії. 28 липня 1914 р., по волі і указу із Берліна.

Не містце тут писати о воєнних подіях на Прикарпатю. О них пишеться тепер немало в звязі з їх 25-літієм і єще більше буде писатись пізніше. Трудно також писати тут о самім Талергофі. Єму спеціально посвящені, вийшовши дотепер 4 випуски „Талергофського Альманаха”, представляють ярко жутку картино мученичества руского народа в Австро-Угорії в ході войны, а єще много матеріяла жде напечатання. Тут лише слідує зазначити, що назвою „Талергоф” обираються і покриваються страдання тих свише 10.000 руских, котрі мучилися і погибли в теченні трьох літ в бараках около містечка Талергофа, в Стирії но і тих премногих руских, котрі томились і умирали во многих других містечках їх заключення в Австрої і Угорї і особливо неяснимиє множеством руских жертв звірських убитих на землях по обох сторонах Карпат, в Галичині, Буковині і північній Угорщині. В своїх воєнних спомінах польський генерал Розвадовський, котрий як полковник австрійського генерального штаба мав народу знати близьше ті масові убийства, виразно заявляє, що тих жертв тут, в краю, погибло навірно значно більше, чим в самім Талергофі і що, просто, їх число не піддається ніякому учету.

ДВА ВІДЕНСКІ ПРОЦЕСИ

Під час війни відбулися в Відні два політичні процеси з обвиненем руских в державній ізміні. Перший з 11 червня по 21 серпня 1915 р., в котрім обвинялися:

- 1) Дмитрій Андрійович Марков, депутат парлям.
- 2) Владислав Михайлович Курілович, деп. парл.;
- 3) Кирил Сильвестрович Черлюнчакевич, адвокат в Перемишлі;
- 4) Іван Николаєвич Драгомірецький, адвокат в Золочеві;
- 5) Дмитрій Григорієвич Янчевецький, віденський кореспондент „Нового Времени” в Петрограді;
- 6) Фома Дяков, селянин із с. Вербіжа;

7) Гавриїл Мулькевич, кузнец (коваль) із Каменки Струмілової.

Подібно, як на процесі Бендасюка і тов. во Львові виступали свідками-обвинителями українофіли, з адвокатом із Коломиї, д-ром Кирилом Трильовським во главі, так і тут, но в єще значно більшій числі свідками-обвинителями відзначились самі „чільні” українофіли: adv. із Золочева Федор Ваньо, проф. львов. унів. д-р Кирил Студинський, проф. Львов унів. д-р Александр Колеса, депутат парлям. Семен Вітік, adv. із Перемища д-р Феофіл Кормош, деп. парл. о. Стефан Онишкевич, деп. парл. Вячеслав Будзиновський, деп. парл. Євг. Петрушевич, деп. парл. д-р Євстахій Левицький і др.

А в обороні руских обвинених виступав свідком чех, проф. віден. унів. д-р Вацлав Вондрак.

В другому же віденському процесі, в 1916 р., судились як обвинені:

- 1) Свящ. о. Касіян Богатирець, православний настоятель прихода с. Версиченка, на Буковині;
- 2) Іларіон Цурканович, редактор, Чернівці;
- 3) Д-р Семен Булик, адвокат в Мушині;
- 4) Свящ. о. Гавріїл Гнатишак, наст. прих. в Криниці;
- 5) Свящ. о. Роман Присlopський, наст. прих. в Жестові;
- 6) Д-р Александр Гассай, adv. кандидат в Мушині;
- 7) Д-р Іван Черлюнчакевич, adv. в Скалаті;
- 8) Д-р Александр Савюк, adv. в Синоку;
- 9) Д-р Ярослав Сьокало, adv. кандидат в Галичі;
- 10) Свящ. о. Маркіяна Раставецький, Громно;
- 11) " " Николай Винницький, Галич;
- 12) " " Корнилій Сеник, Бережниця Корол.;
- 13) Дмитрій Вислоцький, студент унів., Лабова;
- 14) Свящ. о. Йоанн Мацак, с. Липиця верхня;
- 15) " " Йоанн Станічак, с. Висоцько;
- 16) Евстафій Цюк, Самбор;
- 17) Іван Андрейко, студент унів., с. Тилич;
- 18) Федор Мохнацький, поміщик, с. Мохначка;
- 19) Алекс. Мілянич, учитель, с. Поворозник;

- 20) Мефодій Трохановський, учитель, Криниця
 21) Свящ. о. Феодосій Дуркот, с. Ждиня;
 22) Николай Громосяк, крестьянин, Криниця;
 23) Лука Старицький, ляк із Знесення возлі Львова;
 24) Яков Гадзюк, крестьянин, с. Шинота.

В цім процесі свідками-обвинителями виступали українофили: д-р Евген Олесницький, д-р Евген Петрушевич, д-р Степан Баран, д-р Лонгин Цегельський, д-р Лев Бачинський, ден. нарл. Николай Василько, д-р Кость Левицький, о. Платон Філяс, о. Стефан Онішкевич, Лев Гузар, Ілья Семака, д-р Альфред Гоникович, Омелян Константинович і др.

Підсудимі в обох тих віденських процесах були засуджені на кару смерті через повішеннє майже всі, бо за ісключенням сім 7 осіб із другого процесу: Я. Сьокало, Е. Іюк, Ф. Монахіцький, А. Милянч, М. Трохановський, о. Ф. Дуркот і Я. Гадзюк — котрі були засуджені на пожизненню або вообще довгострокну тюрму. В третій умер о. Г. Гнатинак.

Всі засуджені в обох процесах на кару смерті були пізніше, по ходатайству царя Николая II, через іспанського короля Альфонса XIII, помиловані Францем Іосифом на пожизненну тюрму, а по його смерті (осінь 1916 р.), імп. Карлом увільнені із тюрем. Молодий імператор созвав на сесію парламент, но то був не парламент, а „тимент“ — жалоби і стони покривджених народів на беззисленні воліоці о пішту до неба, воєнні убийства і цивільні злодійства. І посл-українофіли підняли „бучу“ в обороні прав „українців“. Лиш за руских не було кому заступитись, бо їх посли одні томились в Талергофі, другі в кріпостних тюрмах. За них заступився чеський депутат і вождь Стржібрній, розказуючи всю правду о невиннім мученичестві руського народа в двадцять імперії і рисуючи потрясаючу картину Талергофського пекла. Сесію парламента прійшлося як найкорішче закрити, но молодий імператор уже зізнав, що належить перше всего зділити: він випустив на свободу всіх засуджених в обох віденських процесах і в маю 1917 г. розпустив і закрив Талергофське узництво.

РОЗПАД АВСТРО - УГРІЇ

В послідніх днях жовтня 1918 г. Австро-Угрія налаштувалася: поодинокі народи, в своїх краях, стали творити незалежність від Відня держави. Молодий імператор давав їм повну автономію і даже федеративність лише би они признавали его своїм монархом. Но то уже було запізно і даремно. Наступив конец — по австрійски „канут!“ (тим словом „канут“ австро-мадярські насильники все грозили руским). Ніхто уже не оглядався на Відень. Послідними прійшли до прем'єр-міністра за інструкціями що до Галичини наші українофіли, з Костем Левицким во главі. Прем'єр-міністр здививши плачами і відправив їх коротким: „Немає ніяких інструкцій — робіть собі там, що хочете!“

Оставшася ще около Відня невелика австрійська республіка 20 літ просила-молила, у великих держав, Ліги Націй і вождя Германії Гітлера, для себе признаzia, оборони і — грошей, но не могла від них добитись нічого — як ми колись від Відня. Аж весною посліднього (1938) года розлочений Гітлер взяв її всю, в один день, без одного вистріла, і включив її в германську державу, касуючи даже саме її ім'я „Австрія“. Чи то кара за то, що двуедина імперія всіма силами намагалася майже півтораста літ скасувати у себе ім'я Русі? Він перекрестив Австрію на „Остмарк“, що в буквальній переводі з німецького („ост“ — всхід, „марк“ — окраїна, україна) значит: „Всходня україна!“ Видно, всемогуття судьба також з державами строїт собі іногда свавольні комедії.

Говорить латиника пословиця, що історія — учительниця життя. Наша руска історія особливо многому нас учит. Треба тільки уважно в ню прочитувати і глибоко вдумуватись. Она показує нам, що, в своїм геройським подвигництвом за свою національну ідею, руський народ в Австро-Угрії все памятав і облюдав заповідь Священного Писання: „Претерп'явши до конця спасень будеть“.

Відгомін всесвітньої війни 1914 р.

Горіли села і міста,
Добро народне запалало,*)
А смерть покоси густо клала,
Покрила мрака все густа...

Зібралися всі пеколіні сили
І, — розломивши вітку мира,
На то кроваве свято пира
Русь і славян всіх запросили.

Всюда полилась кров' рікою,
Купався в ній наш руский брат,
Під гук розжарених армат
Поникла Русь вся головою...

В кровавім танцю в тій годі
Все австро-німці пригравали,
І танцювати заставляли
І Русь, і інші народи.

І сильним відрухом кровавим
Стали стіною рускі діти,
В пориві смілім, величавим,
Щоби свою Русь боронити.

І стали они на Карпати
Та богатирською рукою,
Ціною крові дорогою
Ім удалось врага прогнати!

Внутрі-же ворог свій оставси,
То наші давній роздобри,
І Русь зі страхом ину оре,
Бо ще народ не спамятався:
Що до побіди треба віри,
І волі сильної, святої
Та ще й Опіки Всеблагої
Желанія сильного, без міри!..

Тоді вже Русь ні на хвилину
Не дастся іншим ошукати,
І буде всюда памятати
Про власну Руську Родину! —

*) Загоріло.

М. Цебринський.

Свящ. Генрих Афанасьевич Полянский.
Талергофец, извѣстный народный дѣятель и писатель
(в молодом возрастѣ).

Добрая, сумная и горькая бывальщина.

В 1848 году приняли участие в революции в Австрии все народы, кроме тирольцев и русских в Галичине. Революцию подавили. Тирольцы и мы, русские, привезли благоволение императора Франца Иосифа I. Поэтому, когда во Львов, на собрания русских делегатов, на передложение святейшего Льва Тредзаковского, выслано к императору депутатию с просьбой подарить нам руины университета и юезицкого костела, император подарил их нам. Мы, русские, взялись за работу и построили через десяток лет „Народный Дом“ и Преображенскую Церковь.

Но правящим кругом Галичины не понравилось благоволение Вены к нам. А так как у этих кругов было много князей и графов, то они подорвали к нам доверие императора и Вены, обвиняя нас, что мы тянем к России.

Мы тянули к России, но не отношения политическом, только в культурном. Как все немцы считают своими Шиллера, Гете, Гердера, Клейста, Клонфштока, и др. немецких писателей, так и мы, русские, считаем своими Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, Лермонтова, Достоевского, Льскова, Потапенко, Короленко, Чехова и др. русских писателей.

Руководящие круги, чтобы ослабить нас, создали новую партию „украинцев“, дабы под лозунгом „ри́сіс Rusina na Rusinu“, т.е. „украинцы“ доносили на нас. Они стали доносить особенно в львовском сейме и винском парламенте — Вахнянин, Романчук и барон Василько из Буковины.

Мы однако работали честно, правдиво, и безустанно. Были основаны многие общества и читальни. Правящие круги задались однако целью сломить нас. Для этого они инсценировали большой процесс. В качестве обвиняемых выступили: просветитель Галицкой Руси о. Иоанн Наумович, Адольф Добрянский, Ольга Грабар, Осип Марков, Венедикт Площанский, Николай Огоновский и

несколько крестьян. Помимо всей строгости процесса обвиняемых освободили, не найдя в них вины.

После этого наступает второй политический процесс Семена Бендасюка, о. И. Гудими, о. М. Сандовича и Колды. Одновременно в Мармарощигот происходит процесс 94 русских крестьян Закарпатья. Но и в этих подсудимых не нашли вины. Казалось враги оставят нас в покое.

Пришел 1914 год. Австро-Германия начинают страшную войну против России и ее союзников. Начинаются аресты т. н. „москальофилей“. Всех русских патротов арестовали и вывезли на запад.

В Талергоф построили 42 барака. В каждом из них жило по 200 человек. Потолков в бараках не было, притом в каждом была только одна железнная печка.

От голода и нужды начался тиф. В первую зиму погибло 1500 человек. Военные власти держали заключенных очень строго, как величайших и опаснейших преступников.

Надо помнить, что аресты совершались по доносам „украинцев“. Доноски-„украинцы“ ужасно обижали русских людей.

Когда императором стал Карл I, велел 7. мая 1917 года пустить всех арестованных домой. В своем распоряжении Карл I пишет: „Все арестованные русские не являются, но были арестованы, чтобы не стать ними“. Однако русские терпели и еще терпят.

И новое польское правительство видит, что мы, русские, совершенно спокойный народ, но властие интриг „украинцев“ не можем добиться своих целей.

Я свое сказал.

Самбор, 17. VIII. 1934.

Содержаніе 1-го выпуска.

Галицкая Голгофа	Стр. III—VII
Предисловіе къ первому выпуску	3
Виновники и мучители	7

Документы.

I. Предвоенная травля на русскихъ галичанъ	17
II. Военный терроръ	26

Первый періодъ австрійскаго террора въ Галичинѣ.

Бережанскій уѣздъ	33
Бобрецій уѣздъ	35
Богородчанскій уѣздъ	37
Бориславскій уѣздъ	37
Бродскій уѣздъ	38
Бучачскій уѣздъ	39
Городецій уѣздъ	40
Гусятинскій уѣздъ	43
Добромильскій уѣздъ	45
Долинскій уѣздъ	50
Дрогобичскій уѣздъ	50
Жидачевскій уѣздъ	54
Жолковскій уѣздъ	55
Залївицій уѣздъ	58
Збражскій уѣздъ	58
Золочевскій уѣздъ	59
Калужскій уѣздъ	60
Каменецій уѣздъ	66
Кохомський уѣздъ	74

Львонскій уѣздъ	79
Мостискій уѣздъ	96
Перемышлянскій уѣздъ	97
Перемышльскій уѣздъ	101
Равскій уѣздъ	114
Радехонскій уѣздъ	118
Рогатинскій уѣздъ	119
Рудецкій уѣздъ	120
Самборскій и Старосамборскій уѣзды	125
Скалатскій уѣздъ	131
Сколельскій уѣздъ	132
Снятинскій уѣздъ	137
Сокальскій уѣздъ	142
Станиславовскій уѣздъ	146
Стрийскій уѣздъ	149
Тарнопольскій уѣздъ	150
Толмачскій уѣздъ	151
Турчанскій уѣздъ	152
Яворовскій уѣздъ	165
Ярославскій уѣздъ	166

Лемковщина:

Горлицкій уѣздъ	175
Грибовскій уѣздъ	189
Дѣсскій уѣздъ	198
Новосанецкій уѣздъ	203
Сяноцкій уѣздъ	204

Содержание II-го выпуска.

1914 — 1917 III-VII стр. Буковина 49

Первый периодъ австрійскаго
террора въ Галичинѣ 11

Бобрецкій уѣздъ

Бордзкій "

Бродскій "

Горлицкій "

Золочевскій "

Добромильскій "

Жидачевскій "

Коломыїскій "

Каменецкій "

Любачевскій "

Перемышльскій "

Перемышлянскій "

Подгацій

Руско-Равскій "

Рогатинскій "

Сколіскій "

Станиславовскій "

Тернопольскій "

Томашевскій "

Турчинскій "

Бережанскій "

Бобрецкій "

Лемковиція 34

Кроснянскій уѣздъ

Стрижевскій "

Синюцкій "

Возвратная волна 1915-1916 41

Бобрецкій уѣздъ

Долинскій "

Залещицкій "

Золочевскій "

Мостицкій "

Руско-Равскій "

Стрыйскій "

Ярославскій "

Лемковиція 47

Горлицкій уѣздъ

Съ Дуклянскаго провала

Буковина 49

Политическое положение русского народа въ Буковинѣ въ началѣ войны. «Бѣлый ужасъ на Буковинѣ»

Выдергки изъ газетъ, журналовъ и отдельныхъ сочинений относящихся къ арестамъ, тюремамъ и казнямъ русскихъ галичанъ и буковинцевъ 63

Палачъ русского народа. Конмарные отставки всемирной войны.

Документъ Тюрьма св. Бригады. Первая жертва въ тюрьмѣ св. Бригады.

Виновная. Въ уніатской церкви. Сироты.

Памяти замученныхъ Могила наль Бугомъ За что?

Памяти жертвъ. Арестуютъ! Н Голову!

Въ тюрьмахъ. Стрѣляютъ, рубаютъ саблями! У Зборова.

Разсказъ крестьянина о своемъ арестѣ.

Новая жертва. Изъ печальной хроники.

Концентраціон. лагери, мѣста заточеній и тюрьмы 108

Гнась. Эстергомъ

Оберголибрунъ и Энцендорфъ. Шатмаръ-Немети-Мисколчъ.

Терезинская тюрьма

Похоронъ крестъ. Андрея Ф. Рудко Въ Тerezienstadtѣ.

Малая крыпто въ Терезинѣ. Гиндинъ.

Вѣна.

Содержание III. выпуска Талергофъ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Предисловие къ III. выпуску	III
Жизнь въ Талергофѣ	
Сообщеніе Ил. С. Гощовскаго изъ Станиславова	1
Изъ дневника о. Григорія Макара	4
Сообщеніе Вас. Поворозника	10
" свящ. о. Антонія Бучко	11
" г. Крыжановскаго	12
" Ивана А. Васоты	14
Воспоминаніе Ю. Н. Кисѣльскаго изъ Коломыи	17
Феофілъ Вас. Курілло: Дневникъ лемка изъ Талергофа (съ 14 сент. 1914 по 22 авг. 1915)	22—98
Его-же: Іюль и августъ 1915 г. (оконч. дневника)	118
Лемковиціи въ Талергофѣ (списокъ)	98
Дневникъ покутянинія (А Я. Бабія)	112
Дневникъ священника изъ Самбориціи (о. Стефана Березскаго)	138
Екатерина Янкія о смертной казни своего мужа Андрея	142
Талергофскій узникъ изъ Сокальщины	143
Лемковские священники	144
Окружное письмо намѣстника Галичини (М. Бобринскаго)	145
Одиночное заключеніе и подѣшвиване гал.-руссскихъ студентовъ и др. лицъ (изъ записокъ инж. К. В. Чика)	149
Изъ думъ Талергофскихъ узниковъ (В. А. Саврукъ)	154

Содержание IV. выпуска Талергофъ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Предисловие къ IV. выпуску	III
Дневникъ о. Йоанна Мацака (съ 3-го дек. 1914 г. по 17-ое мая 1915 г.)	1—87
ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ТАЛЕРГОФѢ В. Р. Ваврика	87
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НА ДВА ФРОНТА	90
ЗАПИСКИ О ТАЛЕРГОФѢ О. ГЕНРИХА ПОЛЯНСКОГО	92—131

Талергофская кантина подъ судомъ	стр. 131
Отношение къ талергофцамъ высшихъ австр. властей и гнусная	
роль "украинской" партии	133—143
Краткія записки изъ воспоминаний отдаленныхъ узниковъ:	
Бережанский уѣздъ (о. Гр. Качала)	143
Самборский уѣздъ (о. Іоаннъ Шемердякъ)	144
— Антона Бачинскаго	145
— о. Даниила Кузѣя	146
Снятинский уѣздъ	146
Станиславовскій у. (о. Лука Корвацкій)	147
Толмачскій у. (о. loc. Кустыновичъ)	147
Турчанскій у. (Феодоръ Комарницкій-Павликовичъ)	148
Факсимиле-снимка австр. документа	149
Однинъ изъ священниковъ, неволенныхъ въ Талергофскомъ лагерь къ непосильной физической работѣ (о. Феофиль Соневицкій)	150
Изъ Дневника проф. ун-та о. дра Т. Мышковскаго	151
Изъ записокъ о. Александра Гелитовича	153
Сообщеніе чуть ли не похороненного живымъ	155
Краткая записка б. приговоренного къ смертной казни (Л. К. Старницкаго)	156
Свидѣтельство одного изъ священниковъ, сравнительно рано освобожденныхъ (о. Феодоръ Мерена)	157

